Доминик Пасценди
АЛЬВИЙСКИЙ ЛЕС

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Фэнтези. Мир, похожий на Землю 16 века. Империя, похожая на империю Габсбургов. Большая колония Империи, похожая на испанскую Америку. Дорант, бывший военный, после отставки зарабатывает решением самых разных проблем, которые возникают у влиятельных людей. Получив поручение правительственной структуры, от которого зависит судьба Империи, он приезжает в провинциальный город колонии. Земли, прилегающие к городу, граничат с таинственным и опасным Альвийским лесом, где обитают свирепые альвы — и поручение Доранта связано с местом их обитания. Ему неизбежно придется столкнуться с альвами — и чем закончится это столкновение? Уаиллар, альвийский воин, потерял жену, уведенную людьми. Сможет ли он найти и освободить ее?

- Доминик Пасценди
  - Часть 1. Путь в Лес
    - Пролог
    - Глава 1. ДОРАНТ
    - Глава 2. УАИЛЛАР
    - Глава 3. ДОРАНТ
    - Глава 4. УАИЛЛАР
    - Глава 5. ДОРАНТ
    - Глава 6. УАИЛЛАР
    - Глава 7. ДОРАНТ
    - Глава 8. УАИЛЛАР
    - Глава 9. ДОРАНТ
    - Глава 10. УАИЛЛАР
    - Глава 11. ДОРАНТ
    - Глава 12. УАИЛЛАР
    - Глава 13. ДОРАНТ
    - Глава 14. УАИЛЛАР
    - Глава 15. ДОРАНТ
    - Глава 16. УАИЛЛАР
    - Глава 17. ДОРАНТ
    - Глава 18. УАИЛЛАР
    - Эпилог
  - Часть 2: Путь из леса
    - Пролог
    - Глава 1. ДОРАНТ
    - Интерлюдия
    - Глава 2. Уаиллар

        - Глава 3. Дорант
        - Глава 4. Уаиллар
        - Интерлюдия 2
        - Глава 5. Дорант
        - Глава 6. Уаиллар
        - Глава 7. Дорант
        - Глава 8. Уаиллар
        - Глава 9. Дорант
        - Глава 10. Уаиллар
        - Глава 11. Дорант
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11
    - 12
    - 13
    - 14
    - 15
    - 16
    - 17
    - 18
    - 19
    - 20
    - 21
    - 22
    - 23
    - 24
    - 25
    - 26
    - 27
    - 28
    - 29
    - 30
    - 31
    - 32
    - 33

- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54

Доминик Пасценди
АЛЬВИЙСКИЙ ЛЕС

Часть 1. Путь в Лес

Пролог

Ощущение стыда было невыносимым. Тяжелым, давящим, лишающим воли. Такого стыда Уаиллар не испытывал никогда в жизни. Видеть, как отводят взгляды, чтобы не оскорбить ни сочувствием, ни осуждением. Идти по аиллоу[1], не встречая никого: все стараются не попасться по дороге. Пройти по пустому средь бела дня алларэ[2]. Наконец, прийти в Большой ааи[3] — на зов Великого вождя Ллуэиллэ — и не увидеть даже охраны вождя, которая тоже прячется кто где, боясь нарушить этикет.

И услышать от Великого вождя, вольного над жизнью и смертью каждого аиллуэ клана, хриплое и полное боли:

— Ты не военный вождь. Ты не воин. Ты — дитя, не убившее первого хищника. У воина не забрали бы жену. Воин не дал бы многокожим увести свою аиллуа[4], которую ему отдал её отец под Великим Древом. Воин не допустил бы, чтобы его нерожденное дитя оказалось в опасности.

Уаиллар стоял на коленях перед Великим Вождем, склонив голову. Сказать ему было нечего, и он молчал. Вина его была велика, безмерна, неискупима. Он был готов умереть, если бы Великий Вождь ему велел. Он сделал недопустимую ошибку.

Аолли, его аиллуа, его жена, мать его будущего ребенка, отправилась прошлым утром на ближнюю опушку Великого Леса собирать листья уэллэу, нужные в её положении. Уаиллар послал охранять её двоих воинов, но что-то пошло не так — воины погибли, а жена его, как рассказали следы и растения, не смогла скрыться. Многокожие на своих испорченных четвероногих убили воинов из омерзительных громотруб, захватили Аолли и увезли в свое аиллоу за озером. Они оставили двух своих убитых — но это уже не было важно.

Великий Вождь Ллуэиллэ, отец Аолли, имел все основания гневаться. Ошибка Уаиллара была в том, что с Аолли он отправил юнцов, которые не имели за душой и двух пар круглых ушей, а многокожих не встречали до тех пор вовсе. Уаиллар счел, что этого достаточно: опушка, где росли уэллэу, была далеко от мест, где жили круглоухие[5] и всего в половине дня пути от аиллоу. Так глубоко в лес круглоухие никогда раньше не забирались.

— Если бы твоя аиллуа не носила твоего ребенка, я сам убил бы тебя здесь и сейчас. Считай, уолле[6], что тебе повезло, — сказал он, обратившись к Уаиллару как к несмышленому младенцу без имени. — У тебя есть только одна возможность: верни её. Верни её живую. Если сможешь — я забуду то, что случилось, и все аиллуэ забудут. Если не вернешь — не

возвращайся. Тот из аиллуэ, который тебя встретит, тебя убьет. У тебя время до ночи, чтобы собраться, потом тебе здесь не место.

Он сказал "аиллуэ", не различая пола: это значит, что и женщины должны будут убить Уаиллара, если тот вернется без своей жены или не выступит до темноты. И дети, достигшие возраста, когда носят оружие. Любой из аиллуэ.

Великий Вождь или молчит, или решает. Если решает — все аиллуэ должны выполнять. Или те, кого выберет Великий Вождь, но тогда он называет имена.

Сейчас Великий Вождь решил и назвал имя. Уаиллар склонился ещё ниже, коснувшись лбом пола, и, пятясь, на четвереньках, как положено уолле в Большом ааи перед Великим Вождем, выбрался наружу.

— И принеси мне уши тех, кто это сделал, — услышал он вслед.

Глава 1. ДОРАНТ

1

Кармон — редкостная дыра на самом краю света, почти у самого Альвиана. Меньше сотни домов, из которых от силы десятка три двухэтажных, а трехэтажных нет вовсе. Пыльные узкие улицы, мощеные только в самом центре города, где дом императорского наместника и "дворцы" местной знати. В столице Заморской Марки в таких домах живут разве что портные, которые обслуживают двор; даже у каретников жилища лучше, не говоря уже об оружейниках или ювелирах. Напротив дома приемов, где наместник выслушивает жалобщиков со всего округа, стоит довольно большой кабак, единственный приличный в городе. Там и напиваются чиновники наместника, купцы побогаче, иногда крупные ремесленники. Знать (которой в городе семей с десяток) пьет по домам, остальные — в грязных заплеванных заведениях у окраины и в заведениях чуть почище на рыночной площади.

Центр города окружен невысокой глинобитной стеной, за которой без обычного для цитаделей разрыва тянутся слободы с хозяйственными дворами, конюшнями да огородами. Стена обветшала, ворота не запираются никогда, даже ночью. Осады тут ждать не от кого: немногочисленных местных дикарей усмирили, слава Всемогущим, ещё сто лет назад, когда в эти края только начали прибывать люди из-за океана. Буйволы, антилопы, кабаны да шакалы в город не заходят, а от альвов все равно ни стеной, ни воротами не закроешься: просочатся. Другое дело, что альвы в город не приходят уже лет сорок, после того, как они едва его не уничтожили.

Кармон был бы ещё большим захолустьем, если бы не стоял на узле из нескольких важных Императорских дорог, соединяющих побережье с горными областями на севере и землей, откуда Империя вот уже три десятка лет выдавливает воинственных каннуров, на западе. Не то чтобы дороги эти были очень оживленными — но по ним ездят правительственные чиновники, купцы и проходят воинские отряды, в подкрепление к границам Заморской Марки и обратно, в её столицу, по окончании службы. Императорские дороги следует поддерживать в порядке и охранять. Находясь на их пересечении, Кармон стал административным центром целой области, Кармонского Гронта — не очень богатой, но довольно важной для нормальной жизни

всей колонии.

Расположение города на узле Императорских дорог сделало его привлекательным и для путей попроще. Дорант как раз подъезжал к Кармону по такому вот южному торговому — не Императорскому — пути, через перевал. Дорога, по случаю долгой сухой погоды представлявшая собой неглубокую канаву, заполненную мелкой серо-желтой пылью (Дорант передернул плечами, вспомнив, во что она превращается в дождь), пологими изгибами спускалась по длинному склону холма — последнего в череде предгорных возвышенностей — в долину, посреди которой и стоял город. Вдоль долины извивалось мелкое, тоже серо-желтое русло местной речонки, почти пересыхающей в сухой сезон, но превращающейся в жуткий смертельный поток после каждого дождя и заливающей свой низкий восточный берег дважды в год, в сырые сезоны.

Каваллиер[7] Дорант и двое его боевых слуг были на дороге практически одни. Спускаясь к городу, они подняли копытами своих пяти лошадей (считая двух вьючных) огромную тучу пыли, долго не опадавшую в стоячем тихом воздухе. Дело шло к закату, и облако этой пыли в верхней его части постепенно становилось ярко-оранжевым. Должно быть, из города их давно уже увидели. Было не так жарко, как душно, и Дорант подумал с содроганием, что дождя в ближайшие дни не хотелось бы. Он мог серьезно нарушить его планы.

Всякий раз, подъезжая к этому городку, каваллиер любовался вдруг открывающимся видом на долину: как будто летишь над ней на приличной высоте; видно далеко и широко. Сейчас, в конце сухого сезона, склоны окружавших долину холмов ржавеют выгоревшей травой. На её фоне выделяются темно-коричневым и ярко-желтым кустики жесткой колючей соподели и ароматного тамана, который перед закатом наполняет воздух характерным запахом местного жаркого: таман кладут в него в изобилии. Когда всадники переваливают вершину последнего холма, город оказывается как раз в середине поля зрения, пониже середины склона на западной стороне долины, на крутом обрыве над рекой. Над низкими желто-серыми домами тяжелой громадой возвышается главный храм, два меньших нависают над окраинами.

На крутом западном берегу реки кирпично-красным цветом выделялось пятно глиняного карьера. Дорант обратил внимание, что с прошлого приезда оно практически не увеличилось: значит, город не растёт.

Позади города ржавый цвет холмов ближе к руслу реки сменяется ярко-изумрудным: там все-таки есть какая-то влага, и

степные травы сразу после середины лета снова пускаются в бурный рост. Там же разбегаются по сторонам долины посадки масличного дерева, фруктовые сады, грядки огородов и клочки пшеничных полей. Далеко за городом долина расширяется, открывая, в зависимости от времени года и времени суток, то ярко-синее, то сверкающее, то свинцово-серое зеркало большого озера, а вокруг него и за ним, до самого горизонта, на фоне совсем уж призрачно висящих в небе белых вершин далекого Хамхарского хребта, темным облаком в постоянной дымке угадывается Альвиан — Альвийский лес, безбрежный, смертельно опасный и до сих пор неизведанный.

Дорант ещё не знал, что в этот раз не миновать ему Альвийского леса.

В город они въехали уже почти перед самой темнотой. Неторопливо проехали по пыльным улицам, мимо выкрашенных охрой домов с плоскими крышами. Дерево здесь, рядом с бескрайним лесом, дорого и редко — потому что мало кто рискует заготавливать его в Альвийском лесу. Все, что связано с лесом — здесь опасный промысел. Альвы не любят, когда люди посещают их лес.

Поэтому дома Кармона построены из глины с соломой. Материал этот непрочен, и поэтому стены поражают немалой толщиной. По той же причине все углы закруглены: иначе они быстро обтрепываются, отчего и стена начинает разрушаться. На улицу выходят одинаковые плоские фасады без окон, у кого пошире, у кого поуже. Посредине каждого фасада — двустворчатая дверь, в богатых домах украшенная резьбой, в бедных — часто заменяемая циновкой, плетенной из озерного тростника. Двери чаще всего открыты, чтобы дом продувало свежим воздухом. В домах побольше дверь ведет насквозь во внутренний дворик, где часто журчит небольшой фонтан. Все окна выходят в этот дворик — за исключением, в домах побогаче, двух или четырех парадных окон второго этажа, по сторонам от двери, закрытых решетчатыми ставнями или оформленных в виде замысловатых крошечных балкончиков. Часто эти парадные окна фальшивые и не проходят стену насквозь. Тем не менее, если они есть — они обязательно застеклены, чтобы показать зажиточность хозяев. (При этом окна, выходящие во двор и действительно открывающиеся в комнаты, могут стекол и не иметь.) В зависимости от размеров дома, дворик либо полностью окружают помещения дома, либо часть его огорожена забором, также глинобитным.

Стены домов поднимаются выше уровня плоской крыши по пояс или по грудь человеку. По ночам, когда становится, наконец,

прохладно, на этих крышах спят. Туда и москиты меньше залетают.

Маленький отряд въехал в центр через проем в городской стене. Лет сто назад, когда весь город помещался внутри стены, а дикари иногда ещё собирались в стаи и нападали на поселения людей, в этом проеме висели крепкие ворота из привозного дуба. Сейчас от них остались только ржавые петли (Дорант, между прочим, случайно знал, в чей дом перекочевали створки этих ворот). Почти сразу за воротами начиналась мостовая; её булыжники были отполированы множеством ног, но между ними набилась вездесущая пыль, слежавшаяся уже почти до твердости самих булыжников. По середине улицы шел узкий неглубокий желоб для нечистот, и мостовая от домов к желобу слегка понижалась.

На мостовой кое-где валялись редкие кучки конских яблок, показывая, что движение по улицам, мягко говоря, не весьма оживлено.

Не доезжая центральной площади с домом приемов и резиденцией наместника, Дорант и его слуги остановились и спешились перед очень большим (по меркам Кармона) двухэтажным домом с двустворчатой дверью шириной в городские ворота, распахнутой, по местным традициям, настежь и открывавшей довольно длинный и широкий коридор, в конце которого светился закатным красноватым светом внутренний дворик. Над дверью и чуть по её сторонам на втором этаже нависали над улицей два широких темно-коричневых деревянных эркера, закрытых вычурными резными решетками. За дверью, внутри коридора, в тени, сидели на грубых табуретах двое крепких немолодых мужчин в одинаковых широкополых шляпах из соломы, один с длинными усами, один бритый. Они внимательно смотрели на Доранта и его спутников. Потом лицо усатого расплылось в улыбке, он вскочил, сорвал шляпу и поклонился:

— Господин Дорант! Как давно вас не было видно!

— Здравствуй, Хальдин! Как тут у вас дела?

— Спасибо, господин, у нас все как всегда.

— Как господин Харран? Не женился ещё?

— Да нет, — улыбнулся Хальдин, — рано ему ещё. Пусть пока погуляет.

— Ну проводи нас.

Хальдин кивнул второму, уже поднявшемуся, чтобы занялся лошадьми. Тот взял у Доранта повод и замахал кому-то в открытую в коридор боковую дверь. Сонный дом ожил; коридор наполнился откуда-то взявшимися многочисленными людьми, по

большей части такими же крепкими мужчинами, как Хальдин и его безусый напарник. Господа из Кармонского Гронта всегда держали под рукой хороший отряд боевых слуг, мастеров на все руки, что касается хорошей драки.

Хальдин провел Доранта и его спутников во внутренний двор, окруженный галереями, державшимися на резных деревянных столбах. Фонтан посреди двора тихо звенел скудной струйкой. Дорант зачерпнул рукой из чаши фонтана и глотнул свежей воды; она была прохладной и вкусной. Вокруг фонтана была простая лужайка, покрытая низкой зеленой подстриженной травой, местами вытоптанной: Харран, унаследовав усадьбу после отца, уже не заботился об украшении двора цветами и редкими растениями; судя по всему, на этой лужайке он и его люди скорее упражнялись в воинских искусствах, чем отдыхали и развлекались.

Они пересекли двор, прошли через галерею и вошли в одну из выходивших на нее многочисленных дверей. За ней был небольшой зал, украшенный висящими на выбеленных стенах домоткаными коврами, на которых было развешано холодное оружие всяческих видов.

Посередине зала стоял большой и тяжелый стол из черного дуба, на котором прямо без скатерти были расставлены запотевшие кувшины, большие блюда с чем-то вяленым и жареным, миски с крупно и грубо нарезанными овощами и прочей снедью.

Из-за стола, нетерпеливо обогнув его, к Доранту бросился высокий (выше Доранта на полголовы), крепкий молодой человек лет двадцати, обнял его и крепко прижался щекой к щеке:

— Дорант! Наконец-то! Я уж думал, ты нас совсем забыл!

— Ладно, ладно, Харран! Будет тебе, я же часто приезжаю.

— Разве это часто? Раз в год или два? И все по делам? Ты надолго в этот раз?

— Не знаю — я ж по делам, как всегда, — улыбнулся Дорант.

— Я так рад, что ты приехал! Располагайся, устраивайся — хочешь, где всегда? Хальдин, займись! Я скажу сейчас, чтобы готовили обед в большом зале, как раз ты успеешь привести себя в порядок.

Хальдин поклонился и, потянув за собой спутников Доранта, его боевых слуг Сеннера и Калле, ретировался. Дорант успел бросить им строгий взгляд — мол, не напивайтесь без меры.

Харран, обняв Доранта за плечи, повел его вслед.

2

Они уселись в тяжелые кресла, стоящие у стола. Дорант знал Харрана ещё ребенком. Тогда был жив его отец, господин Фалтан из Кармонского Гронта, самый крупный здешний помещик, крепкий старик лет пятидесяти, человек тяжелый и резкий. Доранту пришлось, однако, с ним серьезно сотрудничать лет двенадцать тому назад, в одном деле, где Дорант надеялся заработать, выручая некоего купца из трудной ситуации. Тогда Доранту это удалось, он вытащил купца, прибегнув по необходимости к помощи Фалтана, который, несмотря на нелегкий характер, оказался человеком мужественным и очень ответственным. Дорант с неделю жил у него в доме вместе со спасенным купцом, пока тот приходил в себя и подлечивался в достаточной мере, чтобы уехать в столицу. Все это время Харран не отходил от Доранта, потому что Дорант был единственным человеком, который разговаривал с пареньком как с равным. Дорант просто не умел иначе: он и с племянником своим, в редкие наезды к кузине, говорил как с равным, хотя племяннику и трех лет не было. Дорант вообще со всеми говорил как с равными, что давало ему любовь одних, раздражение других и иногда довольно большие неприятности.

С тех пор Харран считал Доранта… лучшим другом? Да нет, скорее, своим близким. Парень, однако, вырос; отец его умер года три назад и оставил Харрану немалое имущество. При этом парень как-то так сумел себя поставить, что ни у кого не возникло даже мысли оспаривать его право распоряжаться и приказывать отцовским боевым слугам и арендаторам. Его, естественно, на первых порах попытались надуть, но быстро оказалось, что это себе дороже. Местные власти также приняли Харрана как достойного преемника отца, и теперь уже его звали Харран из Кармонского Гронта. Земли его лежали вокруг почти всего Кармона: от предгорий почти до озера, в основном по правому берегу речки.

Дорант знал, что Харран — один из тех очень немногих людей, на которых он может положиться всегда и во всем.

Знакомый — это тот, с кем можно хорошо посидеть. Приятель — тот, с кем при этом можно особо не следить за словами. Друг — тот, к кому можно прийти и сказать: "я тут убил одного, помоги спрятать труп", - и он поможет, и не станет задавать лишних вопросов. Харран был больше, чем друг.

Они выпили немало вина, которое в этом доме всегда было хорошим, заедая тем, что стояло на столе. Дорант рассказал столичные сплетни, Харран — местные новости. У них почти не было общего круга близких знакомых, так что кости перемывали в основном властям, которые — как все власти во все времена —

больше делали глупостей, чем приносили пользы.

Дорант чувствовал себя свежим и отдохнувшим, несмотря на то, что весь отдых состоял в том, что он умылся и переоделся. Холодная вода взбодрила, чистая одежда не липла к телу, да и воздух к вечеру стал, наконец, прохладным; во дворике гулял легкий ветерок, как всегда в такое время дня. Доранту было свободно и приятно; он чувствовал себя дома — в полной безопасности, с человеком, которому мог полностью доверять. Дорант так не доверял почти никому. Исключением были его боевые слуги, с которыми он много раз стоял спина к спине в драке или сражении, его женщина, Харран и ещё два человека.

Харран не расспрашивал, зачем Дорант приехал в Кармон: он знал, что тот обязательно расскажет сам (он не знал только, что Дорант расскажет ровно и только то, что Харрану знать нужно, причем зачем нужно — будет решать сам же). Дорант как раз и думал про себя, что рассказать, а что и придержать сейчас.

Наконец, он решил, что о делах лучше беседовать на трезвую голову, завтра.

Пока же они обсуждали новости: Дорант рассказывал, что говорят и делают в столице колонии и о чем сплетничают приплывшие из Империи, а Харран сообщал, что сталось с местными общими знакомыми, каковы виды на урожай и где сейчас лучшая охота.

Пока они пили и разговаривали, совсем стемнело. Дорант почувствовал, что пора бы и отдохнуть. У него было ещё несколько дел: заглянуть к своим слугам; распаковать вьюки с оружием; посмотреть, что показывает поисковый артефакт.

Он только собрался открыть рот, чтобы попросить у Харрана прощения и отпроситься спать, как Харран ошарашил его:

— А ты знаешь, что Красный Зарьял поймал вчера самку альва? Живую?

— Да ты что? И как ему удалось?

— Они собирались охотиться в буше за озером. Егеря нашли оленя, крупного самца. Начали загонять, но увлеклись и забрались в лес, а там напоролись на нескольких альвов. Что странно, из пяти егерей трое остались живы. Красный Зарьял со своими охотниками успели на конях, когда услышали крики. Повезло — у них у всех были готовые к бою пиштоли[8]. Трех альвов они, говорят, убили, а эта самка попала ногой в нору гофера и не смогла убежать. Зарьял как-то успел ударить её волчей плетью по голове, она сомлела — тут её и повязали. Как только успели: драпали оттуда не оглядываясь, даже своих убитых не забрали.

Когда первые каики Ланнера Кориона — с благословения и за

деньги брата тогдашнего Императора Роке Второго — прибыли на Гиастему, их встретили на берегу голокожие дикари с лицами, размалеванными охрой, вооруженные копьями и топорами с каменными наконечниками и одетые в набедренные повязки и плащи из грубой хлопковой ткани. Они не знали железа, никогда не видели лошадей, а уж огнестрельное оружие вызвало у них суеверный ужас. Одетые в кожу и сталь, и вооруженные сталью авантюристы с тех пор открыли для Императора огромные новые земли, куда хлынул поток младших сыновей дворянских родов, наемников, освободившихся после завершения Сорокалетней войны, пиратов, безземельных землепашцев и других решительных мужчин, не дорожащих своей жизнью, которым нечего было терять в метрополии. Дикарей постепенно усмирили; в землях, прилегающих к столице Заморской Марки, их почти и не осталось: кто выжил — приняли новых Богов, выучили язык Империи и стали потихоньку крестьянствовать на пользу колонии, Императору и землевладельцам. Места, где раньше они вольно охотились и собирали съедобные злаки, достались пришлецам. Но это и справедливо, наверное: то, чего ты не можешь удержать — не твое.

По мере расширения границ Империи в Заморской Марке имперцы познакомились еще со многими племенами. Какие-то из дикарей были мирными и ничего не хотели, кроме того, чтобы их оставили в покое жить привычной жизнью; иногда это у них получалось. Какие-то были, напротив, воинственны и непримиримы — этих приходилось выбивать, иногда полностью. С какими-то после первоначальных столкновений удавалось договориться, и некоторые из них стали надёжными союзниками, помогая продвигать власть Императора вглубь континента. Так или иначе, дикари не были для имперцев чем-то непонятным и неодолимым: ну, приходится воевать с ними — так и в старых землях где-то обязательно воюют.

И только в окрестностях Альвиана завоеватели наткнулись на нечто, чего не смогли ни одолеть, ни даже понять до сих пор. Альвы, полуразумные животные, обладающие, как говорят, необычными способностями, были пугалом для местных дикарей задолго до прихода людей. Они разоряли огороды, убивали скот, который разводили дикари (коз и овец), и, не делая разницы — самих дикарей. Пойманных — убивали с жестокостью, не свойственной разумным существам, а некоторых уводили и, говорят, поедали, когда и живьем. Альвы не знали человеческой речи, одежды, железа и прочего, но умели делать легкие копья с узкими наконечниками, подобными листу ивы, и эти копья пробивали даже кольчугу. Что хуже всего, альвы умели прятаться

в самых неожиданных местах, передвигались быстро и бесшумно, а копья метали далеко и невероятно точно. И огнестрельное оружие не очень помогало против них, а в рукопашной схватке у человека даже с талосским закаленным мечом и в кирасе, как говорили, не было шансов против альва, вооруженного только копьем и чем-то вроде ножа.

Альвы не терпят людей в лесу и в его окрестностях. Человек, вошедший в Альвиан, редко выходил обратно. Благодарение Богам, альвы недалеко уходили от своего леса — но куда доходили… Это были короткие, жестокие набеги, во время которых альвы уничтожали все живое: резали и уводили скот, убивали людей и дикарей. Дорант видел однажды деревеньку на берегу озера, через которую прошел такой набег. Трудно сказать, сколько там было альвов: может, десяток, а может, и всего пара. Но из сорока с лишним человек и полусотни дикарей, основавших деревню, не осталось в живых никого, хотя у людей были и аркебузы, и мечи, и кирасы, и бдительная стража. Стража первой и легла, не успев издать ни звука. Им повезло: их убили быстро. Остальных мучили долго и тщательно. Доранту до сих пор было не по себе, и он отгонял от себя воспоминания о том, что видел там. Самая плодородная земля вокруг озера была из-за этого населена редко и мало возделана, хотя туземцы все время пытались заселить и освоить её, невзирая на регулярные потери. Редкая деревня могла простоять, не подвергаясь набегам, больше пяти лет. Тем не менее, туземцы не оставляли попыток, то полагаясь на частоколы и огнестрельное оружие, то приглашая имперских воинов, то организуя стражу и убегая за озеро при малейшем признаке появления альвов…

По счастью, альвы никогда не приходили большими группами, обычно не более десятка-полутора. (Был только один большой набег много лет назад, когда альвы разорили Кармон.) Похоже, их вообще было в Альвиане не так и много.

Мало кто мог похвалиться тем, что столкнулся с альвами в лесу или около него — и остался жив. Никто не мог похвастаться, что захватил живого альва-самца. Их и мёртвых никто не видел, из-за чего пошло поверье, что они бессмертны. Дорант в это, впрочем, не верил.

Сам он видел альвов дважды, издали. И, честно говоря, испытал при этом настоящий страх.

Самки альвов иногда попадали в неволю. Они далеко не всегда были под защитой самцов, выходя из Альвиана по своим надобностям. Дорант слышал про нескольких человек, поймавших альву. Кое-кому из них удалось на этом разбогатеть.

То, что Красный Зарьял захватил альву, которую охраняли

самцы — было необычно.

— И где та самка? — Спросил Дорант.

— Зарьял держит её в клетке на рыночной площади. Под охраной, между прочим, двух боевых слуг приставил.

— Что он хочет с ней сделать?

— А выставил на продажу. Он человек небогатый, деньги лишними не бывают.

— Да кто ж её купит — они ведь в неволе долго не живут?

— А хоть бы и я.

— Зачем она тебе?

— Ну как же: ни у кого нет, а у меня будет! — Харран говорил шутливым тоном, но Дорант понял, что он на самом деле увлечен этой идеей.

Надо было как-то его отговаривать, ведь глупость. Но пока было явно рано.

— Что ж, сходим с утра, — сказал Дорант. — Поглядим, что за зверюга попалась.

3

Поскольку пили они вдумчиво и не торопясь, утро у них получилось, мягко говоря, не ранним. Если точнее, то в храме Святого Альварика, главном в Кармоне, звонарь успел пробить и утреннее приглашение на службу, и полдень.

Дорант проснулся у себя в комнате, толком не помня, как туда попал. Он спал на постели и раздетым (правда, не полностью), но постель не была разобрана. Несмотря на обильную выпивку, голова не болела и в животе было все в порядке: Харран дрянь не пьет и друзьям не наливает. Дорант успел выспаться и благополучно заспал весь хмель, так что, кроме сухости во рту, никаких неприятных последствий вчерашнего отдыха не ощущал.

Он наскоро умылся, нацепил вчерашнюю одежду — уже постиранную слугами — и спустился во двор. Харрана ещё не было; пожилая служанка, завидев Доранта, вынесла кувшин хайвы[9], воду и свежевыпеченые булочки. Дорант выпил не меньше половины кувшина кисловатого и освежающего настоя, пока смог оторваться. Пока он лениво жевал нежную булочку, появился Харран, слегка помятый, но бодрый. Есть он отказался, добил хайву, и они двинулись на рыночную площадь.

В Кармоне рынок располагается на берегу той самой почти пересыхающей летом речки, которая зовется так же, как и город. Площадь частично вымощена неровными камнями (ближе к

берегу), частично то ли оставлена как есть, то ли засыпана песком и пылью поверх мостовой — сейчас уже не различить. Со стороны, противоположной речке, площадь окружают громадный храм Святого Альварика, кордегардия, пара купеческих домов и несколько больших складов. По утрам, ещё перед рассветом, на площадь выволакивают тележки и тачки торговцев, поверх ставят легкие палатки. Часа через два после полудня, когда начинается самая жара, а основной товар — съестное во всех видах — уже распродан, торговцы один за другим сворачиваются и укатывают свое хозяйство кто куда. Остаются только немногие постоянные лавочки по краю площади, над берегом речки и в первых этажах складов.

Сейчас торговцы уже начали разбирать палатки, часть торговых мест освободилась. Народу на площади было уже немного. Только в северном, противоположном храму, углу собралась небольшая толпа, человек в пятьдесят. Туда и потащил Доранта Харран.

Они протиснулись сквозь толпу, которая, впрочем, при виде Харрана уважительно расступалась. В самом углу площади были расположены загоны для скота и клетки для живой дичи. В одной из этих клеток, самой большой и высокой, с толстыми, в три пальца, железными прутьями, находилась та самая альва. Её охраняли: возле клетки с довольно решительным видом располагался рослый и толстый краснолицый мужик средних лет в густой каштановой бороде, кожаном колете поверх грязноватой шемизы, длинных холщовых штанах и с нечищенным помятым морионом на голове, видимо, один из двух боевых слуг Красного Зарьяла. Он опирался на старую алебарду, за поясом имел длинноствольную пиштоль со здоровущим колесцом замка и зловещего вида кривой кинжал без ножен, впрочем, весьма тупой даже на взгляд. Второй боевой слуга, должно быть, где-то отдыхал.

Народ, собравшийся вокруг клетки, громко обменивался впечатлениями. Поскольку очень мало кто из людей до сих пор видел альва вблизи и остался жив, впечатлений было много, и были они разнообразны. Дорант попытался отвлечься от них и составить собственные (тем более, что и он никогда не видел это животное так близко).

Альва сидела в углу клетки, подогнув под себя ноги так, что голени лежали на бедрах, а стопы были вывернуты пятками наружу. Дорант подумал, что издали её можно было бы принять за человеческую женщину, причем довольно красивую: стройная фигура, тонкая талия, широкие сильные бедра, небольшая грудь совершенной формы. Морда, также похожая на человеческое

лицо, отличающееся некоторой грубостью черт — широкий нос, продолжающий лоб, по-звериному раздвоенная верхняя губа, удлиненной формы глаза, тянущиеся к вискам, с ярко-желтой радужкой.

Дальше начинались отличия. Альва, от головы до щиколоток и запястий, была покрыта короткой шелковистой серебристо-серой шерсткой с коричневатыми пятнами, более темной на спине и голове и совсем светлой на конечностях и ближе к брюху. Морда, шея, грудь, брюхо, кисти рук и стопы (а точнее, кисти ног — с длинными пальцами и противостоящим, как на руках, большим) были безволосы, теплого серого цвета. Альва сидела так, что было хорошо видно темно-коричневую петлю.

Морда её была совершенно неподвижна. Зверюга изредка приподнимала веки и осматривалась; Дорант поймал её взгляд — и ему стало не по себе. Взгляд её был… не просто нечеловеческим: он был бесчеловечным.

— Скажи, ведь красивое животное? — Спросил Харран.

Дорант медленно кивнул. Животное и впрямь было красиво — как бывает красив шторм на море, когда смотришь на него с крутого берега, куда не долетают волны.

Как он ни старался не слушать то, что говорят в толпе, стоявшие рядом два мужика, явные наемники, комментировали альву демонстративно громко, подробно обсуждая её стати и прелести, как будто бы это была похабная девка, а не зверь. Скоро они заспорили, сколько и каким образом каждый из них ей бы вдул. Дорант знавал таких, когда служил в компаниде дуки Фарелла. Для них что овца, что коза, что женщина… В компаниде их презирали.

Дорант не замедлил воспользоваться случаем. Он негромко сказал Харрану:

— Слышишь этих? Представляешь, что будут думать и говорить про того, кто купит эту альву?

Харран вздрогнул и задумался.

Один из зевак, по виду купеческого сословия, из небогатых, но с гонором, вдруг запустил в альву огромным — размером с кулак молотобойца — яблоком, от которого успел отгрызть только малый кусок.

Альва мягко изогнулась, и только благодаря немалому боевому опыту Дорант увидел, как она взяла из воздуха летящее в нее яблоко — будто оно лежало на полке — и, продолжая то же движение, стремительно метнула его обратно. Лапу её во время броска Дорант, впрочем, уже не увидел, так быстро она двигалась. Таким же плавным скольжением альва вернулась в прежнюю позу.

Раздался смачный шлепок, яблоко разлетелось, столкнувшись с переносицей бросившего его зеваки, а сам он, закатив глаза, осел на землю с характерным глухим стуком, с каким человек падает, когда потерял сознание или убит.

Только тут охранник отреагировал, нечленораздельно заорав на толпу. Но этот крик раздался уже в тишине: все вдруг замолчали, пораженные; толпа отшатнулась от клетки.

Альва обвела людей взглядом желтых глаз — будь она человеком, Дорант подумал бы: презрительным. Затем вытянула задние лапы и принялась вылизывать брюхо длинным темно-синим языком. Она казалась совершенно расслабленной, но стоящие торчком острые уши выдавали её напряжение.

И тут Дорант вдруг понял, что уже довольно давно чувствует на груди, под рубашкой, некую щекотку, хорошо ему понятную. Это поисковый артефакт сообщал ему, что где-то близко находится либо тот, кого Дорант искал, либо, скорее (судя по слабому сигналу), тот, с кем он совсем недавно соприкасался.

Глава 2. УАИЛЛАР

1

Уаиллар вернулся в свой ааи, принял позу просветления, отрешаясь от внешнего мира, и глубоко задумался. Даже если бы Великий Вождь Ллуэиллэ не отправил бы его искать жену — он пошел бы сам. И пошел бы, даже если бы ему запретили.

Быть захваченным — позор для воина. Даже если захватчики — не круглоухие, а аиллуо из другого клана. Захваченный считается умершим, да обычно так и происходит: день-два, неделя, месяц, редко больше — и ты у столба пыток. Никто не пойдет вызволять захваченного. Это его личный позор и личное дело. Для клана он уже погиб. Правда, большинство воинов не сдаются и всегда пытаются бежать. Те немногие, кому удавалось вырваться и вернуться в клан, получают новое имя, как заново рожденные, и пользуются особым уважением.

Женщин же всегда и все берегут. Любому клану нужны прежде всего аиллуо: мужчины, воины. Главная

Женщина умеет заговаривать аиллуа, носящих ребенка, и воинов рождается в два-три раза больше, чем аиллуа. Поэтому женщин всегда не хватает.

Женщин было принято уводить в другие кланы, уводить в жёны. Это было обычно, и это было всегда. Иметь аиллуа из другого клана, уведенную из-под носа у растерянных аиллуэ, а то и принести уши воинов, которые были поблизости — доблесть. За это аиллуо получал почетное имя. Пленная женщина, живущая в ааи воина, до того, как они принесут брачные клятвы, называлась лаллуа. Если она ждала ребенка — то жила в этом статусе обычно до родов, после которых ребенка убивали. Если нет — то до ближайшего праздника, на котором Великий Вождь и Главная Женщина приводят пары приносить клятвы перед Великим Древом. Лаллуа может не согласиться на брак, тогда на этом же празднике она должна выбрать другого воина, у которого она живёт как лаллуа до следующего праздника.

Великие вожди не просто поощряют молодых аиллуо искать себе жён в других кланах ради чести, они редко дают разрешение брать аиллуа из своего клана. Случись, что воин и женщина понравились друг другу, Великий Вождь и Главная Женщина будут долго рассуждать, размышлять и рассчитывать их родство на много поколений вглубь. Так вот было у Уаиллара с Аолли: они родились и выросли в одном клане, и какого же труда стоило

Уаиллару добиться, чтобы получить разрешение на брак с нею!

А еще у аиллуэ принято отпускать не имеющих мужа женщин своего клана по разным делам в лес, и даже довольно далеко от аиллоу. Без сопровождения воинов. Так им дают шанс найти себе пару из числа предприимчивых аиллуо других кланов (и не подставить своих мужчин сражаться без нужды). То есть — похищение женщины другим кланом не проступок, это нормально. Плохо только, если захваченная женщина замужем — это позор мужу, который он должен смыть кровью обидчика — если успеет до того, как тот дотащит женщину до своего клана.

А вот похищение круглоухими…

В истории с похищением Аолли была неприятная деталь. При желании аиллуэ могли подумать, что Уаиллар специально отправил жену без надлежащего сопровождения, стремясь от неё избавиться. Как раз это и было источником невозможного, непереносимого стыда для Уаиллара.

Женщина у воина одна на всю жизнь. Его жизнь. Аиллуо живет, чтобы сражаться: ходить в походы чести, убивать хищников, когда их становится слишком много. ещё аиллуо должен принести женщине детей. У аиллуэ дети рождаются нечасто, женщина может произвести на свет за всю жизнь не больше пяти потомков. Ребенка она вынашивает больше года, потом два, редко три, года кормит. В это время зачатие невозможно.

Воин может погибнуть в любую минуту. Поэтому детей все воспитывают и учат сообща. Поэтому же, если аиллуо погибает, его женщина может перейти к другому: по своей воле, внутри клана, или если её уведет чужой аиллуо при набеге.

Но позорных случаев, когда женщину захватывали круглоухие, было не так много, и все их знали наперечет. Круглоухих большинство женщин вообще видели только в клетках и у столба пыток. Обычно женщины не бывают в местах, где они появляются. Если женщины по какой-то надобности идут к краю леса, где есть возможность встретиться с круглоухими, то их охраняют воины. К сожалению, многие важные растения живут только в редколесье, как раз на краю леса.

Захваченных воинов-аиллуо круглоухие всегда убивают сразу, даже не давая возможности показать свое мужество у столба пыток: эти полуразумные животные слишком боятся воинов лесного народа. Если же к ним попадает женщина, они обычно пытаются держать её в плену для каких-то своих низменных потребностей. Издеваются, бросая им куски плоти, вырезанные из убитых животных, иногда дополнительно осквернённые огнем. Или предлагают плоды растений, выращенных ими — запретные

для аиллуэ. От круглоухих из ближайших мелких аиллоу женщинам иногда удаётся сбежать.

Когда много поколений назад первые круглоухие пришли из-за горных хребтов в окрестности Великого Леса, аиллуэ не сразу поняли, что это за существа. Они были похожи на забавных лесных животных, которые водятся в южной части Великого Леса, лазают по деревьям и едят что попало, только были заметно крупнее — даже больше взрослого аиллуо, и поверх живой кожи зачем-то надевали мертвую, снятую с убитых животных или сплетенную из волокон убитых растений. Круглоухие не умели заговаривать живое; вместо благородных копий-аллэ, которые каждый воин выращивает и заговаривает для себя сам, пользовались уродливыми мертвыми палками, на которые привязывали заостренные кости мертвых животных или не менее мертвые камни. Они любят все мертвое: едят мясо убитых зверей, птиц и рыб, живут в своих невообразимо уродливых хижинах, построенных из мертвого, не растущего дерева и обмазанных мертвой землей. Они оскверняют Жизнь огнем, враждебным всему живому, опаляющим, повреждающим и убивающим. Они раскапывают землю, нарушая её естественную целостность, и извлекают из-под нее камни.

Все живое они портят. С собой они привезли неизвестных аиллуэ животных и растения. Их животные не могут жить свободно, как установлено Жизнью: они жмутся к круглоухим, позволяют загонять себя на ночь в тесные закрытые помещения из мертвых материалов, отдают своих детей на убийство и съедение. Растения, как узнали аиллуэ, приносят плодов больше, более сочных и крупных, чем те, которые аиллуэ знали до этого. Но эти растения могут жить только в раскопанной земле, а главное — они не умеют слушать ни мужские, ни женские заговоры. Их плоды поэтому быстро портятся и гниют, и их невозможно хранить.

Вожди произнесли об этих растениях Слово запрета — уарро. Аиллуэ не могут ни разговаривать с ними, ни употреблять их в пищу.

Поэтому аиллуэ, попавшие в плен к круглоухим, в принципе не могут выжить: у круглоухих нет для них правильной еды.

Так что надо было спешить.

Но решить — не значит сделать. Уаиллар был слишком опытным воином, чтобы бросаться вперед наудачу, не продумав каждый шаг и не подготовившись. Вот только времени на подготовку у него не было: Великий Вождь ясно дал понять, что выступать следует немедленно.

Уаиллар должен был рассчитывать только на себя. На свое

воинское искусство, свою ловкость и свое аллэ[10], уже четвертое по счету, найденное, выращенное и заговоренное, когда Уаиллар получил свое нынешнее почетное имя — то, которое отобрал у него сегодня Великий Вождь Ллуэиллэ.

Каждому имени воина должно соответствовать его копье.

Уаиллар был опытным и умелым воином. На трех его прежних аллэ, посаженных у входа в ааи, было нанизано множество ушей, вымоченных в соке лааy, заговоренном женщинами. Среди этих ушей многие были круглыми, хотя, конечно, больше чести убить альва из другого клана, чем круглоухого, но альвов не так много, как круглоухих. И почти половина круглых ушей была снята с многокожих: новой разновидности этих животных, появившейся у Великого Леса больше поколения назад. Разновидности опасной и воинственной, чьи самцы часто не уступали аиллуо мужеством, что многие из них доказали у пыточного столба. Лучшие из них умели умирать с достоинством, как самые уважаемые народом аиллуэ хищники: горный лев и пещерный хозяин. И они умели сражаться, а их наружная мертвая кожа была укреплена переделанным камнем, который осквернил огонь (аиллуэ так называли металл).

Но Уаиллар узнал их повадки, слабости и уязвимости, он научился обманывать многокожих и успешно нападать, он приносил их уши и приводил их самих для пыточного столба. (Последних он захватил всего несколько дней назад, и они ещё сидели в клетке у Большого ааи.) Его часто принимали как военного вождя, когда аиллуо клана собирались в поход за честью.

И сейчас Уаиллар мучительно думал о том, как наилучшим образом использовать то, что он знает и умеет.

Одно было плохо: Аолли захватили одетые в скорлупы из металла многокожие на лошадях. Они не могли увезти её в ближние аиллоу круглоухих, такие многокожие там не живут. Значит, Аолли в аиллоу многокожих, которое находится за озером. Уаиллар никогда не бывал там, а на той стороне озера был всего трижды, в походах за честью (и с честью оттуда вернулся, увешанный круглыми ушами). Он не знал этого аиллоу, не знал, как лучше всего туда пробраться, не знал, с кем и чем может там встретиться.

Но был один воин, который мог ему помочь.

Если бы согласился.

2

Арруэллэ был великий воин. Возможно, величайший в истории Народа аиллуэ. Вход в его ааи украшали десять аллэ, плотно унизанных ушами, и острыми, и круглыми. Когда-то он был Великим Вождем клана. Но сейчас он стал очень стар — мало кто из аиллуо доживали до такого возраста, особенно воины; он давно перестал ходить в походы чести и большую часть времени проводил, не выходя из ааи. Нынешнее почетное имя он заслужил, когда Уаиллар ещё не вырастил свое второе копье. Тем не менее, он сохранил влияние, к его словам прислушивались и Великий Вождь Ллуэиллэ, и Главная Женщина Ауэрра, и военные вожди.

Потому что он сохранил память, ум и мудрость.

Уаиллар отправился к нему.

Проходя мимо Большого ааи, он подошел к оллаау[11] — загону-клетке из заговоренного мужчинами бамбука, где сидели захваченные им круглоухие. Их было шестеро, все, кто остались живыми после нападения трех аиллуо на караван из шести многокожих на лошадях, шести пеших многокожих и двух десятков круглоухих, которые не были воинами, а, наподобие испорченных животных, тащили какую-то поклажу.

В клетке были четыре таких круглоухих, захваченных с грузом на спине, и два многокожих, оба воины: один постарше и, видно, опытный, второй совсем молодой. Все они сбились в угол, на который падала тень, пытаясь защититься от полуденного жара. Смешные, неразумные животные: ведь так просто поговорить с ближайшим деревом, чтобы оно подвинуло ветви и закрыло тенью всю клетку.

Уаиллар с отвращением почувствовал вонь их тел. От них несло потом, кровью, грязью, испражнениями и страхом. Круглоухие вообще нечистоплотны, а эти…

С них сорвали все мертвые кожи, и покрытые железом, и нет. Аолли заинтересовалась тем, что сняли с младшего воина: она никогда не видела такого тонкого плетения, где к волокнам мертвого растения были добавлены многочисленные нити из блестящего мягкого металла, а в некоторых местах прикреплены довольно большие прозрачные цветные камни — как всегда у круглоухих, изуродованные и умерщвленные обработкой, изменившей их естественную форму. Она долго разглядывала эту мертвую кожу, мяла её, удивляясь тому, что вплетенный металл не сделал её жесткой, и не понимая, зачем нужно было его вплетать.

Всю мертвую кожу потом, как всегда, отдали земле — которая поглощает мертвое и восстанавливает осквернённое.

Так что круглоухие были покрыты только собственной, живой

кожей. У обоих воинов она была странно белой, и солнце уже оставило на ней ярко-розовые вспухшие пятна. Испорченные круглоухие, носившие груз, были коричневато-желтыми.

Тела их всех были отвратительно голыми. Особенно неприятно было видеть безволосые спины и ягодицы, где у разумного существа должна быть блестящая шерсть, и, наоборот, волосы на груди, животе и особенно в паху, где их вовсе не должно быть (Уаиллар всегда удивлялся, как эти волосы не мешают им совокупляться). У воинов волосы были светлее, и их было больше. Старший имел на кончике рыла жесткую щетину, окружавшую рот. Под носом эта щетина опускалась ниже губ.

Старший воин поднял голову и посмотрел Уаиллару в глаза. Взгляд был злобный, свирепый и неукротимый. Это хорошо: значит, у столба пыток воин будет вести себя достойно и порадует аиллуэ долгим сопротивлением.

Младший также смотрел дерзко, но Уаиллар видел неуверенность и страх в глубине его глаз.

Остальные не заслуживали внимания, они не были воинами и у столба пыток не продержались бы и минуты. Главное всегда — сломить того, кто у столба пыток, заставить его почувствовать страх и подчиниться воле аиллуо. Тот, кто держится долго, стоит уважения. Тот, кто сломлен ещё до того, как его подвесили к столбу, не стоит ничего. Такие умирают быстро: они не могут принести клану гордости. Те же, кто сохраняет мужество, живут дольше, иногда по много дней. Женщины заклинают их раны, чтобы в них не заводились черви и гниль, чтобы пленники могли жить и чувствовать боль, пока не сломаются или не умрут.

Уаиллар вынул из стоящей рядом плетенки заговоренные женщинами плоды лолоу, поговорил с бамбуком, образовывавшим клетку, и между раздвинувшимися стеблями бросил плоды пленникам. Подлежащий столбу пыток не должен умереть от голода, это недопустимый позор и неуважение к клану.

Вода у пленников была: об этом позаботились при устройстве клетки, отведя в нее небольшой ручеек.

Уаиллар почувствовал сильнейшее желание тут же увидеть одного из воинов, лучше всего старшего, у пыточного столба, и самому почувствовать, как наконечник аллэ или острая кромка ножа аэ, выращенного из заговоренного листа ураллы, срезает тонкий слой кожи — первый тонкий слой кожи — с его живота. И посмотреть в его глаза, ища там признаки того, что гордость и мужество воина начинают ломаться. Это облегчило бы стыд и страдание Уаиллара, помогло бы ему подготовиться к нелегкой миссии, которая его ожидала.

Но это было невозможно. Сейчас Уаиллар был никем: уолле без имени, без прав. Он не мог нанести клану оскорбление, коснувшись пленников своим оружием. И неизвестно, будут ли пленники ещё живы, когда Уаиллар вернется — если он вернется.

Это затруднение, впрочем, Уаиллар также планировал разрешить с помощью Арруэллэ.

Старый воин сидел в своем ааи и тихо дремал. Уаиллар заполз в ааи на коленях, опустив голову к земле. Арруэллэ вздрогнул, проснувшись.

— Великий воин! Я, недостойный уолле, прошу поделиться твоей мудростью, чтобы не уронить чести клана! Воин не может отказать в такой просьбе: это позор.

— Что ты хочешь знать, уолле, когда-то бывший воином? — Арруэллэ не удержался от того, чтобы выразить неодобрение.

— Я хочу попасть в аиллоу многокожих, стоящее за озером. Ты был там, когда аиллуэ напали на него. Расскажи мне про это.

3.

Север Заморской Марки отделяют от остальной части континента, где не ступала еще нога человека из Старого Света, горы Хамхарского хребта, чьи покрытые вечным льдом вершины видны издалека. Их южные предгорья покрывает сплошной лес, который начинается от большого Кармонского озера и заканчивается там, где деревья не могут расти из-за высоты и холода. В этом лесу, полном живности, обитает народ аиллуэ, или, как зовут его соседние дикари, альвов. Альвы покрыты шерстью, имеют острые, торчащие вверх уши и вид зверский. Но ходят они на задних ногах, пользуются оружием и обладают членораздельной речью.

Альвы не любят, когда люди заходят в их лес; попавшийся им неудачник всегда расстаётся с жизнью. Поэтому аборигены называют лес Альвийским — на их языке это звучит как Альвиан.

Но земли вокруг озера плодородны, а лес там еще не сплошной. Аборигены издавна пытались там селиться, а когда пришли белые люди, то дикари стали забираться в лес еще глубже, прячась от новой и неизвестной опасности. Альвы время от времени нападают на их поселения, вырезая людей дочиста, но те через некоторое время снова селятся на краю леса.

В последнее время там начали селиться и люди из Старого Света, не желающие платить налоги Императору или по другим причинам избегающие внимания властей. Поселки стали укреплять, у людей появилось настоящее оружие, да и те, кто умеют с ним обращаться. Альвам стало сложнее делать набеги, а люди постепенно научились при удаче их отбивать. Так что

теперь всё реже случается, чтобы лесные жители вырезали целый посёлок.

Сами аиллуэ живут в своих поселениях-аиллоу, разбросанных по всему Альвиану. В каждом аиллоу живет один клан, численностью до нескольких сот альвов. В центре аиллоу растет Великое Древо, на альвийском Аиллэ Орриаллэ, растение очень редкой породы, встречающееся только в Альвийском лесу. Поселение альвов и основывается там, где находят такое дерево.

Вокруг дерева всегда имеется небольшая площадь-алларэ, на которой тщательно удаляются все побеги деревьев и кустарников. На этой площади аиллуэ собираются каждый день, обсуждают дела и события, обмениваются мнениями, читают стихи, соревнуются в меткости бросания копий и ножей… словом, ведут общественную жизнь. На одном краю площади стоит Большой ааи. Это официальная резиденция вождя клана, которая представляет собой, по существу, навес, окруженный легкими стенами, сплетенными из лиан при помощи магии. Крупные широкие листья этих лиан устилают крышу. Вождь не живет в Большом ааи, он только принимает там членов клана для решения важных вопросов. Решение, принятое вождем в Большом ааи, является официальным, но, в принципе, может быть оспорено (хотя такого не припомнят уже и старики). Решения, принятые перед Великим Древом клана, являются окончательными.

Обычно рядом с площадью находится загон для пленников, по-альвийски оллаау, и столб пыток. Аиллуэ — народ воинов, у которого выше всего ценятся мужество и воинская доблесть. Хотя они преклоняются перед Жизнью и используют ее магию, у них нет запрета на убийство — если смерть причиняется воину или опасному, агрессивному хищнику. Каждый аиллуо-воин должен убить крупного хищного зверя, обычно горного льва, медведя или пещерного волка — или, у некоторых кланов, воина другого клана, или круглоухого — чтобы получить своё первое имя. Он должен сделать это в поединке, а не из засады, и должен получить ранение, как свидетельство своего мужества. Некоторые юные воины при этом, естественно, гибнут. Уцелевшие получают имя.

Круглоухими альвы зовут людей, которых считают полуразумными животными (впрочем, как и люди альвов). Чтобы отличить аборигенов Заморской Марки от колонизирующих её жителей Старого Света, альвы называют последних многокожими — поскольку те носят многослойную одежду, полностью закрывающую тело, которая альвами воспринимается как дополнительные слои кожи. Соседями альвов являются аборигены периферийные, не воинственные, жившие до колонизации

примитивным земледелием и животноводством. Если бы альвы сталкивались с некоторыми племенами аборигенов, обитающими южнее, они бы познакомились с понятием одежды гораздо раньше: те вовсю используют доспехи из стеганой хлопчатой ткани, закрывающие большую часть тела.

Цель и смысл жизни воина аиллуо — победа над мужественным, опасным, уважаемым противником. Победитель приносит уши побежденного и накалывает их на стоящее перед его домом-ааи копьё. Чем больше ушей на копьях перед домом воина, тем больше к нему уважения. Поэтому альвы всё время ходят в походы чести — на других альвов[12] и на круглоухих. С хищными животными положено сражаться один на один, в поход чести ходят и поодиночке, и группой, во втором случае — под командованием военного вождя или наставника.

В обычаях альвов испытывать своих врагов, которых им удаётся пленить. Испытание заключается в мучительных пытках у столба, при этом, чем дольше продержится вражеский воин, тем больше уважения тем, кто сумел его захватить. Если пленный быстро сдаётся и проявляет признаки трусости, то он тем самым оскорбляет захвативших. Тем не менее, те, кто привёл пленных, даже слабых и трусливых, заслуживают почестей от клана.

Одержавшие победу в походе чести аиллуо обычно складывают об этом стихи, которые произносят перед кланом у Великого Древа. Стихи заучивают и помнят из поколения в поколение; из них складывается память народа. В языке альвов вместо нет привычного нам ударения, зато гласные могут быть разной высоты тона и разной продолжительности. Людям очень непросто воспроизводить слова этого языка, поэтому они упрощают их, ставя ударение там, где у альвов повышенный тон и длинная гласная. Обычно это второй от конца (предпоследний) слог, хотя есть довольно много исключений: например, имя Уаиллар ("стремительно поражающий многих") имеет ударение на последнем слоге. И надо еще иметь в виду, что у альвов существует несколько стилей речи, зависящих от того, кто и с кем разговаривает, а кроме этого, еще и "высокая речь", на которой не говорит никто, но которая употребляется в стихосложении и том, что люди назвали бы "донесение о боевых действиях".

Женщины альвов — аиллуа — пользуются большим уважением и относительной свободой. Относительной потому, что воин аиллуо, как правило, добывает себе жену, похищая её из другого клана. Внутри клана браки — относительная редкость, хотя это не против обычаев. Поэтому Уаиллару было не так просто добиться, чтобы Аолли стала его женой.

Дети у аиллуэ рождаются довольно редко. Обычно аиллуа за

свою жизнь производит на свет двух-трёх, редко четырёх, но никогда не более пяти детей, причём перерывы между рождениями составляют четыре-пять лет. Альвы живут долго, в два-три раза дольше людей (по крайней мере, их женщины: век воина обычно намного короче по понятным причинам).

Жизнь альвов определяется огромным количеством обычаев, которые нельзя нарушать, чтобы не оказаться изгоем, и запретов-уарро, неподчинение которым карается смертью. За соблюдением всего этого следят Великий Вождь клана и Главная Женщина. Интересно, что у аиллуэ нет обычая подчиняться старшим по возрасту мужчинам: иерархия строится не по годам жизни, а по воинским заслугам. А вот у женщин старшинство имеет значение, и если Великий Вождь — обычно воин в расцвете сил, с сотнями ушей на десятке копий перед его домом, то Главная Женщина — почти всегда самая старшая из живущих в аиллоу.

Глава 3. ДОРАНТ

1

Сигнал был слабый, но это не значило ровно ничего. Поисковый артефакт не показывает направление: он только сообщает о том, что где-то неподалеку есть кто-то, с кем соприкасался искомый. Ну, или он сам. Разница в том, что если речь идет о самом человеке, то он может быть где-то в радиусе ста-ста двадцати шагов, то есть, например, в одном из домов, окружающих площадь, или в ближайшем переулке. Если же рядом есть кто-то, кто не более чем десять дней назад соприкасался с этим человеком, его одеждой или вещами, то до такого может быть примерно двадцать-тридцать шагов (опять же, зависит от того, насколько сильным было соприкосновение, с самим человеком оно было или с какими-то предметами, которыми тот обладает, насколько давно, и так далее).

Дорант незаметно оглядел окружающих. Вокруг клетки собралась к этому времени толпа в три-четыре десятка, толпа непостоянная: люди приходили и уходили. В шевелящейся толкотне было невозможно понять, на кого указывает поисковый артефакт. Дорант тронул Харрана за плечо:

— Постой здесь, я ненадолго.

Тот кивнул, продолжая разглядывать альву.

Дорант стал прорезать толпу, заранее зная, что ничего не добьется. Так и вышло: сигнал то уменьшался, то вырастал, но понять, откуда он идет, не получалось. Хуже всего было то, что при таком слабом сигнале он бывает неустойчивым по естественным причинам, даже если расстояние от артефакта до цели не меняется.

Дорант вышел из толпы и двинулся к храму. Примерно на полпути сигнал совсем исчез. Тогда Дорант, пройдя вдоль выходящих на площадь зданий (по-прежнему нет сигнала) вернулся в толпу и продвинулся поближе к клетке, просто наудачу.

Ему показалось, что сигнал немного усилился.

Возможно, нужный ему человек был рядом, где-то в первых рядах зевак. Дорант стал украдкой их разглядывать. Ясно одно: того, за кем он был послан, среди них не было. Был кто-то, с кем этот человек общался тесно, вплоть до касания: пожимал руку, спал в одной палатке (но не в одной постели: женщин, подходящих по возрасту, в толпе не находилось) — или, подумал

Дорант безнадежно, задел, проходя… отдал стирать одежду… Это мог быть кто угодно: старый поденщик в потрепанной кожаной куртке, юнец с чрезмерно длинным мечом на перевязи,

огромный, толстопузый громила свирепого вида (в лохмотьях солдатской одежды, но из оружия — с одним кинжалом), даже охранник у клетки…

Дорант вздохнул и вернулся к Харрану, который начал уже беспокойно озираться.

Из благородных в толпе, кроме них, был только средних лет мужчина в плаще Братства Странноприимцев[13], судя по высокомерному выражению лица, не ниже Среднего брата — а то и Старший. Давно уже прошли те времена, когда братья давали обет скромности и должны были ходить, не поднимая взгляда от земли; сейчас это заставляли делать только новиков-послушников из бедных дворян. Впрочем, и сейчас Братья давали приют странникам: еду, кров и, при необходимости, лечение, — и не смотрели ни на состояние, ни на сословие. Дорант как бы невзначай спросил Харрана:

— А что, в Кармоне есть теперь фила[14] Братства?

— Да нет, это заезжий брат, армано Миггал, приехал с неделю назад к наместнику. Он коммандар[15] в Эльхиве. Мы с ним давеча выпивали, хороший парень. На мечах дерется неплохо, но против меня и пяти минут не продержался.

Моя школа, подумал Дорант.

Остальные были даже не из купцов — обычный простой народ. Расспрашивать о них Харрана было бы смешно и нелепо, и неизбежно вызвало бы ненужные вопросы. Дорант постарался запомнить как можно больше лиц. Город не так велик, есть смысл пройтись с боевыми слугами, показать людей, пусть выяснят, кто такие.

Делать тут было больше нечего.

— Пойдем отсюда. Ничего тут нет интересного, на самом деле, — сказал Дорант, потянув Харрана за собой.

Нужно было придумывать какой-то план. Но тут толпа зашевелилась. К их углу площади приближалась дама — а впрочем, конечно, девица, явно из благородных, в

чистом бледно-голубом платье с пышной юбкой и блестящим, расшитым серебром лифом. Её окружали четверо боевых слуг в одинаковых кафтанах; два из них несли над ней бело-голубой кружевной балдахин от солнца на полированных шестах красного дерева.

Харран прилип к ней взглядом и расплылся в улыбке. Потом — с трудом — вспомнил о Доранте, схватил того за рукав и воскликнул:

— Можно, я познакомлю тебя с одним человеком? Ты не разочаруешься!

Дорант пожал плечами.

Они вышли из толпы навстречу девице. Харран учтиво поклонился:

— Здравствуй, Маисси! Разреши тебе представить каваллиера Доранта из Регны!

Дорант поклонился также, а подняв голову, увидел миловидное лицо с веснушками, обрамленное рыжеватыми волосами. Зеленые глаза на этом лице внимательно его разглядывали. Девице было на вид лет пятнадцать, самое время замуж.

— Каваллиер, я рада знакомству. Меня зовут Маиссия Ронде, я дочь гильдмайстера Ронде.

Харран немедленно и с гордостью уточнил:

— Мать Маисси — урожденная комита Ингансо. За господином Ронде вторым браком, по любви.

Маисси, значит? Ну, Харран, с тобой всё ясно. А Хальдин ещё говорил, что, мол, пусть господин погуляет, рано ему жениться. Но девочка-то — родня вице-короля. Сейчас это очень некстати.

— Я пришла посмотреть на альву, — сказала девушка, — пусть меня проведут.

Харран двинулся в толпу с таким видом, что люди от него шарахнулись. Маиссия подошла к клетке; альва к тому времени отодвинулась в тень, вытянулась, бесстыдно раскинула поросшие нежной шерстью ноги и заснула. Уши её, впрочем, шевелились, контролируя обстановку.

— Я думала, они страшные, — разочарованно протянула Маиссия.

Видела бы ты их воинов в лесу, подумал Дорант.

— Они не страшные, они опасные, — сказал он.

Девица опять отвлеклась на него. Было похоже, что Дорант интересует её больше, чем альва. — Вам приходилось с ними встречаться раньше?

— Пару раз.

— Умоляю вас, каваллиер, посетить наш дом — я хотела бы послушать ваши рассказы. Харран много говорил мне о вас, и я мечтаю узнать о ваших подвигах из первых уст.

Дорант снова поклонился, принимая приглашение. На "Харран много говорил мне о вас" и выражение её лица при этом он не обратил внимания, а зря.

2

История Доранта была совершенно обычной. Младший сын не очень богатой дворянской фамилии, он переплыл океан, имея едва пятнадцать лет от роду. При нем были новые палаш и дага отличной талосской работы, почти новая пиштоль, сделанная в императорском арсенале (Дорант берег её пуще всего остального имущества), одежда, что была на нем надета, а из защитного снаряжения — старый морион[16], изготовленный ещё тогда, когда от шлема требовалась защита, а не красота, и сильно потертый колет из толстой буйволовой кожи, на которую были нашиты железные пластины. Ещё при нем были незначительная сумма денег серебром, материнское, сунутое второпях перед отъездом, родовое кольцо с довольно крупным рубином (на шнурке под одеждой) и рекомендательное письмо секретарю вице-короля[17] от двоюродного дяди, архипастыря Уорского.

Гораздо важнее было то, что Дорант вез в голове и сердце: твердо усвоенное понятие дворянской чести, отличные фехтовальные и стрелковые навыки, базовое умение сражаться в строю терции, неплохое образование и умение располагать к себе людей самых разных сословий и состояний, унаследованное от матери.

А ещё — твердое знание того, что в метрополии его ничего особенного не ожидает, разве что он пошел бы по духовной стезе, а вот в Заморской Марке он может добиться очень многого.

Дорант был не первый из их семьи, кто пересек океан. Младший брат его отца уже лет десять к тому времени воевал с дикарями в южной части Марки и был на хорошем счету у командиров. Много позже они встретились и подружились, а потом тот погиб, оставив жену и дочь. Дорант им с тех пор помогал.

Не прошло и месяца после того, как Дорант сошел на берег в Акебаре, как он уже топал по узкой тропке в джунглях в составе компаниды[18] из двухсот с небольшим человек под командой комеса[19] Белтора из Таскелы, пожилого одноглазого воина. Их высадили с потрепанного галеона Его Величества в пустынной бухте и отправили присоединять к владениям Императора новые, неизвестные земли. Делать подданными Императора тех, кто там живет (если там кто-нибудь живет), а если они не согласны — освобождать эти земли для новых подданных, которых привезут из-за океана корабли Его Величества, Его Светлости Вице-Короля, Его Высокопревосходительства Светлейшего Дуки Санъера, Их Милосердий Архипастырей и множества других влиятельных или просто предприимчивых людей. Обратно эти корабли повезут дорогую цветную древесину, пряности, шкуры экзотических животных (и самих этих животных), плоды труда тех, кто уже

обосновался на новых территориях и, конечно, золото.

Золота (да и серебра) в Заморской Марке было, кажется, намного больше, чем во всем Старом Свете вместе взятом.

Ещё примерно через полгода Дорант вышел в обжитые места вместе с остатками компаниды. Их было девять человек, все оборванные и отощавшие. Двое были ранены тяжело и еле шли, остальные, в том числе Дорант, легко — но не единожды. Раны у всех были воспалены и нагнаивались. Кожаный колет Доранта оказался не очень надежен: железные бляхи проржавели и поотваливались, подкладка заплесневела. В конце концов его пришлось пустить на подметки для самодельных сандалий, когда развалились сапоги. Вместо колета на Доранте (как и на остальных восьми) были стеганые безрукавки из тридцати-сорока слоев грубой ткани: типичные доспехи местного дикаря (с дикарей же и снятые). Морион давно потерялся. Пиштоль пришлось бросить, когда кончился порох — тащить такую тяжесть зря стал бы только полный дурак. Меч и дага покрылись зазубринами и царапинами, приобретя вид заслуженный и заслуживающий уважение.

Но Дорант командовал остальными восемью — хотя все они были старше него, а трое гораздо опытнее.

И ещё они несли примерно по два фунта золота на каждого, все, что осталось у них после страшного боя в Кровавой долине, где на неполные полторы сотни уцелевших к тому времени от их компаниды пришлось не меньше трех тысяч дикарей. Там им пришлось заряжать пиштоли и две свои пушки золотыми самородками, потому что свинец кончился у них раньше, чем порох. Компанида оставила там почти восемь десятков человек, включая комеса и всех троих офицеров, обе пушки и весь обоз, но дикари в конце концов разбежались, устрашенные невероятным мужеством и искусством боя белых (и потерявшие управление после гибели предводителей).

Потом, на отходе, компанида снова несла потери: умерли тяжело раненные, двое сорвались в пропасть при переходе через горы, несколько человек изошли кровавым поносом, несмотря на то, что Дорант, много знавший от отца, требовал пить только кипяченую воду. А были ещё звери и змеи…

Дорант начал командовать как-то незаметно: просто он почему-то знал, что надо делать, когда другие пребывали в растерянности. Началось это, наверное, в Кровавой долине, где ему случилось принять решение, которое привело к победе — несмотря на то, что оно стоило жизни нескольким десяткам его товарищей.

А после того, как Дорант вывел остатки компаниды к белым

людям, а потом не бросил, но помог найти лекарей, купить одежду и коней, довел всех до Акебара и представил вице-королю, докладывая о результатах экспедиции, его имя стали называть с уважением во всей Марке.

В следующей компаниде он уже носил офицерский протазан.

Потом были восемь лет службы в разных компанидах, походы, добыча, потери, раны и болезни. Последнюю свою компаниду Дорант собирал уже сам. Она продержалась три года, прошла Марку с севера на юг и с запада на восток, расширив её границы едва ли не на треть, и почти полностью полегла под стенами Корволета при подавлении мятежа Исти-Маграла. Дорант был тогда тяжело ранен и приходил в себя почти два года. Он едва не потерял тогда ногу — да что нога, если бы не Саррия, добрый его ангел, может быть, вовсе не выжил бы.

На службу к вице-королю по некоторым причинам его больше не звали, а он не просился. За время походов он натаскал в дом золотишка, так что мог себе позволить не роскошную, но уютную жизнь в столице Марки. Часть золота ушла на покупку прав на земли в плодородной долине недалеко от Акебара, где Дорант посадил два десятка крестьянских семей на аренду. Остальное он потихоньку проживал.

Потом случилось так, что один его друг — ещё по компаниде дуки Фарелла, второй в его жизни — попал в затруднительное положение: его начали шантажировать родственники комеса Маррены, которым приглянулся принадлежавший ему прииск в предгорьях Сарниды. Дорант взялся помочь — и помог. Комес Маррены был очень недоволен, однако признал, что родня его оказалась неправа. И куда бы он делся, когда выплыло про них такое… словом, выбор был простой: или на рудники, или тихо уладить дела. Комесу Маррены очень не хотелось, чтобы его родня оказалась вдруг на рудниках. Поэтому он предпочёл поговорить с ними сам, а не доводить дело до вице-короля или чиновников Светлейшего, не к ночи будь помянут.

Оказалось, что Дорант хорошо умеет разговаривать с разными людьми, которые рассказывают ему разные полезные вещи. А иногда за относительно небольшие деньги приносят и документы.

И к Доранту стали приходить всяческие обиженные (да и просто оказавшиеся в сложном положении) и просить, чтобы он разрешил их затруднения. Чем дальше, тем больше было таких. Дорант с удивлением обнаружил, что доход от этого занятия заметно выше, чем то, что он успевал раздобыть во время службы. И не то, чтобы он брал помногу с тех, кто просил его помощи: таких случаев за все время было всего несколько, обычно он

ограничивался компенсацией расходов, — но вокруг Доранта постепенно образовался постоянно расширяющийся круг тех, кто были ему обязаны. И с каждым годом в этот круг попадали лица все более и более высокопоставленные и могущественные. Это само по себе приносило деньги (в частности, Дорант был теперь в немалой доле в одной из серьёзных судоходных компаний, гонявшей торговые суда между Маркой и метрополией), а заодно помогало улаживать чужие (и свои) неурядицы.

Большинство задач требовало конфиденциальности и личного участия Доранта. Поэтому он проводил теперь дома не больше месяца подряд: потом обязательно случалась какая-то оказия, которая требовала его участия. Нельзя сказать, что это ему совсем не нравилось. Дорант был человек деятельный, здоровьем крепкий и неутомимый. Если бы ему пришлось сидеть дома в покое — он затосковал бы и, наверное, запил.

Дорант очень не любил заказы, приходившие иногда от чиновников вице-короля. Но бывали и такие — обычно всегда связанные с большими людьми, грязной политикой и грозившие при малейшей ошибке (а иногда и при успехе) большими неприятностями. Но жить в Марке и не выполнять поручений вице-короля — вряд ли возможно (разве что ты простой крестьянин).

Сейчас же его поручение шло вовсе против интересов вице-короля.

3

В Империи чрезвычайно запутанная и нелогичная система землевладения и связанных с этим дворянских званий.

Прежде всего — земля Божья. Никакой человек по справедливости не может быть хозяином земли.

Распоряжается землей Император, помазанник богов и проводник их воли. Земли он предоставляет как бы в пользование, обязывая их держателей службой.

Это в теории. На практике всё гораздо сложнее.

Во-первых, Империя занимает место, где раньше (от тысячи двухсот до ста пятидесяти лет назад) были другие государства, со своими королями и своими пантеонами.

Во-вторых, две трети Империи еще двести лет назад были заняты однобожцами-северянами из гарангских майратов и реалмов.

Всё это очень сильно повлияло на земельные отношения и имперское дворянство.

В Империи дворянство наследственное и тесно связано с владением землей — точнее, с правом держания земли. Когда прапрадед нынешнего Императора объединил южные территории, надел имперскую корону (заброшенную к тому времени больше восьмисот лет) и начал очищать захваченные однобожцами земли, он сразу же стал жаловать их своим соратникам. Земель было много, соратников тоже. Но по естественным причинам в ходе сражений соратников становилось всё меньше, а земель всё больше. Поэтому наделы, которые получили первые и самые заслуженные, оказались меньше, чем те, что доставались пришедшим последними. Зато они были ближе к столице и престижнее.

В конце концов, землю стали получать даже свободные крестьяне-пехотинцы, в размере, который могли обрабатывать сами или своей семьей. Над пехотинцами были поставлены всадники — дворяне, получавшие такие наделы, налогами с которых (а их уплачивали пехотинцы) могли прокормить свой конный отряд. Отряды объединялись в комиты, которые формировал за собственный счет со своих земель комес (для этого за ним закреплялась область, которую так и звали — комита), или компаниды, которые формировал уже кто угодно и из кого угодно — но тоже за свой счет. Во главе компаниды раньше тоже стоял комес. Но теперь всё чаще компаниды (особенно в Заморской Марке) формировали дворяне и меньших званий, в том числе и вовсе безземельные. Императоры с некоторых пор это поощряли, видя в таких компанидах противовес усилению высшего дворянства.

Комес пользуется широчайшими правами на территории комиты, вплоть до того, что может устанавливать собственные налоги, пошлины, сборы; набирать войско, которое и возглавляет; судить подданных, включая дворян, чьи имения находятся на территории комиты, и т. д. Только при отце нынешнего Императора у них отняли право чеканить собственную монету.

Административную власть в регионах, объединяющих несколько комит, получили полководцы и приближенные императора, которых звали "дука", от слова "дуката", что значит "область", с прибавлением названия дукаты. Исключение имеется лишь одно: пресловутый Светлейший дука Санъер, выходец даже не из купцов, а из семьи ремесленников, самоучка, научившийся читать, писать и считать, а потом как-то пристроившийся младшим писарем в свиту к одному из комесов. Там он изучил законы — комиты, дукаты, Империи — и однажды оказался в нужное время в нужном месте и здорово помог своему хозяину. Тот был достаточно умён, чтобы парня выделить и приблизить.

Потом Санъер — а это его личное имя — попался на глаза самому Императору, и вроде бы даже дал ему ценный совет. Настолько ценный, что уже через месяц ходил за Императором по пятам, таская мешок с книгами и свитками, а на переговорах сидел не дальше соседней комнаты, а то и за плечом Его Величества.

В итоге он стал канцлером, сосредоточил в руках огромную власть и делал то, что не мог себе позволить сделать Император. Тот несколько раз пытался пожаловать Санъеру имения, каждый раз всё большего размера — но Санъер только отшучивался: "Ваше императорское величество, я человек не знатный, как с имением управляться, не знаю, и знать не хочу".

Кончилось тем, что Император сделал его Светлейшим дукой: придумал титул, не связанный ни с какой конкретной областью. Объявлено было, что это за "огромные заслуги Светлейшего и в знак того, что заботами своими он споспешествует процветанию не одной некоей дукаты, а в целом всей Империи".

И комесы, и дуки имеют в контролируемых ими землях собственные, лично им принадлежащие — теоретически как пожалованный надел, на самом деле как фактическое наследственное владение — земли, обычно довольно больших размеров.

Но еще в Империи было восемь королевств, в большей или меньшей степени добровольно присоединившихся к Империи по мере освобождения ее старых земель от однобожников. Эти королевства от государств однобожников отделяли малопроходимые естественные рубежи, их жители отличались воинской доблестью и мужеством, а взять там было особенно нечего. По этим или иным причинам однобожники их не завоевали. Королевства были не очень большими, не шибко богатыми, но оказались хорошими и нужными союзниками, когда, увидев, на чью сторону клонится победа, ударили во фланги и в спину однобожникам. Не одновременно и не все совсем уж бескорыстно и добровольно, но тем не менее.

После победы земли этих королевств — опять же не всегда добровольно — вошли в состав Империи, за что их знати были дарованы имперские дворянские звания, а их наделы сохранились за ними. Бывшие королевства назвали "марками", как в древние времена назывались приграничные области, а бывших королей — маркомесами, главными над маркой. Это звание сохраняется по наследству только и исключительно за их прямыми потомками (поэтому, кстати, маркомесов сейчас не восемь, а шесть: не у всех осталось потомство по прямой линии). По правам они практически не выше дуки, но пользуются некоторыми наследственными привилегиями и демонстративным уважением

со стороны Императора. Они же и составляют, с некоторыми дуками, Имперский совет, который есть орган совещательный, помогающий Императору вырабатывать решения по важнейшим вопросам, но и полномочный принимать самостоятельные решения в отсутствие действующего Императора — объявлять регентство и уточнять порядок наследования, буде возникнут какие-либо сложности (например, при отсутствии прямых наследников мужского пола).

Так или иначе, в метрополии практически все земли находятся у кого-то в фактической собственности.

Когда Империя, едва закончив тяжелую войну, вдруг обнаружила за океаном новую землю с её неправдоподобными богатствами, туда хлынули люди, которым ничего не светило на имперских землях: младшие сыновья дворянских родов, освободившиеся от службы наемники, безземельные крестьяне, торговцы авантюрного склада, и так далее, и тому подобное. Почти поневоле поехали и аристократы высоких родов, назначаемые на руководящие должности в новых землях.

Но тут у Императора были развязаны руки, и дворянские звания раздавались уже не по землям, а по должности. Новую землю назвали Заморской Маркой, потому что тогдашний Император хотел было отдать её в управление независимому маркомесу — собственно, комесу Ланнеру Корриону, тому предприимчивому дворянину, который устроил первую экспедицию, начавшую осваивать эту землю. Но набежали советники и советчики, и уговорили Императора оставить земли эти за собой и назначить на них чиновника-губернатора.

Следующий же Император решение это изменил, так как размеры новых земель выросли буквально за несколько лет в десятки раз, а значение поднялось необычайно. Заморская Марка стала основным источником материального благополучия Империи, и богатство, поступающее оттуда, росло с каждым годом, куда быстрее, чем всё, что приносили старые территории. Император поднял статус главы Заморской Марки до вице-короля, звания в Империи уникального и довольно странного: не король, но выше и дуки, и маркомеса. Королевством Заморскую Марку объявить и короля туда назначить всё-таки побоялись. Тем не менее, вице-король был уже не чиновником, хотя должность и звание это не были наследственными, а доставались по воле Императора лицам назначенным.

Вице-королю не позволено иметь в Заморской Марке земель, принадлежащих ему на правах собственности, владения или аренды. В его распоряжении остается — на все, в том числе личные нужды — часть собираемых с Марки налогов, это общая

практика на всех уровнях управления в Марке, да и в самой Империи. Средств этих всегда не хватает, и поэтому Император ставит в вице-короли людей, обладающих немалыми собственными доходами в метрополии. Ну, или тех, кого хочется держать подальше от столицы, по разным причинам. В частности, сейчас вице-королем является Ансаль Годре, двоюродный брат главы дома Аттоу, человек, надо признать, исключительных достоинств: не алчный (ещё бы, с его-то состоянием в Империи), честный (ну, насколько вообще может быть честным чиновник из высшего дворянства) и, главное, умный и в первом приближении порядочный.

В Заморской Марке земли раздаются на двух одновременно существующих принципах: во владение и в аренду. В первом случае владение обусловлено службой, часто наследственной. С этих земель платятся имперские налоги и налоги самой Марки, впрочем, в установлении последних вице-король не вполне свободен. За сбор налогов отвечает владетель — точно так же, как в самой Империи. Вообще-то земля во владении в Марке большая редкость, и раздают её с разбором.

Во втором случае земля сдается в аренду на срок длительный, но ограниченный — не меньше 25 и не больше 99 лет. В отличие от Империи, в аренду землю может взять кто угодно, не обязательно дворянин (да хоть даже и крестьянин, если найдет, чем заплатить входной взнос). Более того, землю можно сдавать в субаренду по частям — вот как Дорант, например, своим земледельцам. Дорант, кстати, землю как раз арендует, чтобы не связываться со сбором имперских налогов. От арендуемых земель империя имеет доход в виде фиксированной годовой платы.

Если в земле обнаружены полезные ископаемые, то доходы от их добычи (после покрытия прямых затрат) делятся пополам между Императором (если это серебро или золото, или драгоценные камни) или казначейством (если это железо, медь и т. п.), и арендатором или владетелем данной территории. Как арендатор или владетель рассчитывается с субарендаторами и с теми, кто, собственно, занимается добычей — это вопрос договоренности между ними. Империю такие подробности не интересуют.

Крупные земли во владении или в аренде в Марке, в отличие от метрополии, не зовутся комитами и дукатами: их называют обычно "гронт", как в Империи — имение простого дворянина, чтобы не было соблазна у владетеля из обычных дворян ставить себя вровень с комесом или дукой. Кармонский Гронт — размером с хорошую дукату в метрополии — не во владении, в

нём несколько больших кусков земли, арендуемых разными людьми. Гронт управляется наместником, ставленным императорским чиновником, не имеющим на земли никаких прав, как вице-король не имеет прав на Марку. Это не исключение, хотя бывает, что гронт передаётся кому-нибудь во владение в обычном порядке (раньше, как правило, капитану компаниды, которая его завоевала, а сейчас уже как придётся). Отец Харрана арендовал в Кармонском Гронте значительную часть его территории — да, собственно, почти всю, пригодную к возделыванию, кроме нескольких десятков небольших кусков у самого Кармона и тех земель, которые прилегают к Альвийскому озеру и Альвиану. Дикари (и не только), что селятся на этих землях, не платят Империи никаких налогов и никому не платят аренды, на что наместник из Кармона закрывает глаза, потому что люди, выживающие в соседстве с альвами, сегодня есть, а завтра их нет — либо на этом месте, либо вообще на этом свете.

4

Харран, счастливый и возбужденный, как подросток, которому пообещали его первый боевой меч, быстро сговорился, чтобы их с Дорантом визит в семейство Ронде состоялся в тот же вечер. При этом он так смотрел на Маиссию, что ошибиться в его чувствах было невозможно. Она же больше поглядывала на Доранта, что тот опрометчиво отнес к законному любопытству жительницы провинции в адрес нового лица.

Дорант откланялся, сославшись на необходимость присмотреть, как слуги разобрали вещи, и поспешил к себе. Харран остался щебетать с Маиссией.

Доранту нужно было быстро организовать планомерный поиск. При этом он имел только один поисковый амулет, который было более чем нежелательно передавать кому-нибудь, и только двух человек, которых мог использовать в поиске: своих боевых слуг. Самое главное, было непонятно, что именно искать. Тот человек, за которым послали Доранта, явно не мог вольно болтаться по улицам: его сопровождали, судя по имевшимся у Доранта сведениям, люди очень серьезные, которые такой ошибки точно бы не допустили. Вполне вероятно, кстати, было, что этого человека в городе уже и нет. У Светлейшего почти везде есть осведомители, и об этом, конечно же, все, кому надо, знают. Так что тем, кто увёз нужного Доранту человека, необходимо было постоянно двигаться, чтобы известия о них преследователи получали с запозданием. Они получили фору, когда выехали из

столицы Марки, но сейчас эта фора быстро иссякала. Доранту и так повезло быстро наткнуться на верный след и не потерять его на дорогах, по которым он прошёл.

Пожалуй, самое умное, что можно было сделать — это выяснить, кто приезжал в город в последние две, а лучше три недели. Чиновник службы Светлейшего, которого Дорант встретил по пути, сказал, что их люди видели нужного им человека и его сопровождающих в последней деревне перед перевалом Нантай, а оттуда самый вероятный путь — в Херет, где у вице-короля большое личное имение, и как раз через Кармон. Было это недели три назад, прибавь время на дорогу… Сам Дорант двигался гораздо быстрее, чем преследуемые им люди: у них были и пешие охранники, и носильщики из дикарей, а он со своими боевыми слугами ехал верхом, имея багаж во вьюках, и почти не останавливался ночевать в жилых местах. Заказчик дал ему достаточно денег, и ему не надо было беречь лошадей: усталых он просто менял, покупая новых.

Либо он в Кармоне, подумал Дорант, и тогда все упрощается. Либо он с сопровождающими побыли здесь несколько дней, запаслись провизией, отдохнули и двинулись дальше. Сам бы он так и поступил. Сам бы он при этом ещё и разделил отряд на два, а то и три, чтобы сильнее запутать преследователей. У его противников было куда больше людей и денег, чем у него.

Впрочем, того, кто знает, что он ищет, запутать не так просто. Нужный Доранту человек, во-первых, сам по себе очень заметен, а во-вторых, его обязательно должны сопровождать, и тоже не обычные люди, а воины из благородных, и не один.

Так что, придя в дом Харрана, Дорант первым делом позвал своих боевых слуг, Калле и Сеннера, и отправил их походить по злачным местам да выяснить здешние новости.

Потом ему пришлось-таки заняться своим багажом, чтобы привести себя в порядок для сегодняшнего званого ужина.

Попутно он размышлял о том, как ему не нравится нынешнее поручение. Когда-то это должно было случиться: он попал между молотом и наковальней. Если он поручение выполнит — то вызовет гнев вице-короля и всего семейства из Аттоу. Если не выполнит — разгневан будет уже сам Император. Ни одна сторона, понятно, прикрывать Доранта от другой не будет: да кто он есть? И никто из обязанных ему здесь, в Марке, в этом положении не помощник, побоятся. Разве что Харран — да тут, на беду, Маисси с её родством, и ещё вопрос, кто будет Харрану важнее. Дорант, впрочем, ещё в самом начале пути решил, что прежде всего надо искомого найти, а дальше — будет видно по обстановке.

На сегодняшний званый ужин он возлагал некоторые надежды. Гильдмайстер Ронде, судя по дочке и родству жены, купец из крупных. Здесь, в Марке, барьеры между сословиями давно уже стали размываться: благородные вступали в общие дела с купцами, купеческие дочки выходили замуж за сыновей известнейших домов, и наоборот. Все всех знали, многие были в родстве, и не зазорно было, чтобы дука или комес посещали дом какого-нибудь купца или приглашали его с семейством к себе на раут. Общие дела и интересы объединяют зачастую куда сильнее, чем одинаковое поле в гербе. Поэтому семейство Ронде могло знать много полезного для нынешнего дела Доранта. Да и обычная в таких мелких провинциальных городах скука заставляет людей обращать внимание на любую новость или странность.

Дорант собирался ненавязчиво порасспрашивать и послушать. Могло случиться, что ему удалось бы узнать что-то полезное.

5

Надежды Доранта не обманули.

Они с Харраном разоделись, как могли. Дорант даже нацепил на шею каваллиерский бант, полученный за дело при Сарсате (где он как раз не совершил ничего значительного, но целый день командовал своей компанидой на глазах у вице-короля). Бант Дорант возил с собой как раз на случай таких оказий, а также визитов к наместникам или чиновникам в провинции: на них это очень действовало.

За столом с Дорантом и Харраном оказались гильдмайстер Флоан Ронде, рослый красавец лет на десять постарше Доранта, но по-молодому стройный и крепкий, его жена Инира, урожденная комита Ингансо, о чем Доранту сообщили ещё раз (как и о том, что у нее это второй брак, по любви, и добавили, что она вдова каваллиера Тазило из Зеганды, что в метрополии — ещё один прихвостень семейства из Аттоу, кстати). Гильдмайстерша была на излете своей красоты, но сохранила свежий цвет лица, густые волосы без следа седины и пышную высокую грудь. Были там обе дочки: Маиссия и Кальдана, младшая, девяти лет. К удивлению Доранта, присутствовал и армано Миггал, коммандар в Эльхиве, хороший боец на мечах — на этот раз с выражением лица любезным и доброжелательным. Как выяснилось, он тоже был в родстве с комесами Ингансо (и оказался, кстати, именно что не Средним, а Старшим братом).

Ужин был точно таким, как бывает обычно в подобных провинциальных городках и при подобном составе присутствующих: хозяева всячески старались показать, что они не хуже столичных дворян, демонстрировали воспитание и хорошие манеры (какими они были лет тридцать назад). Разговор из-за этого вначале был несколько натянутым, однако потом то ли вино подействовало, то ли помог Харран, который чувствовал себя свободно и с хозяевами, и с Дорантом, но посыпались шутки, истории, и обстановка стала дружеской и непринужденной.

Гильдмайстер оказался интересным собеседником. Он умело и красиво рассказал несколько забавных баек из местной жизни — при этом так подобрав слова, что хохотал даже Харран, несмотря на то, что описанные хозяином события были ему известны. При этом гильдмайстер пару раз невзначай коснулся дел купеческих, и каваллиер подумал, что вот про это он бы с ним с удовольствием поговорил подробнее, если б не нынешняя задача и недостаток времени.

Потом, по просьбе гильдмайстерши, мрачно молчавший до этого армано Миггал поделился историей открытия Гиастемы. Её, разумеется, все знают — в общих чертах, но оказалось, что прадед армано был на том самом каике "Святой Ромерий", который, собственно, и открыл новый материк. Детали плавания в семье армано передавались из уст в уста. Многое Дорант услышал впервые. Так например, считалось, что Рацел Поррон, командовавший каиком, специально оторвался от флотилии дуки Гилара (шедшей с экспедицией на юг к островам Пряностей), потому что имел от кого-то сведения о большой земле на Западе и хотел быть первым, кто на неё ступит. На самом же деле флотилия Гилара попала в сильнейший шторм, который её и разбросал. В результате, проболтавшись три дня меж гигантских волн, "Святой Ромерий" оказался в одиночестве вне видимости земли, со сломанными двумя мачтами из трёх и потерянной третью экипажа. Пока оставшиеся в живых из обломков рангоута мастерили сколько-нибудь приличную мачту, чтобы каик мог управляться, пока они сшивали из обрывков парусины что-то похожее на нормальные паруса, прошло еще три дня.

Им повезло трижды: они не погибли в шторме (как половина флотилии), они попали в мощный ровный Южный пассат, который идет с востока на запад, и за тридцать два дня, что их несло этим пассатом, ни разу не было шторма.

Когда они увидели на горизонте землю, пресной воды оставалось на полкружки в день. Их принесло в устье реки Святого Ромерия (как её звали до этого дикари, никто уже и не помнит). Поррону хватило ума поискать в окрестностях что-

нибудь ценное — и найти дикарей, которые за невиданные ими стеклянные побрякушки заплатили золотым песком. Починив каик, остатки экипажа с грехом пополам вернулись в Империю. Там, между прочим, случилось так, что новые мачты из никому не известного дерева купили у них дороже, чем стоило всё привезенное золото.

Поррон, что интересно, после этих приключений поселился в предгорьях Растана на высоте больше четверти мили и больше никогда не приближался к морю. По-настоящему Заморскую Марку открыл для империи Ланнер Корион, который прибыл в устье реки Святого Ромерия на трех каиках и построил там Акебар, назвав город в честь брата Императора, который финансировал эту экспедицию.

Маиссия то и дело требовала, чтобы Дорант рассказывал истории из своей жизни, причем, судя по всему, она эти истории знала заранее — от Харрана, ясное дело. Оказалось, что парень успешно использовал байки, слышанные в детстве и отрочестве от Доранта во время его редких наездов, чтобы привлекать внимание девушки.

— А вы знаете, что каваллиер Дорант — герой Кровавой Долины? — Сияя, объявила Маиссия, обводя сидящих за столом таким взглядом, будто героем была она. — Тогда уже сильно поредевшая компанида прорывалась через толпу воющих полуголых дикарей, пытаясь не разорвать свое крошечное каре и отбиваясь мечами и алебардами — пороха уже не было. И тут Дорант, шедший в первом ряду, заметил немного в стороне, на возвышении, кучку дикарей, одетых в стеганые доспехи и носящих на головах вычурные шлемы, украшенными птичьими перьями. Он понял, что эти дикари командовали боем. Дорант показал на них комесу, и тот бросил компаниду в ту сторону — и погиб на полпути. Дорант же возглавил и удержал строй, и отмахивающаяся сталью, истекающая кровью группа белых добралась до вражеских главарей и снесла их, несмотря на ожесточенное сопротивление, после чего остальные дикари довольно быстро рассеялись.

Рассказано было как по книге. Доранту стало неловко, потому что дело было совсем не так. И строй они не сохранили — между прочим, как раз из-за него: когда он заметил этих расфуфыренных попугаев на холме, его охватила такая злость, что он крикнул: "За мной!" и рванул туда, даже не оглядываясь, идет ли кто за ним. На его счастье, за ним пошли — те, кто был в ряду ближе всего, человек пять или шесть. Строй, понятно, был нарушен, и Дорант до сих пор гнал от себя мысль: сколько его товарищей погибли из-за этого. Комес точно пал, пытаясь закрыть

брешь. Оправдывал Дорант себя только тем, что дикари действительно разбежались после того, как сгинули их вожди, и тем, что оставшихся в живых товарищей довел до обжитых мест и не бросил после. И до сих пор те двое из них, что не умерли за эти годы, продолжают пользоваться его помощью и поддержкой.

Дорант покормил присутствующих байками, сделал нужные комплименты успешности гильдмайстера и красоте его жены, умело и ненавязчиво дал понять, что Харран — хорошая партия для любой девушки и невзначай обратился к армано Миггалу:

— Не собирается ли Братство открыть филу в Кармоне? Здесь ведь не много дорог, и странников, кажется, бывает мало?

Брат-странноприимец не успел даже открыть рта, как Инира Ронде защебетала:

— О, что вы, каваллиер! Армано приехал не за этим, здесь действительно мало бывает странников. Он сопровождал какого-то молодого вельможу инкогнито! Вы себе не представляете, какие у того одежды! Мы такого богатого платья здесь и не видели! А какой стиль! С ним были ещё четыре дворянина, думаю, из самой метрополии, все красавцы, суровые, мужественные! Все дамы в городе пришли в волнение. Они остановились у наместника, мы ждали, что по случаю их приезда будет бал… Но они побыли всего несколько дней, купили лошадей, припасы, взяли двоих наших в сопровождение и уехали.

— Да, я говорил им, что лучше не ехать по Альвийской тропе, вдоль Альвиана, — вклинился гильдмайстер, — там же опасно: альвы то и дело нападают на проезжих. Но им надо было скорее в Херет, и они не захотели объезжать по Южной дороге, через горы. Я молюсь, чтобы они доехали благополучно.

— Да, мы все об этом молимся. Молодой вельможа такой красавчик!

Судя по лицу армано Миггала, он молился сейчас о том, чтобы его родственница исчезла с лица земли, а лучше всего никогда на нем не появлялась. Доранту же с трудом удалось сохранить равнодушное выражение и перевести разговор на другую тему — да хоть на альвов.

В результате у компании, уже довольно подогретой вином и разговорами, появилась мысль сходить посмотреть на плененную самку прямо сейчас. Оказалось, что ни гильдмайстер, ни его жена её ещё не видели. Армано Миггал, сославшись на то, что уже насмотрелся, откланялся и стремительно ушел, причем Доранту показалось, что он, шипя, ругается шепотом словами, едва ли приличными брату-странноприимцу.

Возле клетки дежурил сонный боевой слуга — не тот, что в прошлый раз. Он был немного лучше вооружен, немного хуже

одет, видом помрачнее и комплекцией поуже, чем утренний. Было видно, что ему нестерпимо хочется уснуть, пусть хоть стоя. Дорант успел подумать, что, скорее всего, как только они уйдут — он и задрыхнет, как вдруг почувствовал знакомое щекотание поискового артефакта.

На площади не было ни одного человека из тех, кто присутствовал там утром. Ни одного. Человека.

Дорант не мог в это поверить — но это могло значить только одно.

Он тут же забыл про семейство Ронде и обратился к Харрану вполголоса:

— Мне необходимо как можно быстрее поговорить с Красным Зарьялом.

— Ты что, захотел купить эту альву? — Воскликнул Харран, не веря своим ушам.

— Может быть, может быть… — задумчиво пробормотал Дорант.

Глава 4. УАИЛЛАР

1

Солнце уже склонялось к горам, когда Уаиллар вышел из ааи старого воина, и следовало спешить. Ему ещё оставалось две заботы: оружие и еда на дорогу. Нельзя было больше пользоваться своим верным копьем аллэ: лишившись имени, Уаиллар потерял и право на копье.

Зайдя в свое ааи, опозоренный воин задохнулся от тоски и тревоги при виде лежавших на своих местах вещей пропавшей Аолли. Он нежно провел рукой по её ложу, любуясь сплетенной с невероятным изяществом упругой травой — Аолли умела разговаривать с растениями как мало кто из женщин.

Но сейчас было не время тосковать.

Уаиллар снял со стены свое аллэ и вынес наружу, где у входа красовались четыре предыдущих, унизанных ушами врагов. Он с тяжелым вздохом вонзил аллэ тупым концом в землю рядом с ними, пошатал, укрепляя, и пал перед ним ниц, прижавшись лицом к земле: прощался с аллэ и просил землю, чтобы копье прижилось и пустило корни. Выполнив положенный ритуал прощания с копьем, Уаиллар полил его свежей проточной водой, отошел, ещё раз посмотрел со вздохом — не так он думал прощаться с этим аллэ, на нем должны были сразу появиться уши, принесенные из похода чести или с битвы, в которых Уаиллар получил бы новое имя — решительно отвернулся и стремительным шагом направился к клановой роще ураллы — за новым копьем.

Аиллоу было пустым и тихим, как будто в нем никто не жил. Только в загоне у большого ааи что-то бормотали круглоухие. Все, и воины, и женщины, и малые уолле, не имеющие имени, попрятались там, где не могли попасться на глаза опозоренному — чтобы не напомнить ему о позоре.

В роще тоже не было никого. Уаиллар прошелся между длинными прямыми побегами ураллы, ласково разговаривая с ними. Он извинился перед теми, которые не выбрал. На самом деле он давно уже присмотрел себе несколько подходящих побегов для аллэ; один из них был особенно хорош, но ещё не вышел ростом: воин не думал, что новое копье понадобится ему так скоро. Так что теперь пришлось выбирать снова.

Наконец, нашелся подходящий, как раз под рост и руку Уаиллара: длиной под подбородок, и чтобы треть длины

составлял верхний лист. Теперь надо было поговорить с ним, чтобы побег превратился в грозное оружие.

Уаиллар обнял побег ладонями, прижался к нему лбом и начал разговаривать. Почти сразу он почувствовал сильный отклик, да и не удивительно: клановая роща поколениями давала копья воинам, ураралы привыкли к тому, что у них просят побеги.

Разговор занял довольно много времени, солнце сдвинулось на две ладони. Но побег послушно затвердел, на нем остался только один, самый верхний, лист, продолжавший вершину, и этот лист вытянулся в длину и ширину и также стал несгибаемо жестким; его слегка зазубренные края, легко резавшие кожу и до превращения, сделались теперь настолько твердыми и острыми, что могли перерубить кость, и даже разрубить древесину олоолои[20], которая тонет в воде. Копье, затвердев, легко отделилось от корня, образовав идеально плоский и тоже очень твердый торец. Теперь оставалось только привязать к нему захваченную с собой лямку из плетеной травы, на которой копье крепится за спину во время бега. Лямка устроена так, что достаточно резко потянуть за рукоять аллэ в острую сторону, чтобы копье освободилось; при броске же она выравнивает полет копья и способствует точности.

Времени до заката осталось очень мало, и Уаиллар решил не просить у рощи малых побегов для нескольких ножей аэ[21], как собирался вначале. Аэ не почетное оружие, их можно оставить, когда меняется имя. Но Уаиллару хотелось бы, конечно, иметь ещё пару аэ к тем двум, что у него были — на случай, если их придется метать, а подобрать будет некогда.

Тем не менее, со вздохом он отказался от своего намерения — слишком уж долго пришлось бы разговаривать с ураралами.

В своем ааи он вытащил из кладовой две плетенки из травы луа[22], с которой говорила Аолли. В плетенках были высушенные на солнце для легкости плоды арраи и лолоу[23], заговоренные женщинами от гниения и порчи. Уаиллар отобрал немного, добавил туда лесных орехов, очищенных от скорлупы, и завернул все это в большой лист аололи[24]. Ему пришлось самому говорить с этим листом, потому что Аолли не было, а просить других женщин было стыдно. Получилось, как всегда, немного неуклюже, но надежно.

Уаиллар укрепил сверток на левом боку лианой, заговоренной женщинами для мягкости и стойкости, а на правый бок той же лианой привязал небольшую, в две ладони, флягу из высушенной тыквы, в которую налил свежей воды. Аллэ привычно устроилось за спиной, под привязью; оба аэ — по бокам, над припасами.

Теперь он был готов.

Уаиллар вышел за колючую изгородь из кустов эуллоу[25], заговоренных мужчинами, которая окружала поселение. Он огляделся. Никто не провожал его, только краем глаза он заметил какого-то любопытного уолле совсем уж малых лет, не успевшего скрыться из вида — чья-то рука дернула того за ухо, и уолле исчез.

Уаиллар закрепил копье на спине и двинулся в сторону аиллоу многокожих — экономным, но стремительным бегом, каким аиллуэ умели обгонять испорченных четвероногих, на которых ездили многокожие.

2

От аиллоу клана Уаиллара до озера бежать полтора дня. Если обходить озеро по берегу, то ещё столько же потеряешь, но можно переплыть, сократив дорогу примерно на день и миновав прибрежные топи. От озера до первой деревни круглоухих — день, от нее до большого аиллоу многокожих — ещё день. Это если ночью отдыхать. Уаиллар столько времени на отдых тратить не собирался и рассчитывал сэкономить день, не меньше.

Аиллуо — воины, их с безымянного детства приучают к выносливости, к умению экономить силы, передвигаясь быстро. Бег с копьем за спиной не позволяет быть готовым к нападению — оружие не в руках, но он быстрее и не так нагружает мышцы, как передвижение в полной готовности к бою. Уаиллар не ожидал опасностей на пути — по крайней мере, до ближних окрестностей первой на пути деревни круглоухих, поэтому собирался пробежать как можно больше.

Круглоухие не любят лес; чтобы пробраться через заросли, они убивают побеги и ветви, вместо того, чтобы поговорить с ними. Глупые и неуклюжие. Аиллуо не надо даже говорить с растениями — он просачивается под ветвями, проскальзывает в узкие просветы, двигаясь по извилистой траектории, всегда открытой для умелого воина.

Уаиллара мучили беспокойство за Аолли и застилающая взор бешеная ненависть к тем, кто её похитил. Он все время ловил себя на том, что представлял, как, чем и в какой последовательности будет их мучить, когда до них доберется. Это сильно мешало, в голове начинало шуметь, а затылок сдавливало, как будто на него упало дерево. Чтобы переключиться, Уаиллар стал сочинять стихи, посвященные Аолли. Он понимал, что шансов произнести стих на площади перед Большим ааи, для всех

аиллуэ, чтобы стих оценили, у него немного — как и шансов вырвать Аолли у многокожих и вернуться с ней домой. Но настоящий аиллуо должен видеть прекрасное и уметь рассказать о нем в совершенной форме даже в ходе сражения, этим отличаются воины от малолеток. Высочайшая честь — произнести прекрасные стихи во время схватки, об этом потом рассказывают поколениями.

Спустилась ночь, но темнота для аиллуэ не помеха. Тренированное тело бежало как бы само по себе, не загружая ум. Уаиллар подсчитывал слоги, подбирал слова — и полностью погрузился в творчество. Как ни жгло его беспокойство о жене, он получал истинное, высокое удовольствие от процесса сложения стихов. Изысканная, усложненная форма требовала большого словарного запаса, чувства тона и ритма. Зато какое удовольствие он получил, уложив в две руки слогов четкую мысль, неожиданный образ — в строках, состоящих попарно из совершенно одинаковых звуков, отличающихся только высотой тона — и, соответственно, смыслом! Шестнадцать тонов, которыми произносятся гласные в высоком языке аиллуэ, дают необычайную гибкость в стихосложении — тем, кто умеет этим пользоваться. Уаиллар нанизывал строфы по две руки слогов, одну за другой, описывая красоту Аолли и свою любовь к ней. Особенно удачно у него получилось сравнение узора на мягкой шерстке спины его аиллуа с пятнами тени от листьев кустарника, склонившегося над озером в тихую пасмурную погоду — удивительное по точности передачи оттенка и основного тона шерсти, и пятнышек на ней.

К утру он закончил шлифовать стихотворение, повторил его несколько раз и убедился, что запомнил и не забудет. Он стремительно двигался через чащу Великого леса, чувствуя вокруг себя Жизнь, струящуюся сквозь растения и другие живые существа: червей и насекомых в почве, мелких, не видных взглядом, существ, обитающих везде, просыпающихся птиц и ящериц, засыпающих ночных грызунов, копытных, наполняющих рты первой утренней порцией травы, бабочек, жадно впитывающих нектар… Где-то на краю сознания чувствовался сосущий голод пещерного волка, невесть как забредшего в эти края, и ужас выводка мелких лесных свиней, попавших ему на глаза.

Ощущение Жизни вокруг позволяет избежать неожиданностей, но требует настроя, сосредоточенности и определённых усилий. В аиллоу пользоваться этим не разрешается — уарро. Аиллуэ имеют право на сокрытость частной своей жизни. А вот в походе — можно и прикрыться от разных

неприятностей, хотя на это уходят силы. Солнце всплыло над деревьями; роса начала подниматься над травами легким туманом, и Уаиллар вознес молитву Великому Древу, извечному подателю Жизни и покровителю всех кланов аиллуэ, прося у него помощи в своем деле. Хотя до Великого Древа было далеко, он почувствовал привычную волну тепла и поддержки. Великое Древо приняло молитву.

К полудню воин добежал до озера, выйдя к берегу там, где кончались топи, окружающие впадающую в озеро узкую, но глубокую речку.

Перед тем, как войти в воду, Уаиллар позволил себе отдохнуть — пока солнце переместилось по небу на ладонь. Он съел немного сушеных лолоу и орехов, запил остатками воды из фляги (большую часть он выпил по дороге, даже не останавливаясь для этого) и подремал, забравшись в кусты и уговорив их окружить его временное ложе непроницаемой для чужого взгляда завесой из побегов и листьев.

Потом он, не без труда, нашел хилое аололи, которое после короткого разговора дало ему новый лист обернуть остатки пищи, вместо пришедшего в негодность — только женщины умеют заговаривать листья аололи так, чтобы их можно было использовать снова после того, как развернешь. Пришлось отойти от берега на десяток бросков копья. Уаиллар попил свежей воды из кстати подвернувшегося ключа. Заполнять флягу он не стал — пить на плаву было бы странно.

Он вернулся к берегу и плавно вошел в воду, не сделав ни одного всплеска.

3

Вода была прохладна и приятно освежала. Щекоталась быстро намокшая шерсть на спине, повинуясь струям воды, обтекавшей тело. Плыть было нетрудно: ветра не было, и тихая вода как будто сама расступалась перед тренированным воином.

Ему всегда хорошо думалось, когда он плавал. Любой аиллуо держался в воде, как прирожденные водные обитатели — рыбы или пресноводные тюлени, водившиеся в озере. Плавание не занимало ум, тело двигалось само по себе, наученное многочисленными тренировками. Уаиллар любил плавать и часто прибегал к озеру просто для того, чтобы почувствовать воду на своей шкуре и шевеление волосков шерсти, трепещущих в потоке. Вода разминала мышцы и ласкала суставы, освобождая голову для мыслей.

Уаиллар обдумывал то, что узнал от Арруэллэ, и пытался понять, как это можно использовать.

Четыре десятка лет тому назад, когда перед ааи старого воина стояло всего два аллэ с ушами врагов, Великие вожди четырех кланов собрались на большой пир, что было вовсе не обычно, поскольку все кланы аиллуэ живут замкнуто и ходят друг на друга в походы чести. Они собрались вместе потому, что многокожие круглоухие, пришедшие к краю Леса за совсем немного лет до того, стали всерьез обосновываться вокруг озера. От прежних круглоухих они отличались тем, что у них было много воинов, и эти воины были, во-первых, куда более мужественными и умелыми, чем у тех, кого аиллуэ знали раньше. Во-вторых, они имели другое оружие — из блестящего камня, оскверненного огнем, и оно было тверже, чем древки и лезвия аллэ. А ещё у них были громотрубы, из которых с огромной силой вылетали раскаленные круглые камни, тоже оскверненные огнем.

Многокожие даже начали строить свой аиллоу — над рекой, там, где холмы отступали от русла, образуя почти плоскую площадку.

Надо было что-то с этим делать, иначе новые круглоухие могли вытеснить аиллуэ из местности возле озера, где росли в изобилии арраи, лолоу и другие полезные растения.

Там обосновались несколько десятков новых круглоухих, они согнали из окрестных деревень старых, привычных, и заставили их портить землю, добывая глину и камни и складывая из этого толстые округлые стены высотой в три-четыре роста аиллуо.

Великие вожди совместно вознесли молитву Жизни по очереди у каждого из клановых Великих Древ, собрали воинов и вышли в поход. Они выдвигались скрытно, мелкими группами — как привыкли в походах чести. К стенам аиллоу многокожих круглоухих они подобрались незамеченными, ночью. Стены были высоки, но аиллуо хорошо умеют лазать по горам и заговаривать лианы — взобраться на стены не составило труда.

Однако в поселении не спали — или спали не все. И внезапное нападение не получилось, поднялась тревога. Многокожие ожесточённо сопротивлялись, и показали себя настоящими мужчинами. У них были большие громотрубы, бросающие с огромной силой целые горсти порченых тяжелых камней. У них были острые и длинные — в полтела аиллуэ — копья из других порченых камней. Тяжелая жесткая защитная скорлупа на теле. Да и сражаться они умели, хотя и не шли ни в какое сравнение с аиллуо.

Арруэллэ рассказал, что они надевают на грудь блестящую, согнутую по форме груди, скорлупу, и аллэ её не пробивает. Ещё

Арруэллэ сказал, что громотрубы многокожих легко убивают даже самых могучих воинов, но требуют много времени, чтобы использовать их во второй раз. Благодаря этому, аиллуо прорвались внутрь укрепления многокожих и убили многих, в том числе даже тех, кто держал в руках громотрубы.

В аиллоу многокожих удалось вырезать и самок, и детенышей. Воинов в основном тоже перебили, но некоторых — одного на десяток, примерно — забрали с собой для пыточного столба. А потом аиллуэ поговорили с растениями, и те принялись разрушать стену и мертвые глиняные ааи пришельцев.

Всего через несколько дней на месте аиллоу многокожих были только развалины да оплывшие глиняные стены.

Но при штурме аиллуэ потеряли две трети воинов убитыми и ранеными. Случись в то время рядом ещё один отряд многокожих — и у четырех вышедших в поход кланов аиллуэ не осталось бы воинов совсем. Даже среди Великих вождей в живых осталось трое из четверых, причем двое из них были довольно сильно изранены. Отец нынешнего Великого Вождя Ллуэиллэ скончался от последствий этих ран всего через три года, не помогли и женщины, умеющие заговаривать раны.

Но к этому времени оказалось, что многокожие снова заселили свой аиллоу, и их там стало даже больше, чем прежде. Великие вожди — и выжившие, и другие, кланов, которые не участвовали в походе — подумали и сказали про большой аиллоу

многокожих слово запрета — уарро. Теперь нельзя было ходить на него в походы чести.

Нельзя сказать, что Уаиллара обрадовало то, что ко всем его проблемам добавилась ещё и эта. Но он решил, что, поскольку идет один, и не в поход чести, на уарро можно не особо обращать внимание. В конце концов, если он приведет Аолли домой, то Великий Вождь Ллуэиллэ его простит. Наверное. Важнее было другое: Арруэллэ не многим помог Уаиллару. Старый аиллоу многокожих был разрушен дотла, но прошло совсем

немного лет — и они отстроили его заново, и что было в новом — Арруэллэ не знал и не мог знать. Единственное полезное, что опозоренный воин узнал от старика — это путь к аиллоу многокожих, да и то — каким он был сорок лет назад.

Правда, кое-что ещё могло пригодиться. Старый воин рассказал о своих впечатлениях от того места, где он бился. О глинобитной стене в три роста аиллуо. О прочных воротах, преграждающих вход. О странных, отвратительных, неживых ааи, в которых обитают многокожие. Об узких и грязных улицах между ними, в которых живая земля либо утоптана до смерти, либо вообще заложена мертвыми, обтесанными камнями. О

мужественных и умелых воинах многокожих, об их боевых ухватках и о жутком, противоестественном и немужском оружии, которым они сражаются.

Мужчина должен встречать врага лицом к лицу и побеждать его равным оружием в открытой схватке. Можно убить врага, бросив в него аллэ или аэ — с расстояния, на котором и противник может воспользоваться своим копьём или ножом. Но оружие, которое убивает, не давая возможности приблизиться для броска — это оружие трусов, подлецов и мерзавцев, недостойных имени.

Впрочем, если верить Арруэллэ, многие воины многокожих в тесной схватке сражались как мужчины, хотя, конечно, не могли сравниться с аиллуо ни умением, ни скоростью, ни стойкостью.

Почему же тогда место боя осталось за многокожими? — Подумал Уаиллар, благоразумно удержав этот вопрос при себе.

Он и дальше думал над этим. Ему и хотелось скорее встретиться с многокожими, и напрягало нервы ожидание схватки с неведомым. Меж тем он доплыл до противоположного берега озера, осторожно приблизился и, осмотревшись, неторопливо (чтобы не нашуметь) выбрался на сушу.

До аиллоу многокожих оставалось два дня пути.

Глава 5. ДОРАНТ

1

— Не жрет, ваша милость!

Человек Харрана, которого тот, по просьбе Доранта, приставил к альве, в растерянности развел руками.

— Мы уж ей и свинину, и баранину давали, и курей, и сырое, и жареное, и варили, и тушили — не жрет! Говорят, они человечину едят — не давать же ей человечину-то?

Дорант подошел к клетке. Клетка была та же, что на рынке; её пришлось купить и не без труда перетащить во внутренний двор дома Харрана. Другой подходящего размера и с такими же прочными прутьями в городе не нашлось. За клетку Дорант отдал чуть ли не треть суммы, в которую ему обошлась сама альва.

Как ловили и связывали альву, чтобы вытащить из клетки на рынке, и как её перетаскивали в дом Харрана — об этом потом будут долго рассказывать байки, и не только в Кармоне.

Альва сидела в дальнем углу клетки, обхватив колени руками. Вброшенные туда куски мяса она отгребла от себя подальше, в противоположный угол. Лоханью, в которую ей налили воды, она, впрочем, пользовалась. Воду выхлебывала быстро, лакая из руки. Ей постоянно подливали свежую: Дорант строго приказал, чтобы альва ни в чем не нуждалась.

Выглядела она плоховато. Шерсть потускнела, глаза ввалились. На бедрах выступили угловатые косточки. К тому же от нее стало неприятно попахивать, хотя она регулярно вылизывалась, а для естественных надобностей пользовалась тем же углом клетки, в который выкидывала мясо.

Большую часть времени она дремала, чутко шевеля ушами. Вот и сейчас альва даже не открыла глаз при приближении Доранта и харрановского слуги.

Дорант по-прежнему, приблизившись, чувствовал щекотание поискового амулета. Сомнений не было, альва соприкасалась с человеком, которого он ищет (Дорант старался даже в мыслях не произносить его имени) — или с его вещами. каваллиер отдавал себе отчет: это значит, что искомый попал в лапы альвов, а следовательно, его, должно быть, уже нет в живых (и да примут его Боги в свой свет, потому что погиб он, скорее всего, в страшных муках). Но у Доранта не было на сей счет никаких доказательств, которые он мог бы предъявить тем, кто его отправил на поиски.

"Как же мне от тебя узнать, что с ним случилось?" — подумал Дорант, глядя в желтые глаза альвы. Та не отводила взгляд, полный муки, бешенства и — презрения?

— Попробуй дать ей овощи. Может, они хоть овощи едят?

— Сделаю, ваша милость, только ведь все говорят…

— А ты меньше слушай, что все говорят. Дай ей хоть свеклы или вон, кукурузу. Сырую. Вряд ли они себе еду варят, звери же. Хоть и на людей похожи. Другие овощи попробуй. Яблоки дай. Капусты. Ну, сам подумай.

Дорант все смотрел на альву и мучительно думал, что делать дальше. По всему было видно, что ему придется начинать с того места, где её поймали.

Красный Зарьял перед тем, как продать альву, рассказал ему, как было дело. Дорант, впрочем, не узнал ничего нового — Харран пересказал ему всю историю. Им повезло: на самом Красном и почти на всех его людях были кирасы. Четыре альва, которые набросились на охотников, почему-то били в грудь — может, потому, что поверх кирас Красный заставил всех надеть накидки, чтобы сталь не блестела. Копья альвов с доброй имперской сталью не справились, соскользнули, порвав накидки. Двоим это, впрочем, не помогло: их убили вторым ударом, но тут подоспели Красный с остатком команды и расстреляли альвов. Самка бросилась бежать сразу же, как только альвы напали на отряд, и убежала бы, если б не подвернула ногу, попавшую в нору грызуна. Зарьял хлестнул её по голове волчьей плетью, сбив на землю; самку спеленали попоной и замотали веревками, а потом рванули назад во всю конскую прыть, даже не подобрав погибших, что Доранту было неприятно.

Он подумал: кирасы и огнестрел вас спасли. Мечами не отмахались бы, разве что в строю — да какой там строй у охотников, тем более конных. В лесу против альвов кони только помеха.

Кирасы, огнестрел и численное превосходство, поправил себя каваллиер, делая в памяти заметку.

Он тщательно уточнил, где именно это произошло. Красный довольно подробно объяснил, как добраться к тому месту, и предложил свои услуги как проводника. Хотя окрестности Альвиана были более или менее знакомы по охотам в предыдущие приезды, в этом имелся смысл: с проводником (и его охотниками) на поиск точного места схватки уйдет меньше времени, да и безопаснее это, что ни говори.

А побывать там придётся. Может, хоть какие-то следы остались. Понятно, что место, где поймали альву, и место, где она встретилась с нужным Доранту человеком, не совпадают. Но,

может быть, удастся проследить, откуда альва пришла туда, где её поймали.

А вдруг искомый человек ещё жив и ещё находится там?

Или — может быть, там удастся найти какое-то подтверждение его смерти?

Иначе Доранту не объясниться с нанимателем, а значит, его семью ждут большие неприятности.

2

Между тем приближался полдень, и пора было собираться в храм, на обычное по праздным дням богослужение Призыва. Дорант серьезно относился к религии, как всякий, кому приходилось участвовать в ожесточенных сражениях и рисковать жизнью. К тому же ему случалось лично убеждаться, что боги могут совершать чудеса. Да и людей, обладающих сверхъестественными способностями, он знал не понаслышке — и знал, что их куда больше, чем обычно принято думать.

Дорант снова приоделся в приличное, только каваллиерский бант повязывать не стал, и они с Харраном отправились в храм. Фасад храма был украшен разноцветными флажками и зелеными ветками суламойи, вовсю распространявшими пряный аромат — по случаю храмового праздника: была как раз память Святого Альварика. В широко раскрытые врата храма, обрамлённые резным по камню порталом, неторопливо втягивались представители местной чистой публики; простые же люди скромно входили через узкую боковую дверь под левой колокольной башней. На ступенях, по бокам от входа, сидели и стояли нищие, они протягивали руки и скромно бормотали свое "подайте, добрые люди, на пропитание". Два толстых городских стражника в кожаных колетах, с дубинками и тяжелыми мечами на поясах, следили, чтобы нищие не мешали входящим и не отталкивали друг друга, нарушая благолепное настроение перед службой.

Внутри храма было прохладно, смолисто пахло благовониями. Сверху, из-под купола, лился яркий полуденный свет, заливая статуи богов и святых; в нем сияли редкие пылинки. Чистая публика вольготно рассаживалась на резных креслах перед алтарем, простой люд толпился стоя в боковых нефах. Стоял негромкий, из уважения к храму, гомон. Самые набожные — или имевшие на душе тяжкий грех — на коленях молились перед статуями Создателя[26] и Подателя. У статуи Матери Богов было пусто: видимо, в приходе сейчас не было беременных

женщин или серьезно больных. Мрачный армано Миггал, не отрываясь, смотрел в лицо Разрушителя, должно быть, просил сурового бога кого-нибудь убить. Дряхлый длиннобородый священник в когда-то белой хламиде скороговоркой читал молитвы. Дорант погрузился в себя, молился, просил у богов помощи себе и благополучия для Саррии и дочки. И покойного посмертия троим своим детям, которые умерли во младенчестве.

При этом он не переставал думать про свою задачу, про альву, про вице-короля и другие малоприятные вещи.

Если ты живешь тем, что решаешь чужие проблемы за деньги, то будь готов, что эти проблемы рано или поздно станут твоими. За простую и безопасную работу люди много платить не любят.

Когда к нему пришли от Светлейшего, Дорант сначала не принял это всерьез. Человек, попросивший у него встречи — как все, через посредника — оказался тощим, плохо одетым чиновником, похожим на амбарную мышь. Вместо усов у него были какие-то кустики по углам рта, на лбу пламенели два огромных прыща, а передние зубы были не белыми, а синими. Пахло от него плохими зубами, потом и чесночным перегаром, как от крестьянина. Дорант не презирал крестьян: среди тех, кто прикрывал ему спину в бою, их было большинство, но он не любил мужчин слабых и неопрятных.

Чиновник — а это был именно чиновник — показал Доранту грамоту от Светлейшего дуки Санъера из Фломской Ситы, подписанную собственноручно. Это было не просто необычно: это было очень необычно. Светлейший, как правило, не опускался до собственноручного подписания грамот, даже предназначенных вельможам — эта же была адресована[27] Доранту из Регны, проживающему в Акебаре, что в Заморской Марке. Дорант забыл про скучную внешность и неприятный запах чиновника и приготовился его выслушать.

О чем немедленно пожалел, потому что услышанное — о чем специально предупредил его посетитель, назвавшийся Мигло Аррасом — действительно представляло собой государственную тайну, из тех, которые могут и убить человека, с ними ознакомленного.

— Дело в том, что примес[28] Йорре пропал из дворца. Мы провели расследование и установили, что он уехал с комесом Бранку из дома Аттоу, якобы на охоту, стрелять оленей. Наши люди проследили их — до порта Кесадес, где они с эскортом из людей Аттоу сели на корабль "Святое благословение Матери Богов", который немедленно отчалил. У нас есть возможность контролировать все морские перевозки, так что мы узнали, что этот корабль приплыл не по назначению, указанному в журнале у

капитана порта, а прямо в Акебар. Наш корабль шел за ними с опозданием на сутки. Из Акебара вышли шесть отрядов, чтобы запутать след. Ваша задача — догнать один из них, и если примес в нем, убедить его вернуться в метрополию. При необходимости можете отбить его силой. Приказ императора у вас будет. Можете взять столько людей, сколько сочтете нужным. Деньги вы получите.

Дорант недоуменно спросил:

— Зачем людям из Аттоу увозить примеса? Аррас пожевал губами. Было видно, что ему очень не хочется рассказывать. Но делать было нечего:

— Я ещё раз предупреждаю вас, что это — государственная тайна. Никто ни при каких обстоятельствах не должен узнать то, что я вам сейчас скажу. Государь тяжело болен, — (сердце Доранта рухнуло в желудок). — Никто не знает, сколько ему осталось. Примес Горгоро, как вам должно быть известно, погиб три месяца назад при сомнительных обстоятельствах. Примесса Альтина обручена с королем Фиарии, свадьба назначена на первый месяц осени. Да она и не может наследовать императорский престол без решения Имперского совета, а совет согласия не даст, пока есть законный наследник мужского пола. Получается, что примес Йорре — единственный наследник. Ему всего четырнадцать лет, и он… скажем так, весьма доверчив и неопытен. Теперь представьте себе — и обратите внимание, я никого ни в чем не обвиняю, это только теоретическое предположение — что государь внезапно умирает. Мой господин считает, что семейство из Аттоу получит неоправданно большие преимущества, если примес Йорре к моменту коронации будет у них в руках — они вполне смогут им, скажем так, манипулировать. Тем более, что старший дука Аттоу женат на сестре императора. В свое время это было необходимо, чтобы избежать усобицы, но сейчас это может создать большие неприятности.

Дорант подумал: "Кому? Империи? Может да, а может, и нет. Аттоу умеют управлять своими владениями, да и здесь, в Заморской Марке, показали себя не с худшей стороны. Вице-король вон, сколько лет уже правит — и Марка при нем только расширяется и процветает. А вот Санъеру, которого император поднял со дна, точно без него конец. Регентом-то при несовершеннолетнем императоре будет тот, кто окажется поближе к Йорре, когда его отец умрет, то есть — магнаты Аттоу. И они сразу расставят везде своих людей, канцлеру не уцелеть".

Интрига была понятна: Аттоу вывезли примеса в Заморскую Марку потому, что в метрополии удержать его при себе у них не

было ни малейшего шанса. Санъеру достаточно было просто послать к примесу любого старшего офицера с приказом императора вернуться во дворец, и тот бы тут же вернулся. Пытаться его не отпустить — это открытый мятеж, на такое Аттоу пойти не могут.

А в Марке примеса достаточно увезти туда, где его трудно найти. Людей Санъера здесь не так много, и в условиях, когда вице-король сам из Аттоу — помогать им не будут, скорее начнут вставлять палки в колеса.

— Но почему я? — Спросил Дорант.

Аррас снова пожевал губами, скривив рожу ещё более недовольную, чем до этого, но ответил:

— У меня слишком мало людей. На все отряды не хватило. Сам я ехать не могу, здесь… тоже есть чем заниматься. Вы поедете на северо-запад, в сторону Хамхары. Мне некем закрыть это направление, а у вас там связи — вы же привезли тогда оттуда Филтемона, целым и невредимым.

Дорант был изумлен до потрясения. Аррас только что сказал, что это он главное лицо у Светлейшего в Марке. И более того — Аррас перед ним оправдывался и объяснял мотивы своих поступков! Следующее по вероятности событие — если какая-нибудь гора перевернется и встанет на вершину, или если патриарх Церкви публично примет сунайскую веру. Потом Дорант вспомнил, о чем идет речь, и какие в этой игре ставки, и посочувствовал Аррасу: жить под таким давлением…

— Как мне его искать?

— У нас есть поисковые артефакты, настроенные на примеса. — (Дорант подумал, что, скорее, на всех особ императорской крови. Кто будет бегать за каждым из родственников императора, чтобы настроить артефакт? А на общую кровь — достаточно настроить один раз.) — Я дам вам один, если примес ехал перед вами — вы это узнаете. Доложите мне голубиной почтой из любого коронного города: наместнику покажете артефакт, он сделает всё, чтобы вам помочь.

Сейчас, сидя в храме, Дорант снова вспомнил, чем кончился разговор, и его настроение ещё сильнее испортилось — хотя, казалось бы, уже было дальше некуда. Поручение ему не понравилось, и он намеревался отказаться.

Однако у чиновника нашелся аргумент, и очень убедительный. Саррия жила в Акебаре на птичьих правах: дикарям проживать в столице Марки не дозволялось. На это, правда, закрывали глаза, и в городе было полно дикарей: прислуги, поденщиков, даже ремесленников. Многие дворяне держали при себе местных женщин. Однако вполне в силах людей

Санъера было добиться не просто высылки, но и наказания, формально положенного за нарушение запрета: тридцать плетей для мужчины, пятнадцать для женщины. И вице-король не стал бы вступаться за Доранта, ухудшая и так сложные отношения с канцлером. Да и кто ему Дорант?

Можно было, конечно, на время уехать из Акебара, дождаться смерти Императора и вполне возможного падения Санъера. Но за это время люди Светлейшего вполне могли успеть напакостить, и по-крупному. К тому же — падет ли Санъер? При всей силе дома Аттоу шансы были — пополам, так как за Светлейшим стояли его личная гвардия (набранная из таких же, как он, выходцев снизу), купечество, которое вполне устраивала отмена пошлин внутри страны, навязанная императором аристократам городская старшина, имевшая при императоре защиту от произвола вельмож, да и главное — чиновничество, которое при смене власти неизбежно ожидала болезненная перетряска.

Если бы Дорант был вхож в высший свет Заморской Марки, он, конечно, больше опасался бы вице-короля, чем людей канцлера. Но на его уровне люди Санъера были опаснее: от них можно было ждать больше неприятностей.

3

Тем временем служба в храме шла своим чередом. Священник по узкой и крутой винтовой лестнице, кряхтя, забрался на кафедру (напомнившую Доранту "воронье гнездо" на фок-мачте корабля — формой и полным отсутствием обычных украшений) и старческим надтреснутым голосом прочитал трогательную проповедь, напомнив присутствующим, как Святой Альварик, бывший в юности пастухом, помолившись Матери Богов, получил от нее дар укрощать животных, после чего усмирил дикого льва, который терроризировал деревню и не давал пасти скот, и привел его к людям, и заставил служить, охраняя деревню от других хищников. И как потом его призвали в ближайший ярмарочный город, где вырвался на волю дорогой племенной бык, убил нескольких человек и носился по площади, разбивая лавки, а Св. Альварик утихомирил быка и отвел его в загон, и прочее, и прочее.

Вот бы мне его сюда сейчас, подумал Дорант, вспомнив упрямую альву. И вознес молитву Альварику, чтобы тот попросил Мать Богов помочь ему получить у альвы нужные сведения.

Проповедь закончилась пожеланием добра и процветания всем, любящим животных. Священник, все так же кряхтя,

неуклюже придерживая спереди подол и близоруко щурясь на ступеньки, сполз с кафедры, прихватил из-под алтаря короб с освященным песком и вышел раздавать благословение. Прихожане выстроились в проходе в очередь, возглавляемую, естественно, наместником и его многочисленной семьей. Наместник был немолод, лыс как колено, но крепок — он был из простых воинов, даже не каваллиер; на Кармон его поставили отчасти за немалые воинские заслуги, отчасти потому, что в эту дыру не нашлось тогда желающих из более знатных людей. Пока священник посыпал освященным песком головы наместника, его ещё не старой, но высохшей супруги и их двенадцати детей, старшему из которых было уже семнадцать, пока остальные прихожане терпеливо ждали в тесноте прохода…

Дорант, поглощенный своими невеселыми мыслями, вдруг почувствовал, что стоявшая перед ним Маисси прижалась к нему спиной, и даже откинула голову, уперевшись ему в плечо затылком. её глаза были полузакрыты, дыхание участилось. Через пару секунд девушка — так же внезапно — отстранилась.

Что это было, подумал Дорант. Самое простое объяснение ему крайне не понравилось.

Не хватало ещё проблем с Харраном.

Получив свою щепоть освящённого песка на голову, Дорант вышел на крыльцо храма и остановился чуть сбоку, пропуская всех и поджидая молодого друга. К нему тотчас же потянулись сложенные лодочкой руки попрошаек. Дорант нашарил несколько мелких медяков и роздал первым попавшимся, после чего ему пришлось ретироваться в толпу выходящих, чтобы отделаться от не получивших подачку. Он спустился на несколько ступенек; попрошайки продолжали взывать, стараясь не слишком повышать голос, чтобы не нарваться на дубинку охранника.

Среди привычных "подайте, милостивый господин" и "благородный каваллиер, помогите убогому" Дорант вдруг услышал знакомые, но неожиданные здесь слова на гаррани, родном языке Саррии (слова эти были, впрочем, ругательствами).

Дикари Заморской Марки живут племенами, в разных частях Марки разными. У некоторых племен языки похожи, и они обычно населяют соседние земли. Но между языками племен заросших джунглями низких земель приморского побережья, предгорий Сарниды и Хамхарского хребта, знойных степей Олдасуна и заболоченной поймы великой реки Маасимаа, ограничивающей Марку с запада, разница не меньше, чем между языком Империи и, скажем, лающим наречием Петтанза, шипящим Гальвии или картавым — Фиарии. Да и выглядят эти дикари совсем по-разному: жители джунглей низкорослые,

круглолицые, с курчавыми жесткими черными волосами, они ходят в плохо выделанных шкурах и живут в основном охотой и собирательством. Севернее, в предгорьях и плато Сарниды, как и хамхарских ущельях, обитают воинственные рослые дикари с длинными носами; черты лица у них резкие, а волосы прямые и светлее, чем у приморских. Там на жирных горных лугах они пасут обильный скот. К юго-востоку оттуда, между Сарнидой и Альвийским лесом, живут коренастые, крепкие дикари с оливковой кожей, волосы у них рыжеватые, а занимаются они в основном тем, что сеют злаки, разводят овощи. В Кармонском Гронте таких большинство. Темнолицые, стройные жители олдасунских степей в основном охотятся на антилоп и громадных степных туров, они — кочевники и свирепые бойцы. В нижнем течении Маасимаа дикари, как ни странно, светлокожи, почти как белые; они миролюбивы, живут замкнуто в своих свайных поселках и ловят рыбу. На их лицах не растут волосы, и они плавают, как рыбы, которые составляют основу их рациона.

Дорант успел побывать почти во всех уголках Заморской Марки и видел дикарей всяких. Но с племенем гаррани, одним из сарнидских воинственных племен, у него были особые отношения. Саррия, добрый его ангел, была дочерью прежнего вождя, павшего вместе с почти всей племенной верхушкой и большинством воинов под Корволетом, где они, как союзники верных императору сил, отбивали вылазки мятежников Исти-Маргала вместе с остатками тогдашней компаниды Доранта.

Его ранило ещё до штурма города: ядро из фальконета вырвало ему здоровый кусок мяса из левого бедра и повредило кость. К тому же при падении с коня — а, может быть, от других ядер, попавших в кирасу — он сломал несколько ребер и, видимо, повредил легкое. Дорант потерял сознание и почти истек кровью, пока его нашли и вытащили с поля боя воины гаррани, сами израненные и оставшиеся без вождя и командования. Императорский лекарь, как мог, почистил рану, дал выпить какую-то горькую дрянь и пошел заниматься другими. Через пару дней выяснилось, что в рану попала грязь, и она начала гнить. У Доранта поднялся жар, рана мучительно болела. К ночи он стал бредить. Два воина гаррани, видевшие его в бою, навещали его — они привели лекаря. Лекарь посоветовал позвать священника и готовить Доранта к лучшему миру. Воины добыли где-то носилки и унесли Доранта в свой лагерь. Там и стала им заниматься Саррия, которой всего за неделю удалось справиться с воспалением. Правда, лечить и восстанавливать ногу пришлось потом очень долго, и ещё с год он довольно сильно кашлял.

Все это время — почти два года — он жил в племени гаррани.

Когда стал покрепче, начал помогать, чем мог. Новый вождь — Корреу — был недостаточно опытен во многих вопросах и охотно слушал советы Доранта, особенно в том, что касалось воинских дел и взаимодействия с белыми. Дорант привел обучение воинов в племени к имперскому образцу и по своим связям помог приобрести хорошее оружие. Когда пришлось отбивать нападение соседнего племени, он — ещё с носилок — руководил сражением, благодаря чему нападавшие, потеряв две трети воинов, разбежались. Уважение к Доранту, и так высокое, поднялось практически до небес; для племени он стал не просто своим — он вошел в ближний круг вождя.

Все это время он регулярно виделся с Саррией — сначала как пациент. Девушка была умна, наблюдательна, с удовольствием узнавала и усваивала новое (в том числе имперский язык). Дорант, который немного говорил на гаррани и до того (пришлось научиться, возясь с союзниками по долгу службы), стал понемногу говорить совсем свободно, так что они с Саррией подолгу болтали на самые разные темы, когда у нее было время. Девушка лечила ему ногу — и снадобьями, и своими необычными способностями, которые сильно удивляли Доранта, в отличие от соплеменников Саррии, для которых не было ничего странного в том, что ей достаточно провести рукой над больным местом, чтобы снять боль.

Для Саррии Дорант был ещё более необычен, чем она для него. До тех пор она никогда не видела белых так близко и так подолгу, а те, кто ей попадался, скажем так, не вызывали симпатии. Известно же, как многие белые относятся к дикарям. Дорант дикарей уважал ещё с первой кампании, в которой хамхарские воины, одетые в стеганые многослойные жилеты и вооруженные копьями с наконечниками из камня, практически разгромили их компаниду, несмотря на доспехи из кожи и железа, стальные мечи и огнестрельное оружие. Примитивные полуживотные, какими считают дикарей дураки, недавно приехавшие из Империи, на такое не способны. Поэтому Саррия была для него не дикаркой, а интересной и привлекательной девушкой. А он для нее — выходцем из иного мира, мудрым и много знающим, мужественным и удачливым воином. При том ему едва исполнилось двадцать четыре, а ей было семнадцать.

Надо ли говорить, чем это кончилось? С тех пор вот уже пятнадцать лет они расстаются только на время дорантовых отъездов по делам. По обычаям гаррани они муж и жена, церемонию провел сам вождь племени, и все племя было в свидетелях. По имперским обычаям Дорант, как дворянин и каваллиер, не мог вступить в брак с дикаркой, даже с дочерью

вождя. Так что в Акебаре они в каком-то смысле жили как изгои: Дорант, правда, бывал на приемах у вице-короля и был вхож в дома знати, но на него косились и фыркали (в особенности женщины), а для Саррии, естественно, вход туда был закрыт. Знать и чиновники делали вид, что с Дорантом все в порядке, но, захоти он снова служить — карьера ему бы не светила.

Связи с племенем они с Саррией не потеряли, и гаррани часто бывали в их доме. Поэтому Дорант сразу обернулся, услышав знакомые слова — которых здесь, в землях совсем других племен, ожидать было не от кого.

4

На грязных ступеньках стоял на коленях калека, лишенный обеих стоп. Его лицо было изуродовано шрамами, одного глаза не хватало. Длинные спутанные седые волосы спускались ниже плеч, сквозь лохмотья, серые от пыли и старости, просвечивала загорелая кожа, покрытая страшными шрамами. Он ругался на других нищих, которые столкнули его с места.

Дорант спросил его на гаррани:

— Кто ты, воин?

Тот опешил:

— Ты знаешь мой язык, белый человек? Откуда?

— Я муж Саррии, дочери Оррау, сестры Корреу. Пойдем со мной, воин, я угощу тебя едой и вином.

Нищий с достоинством кивнул и ловко на коленях стал спускаться по ступенькам. Дорант чувствовал себя неудобно, ему хотелось помочь калеке, но он понимал, что это будет оскорблением.

— Как тебя зовут, воин?

— Я Асарау, сын Кау, сына Вассеу.

— Как ты попал сюда?

— Это долгая история, белый человек…

Дорант перебил:

— Не зови меня "белый человек". И прости, я не назвал сразу свое имя. Меня зовут Дорант из Регны, сын Ферранта, сына Оливара, — назвал себя Дорант так, как принято у гаррани.

— Я слышал о тебе, Дорант из Регны. Ты сражался рядом с гаррани и жил в наших землях.

— Так как ты здесь оказался? Твое племя живет далеко на юге.

— Мой отец служил в компаниде каваллиера Сежера (это было сказано на имперском). Я был ессау[29]. Отец взял меня с

собой, чтобы учить воинским искусствам и имперскому. Мы несли охранную службу на Императорской дороге от Интера в Тулат. Потом сопровождали военный обоз от Тулата в Херет, и у леса на нас напали альвы. Я попал в их поселение.

— И ты выжил?

— Я был ессау. Для альвов — ещё не воин, меня должны были убить сразу. Но я сражался и убил двоих альвов. Они взяли меня как воина, но пока я не начал по ночам пачкать подстилку, не ставили к столбу пыток. Я жил у них два года, а когда стал, по их мнению, взрослым — попал к столбу. Потом я жил ещё полгода. Они ставили меня к столбу каждую луну, пока я мог держаться.

Для Доранта все это было новостью: Асарау говорил об альвах, как о людях.

— Но как ты выжил?

— Они думали, я умер. Выбросили меня в яму. Ночью я уполз, а утром воины ушли в поход чести, так что меня никто не преследовал. Я отлежался немного и ушел. Я знаю опохве, — сказал Асарау с гордостью, — я залечил раны. Потом я дошел сюда.

Опохве — было тайное искусство гаррани, то самое, которым владела в совершенстве Саррия, то самое, которое спасло когда-то жизнь и здоровье Доранту. Судя по всему, Асарау знал опохве очень немного.

— Подожди, так сколько тебе лет?

— Скоро семнадцать.

Дорант с уважением посмотрел на совершенно седого воина.

— Сколько ты живешь здесь?

— Полгода, может больше. Я задержался в деревне у озера, пока приходил в себя.

— Чем ты здесь жил? Все время при храме?

Воин потупился:

— Мне пришлось… Тут никто не знает нашего языка, а я не успел толком выучить имперский… Знаю несколько слов, и все. Да и что я могу, такой?

Тут к ним присоединился Харран, задержавшийся при Маисси и её родителях.

— Что это за нищий? На каком языке ты с ним говоришь?

— Харран, разреши представить тебе воина племени гаррани, доблестного Асарау, сына Кау, сына Вассеу, который убил в бою двух альвов, выжил в их плену и сумел бежать.

— Это он сам тебе сказал? Ты больше слушай этих проходимцев.

— Харран, я знаю гаррани, Они никогда не лгут.

Молодой человек взглянул на Асарау с интересом:

— Он правда убил двух альвов?

— У меня нет оснований сомневаться. Если бы не это, его прикончили бы на месте, а так — держали в плену из уважения, пока он не достиг возраста воина.

— Подожди… но он же старик!

— Ему семнадцать скоро. Это пытки, Харран.

Харран был потрясен:

— Ты должен расспросить его подробно! Ты должен мне все рассказать!

Они двинулись к дому Харрана. Дорант с трудом подавил желание поднять Асарау и нести его на руках (у него бы получилось — нищий был худ и невысок ростом, как все гаррани). Он глядел на молодого воина и спрашивал себя: смог бы сам он так — держаться за жизнь, зная, что в конце месяца его снова потащат к столбу пыток, и что надежды на спасение практически нет? А потом сбежать, несмотря на страшные раны, боль и отсутствие ступней? Пройти весь путь от Альвийского леса до Кармона?

Дорант поклялся себе, что Асарау ни в чем не будет нуждаться, пока он жив.

На них косились всю дорогу от храма до дома Харрана. И шептались за спиной.

Наконец, они прибыли. Слуги открыли дверь, удивленно глядя на Асарау, но, видя, что хозяин обращается с калекой с уважением — промолчали и приняли как должное. Харран куда-то сразу исчез.

Во дворе воин гаррани заметил клетку с альвой и направился прямо к ней. Он долго смотрел на полуживотное, потом произнес что-то высоким и тонким голосом, будто птица поет. Альва вздрогнула и открыла глаза. Асарау встретил её взгляд с вызовом и щебетал ещё что-то. Альва зафыркала и отвернулась.

Дорант не сразу понял, что произошло. А когда понял — был потрясен: Асарау явно разговаривал с альвой, как с человеком!

Потом Асарау осмотрел клетку и сказал Доранту:

— Вы решили запытать её голодом?

— Нет, она нужна мне живой, — ответил Дорант.

— Так она умрет у тебя тут. Она все это есть не может. Ей нужны плоды, которые растут в Альвийском лесу.

И тут Дорант подумал, что Святой Альварик, наверное, попросил-таки за него у Матери Богов.

Глава 6. УАИЛЛАР

1

Как ни сжигало Уаиллара нетерпение, как ни мучился он беспокойством за Аолли — ему пришлось, найдя укромное место, поспать не только до рассвета, но и пока солнце не выбралось на ладонь из-за деревьев. Было бы опрометчиво оказаться совсем без сил как раз тогда, когда они будут особенно нужны.

Здесь, на южном берегу озера, Великого Леса уже не было. Привычные аиллуэ деревья почти не росли в этой местности; тут нельзя было встретить, к примеру, уарала или аололи, а дающие сытные плоды арраи росли мелкими купами, которые ещё надо было найти. Совсем не встречались хвойные эруелли, которые в изобилии росли севернее и выше (ближе к горам), чем аиллоу клана Уаиллара.

Зато гораздо чаще, чем в Великом Лесу, попадались олоолои с тяжелой, как камень, и очень твердой древесиной; в подлеске шелестели широченными листьями кусты уэллэу, увешанные желтыми целебными плодами, росли редкие в Лесу травы и грибы.

Проспав больше, чем он рассчитывал, Уаиллар проснулся с ощущением вины. Он быстро собрался и двинулся дальше, теперь уже на двух ногах: так медленнее, но лучше видно, да и оружие наготове. Опозоренный воин опасался встретить аиллуо из другого клана, с которыми пришлось бы драться, теряя время. Да и из своего тоже, как знать, не придется ли сразиться и с ними…

Поэтому он настроился чувствовать Жизнь вокруг. Ходить так всё время было утомительно, поскольку потоки Жизни шли от всего живого — червей в почве, насекомых, птиц, неразумных животных — и это очень отвлекало и занимало всё внимание. Но в острых положениях ощущение Жизни часто спасало, давая возможность видеть врага, даже если он хорошо запрятался в лесу, закрывшись от обычных органов чувств. А уж воины аиллуо умели это как никто: они могли обмануть даже такого чуткого зверя, как горный лев. Этому учились с детства.

Ближе к вечеру он должен был оказаться уже в тех местах, где встречались круглоухие: там находились два их поселения, одно у реки, второе повыше, ближе к середине склона долины. Уаиллар был в походе славы в том, которое стояло у реки. Тогда он собрал две полные руки круглых ушей и пригнал хорошего, крепкого самца, который долго и красиво держался у столба

пыток. Воин решил пройти между этими поселениями: так получалось ближе, чем если бы он стал их обходить. Бег был нетрудным — местность понижалась, лес в этом месте уже сильно поредел. Уаиллар внимательно наблюдал за окружением, улавливал чуткими ушами шум ветра в кронах деревьев, птичье пение, стрекот насекомых, следы Жизни: искал неправильности, которые могли бы указать на аиллуэ или круглоухих, окажись они на пути. Его грызло напряжение. Где Аолли? Что с ней? Что с ней делают многокожие? Жива ли, здорова ли она? В её состоянии нужно беречь себя — а в плену у полуразумных — есть ли у нее возможность? Чем дольше он бежал, и чем ближе был к цели, тем сильнее беспокоился.

Дважды он останавливался передохнуть ненадолго. Пил воду из фляги, съедал немного своих припасов. Снова бросался вперед, едва переведя дух.

Солнце между тем перевалило далеко за полдень, тени стали вытягиваться. Уаиллар приблизился к тому месту, где расстояние до поселений круглоухих было меньше всего. Несмотря на усталость, он удвоил бдительность. Здесь круглоухие могли появиться в любой момент.

Тем не менее, воин успешно проскользнул между двумя поселениями. Теперь он стал смещаться в сторону реки, чтобы дальше следовать её руслу в сторону верховий. Деревья росли здесь совсем редко, и уже часто попадались испорченные круглоухими участки земли — где сажали они неестественные, запрещенные овощи и злаки.

И вот как раз тут, почти у самой реки, Уаиллар едва не столкнулся с круглоухими, которые копошились на одном из таких участков. Они ковыряли землю, разрушая её естественный, природный покров, они что-то делали с ростками запрещенных растений — и при этом издавали какие-то звуки, обращаясь друг к другу. То, что Уаиллар заметил их всего в пяти руках шагов, говорило лишь о его усталости и рассеянности. Воин припал к земле, слился с нею, сделался незаметным — и огорчился, подумав, что потерял всякую хватку: так незаметно для себя выпасть из ощущения Жизни мог только очень молодой и неопытный воин.

Круглоухих надо было обойти, так, чтобы они не обратили внимания на Уаиллара. Он стал плавно и бесшумно смещаться вправо, к реке. Круглоухие занимались своими делами, хрюкали и каркали грубыми низкими голосами — хотя среди них было больше самок, чем самцов. Вдруг из прилегающих кустов появились два круглоухих самца, крупных и мускулистых, держащих в руках что-то вроде аллэ, только с наконечниками из

мертвого камня. Они что-то закричали работавшим на участке, грубо даже по сравнению с обычными голосами круглоухих. Работавшие разогнулись, потом склонились перед вновь пришедшими.

Уаиллар, наблюдая за круглоухими, подумал, что, все-таки, они животные. У разумных не может быть такого, чтобы мужчина не был воином — а у круглоухих воинами были единицы, а десятки — ходили без оружия, имели раздутые от излишней еды животы или наоборот, были неестественно худыми и слабыми, двигались неуклюже и неловко. И явно боялись: друг друга, редких воинов, а иногда, по непонятной причине, таких же неуклюжих и разъевшихся круглоухих, от которых отличались только количеством и видом мертвой кожи, надетой поверх своей живой. И ещё: они все грубо обращались со своими самками. Воин не может обижать женщину; даже звери не бьют самок. Только круглоухим свойственно вести себя с самками как с низкими животными: кричать на них, пинать и бить.

Наконец, круглоухие, собрав изуродованные ими плоды, которые они выкопали из земли, в мешки, гуськом удалились вслед за двумя вооруженными самцами. Уаиллар — который уже почти обполз вокруг участка — вздохнул с облегчением и собрался было броситься вперед. Он рассчитывал пробежать до темноты ещё половину расстояния до большого аиллоу многокожих, куда увезли его Аолли.

Но тут он вдруг почувствовал ещё чье-то присутствие. Уаиллар снова припал к земле и затаился, внимательно оглядываясь по сторонам. Прошло немного времени, и за одним из кустов аололи он скорее ощутил, чем увидел движение. Воин практически перестал дышать, чтобы не выдать себя. Широкие листья аололи вновь неестественно шевельнулись — именно это привлекло его внимание, листья покачивались не в такт ветру. И тут из-за аололи выскользнул сначала один, а потом и ещё два аиллуо.

Они явно преследовали круглоухих. Это были аиллуо, не знакомые Уаиллару, аиллуо другого клана. Судя по многим признакам, совсем молодые, вышедшие в поход чести за своими первыми ушами.

2

Но не только Уаиллар обнаружил этих аиллуо.

Они тоже заметили его — он понял это почти сразу по изменившемуся их поведению. Это было плохо. Это было

некстати.

Чужие аиллуо переключились с круглоухих на него. Понятно: принести несколько ушей тупых и небоеспособных круглоухих — нет большой доблести. Нет большой чести.

Острые уши аиллуо другого клана — куда более серьезная добыча, которая украсит аллэ любого воина. Тут дело не во вражде, а в чести. Столетиями кланы аиллуэ ходили друг на друга в походы чести — ещё когда не было в здешних местах никаких круглоухих. Убить воина, принести к Великому Древу своего клана его уши, насадить их на аллэ перед своим ааи — значит, показать свою доблесть. Чем сильнее чужой воин, чем он более умелый, чем упорнее сражается — тем больше чести. Тем более — пленить его, привести в свое аиллоу, поставить к столбу пыток…

А тут — круглоухие. Прежние, привычные, неумелые.

Нет, среди круглоухих бывают отличные бойцы. Особенно среди новых.

Но эти — они никак не были теми, кто могли бы составить достойную добычу. Самки, низкоранговые самцы — не мужи оружия. Два сомнительных воина, скорее по названию, чем по способностям. Ни одного из новых круглоухих.

А вот Уаиллар…

Никто из аиллуо другого клана не знал, что он потерял статус воина.

Все они знали, что аиллуо с такими отметинами на шкуре — воин опытный, со множеством ушей на старых аллэ перед своим домом.

Уаиллар взял копье в руку и приготовился. Он принял низкую стойку, готовый воспользоваться и копьем, и обоими ножами-аэ.

Два аиллуо разошлись и бесшумно стали окружать Уаиллара. Третий развернулся, забыв круглоухих, которых преследовал, плавно, медленными, но неразрывными движениями, стал приближаться. Аиллуо двигались, как будто между ними была связь, и они координировали свои действия.

Так оно и было, между прочим: мельчайшие детали поз и мимики давали каждому из них нужную информацию о действиях и намерениях остальных.

Но и Уаиллару тоже.

В отличие от троих аиллуо из чужого клана, у него был большой опыт. Пятнадцать с лишним лет — и множество добытых ушей. И не только круглых, но и острых.

Тот аиллуо, что подбирался слева, был помоложе и понеопытнее. Может, это был вообще его первый выход далеко за

пределы окрестностей своего аиллоу. Второй двигался лучше, хотя для Уаиллара и он был не противник. Третий же был ловчее и быстрее всех; судя по движениям, опытный воин: может быть, он вел молодняк как наставник.

В принципе, первым надо выбивать того, кто лидер, того, кто опаснее всех. Но именно он был дальше всех от Уаиллара.

Поэтому Уаиллар резко метнулся влево. Стремительное секущее движение аллэ — и юный аиллуо захрипел, схватившись за перерезанное горло. Уаиллар, даже не взглянув на пораженного его копьем воина, скользнул вперед, поближе к вожаку.

Тот был настороже и выставил свое аллэ, пригнувшись и тоже приняв низкую стойку. Краем глаза Уаиллар заметил, что оставшийся молодой воин, после секундной растерянности, тоже пригнулся и, выставив копье, заскользил в его сторону.

Уаиллар тремя быстрыми и мягкими движениями сблизился с наиболее опытным противником. Тот явно напрягся, понимая уже, что столкнулся с воином, который ему не по силам.

Короткое движение аллэ Уаиллара — очевидное, типичное для воина средней руки. Блестящий выпад воина-наставника: если бы Уаиллар действительно хотел сразить его копьем — следующее движение противника (после отражения удара) подрезало бы ему правую ногу под коленом.

Только Уаиллар вовсе не собирался использовать копье для чего-то, кроме обманного движения. Его левая рука стремительно распрямилась, направляя один из ножей. Мгновение — и воин другого клана бесшумно рухнул ничком, с торчащим из глазницы аэ.

Все это заняло не больше десяти ударов сердца. За это время оставшийся молодой воин успел только приблизиться на три длины аллэ. К его чести, поняв, что он остался один, он не испугался и не попытался избежать боя и удалиться (хотя Уаиллар с удовольствием отпустил бы его, лишь бы не тратить время). В левой руке его появились три зажатых между пальцами ножа. Уаиллар понял, что парень умеет метать ножи, и вряд ли хуже него самого.

И молодой воин это сделал!

Три аэ со свистом вырвались из его лапы и полетели к Уаиллару. Только Уаиллар был уже не там, куда летели ножи. Мощным прыжком он сместился на две длины аллэ вправо.

Парень на мгновение потерял его из виду, но почти сразу же восстановил ориентацию. У него явно были незаурядные способности. Если б молодому воину случилось пожить подольше, он мог бы стать великим воином.

Но не случилось: Уаиллар, не дожидаясь, пока ножи молодого аиллуо долетят до того места, где он только что был, метнул свое аллэ.

Пронзенный насквозь чуть выше пупка, молодой воин опрокинулся навзничь. Он, было, попытался подняться, но ноги его уже не послушались: перебитый точным ударом позвоночник не передавал им более желаний хозяина…

Парень был не жилец. Уаиллар посмотрел на него с сожалением. Это мог быть его воин, аиллуо его отряда, если бы — если бы не умирал сейчас, если бы на ежегодной ярмарке нашел себе жену из клана Уаиллара, если бы… много чего если бы.

Уаиллар, приблизившись (не без осторожности), выдернул аллэ из живота воина и коротким сильным ударом пробил ему сердце.

3

Уаиллар бежал вдоль реки, внимательно озираясь. Было уже почти совсем темно, однако продвигаться было опаснее, чем днем: в этой части долины растительность была совсем редкой, и бегущего воина можно было заметить с большого расстояния. Уаиллар решил бежать до полуночи, потом найти укрытие и немного поспать, а затем бежать дальше — так, чтобы оказаться у аиллоу многокожих ещё до рассвета, имея время на поиски Аолли.

Душу Уаиллара грели четыре хорошо сбалансированных аэ, собранных на месте битвы. Павшие аиллуо умели заговаривать свои ножи. А ещё на его шее висел гибкий побег уллиоэ с тремя парами острых ушей на нем.

Полуночное укрытие дал ему куст аололи, послушно окутавший широкими листьями, когда воин поговорил с ним.

Дальнейший путь потребовал ещё больше внимания и осторожности. Несколько раз по дороге попадались круглоухие, а один раз, уже почти у самого аиллоу многокожих, прямо перед рассветом — несколько воинов этого племени, на своих испорченных копытных. Уаиллар, слившийся с растениями у протоптанной круглоухими, убитой полосы земли, по которой они привыкли передвигаться, внимательно рассмотрел многокожих воинов, изучая тех, с кем ему придется, возможно, встретиться в бою в самое близкое время. Лошадь животное странное, непривычное. Они появились вместе с многокожими, как и некоторые растения, и другие животные. Уаиллар и раньше видел лошадей, и даже несколько раз успешно сражался с их

всадниками, сшибая наземь дальним броском своего аллэ. Проще было бы убить лошадь, после этого наездник становился почти беспомощным, но нет чести убивать неразумных, не способных нападать и обороняться.

На конях были нацеплены и наверчены куски мертвой кожи и мертвых, обработанных огнем камней. Поверх этого нагромождения сидели покрытые мертвыми кожей и волокнами растений круглоухие, по одному на каждой лошади. Они внимательно и настороженно озирались в предрассветном сумраке, причем было заметно, что видят они плохо, гораздо хуже, чем Уаиллар. От них сильно и неприятно пахло сложной смесью острых и резких запахов, в которой были и пот, и грязь, и нечистоты, и перегоревшая в желудках пища. Уаиллара передернуло, когда он представил себе, как эти круглоухие пожирают обожженные куски мертвой плоти животных. В глубине души он подозревал, что они и друг друга, наверное, пожирают — и аиллуэ могли бы, если б тот попал в их руки. Мерзость.

Воин обратил внимание, что грудь, живот и спина каждого из этих круглоухих были закрыты блестящей скорлупой. Раньше ему не случалось сталкиваться с таким, хотя от Арруэллэ и других опытных воинов он об этом слышал. Арруэллэ особенно предупреждал, чтобы Уаиллар не вздумал бить копьем или ножом в скорлупу: не пробьет. "Лучше в морду или в шею, там они обычно ничем не защищены", - повторил он несколько раз.

Так же блестящая скорлупа покрывала и головы круглоухих сверху, защищая в том числе и уши. Значит, и по голове бить не надо, подумал Уаиллар. Если только в лицо.

Он не понял, чем вооружены двукожие. Видно было только что-то длинное, обернутое в мертвую кожу, висевшее поперек лошадиных боков спереди от бедер всадников. Жаль — лучше бы заранее знать, с чем столкнешься. Особенно интересны для Уаиллара были пресловутые громотрубы — он никогда не видел их в действии (да и вообще близко).

Дождавшись, пока звук копыт не перестал различаться слухом, воин снова двинулся вперед. Через некоторое время он обнаружил себя посреди открытого пространства, земля на котором была изрыта и собрана в правильные, ровные гряды, усаженные через противоестественно равные интервалы незнакомыми растениями. Уаиллар попробовал поговорить с ними, чтобы понять, что они такое, но растения не отзывались. Видимо, это было что-то, привнесенное новыми круглоухими, так же, как верховые животные и другие их твари.

Уаиллар огляделся и понял, что ему надо срочно перебираться к недалекому берегу речки, потому что на этих

участках перекопанной земли, отделенных друг от друга невысоким кустарником, он был заметен, как алый цветок уэллэу в зеленой траве.

В этом месте берега речки были довольно крутыми, хоть и невысокими, меньше, чем половина роста воина. Внизу речка намыла песка, так что вдоль берега можно было довольно свободно передвигаться: пляж был шириной где в два аллэ, а где и в десять. Уаиллар снова побежал, закинув аллэ за спину. Он напряг все чувства, улавливая ощущения Жизни вокруг себя, как делал всегда, передвигаясь по-звериному.

От Арруэллэ он знал, что речка проходит вдоль всего аиллоу круглоухих. На её левом, крутом и высоком берегу, собственно, аиллоу и стоит. Правый берег напротив аиллоу низкий и во время дождей заболочен; весной его и вовсе затапливает. В сухое время года там растет густая зеленая трава, которую охотно едят лошади и другие порченые круглоухими животные. Левый берег, вдоль которого бежал Уаиллар, и вправду начал повышаться, и вскоре воин смог спокойно выпрямиться. Солнце уже освещало вершины гор, до рассвета оставалось совсем немного. Надо было торопиться. Он плохо рассчитал время, не зная точного расстояния, и должен был оказаться у цели, судя по всему, гораздо позже рассвета. Скорее всего, придется искать укрытие на светлое время — а это ещё день мучительного ожидания, день задержки, день, который Аолли проведет в плену.

И ещё его надо найти, это самое укрытие…

А между тем вокруг все просыпалось, и ощущений чужой Жизни в пределах чувствительности Уаиллара становилось все больше.

4

День, проведенный Уаиллaром в наскоро вырытой ямке под ветвями небольшого, но густого куста не известного ему растения (которое, слава Жизни, откликнулось, и с ним удалось поговорить), был для воина самым тяжким за всю его жизнь. Нетерпение грызло его, как зеленые блохи с полуденного склона Великой горы, вызывающие непереносимый зуд. Но от блох можно легко избавиться, посидев в воде по уши, а от мыслей, от страха за Аолли, от чувства вины — избавиться не удавалось. Хоть бы было чем занять себя — но воин не мог думать ни о чем другом, кругами ходя по одним и тем же думам и считая удары сердца.

Обычно Уаиллар, как воин опытный и зрелый,

поднаторевший в охотах на опасных хищников и походах чести, умел ждать и терпеть. Но не в этот день.

Но, наконец, солнце закатилось за горы, воздух посерел, остыл, и как-то сразу сделалось темно.

Скопления чужих жизней, которые Уаиллар чувствовал очень близко от себя — над берегом, на другом берегу реки, по сторонам — стали рассеиваться. Пришлось ждать ещё довольно долго, пока вокруг не остались лишь единичные проявления жизней — с чуждым рисунком, с нечитаемыми чувствами, явно от существ крупных. Многокожие! Воин выскользнул из-под куста. Ему пришлось, скрываясь в тени под берегом, сделать короткую разминку: многочасовое сидение в неподвижности зажало мышцы. Потом он, не выходя из тени, опорожнил мочевой пузырь и кишечник. Теперь он был готов к сражению.

Выбраться на крутой высокий берег оказалось несложно. Сложнее было понять, где он находится и что его окружает. Воздух был полон странных и незнакомых запахов, и это были не ароматы. Ааи круглоухих были гораздо больше, чем те, которые Уаиллар видел в аиллоу многокожих у озера. Земля была загажена нечистотами, гнилой соломой, утоптана до каменной твердости — а когда воин неслышно продвинулся дальше, оказалась покрыта ровными камнями одинакового размера, явно испорченными грубой обработкой.

Было трудно ориентироваться, потому что вокруг не было почти ничего знакомого. Пришлось напрячь до предела все чувства.

Поскольку Уаиллар не имел ни малейшего представления, где может находиться Аолли, он просто пошел наугад, прячась в тенях и бесшумно скользя под стенами домов, как будто бы это были привычные нагромождения скал где-нибудь у Чистого ручья, на границе территории клана. Дома постепенно становились все больше, а их стены — все массивнее. И вдруг они отодвинулись от берега реки, образовав довольно обширное ровное пространство. Примерно посередине цепочки домов стоял ааи совершенно колоссальных размеров, вытянувшийся вверх на много десятков длин копья. На остром его навершии блестело что-то, что Уаиллар не смог опознать.

Он осторожно осмотрелся, собираясь обогнуть это открытое пространство по контуру, вдоль домов, как и раньше. Но тут его ноздрей коснулся знакомый запах. Уаиллар так мечтал почувствовать его, что сначала не поверил себе. Но нет: это точно был запах Аолли, запах его женщины. И она пахла не как здоровая женщина.

Уаиллар с трудом загасил гнев и бешенство, охватившие его.

Сейчас они были как никогда некстати. Сейчас ему как никогда был нужен ясный, четкий и спокойный разум. Если его захлестнет гнев, если он поддастся гневу — он может наделать ошибок. Нельзя поддаться непереносимому желанию убивать, убивать, убивать! Главное — не взять уши врагов, главное — вывести отсюда Аолли. А убивать можно будет потом, когда она окажется в безопасности.

По дальнему краю площади лениво ходил многокожий. Его отвратительный запах чувствовался даже здесь. Время от времени он что-то подносил ко рту, и воин слышал звуки глотания. Что-то пьет? Судя по кислой вони, что-то тошнотворное. Но многокожему, видимо, нравилось.

Походка его почему-то была неуверенной, как у очень больного существа. Уаиллар решил, что при должной осторожности ему удастся не привлечь его внимание, и, удвоив бдительность, заскользил дальше. Копье давно уже было у него в руке; два аэ он взял в другую, зажав между пальцами, а ещё четыре остались на боках, закрепленные лианой так, чтобы можно было легко достать.

Уаиллар шел по запаху, по слабому, размытому аромату, знакомому до боли. Шел, стиснув зубы, шел, давя в себе злобу, но сердце его пело: Аолли где-то здесь, она жива, и значит, он её непременно найдет!

На краю площади запах заметно усилился. Он привел воина к месту, где в земле были следы, будто из нее что-то вырвали или выкопали. Судя по запаху, Аолли провела здесь довольно много времени; Уаиллар, принюхавшись, нашел место, куда она откладывала помет. Но жены его здесь уже не было! Аромат её перебивали мощные миазмы множества круглоухих, а также их порченых копытных.

Вокруг были нагорожены грубо сделанные из мертвого дерева и мертвого, прошедшего огонь, камня изгороди и клети, в которых вздыхали, блеяли и мычали порченые животные круглоухих.

Уаиллар заскользил расширяющимися кругами, обходя найденное место, где уже не было Аолли. Он несколько раз натыкался на очень слабый запаховый след своей любимой, но, попытавшись пройти по нему, быстро терял направление из-за того, что приходилось протискиваться между загородками. Выходить на свободное пространство, где он был бы виден как на голом валуне, Уаиллару не хотелось. Приходилось расширять и расширять круги, и, сосредоточившись на поисках, он слишком увлекся. Он столкнулся с многокожим, которого видел раньше издали, нос к носу.

Тот остолбенел, икнул, потом издал дикий, оглушительный, хриплый крик, не похожий на членораздельную речь, повернулся и собрался было бежать, продолжая издавать вопли. Тут Уаиллар не смог уже больше сдерживать себя: резкое движение — и в затылке многокожего, сразу под черепом, образовалась узкая кровавая дыра от острого конца аллэ. Многокожий рухнул ничком, вопль захлебнулся.

Воин стремительно наклонился к противнику, быстрым движением срезал оба уха и скрылся в ближайшей густой тени. Надо было понять, успел ли кто-то услышать крики убитого.

Ему не повезло: послышались шум и крики, и чувство Жизни показало, что к открытому месту быстро приближаются чуждые существа. Проклятый многокожий успел-таки поднять тревогу. Уаиллар выбрался из путаницы загородок на край площади, прижался спиной к стене одного из здешних огромных ааи и приготовился дорого продать свою жизнь.

Но вдруг он почувствовал слабый запах Аолли, и снова вначале не поверил себе. Запах тянулся из широкого прохода между ааи круглоухих (если бы он знал их язык, он назвал бы его улицей). Запах был слабым, его забивала вонь грязных многокожих и их животных, но он был — и он вел прочь от площади.

Все остальное сразу стало неважно. Воин плавно, но быстро скользнул вдоль стены, продвигаясь в сторону, где запах любимой был сильнее. На счастье Уаиллара, круглоухие, должно быть, стекались к площади по другим улицам. Ему удалось проскочить несколько домов, когда и по этой улице приблизились, двигаясь почему-то неторопливо и очень шумно, три круглоухих. В руках у них было что-то острое, блестящее в слабом свете звезд. Они явно плохо видели в темноте; один из круглоухих нес зажженный огонь на короткой палке. Огонь больше слепил их, чем освещал окрестности. (Воин не знал, что ему не повезло наткнуться на единственный в городе патруль стражи, выдвинувшийся, чтобы проверить, кто это так кричал на площади.)

Уаиллар метнул сначала один аэ, потом другой. Третьего круглоухого он полоснул по горлу острым концом аллэ. Все трое умерли, не издав ни звука, если не считать звуки падения тел. Огонь на палке упал в лужу чего-то мерзкого (коих было там предостаточно) и там погас, зашипев, как змея эрлирау перед нападением. Уаиллар осмотрелся, используя не только зрение, но и все другие чувства, и понял, что, кроме этих троих, поблизости никого из врагов не имеется. У него даже было время срезать уши и нанизать их на лиану. Уши первого убитого, брошенные перед

схваткой, воин не стал поднимать из-за брезгливости: они тоже упали в вонючую грязь.

Быстрыми бесшумными прыжками Уаиллар побежал в направлении, которое указывал ему любимый запах.

5

И вот он стоит, спрятавшись в тень, перед огромным ааи, внутрь которого ведет глубокий, чернеющий проход, перекрытый перегородкой из мертвого дерева. Из-за нее тянет запахом Аолли, больной Аолли, несчастной Аолли, давно не мывшейся проточной водой Аолли.

Ааи тих и безмолвен, хотя Уаиллар чувствует внутри много враждебных жизней: не меньше, чем пальцев на всех его лапах. Не все они спят.

Снаружи ааи никого нет. Уаиллар решительно подходит к стене и проводит по ней когтем. Стена — не из сплошного камня, как он подумал вначале; это сильно высохшая глина, замешанная с завядшей травой, она поддается когтям. Ждать больше не имеет смысла, и воин, прижимаясь животом к стене и широко расставляя конечности, быстро взбирается до самого верха.

Там он быстро перевалился через невысокий барьер, ограждавший крышу ааи по периметру, и застыл в его тени. На крыше кое-где спали круглоухие, расстелив под собой сплетенный мертвый тростник и накрывшись кусками из такого же материала, из которого были их наружные неживые кожи. Никто из них не проснулся, не услышал легкого шума, с которым воин взобрался на стену.

Посреди крыши зиял большой провал, черный на фоне темной крыши. Уаиллар медленно, бесшумно обплывая лежащих круглоухих, перетек к провалу. Некоторые круглоухие во сне издавали странные хриплые звуки, иногда очень громкие. Уаиллар несколько раз вздрагивал от них и хватался за ножи, но никто из лежащих на крыше пока не проснулся. Воин осторожно заглянул внутрь провала. Там было чистое, пустое пространство, покрытое чахлой травой, в центре которого из небольшого фигурного возвышения лилась в каменную чашу свежая вода. Под стенами вместо травы — примерно на длину копья — земля была замощена плоскими камнями. В тусклом свете звезд было трудно разобрать, нет ли в углах, где тень погуще, круглоухих. Уаиллар чувствовал их присутствие, но их было слишком много в доме, чтобы понять, где именно они находятся.

И вдруг он увидел Аолли. Она находилась внутри довольно

тесной клетки, сделанной из прошедшей огонь мертвой земли. Клетка стояла в углу площадки, двумя сторонами прижатая к стенам. От нее шла сильная вонь нечистот и гниющей плоти, почти перебивавший запах жены. Аолли спала, свернувшись, и Уаиллара захлестнули нежная жалость к ней и пылающая злость на тех, кто её пленил. Он едва не бросился к ней сразу же, но опыт воина пересилил: сначала надо было обезопасить себе спину.

Бесшумными быстрыми шагами он стал обходить крышу, прекращая жизни спавших на ней круглоухих. Он даже не думал отрезать уши; в бою бывает не до этого, и сожалеть об оставленных знаках доблести не следует.

К несчастью, крыша была большая, а круглоухих на ней много. И случилось то, чего Уаиллар больше всего опасался: один из них проснулся до того, как воин приблизился к нему достаточно близко для своего оружия. Круглоухий вытаращился на смутно видимый силуэт аиллуо, видимо, не веря своим глазам, а потом оглушительно закричал. Брошенный на пределе дальности аэ попал ему в грудь; крик захлебнулся, но потом возобновился, тише, с хрипом и в другом тоне.

Теперь уже медлить было нельзя. Уаиллар ещё даже не знал, как открыть клетку (с прутьями из обожженной земли не поговоришь) и как выводить Аолли из этого двора. Времени выяснять это не осталось, надо было делать хоть что-то.

Воин спрыгнул в темный провал двора и бросился к клетке.

Аолли уже проснулась, поднятая воплями, и озиралась, пытаясь понять спросонья, что происходит. Увидев Уаиллара, она издала легкий вскрик и бросилась к прутьям решетки. В считанные мгновения воин оказался рядом с ней; он провел пальцами по щеке жены и бросился ощупывать прутья клетки, пытаясь понять, как она открывается. Аолли метнулась к другой стороне клетки, показав жестом, чтобы воин шел за ней. Там часть решетки была сдвижной, она поднималась наверх. Но один из крайних прутьев сдвижной дверцы был прикреплен к соседнему пруту неподвижной части клетки довольно тяжелым непонятным устройством, также из прошедшей огонь земли. Его дужка входила в два кольца: одно на подвижном пруте, второе на неподвижном. Уаиллар быстро осмотрел устройство и не смог понять, как оно действует, чтобы освободить сдвижную дверцу.

Аолли быстрым шёпотом объяснила ему, что круглоухие вставляют в прорезь устройства что-то небольшое, и дужка со щелчком открывается.

— У кого? — Спросил Уаиллар.

Аолли поняла:

— Высокий, молодой, светлая шерсть, вожак.

Меж тем вокруг двора начались шум и движение, в стене открылась одна из нескольких дверей, и оттуда выскочили три многокожих, один из которых держал в руке что-то круглое, прозрачное, с огнем внутри. И снова свет больше слепил их, чем помогал видеть.

С крыши донеслись громкие крики. Круглоухие во дворе остановились, один из них отозвался низким и хриплым ревом. Открылась ещё одна дверь, из которой выскочили два круглоухих, один в блестящей скорлупе на груди и голове, второй с непокрытой головой и грудью, защищенной толстой мертвой кожей копытного. В руках у них были длинные, в половину аллэ, и даже с виду острые предметы, блестевшие в свете звезд.

Никто из них пока не видел Уаиллара, скрывшегося в углу, в густой тени, Аолли отошла от прутьев клетки и стояла почти в самой её середине, прикрыв рукою рот.

Тот многокожий, который был в скорлупе, рявкнул что-то, обернувшись к двери, откуда пришел. Через несколько мгновений оттуда выбежали ещё два круглоухих, у одного в руках был уже знакомый светящийся прозрачный предмет. С крыши проревели ещё что-то; круглоухие во дворе, переговариваясь, стали группой продвигаться по мощеной дорожке, осматривая темные закутки у дверей и в углах. Им оставалось уже несколько шагов до клетки.

Уаиллар одним прыжком выметнулся из угла почти в центр двора, к фонтану. Четыре аэ вылетели из его руки один за другим, и три из них попали, куда он хотел. Четвертый, нацеленный в лицо круглоухому в скорлупе, пролетел мимо, потому что тот непостижимо быстро уклонился.

Один из ножей застрял в толстой коже, покрывавшей второго круглоухого. По-видимому, он не пробил её, потому что круглоухий, двигаясь плавно и быстро, как опытный воин, стал смещаться влево и сближаться с Уаиллaром. Покрытый скорлупой приближался справа.

Уаиллар метнул оставшийся нож — и на этот раз попал как раз над верхней частью грудной скорлупы, в основание шеи. Скорлупчатый многокожий схватился за шею, захрипел и стал опускаться на колени. Второй стремительно бросился к Уаиллару, размахивая своим острым предметом. Но аиллуо сделал мощный прыжок и оказался слева и чуть сзади круглоухого. Тот стал было разворачиваться, но ему явно недоставало быстроты. Удар копьем, почему-то не пробивший надетую на нем толстую кожу, все-таки сбил круглоухого с ног.

И в этот момент позади Уаиллара что-то громыхнуло. Он инстинктивно дернулся влево, но, видимо, недостаточно быстро:

что-то горячее сильно ударило его между ушами, и наступила чернота.

Глава 7. ДОРАНТ

1

— Какие плоды? — Спросил Дорант.

— Да любые, из тех, что растут в Альвиане. Они не могут есть плоды, которые там не растут.

— Асарау, ты можешь с ними разговаривать?

— Немного. Я слушал и запоминал.

Дорант почти не удивился. Гаррани иначе относились к животным и растениям, чем белые люди, пришедшие из Империи. Он вспомнил, как был потрясен, когда увидел, как гаррани уговаривают карриала — местную разновидность леопарда, хищника страшного и безжалостного — не нападать на их скот. Карриал, конечно, не уговорился, но от удивления попятился и ушел в чащу, так что гаррани смогли собрать скот и увести — за исключением одного теленка, который и так хромал. Его привязали и оставили карриалу.

Они и к альвам так же относятся, подумал Дорант. Тем более, что альвы-то не просто хищники, они полуразумные.

Дорант прекрасно понимал, чем альвы отличаются, скажем, от тех же дикарей Заморской Марки. Да, дикари не были похожи на людей из Империи. Но они были точно людьми. В конце концов, и в Старом Свете было немало людей разных: и рыжие арнийцы с огромными курчавыми бакенбардами, которые они заправляли за галстуки; и белобрысые северяне из Гандхейма, рослые и медлительные, и шустрые перликийцы с оливковой кожей, длинными носами и говором, как будто жуют кашу, и хитрые гальвийцы, не бреющие бород.

И всё это были люди. Потому что они легко находили пару, если оказывались среди чужеземцев, и дети их были жизнеспособны (а часто и талантливы).

Альвы же и внешне не были похожи на людей — скорее, они были ближе к тем же карриалам, хотя и от них заметно отличались внешностью. И когда неразборчивые солдаты, которым, что коза, что девица, насиловали связанную альву (а не связанная убила бы их, даже если бы было их десять на нее одну), от этого не появлялись дети.

Впрочем, альвы-самки в неволе быстро умирали. И, кажется, теперь Дорант знал, от чего.

Так или иначе, альвы не были людьми и не были людям равны. Все-таки они — животные, пусть и с зачатками разума.

Никто никогда не предполагал, что у них есть язык и с ними можно разговаривать.

Но эта конкретная альва была Доранту нужна. Потому что она каким-то образом соприкасалась с примесом Йорре — или, может, с его одеждой, или с его вещами. Надо было узнать — любой ценой узнать — когда и при каких обстоятельствах это произошло, что альва знает о судьбе примеса Йорре, а главное — о том, где он и что с ним.

— Асарау, скажи мне — ты знаешь эту альву?

— Нет, Дорант-эр. — Воин гаррани обращался к Доранту как к высшему. — Она из другого клана. У них и язык немного другой.

— Она что, тебе отвечала?

— Да, от удивления, что услышала свою речь. Спросила, кто я. А когда я рассказал, приветствовала меня как воина.

— Ты можешь узнать у нее то, что мне нужно?

— Если это не очень сложно, Дорант-эр. Я мало знаю их язык, только самые простые вещи.

— Скажи ей, что мы дадим ей еду, какую она может есть. Скажи, что я не хочу, чтобы она умерла.

Асарау защебетал высоким голосом. Альва окинула его и Доранта странным взглядом, скорее презрительным, чем благодарным. И ничего не ответила.

— Асарау, объясни нашим людям, чем её кормить, и пусть принесут, что ей надо.

Асарау обернулся к слугам Харрана, с любопытством внимавшим тому, что происходит. Дорант же вглядывался в овальные (а не щелевидные, как он думал раньше) зрачки альвы, пытаясь сообразить, как с ней разговаривать и как узнать от нее то, что ему нужно. Искалеченный гаррани кое-как объяснился со слугами (его язык отличался от языка здешних дикарей, хотя и был на него похож, так что они говорили на ужасной смеси имперского и обоих местных), и они через небольшой промежуток времени принесли целую корзину диких абрикосов, кислых и мелких, из которых дикари делали хмельное вино. Есть их человеку было невозможно.

Корзину запихнули в клетку, приподняв вертикальную дверцу и выставив копья, чтобы альва не вырвалась.

Альва странно посмотрела сначала на Асарау, потом на Доранта. Подошла к корзине, обнюхала плоды, обнюхала саму корзину. Фыркнула. Непередаваемо изящным движением извлекла плод из корзины и снова взглянула на Асарау — Дорант поклялся бы, что вопросительно.

Асарау щебетнул что-то высоким голосом.

Альва склонила голову, потом быстрым движением засунула плод за щеку. Секунда — и она выплюнула косточку в дальний угол клетки.

Асарау щебетнул что-то ещё.

Альва снова внимательно посмотрела на него и на Доранта, потом подхватила корзину и пошла в другой угол.

Там она, наконец, начала есть.

Дорант спросил:

— Асарау, скажи, неужели они едят только фрукты?

— Да нет, Дорант-эр, они и овощи едят. Которые растут в Альвиане.

— А у нас говорят, что они пожирают убитых ими людей…

— Это неправда, Дорант-эр. Они не едят мяса вообще.

— Зачем же они убивают?

— У них мужчины должны показать свою доблесть. Надо убить или альвов из другого клана, или людей. Или каких-нибудь опасных хищников.

— Зачем??

— Это честь. Преодолеть страх. Показать мужество.

— Может быть, добыча?

— Они не берут добычу. Только пленных, для пыточного столба.

Дорант глубоко задумался, а потом задал вопрос, с которого, наверное, стоило бы начать:

— Так они не животные?

Гаррани взглянул на Доранта своим единственным глазом с искренним удивлением:

— Они воины, они достойные люди. Люди чести. Они держат слово, данное друг другу.

Дорант вновь пристально посмотрел на альву, понимая, что должен переменить многие свои представления.

2

Тут подтянулся и Харран, посмотрел с любопытством на альву, аккуратно, по одному поедающую абрикосы, передернулся, как

раньше сам Дорант, представив, какая это вяжущая кислятина, хлопнул Доранта по плечу со словами "Ну вот видишь, жрет твоя альва" и пригласил обедать.

Дорант, посмотрев на Асарау, попросил у Харрана немного времени, чтобы привести себя в порядок. Заодно и увечного воина, который очень сильно в этом нуждался. Харран с

полуслова понял мысль и лично сопроводил Доранта и гаррани в комнаты, где слуга слил им воды, а служанка принесла Асарау одежду и помогла переодеться, несмотря на его смущение. Одежда была ему великовата — взяли, наверное, из запаса для боевых слуг.

За столом Асарау, сын Кау, сына Васеу, держался с достоинством, удивившим Харрана, но не Доранта, который хорошо знал воинов гаррани. По просьбе Харрана молодой воин рассказал свою нехитрую историю; Дорант также послушал со вниманием, поскольку его интересовали детали, касающиеся альвов. Да и переводить для Харрана пришлось ему же. Выходило, что у них — не повадки, а обычаи; что живут они кланами, которые враждуют друг с другом из-за территории, где растут съедобные и целебные растения; что мужчины (Дорант с трудом воспринял, что их надо называть так, а не — как привычно, "самцы") ходят на охоту убивать опасных хищников, а также в походы чести на другие кланы и на людей, живущих на окраинах Альвийского леса. Ещё выяснилось, что вражда между кланами не мешает им время от времени объединяться, чтобы напасть на какой-нибудь другой клан или на человеческие поселения. Походами чести руководят военные вожди, которых выбирают благодаря их удачливости и опыту.

Самое поразительное, что рассказал Асарау, было то, что альвы не знают ремесел в нашем понимании. У них нет инструментов, они ничего не изготавливают из дерева или глины, железа и других металлов не употребляют вовсе. Вместо этого они умеют заклинать растения, чтобы те давали им побеги, ветви, плоды и прочее, из чего плетутся веревки, сворачиваются сосуды и так далее. Даже свои страшные копья и метательные ножи они получают от специального дерева.

Женщины заклинают растения на изменение формы, на мягкость, на непроницаемость. Они умеют заклинать плоды, чтобы те не портились месяцами, сохраняя свежесть. Они же лечат раны, заставляя их затягиваться и зарастать, не загнивая.

Мужчины же могут заклясть растение, чтобы оно стало твердым и острым, уговорить бамбук, чтобы сплелся в изгородь, и так далее. Умеют они и почти все то же, что делают женщины, только это считается для мужчин занятием низким, и получается у них хуже.

В это невозможно было поверить, но Дорант знал, что гаррани никогда не лгут.

На лице Харрана было написано удивление и недоверие. Дорант, не желая, чтобы его друг ненамеренно оскорбил увечного воина (и имея собственный интерес), перевел разговор на другую

тему:

— Расскажи нам про их воинов, Асарау. — У альвов есть только два достойных занятия для мужчины: война и охота на хищников. Они с детства учатся этому. Они

каждый день сражаются друг с другом на площади перед столбом пыток, до первой крови. А потом вместе едят: для этого там есть (что-то, чего Дорант не понял, но на всякий случай перевел как "большая циновка"), где они рассаживаются бок о бок, а женщины приносят им плетенки с плодами. Все время кто-то из мужчин уходит из поселка, либо в одиночку, либо группами. Потом возвращаются и приносят уши.

— Какие уши? — Спросил Харран.

— Разные. Иногда это уши хищных животных, чаще — уши людей или альвов.

— И что, всегда они возвращаются с добычей?

— Нет, конечно. Пока я был в плену, несколько раз было так, что воины уходили и не возвращались. Однажды двоих принесли изувеченных, они попали в засаду других альвов недалеко от поселения. Один раз ушли почти две руки воинов, а вернулись двое, и ещё одного принесли тяжело раненного. Его добили уже в деревне, с почестями.

— Как то есть — добили?

— Просто: поговорили над ним, а потом главный альв клана ударил его в сердце своим копьем. У них считается, что если воин ранен так тяжело, что не сможет полностью выздороветь, то для него лучше умереть от руки своих.

Как ни странно, самый важный вопрос задал не Дорант, а Харран:

— А как они сражаются? В чем сильны и в чем слабы?

В ответ Асарау довольно подробно объяснил, что основное оружие воина-альва — копье длиной "примерно до твоей груди, Дорант". Что альвы умеют этим копьем и колоть, и рубить, и резать; что при случае могут его метнуть, да так, что оно на расстоянии в двадцать ростов человека легко пробивает даже кольчугу[30]. Что бросают альвы не только копья, но и ножи, а если случится — и камни, и соревнуются в этом. Что в соревнованиях участвуют не только воины, но и женщины, и даже дети. И что для альва позор не попасть ножом в тридцати шагах в мишень размером в сливу.

Про слабости же альвов Асарау ничего не смог сказать. Разве что — заметил он после глубокого размышления — копья их вряд ли могут пробить сплошную сталь.

Дорант, подумав, удивился: как альвы носят оружие, у них ведь нет одежды, ремней и прочей амуниции?

Асарау ответил, что одежду альвы и впрямь не знают, но умеют плести из лиан и коры подобия поясов, ожерелий и сбруи, на которые вешают свое оружие, да и другие нужные в походе вещи.

Оба друга крайне этому удивились, поскольку ни о чем подобном до того не слышали.

Они поспрашивали ещё про обычаи альвов, давая, впрочем, воину поесть и запить между ответами на вопросы. Потом стало ясно, что вина для молодого гаррани оказалось чуть многовато, и он начал клевать носом. Харран позвал слуг, чтобы проводили Асарау и уложили спать — строго наказав, чтобы относились к нему с уважением.

Калека-воин учтиво поблагодарил Харрана, поклонился Доранту и, не давшись в руки слугам, удалился, шаркая голенями по полу — но не сутулясь и почти не покачиваясь, хотя было видно, что это давалось ему не просто.

3

Когда Дорант и Харран остались за столом одни, Харран, качая головой, сказал:

— Если бы ты не рассказывал мне раньше про гаррани — ни за что бы не поверил. Какая история! Какой воин! А главное — кто бы подумал, что у этих зверюшек есть поселки, воинская доблесть, понятие о чести… Они совсем как люди! А мы их считаем полуразумными хищниками…

Дорант подумал, что, пожалуй, в том-то и состоит проблема. Альвы так же считают людей полуразумными хищниками, как и люди альвов. Так что и те, и другие норовят убивать друг друга при каждом удобном случае.

Впрочем, судя по рассказу Асарау, альвы и друг друга убивают столь же охотно.

Харран меж тем поднял вопросительный взгляд, причем было заметно, что он чувствует некоторую неловкость:

— Дорант, ты пойдешь сегодня к Ронде? Они нас приглашали.

Что, интересно, его так смущает? Не хотелось бы тратить время на светские развлечения — лучше бы поспрошать альву, но от Асарау, похоже, и вечером ещё не будет толку. На местных дикарей вино действует убойно, зря они об этом не подумали, подливая увечному воину.

— А ты как считаешь?

Харран смутился ещё больше:

— Мне бы хотелось, чтобы ты пошел. Маисси очень просила, да и её мама.

О как, уже "мама"! Крепко же ты попал, парень!

Было, однако, видно, что не все так просто, и есть за этим приглашением задняя мысль.

— Харран, скажи честно, зачем я им нужен?

— Понимаешь, ты так внезапно купил эту альву… Весь город это обсуждает. И тебя. До этого никто про тебя особо не говорил. А тут вдруг… Потом… ты же сам меня отговаривал… Слушай, а вправду, зачем она тебе вдруг так понадобилась? — Харран как в омут кинулся: он был, вообще-то, с детства приучен, что дела Доранта его не касаются, и расспрашивать о них не следует.

Ну да. Это было очевидно. Городок маленький, все на виду. Доранта здесь знают вот уж сколько лет — приезжает, мол, каваллиер из столицы, по темным своим каким-то делам. Ну приезжает и приезжает, он раньше дел ни с кем, кроме Харрана и его отца особо и не имел, кроме как купить что-то да нанять пару людей на разовое поручение. А тут — весь город и так вовсю обсуждал поимку альвы, и вдруг приезжает каваллиер из столицы, и вместо обычных дел — раз, и купил эту альву. Хоть они в неволе и не живут. Наверняка все шепчутся: просто шкуру он с нее снимет или чучело набьет? Да ещё Асарау, почитай, при всем приличном обществе города с паперти увели как равного.

Да и Харран, как видно, в полном недоумении.

Дорант глубоко задумался. Он, конечно, мог просто промолчать или отшутиться, Харран бы не только не обиделся, но и почувствовал бы себя виноватым, что полез в дела друга. И это, наверное, было бы правильно — учитывая, что за поручение было у Доранта, и что за люди Ронде, с которыми у Харрана теперь не просто легкое знакомство. Но, с другой стороны, примес Йорре почти наверняка попал к альвам. И хочешь — не хочешь, надо вытаскивать его. Лучше всего живым, или уж, если не повезет, получить надежные доказательства, что он умер.

Так уж вышло, что из шести или семи посланных по разным дорогам за отрядами, якобы сопровождающими примеса, только Доранту удалось напасть на след настоящего отряда.

Он не стал брать с собой людей, кроме двух своих самых доверенных боевых слуг, Калле и Сеннера. Во-первых, не хотелось тратить время: на то, чтобы собрать людей, ушло бы самое меньшее дня три. Во-вторых, больше людей — меньше тайны, а дело было более чем деликатное.

Когда стало ясно, что именно он идет по следу настоящего примеса, Дорант и обрадовался, и немного пожалел, что людей у него всего двое. Но он был уверен, что справится — до тех пор,

пока не убедился, что, скорее всего, примес — у альвов.

Если даже с десятком или полутора людей Аттоу он бы договорился или справился (кому охота быть обвиненным в мятеже?), то с альвами про "договариваться" даже и думать не следовало, а насчет "справиться" — были очень и очень большие сомнения.

Так что теперь Доранту нужны были люди, и срочно. А у Харрана люди были. Вон они, во дворе. Вон они, в комнатах на втором этаже. Вон они, чистят лошадей позади конюшни. Два, а то и три десятка можно было получить сразу — да и сам Харран, в бою стоящий двоих, очень пригодился бы.

Но Маисси осложняла всю картину. Дорант не мог решить, может ли он доверить Харрану не свою тайну — теперь, когда тот почти в родстве с родней вице-короля, то есть — с людьми семейства из Аттоу. Ставить своего друга, человека, к которому он относился если не как к сыну, то как к племяннику, парня, которого он сам учил фехтованию, в положение, когда тому надо делать выбор между другом и учителем — и любимой девушкой?

Дорант был человек дела. Он никогда не тянул, когда надо было принимать решение. Он не боялся брать на себя ответственность — но очень не любил, когда приходилось делать выбор за других, а тем более, за тех, кто был ему не чужим.

Но тут он поступил так, как поступают люди обычные, боящиеся решений и ответственности: он не предпринял ничего. Он отложил решение, подумав, что время покажет.

Он сказал:

— Харран, ну конечно же, я пойду с тобой к Ронде. Только, если можно, сделай так, чтобы меня там не расспрашивали про альву — мои дела не моя тайна, ты же понимаешь!

Это была ошибка, в чем Доранту пришлось убедиться тем же вечером.

4

Несмотря на ранние сумерки, особняк Ронде был ярко освещен: факелы у входа, сальные свечи в вестибюле, где сходились у парапета две лестницы — у парапета, где встречали гостей гильдмайстер Ронде, его жена (по любви, не забывайте!) и обе дочери, и восковые свечи в большом зале на втором этаже, в котором уже настраивали инструменты музыканты местного оркестра.

Дорант с Харраном поднялись, поприветствовали главу семейства, его (по любви) знатную супругу и дочерей и

проследовали в бальный зал.

Там было уже довольно много народу. Харран пояснил, что сегодня у Ронде бал — по случаю храмового праздника (чем этот предлог хуже другого?). Судя по всему, гильдмайстер Ронде решил использовать хоть какой повод для того, чтобы развлечь своих дочек (ага, сам решил. Не дочки настояли — съязвил Дорант.). Харран же, впрочем, объяснил ещё раз: серьезные семьи в Кармоне дают балы по строгой очереди, так, чтобы бал проходил не реже, чем раз в три месяца.

Друг повел Доранта по периметру бальной залы, знакомя с присутствующими. Похоже, здесь были все мало-мальски благородные и (или?) состоятельные семейства Кармона. Дорант учтиво здоровался и старался запомнить всех. Кое-кого он знал по прочим приездам — но не их дочек и сынков, разумеется. Раньше ему не случалось попадать на городской бал. Знать местных сильных людей было полезно, поэтому Дорант старался каждому найти пару любезных слов, внутри же себя придумывая для всякого мнемоническую зацепку, дабы не забыть при следующем появлении. Ситуацию несколько осложняла необходимость запоминать не только глав семейств и их супруг разной степени дородности, но и молодежь — хотя для Доранта как раз молодежь была интереснее взрослых. Ну, понятно, не та, которой ещё в куклы играть — но таких было в зале немного, приглашенных, по-видимому, в компанию младшей дочке Ронде.

Дорант, обходя зал, дивился старомодным костюмам и платьям, многие из которых годились в коллекции собирателям старины. Дорант подумал, что, пожалуй, кое-кто из присутствующих блистал бы модной одеждою в те поры, когда он родился (он, разумеется, был неправ). Другие отстали от жизни не на столько, но могли бы форсить лет пятнадцать назад. Хуже всего было то, что именно Дорант был назначен гвоздем вечера, и все так или иначе давали ему это понять. Разумеется, три из четырех вопросов касались его приобретения. Всех снедало любопытство: зачем столичному каваллиеру альва, что он собирается с ней делать и насколько это неприлично.

Он то отшучивался, то делал многозначительный вид, то попросту пропускал вопросы мимо ушей — понимая, что все это дает в лучшем случае отсрочку, но не избавит его от вопросов и недоумений в ближайшее же время.

Дорант, ожидавший, со слов Харрана, очередного камерного званого ужина на несколько персон и попавший на бал общегородского масштаба, чувствовал себя не в своей тарелке. Во-первых, он был неподобающе одет: в один из трех своих костюмов, с каваллиерской лентой на шее, то есть так, как и в

прошлый визит к Ронде. Только сейчас-то намечался бал — а на бал одеваться надо было совсем иначе, но у Доранта попросту не было с собой подходящей к балу одежды.

Во-вторых, он не ожидал такого к себе внимания (а собственно, почему? Не так уж часто в Кармон заносило столичных каваллиеров. В предыдущие приезды он попросту был слишком занят своими делами, чтобы включаться в местное общество. А тут вот пришлось). Местные девы на выданье не то, чтобы сверлили его взглядами — они его взглядами раздевали.

Про некоторых матрон уж и говорить не приходилось.

Дорант с Харраном неторопливо обходили по периметру, по ходу часов, бальную залу, освещенную шестью огромными многосвечными люстрами. По левую руку серели тяжелыми портьерами большие окна, выходящие в квадратный двор особняка, по правую симметрично им сверкали вставленные в такие же переплеты тусклые зеркала. Дорант с трудом сдерживал нетерпение и раздражение, ему хотелось обратно, в особняк Харрана, говорить через Асарау с альвой. Но надо было проявлять вежество — и не обижать Харрана, для которого бал этот, по-видимому, имел большое значение.

Вдруг, в углу, когда они с Харраном раскланялись уже с малой компанией молодых людей, окружавших уже знакомого Доранту армано Миггала, сзади, от этой компании, донеслось до слуха нашего каваллиера сказанное почти в полный голос:

— Видите, армано, как далеко зашел разврат в светском обществе? Этим двоим мало уже утех, кои доставляют они друг другу, они ещё и альву приобрели в расчете на противоестественное её участие в их забавах.

Люди в ближайших семейных кучках начали оборачиваться. Дорант тяжело вздохнул. Явно было, что его провоцируют. Но спускать такое невозможно, потом на люди не покажешься.

Он обернулся, положив руку на меч, и резко спросил:

— Кто это сказал?

Чернявый парень из той тройки, что стояла при армано, представившийся как Жалон Мерей, с дерзкой миной на лице сделал полшага вперед:

— Это я. Вам что-то не нравится?

Дорант, отодвинув правой рукой Харрана назад, медленно осмотрел его сверху вниз, от смазанного салом чуба надо лбом до подошвы вычищенного и натертого тем же салом сапога:

— Хм. Забавный ребенок.

Он повернулся к Харрану:

— Это местный сумасшедший? Как его пустили в приличное место?

Мерей вспыхнул, схватился за эфес меча и выкрикнул:

— Поединок! Немедленно! До смерти! Дорант снова повернулся к Харрану:

— Напомните мне, друг мой, дозволены ли дуэльным кодексом поединки с лицами, страдающими умственной отсталостью?

У Мерея, не ожидавшего ничего подобного, перехватило дыхание. В бальной зале не осталось ни одного человека, который смотрел бы куда-то ещё, кроме как на него и Доранта. Харран, сам пунцовый от бешенства, глотал воздух, не в силах произнести ни слова.

— Дозволены, значит. Хорошо. Любезный, — Дорант сознательно обратился к Мерею как к лицу низшего сословия, — мы будем драться на тех мечах, которые у каждого с собой, до смерти, через полчаса, во дворе. Мой секундант — Харран из Кармонского Гронта. Вы найдете его здесь. А я, с вашего позволения, удалюсь, чтобы не обонять ваш мерзкий запах.

Он шепнул Харрану:

— Ты знаешь, что делать. Проследи, чтобы не было подставы.

И быстрым, легким шагом, наискосок через бальную залу и вниз по лестнице, мимо обалдевших хозяев, вылетел на улицу.

Радуясь, что избавился от духоты, запахов пота и жженого свечного сала.

5

Пройдя сквозь ажурные кованые ворота, полураскрытые по случаю бала, Дорант оказался во внутреннем дворе особняка Ронде. Двор был немного больше, чем у Харрана. В центре так же булькал свежей водою фонтан, назначенный для питья и приготовления пищи. По периметру шла отмостка из каменных плит, а в середине, между фонтаном и отмосткой, росли многочисленные цветы, испускавшие к ночи сладкий аромат. Над головой — плавно меняясь от светло-розового к темно-голубому — простиралось безоблачное закатное небо.

Дорант огляделся и выбрал место, где будет убивать противника. Земля там — между отмосткой и клумбой — была покрыта короткой, видимо, скошеной, жёсткой травой. Сапоги скользить не будут. У него не было сомнений в исходе поединка: в Заморской Марке мало было мечников, способных с ним сравниться. То есть ровно два, и с обоими Дорант дружил. Вдруг на него набросились, схватили за шею и повисли. Дорант еле увернулся от влажного поцелуя и с трудом отлепил от себя

Маисси. Только этого ему не хватало!

— Каваллиер Дорант! Вы не должны рисковать собой! Вы должны увезти меня отсюда!

О боги! За что?

— Вы самый благородный мужчина на свете! Вы должны меня понять! Я не могу здесь жить! Здесь все серые и старые! Даже кто молодые! А вы герой! Вы рыцарь! Как в романах! Вы должны увезти меня отсюда! Я достойна только вас!

О боги!!! У Доранта голова пошла кругом. Только этого не хватало для полного счастья.

Маисси снова прижалась к нему пышной упругой грудью и пыталась, вытянувшись и как бы не подпрыгивая, дотянуться до его рта губами:

— Мой рыцарь! Неужели эта гадкая альва красивее меня!

Руки на талию и аккуратно отодвинуть подальше.

— Маисси, вы безумно хороши и безумно привлекательны! Но я связан долгом и не могу вас компрометировать! Я старый воин, я служу и не свободен.

— Но Харран говорил, что вы не женаты!

— Маисси, милая, есть долг, который выше долга перед женой!

Девушка осела в его руках и собралась плакать.

Дорант огляделся, пытаясь понять, мог ли кто-то видеть то, что случилось. Получалось, что едва ли не полгорода — если смотрели в окна бальной залы. Или никто, если не смотрели.

— Маисси, вы должны быть осторожнее! Не всякий поймет вас так, как я! Мужчины склонны пользоваться неопытностью девушек, а там и до беды недалеко! Умоляю вас, соберитесь! Никто не должен понять вас неправильно!

К чести Маисси, она была девушка гордая. Отстранилась, сглотнула слезы, утерлась вынутым откуда-то батистовым вышитым платочком. Подняла глаза с надеждой:

— Каваллиер, прошу вас как человека чести! Простите меня!

К ним из ворот уже приближались Харран, Мерей и армано. С ними были какой-то высокий и мрачный мужчина, весь в черном, и пара слуг с факелами. Позади рыхлой толпой втягивались во двор возбужденные гости.

Дорант громко (даже слишком громко) произнес:

— Дорогая Маисси, я понимаю ваше огорчение тем, что мы испортили ваш бал! Но это, увы, дело чести, и я не могу отказаться от поединка!

Маисси, к радости его, заметила посторонних и быстро сориентировалась, также говоря избыточно громко:

— О, каваллиер, простите мне, слабой девушке, слишком

сильное выражение чувств! Я так ждала этого бала! А теперь… — и она, уже на законных основаниях, все-таки зарыдала.

Харран немедленно кинулся утешать.

Армано скривился и приготовился ждать. Мерей, с презрительной усмешкой, хотел было что-то сказать Харрану, но был остановлен секундантом — тот, надо полагать, помнил свои тренировки с молодым другом Доранта и не хотел, чтобы его приятеля убили. Самого Доранта он не принимал во внимание, считая обычным заезжим столичным хлыщом. По-видимому, он воспринимал рассказанные ему за столом у Ронде истории как байки.

Харран, наконец, заметил, что его ждут, и присоединился к компании. Пошла обычная рутина насчет примирения, согласия на условия поединка, измерения длины мечей и прочего. Мужчина в черном оказался местным лекарем, который тоже, как положено, принял некоторое участие в переговорах.

Наконец, стороны договорились, Доранта и Мерея развели на десять шагов и оставили друг против друга, в рубашках и штанах, в которых они пришли на бал, и без верхней одежды — как положено, чтобы было видно, что ничего защитного на них не надето. Армано произнес:

— Готовы? — И на кивки обоих взмахнул сверху вниз белым платком.

Мерей ринулся атаковать. Судя по движениям меча, опыт у него был, но учили его, видимо, здесь же, в Кармоне. А откуда в Кармоне хороший мастер меча? Рубака из компаниды, это да, и, наверное, не один. Но мастер, да ещё умеющий обучать?

Доранту, после нескольких атак, которые он легко отвел своим клинком, стало даже жаль мальчишку. Но — это мальчишка захотел поединок до смерти. И, как понял каваллиер по замеченному мельком выражению лица армано Миггала, с высокомерного поменявшемуся на озабоченное, видимо, не просто так захотел. Армано — слишком очевидно — имел отношение к похищению примеса Йорре. И так же очевидно был заинтересован, чтобы посланный вдогонку представитель Светлейшего не смог продолжить преследование похитителей.

Все это, впрочем, мелькало где-то на далеком заднем плане сознания Доранта, а на переднем был меч его противника, совершавшего довольно неуклюжие наскоки на каваллиера. Тратить много времени Дорант не собирался, и после очередной неудачной атаки поймал Мерея на острие клинка, пробив ему грудь чуть ниже правой ключицы. Меч вышел из-под лопатки, юноша дернулся, хрипло втянул воздух, выронил свой клинок и, потеряв сознание от боли, соскользнул с меча Доранта на землю.

Весь поединок не занял и трех минут.

Мерей был жив. Дорант имел право (да и должен был бы, по условиям дуэли) его добить — но смысла в этом не было никакого: парень был без сознания и не в состоянии продолжать поединок. Лишней крови не хотелось, и Дорант, кивком подозвав Харрана, попросил его урегулировать это с армано. Секундант Мерея должен был признать того побежденным — тогда парня можно было оставить в живых. Иначе он, сохранив жизнь, получал право на продолжение поединка в любое время.

Или же секундант должен был выставить поединщику замену, или выйти за него сам.

Против ожидания, коммандар из Эльхивы решил воспользоваться своим правом секунданта и заменить выбывшего из строя дуэлянта.

Дорант пожал плечами и вновь встал в стойку в прежней позиции. Армано скинул орденский плащ и камизет, расстегнул рубашку, чтобы показать, что под нею нет никакой защиты, вытащил из ножен узкий меч с темным клинком и корзинчатой гардой и тоже встал в стойку. Черный лекарь меж тем склонился над Мереем, которого уже оттащили в сторону. Харран взволнованно заглянул в лицо Доранту и на его успокаивающий кивок взмахнул своим платком.

На этот раз противник был куда опытнее и осторожнее. Он начал прощупывать оборону Доранта, обходя его по дуге так, чтобы развернуть каваллиера лицом к темному углу двора. Солнце уже скрылось, небо, как всегда в этих землях, быстро потемнело, и противники в неровном свете факелов виделись как силуэты, очерченные белыми рубашками.

Дорант собрался и удвоил внимание. Армано, безусловно, учился у хорошего фехтовальщика и тренировался не реже, чем раз в неделю (правда, сам Дорант не жалел на это часа почти каждое утро, да и партнерами его были два неплохих и опытных бойца). Несколько атак каваллиеру удалось отбить, но не без затруднений. Следующая едва не увенчалась серьезной раной — странноприимец сделал сложный финт, и Дорант не смог отбить его клинок. Он вовремя выгнулся дугой, пропустив меч армано Миггала в пальце от своих ребер.

Но странноприимец при этом провалился, и тут же получил рубящий удар чуть выше локтевого сустава правой руки — такой сильный, что лезвие скрипнуло по кости. Предплечье орденца залило хлынувшей кровью, меч выпал из пальцев. Дорант приставил острие своего клинка к шее противника:

— Армано, вы признаете себя побежденным?

Тот, глядя с ненавистью в лицо каваллиера, хрипло сказал:

— Да! — И шумно сглотнул, когда клинок отодвинулся от его кадыка.

Дорант кивнул Харрану — займись — и принялся приводить себя в порядок. Рубашка была прорезана на две ладони. Жаль. В походных запасах у Доранта оставались всего две.

Не успел Дорант одеться и вернуть меч в ножны, как в ворота вбежал запыхавшийся, с выпученными глазами слуга Харрана, крича:

— Хозяин! Альвы в городе! Альвы напали!

6

Харран сразу же выдвинулся вперед:

— Что случилось?

Слуга (Кимпар, вспомнил Дорант. Один из троих, которые сопровождали их к особняку Ронде) лихорадочно жестикулировал, что-то невнятно пытался объяснить и был явно в панике. Харран отвесил ему оплеуху и потребовал:

— Рассказывай по порядку!

— Так это… я же и по порядку… там с площади прибегли, они гостей провожали… которые опаздывали… а на площади вся стража перерезана лежит, и ухи, стало быть, отчекрыжены… альвы это, точно говорю, альвы — больше некому! И Зудара сторожа прибили, и тоже без ухов! — Кимпар жестами показывал, что именно было отрезано у погибших, и это было одновременно странно, смешно и неприятно.

Публика, приглашенная на бал и вместо этого практически в полном составе столпившаяся во дворе ради зрелища похлеще — дуэли между столичным каваллиером и местными — загомонила в голос, создав шум, в котором трудно было разобрать что-то внятное.

Дорант подумал, что для этого города слово "альвы" ещё, может быть, сотню лет будет означать страх, кровь и смерть. Не так уж и давно они вырезали практически все население.

Мужчины стали скликать боевых слуг, у кого были, и обычных — всех, что сопровождали хозяев на бал. С шипением выползали из ножен клинки, по большей части бесполезные парадные. Боевые были лишь у Доранта — за неимением парадного в путешествии — и у местных дуэлянтов — по неслучайной причине. Даже у Харрана на боку болталась легкая позолоченная рапира с недлинным и чрезмерно тонким клинком.

С конюшни принесли четыре фонаря (ну вот где они были, когда готовилась дуэль?). Женщин отправили в особняк, слугам

велели закрыть все окна ставнями. Закрыли не только парадные кованые ворота, но и боевые дубовые, из плах толщиной в бедро. Мужчины беспорядочно шастали по двору, явно в растерянности и не зная, что делать. Странным контрастом выглядел одетый в черное лекарь, заканчивавший перевязывать руку армано Миггалу. Мерей, уже перевязанный, так и лежал без сознания в углу, куда его оттащили.

Всего мужчин было — считая со слугами — не меньше полусотни, если бы это были воины — большая сила. Но людей с военным опытом было явное меньшинство, даже среди боевых слуг. Дорант, по повадкам и манере держать себя, выделил человек девять-десять служак, у остальных знакомство с военным делом явно ограничивалось участием в стычках с разбойниками и мелкими группами немирных дикарей. Больше половины чистой публики были вообще торгового сословия. Эх, сюда бы наместника! Старый вояка быстро навел бы порядок. А пока — как это обычно бывает — народ только суетился и шумел, не зная, что делать. Кто-то должен был взять на себя ответственность и организовать этот хаос.

Дорант вздохнул и принялся распоряжаться.

Женщин в подвал, там только один вход. Мужчинам разобрать оружие, которое имеется в доме (ведь имеется? — Ну точно. Мелко кивающий слуга Ронде послушно повел назначенных Дорантом чьих-то боевых слуг, явно опытных, куда-то в дом). Ворота завалить изнутри каким-нибудь деревом…

Тут в ворота как раз застучали.

Снаружи образовалась громоздкая черная картега, запряженная четверкой упитанных битюгов.

При картеге имелись кучер и два боевых слуги, при начищенных до блеска морионах, кирасах и алебардах.

Один из них деликатно, но громко постукивал древком алебарды в запертые ворота.

Дорант подошел и велел открыть ворота. В картеге явно не могло быть альвов.

Повозку завели во двор и снова закрыли ворота. Открылась дверца картеги, и оттуда, кряхтя, показалась дама в летах, одетая в темное (впотьмах не различить, какого цвета) глухое платье и завернутая в пышную кружевную мантилью.

Подскочил Ронде и подал даме руку. Она тяжело спустилась на землю, откинула мантилью и произнесла:

— Что тут происходит? Я приехала на бал, а тут, похоже, готовятся к войне?

Харран шепнул на ухо Доранту: — Это жена гуасила, помнишь?

Дорант помнил. В прошлые приезды ему уже приходилось сталкиваться с ньорой Амарой, женой командира городской стражи. Пожалуй, она была в Кармоне поважнее самого наместника. По крайней мере, гуасил выполнял её распоряжения быстрее и точнее.

Ньора заметно постарела и обрюзгла. Она и в молодости не отличалась красотой (но была из очень и очень знатной семьи), а теперь превратилась, простите пресветлые Боги, вовсе в жабу.

Гильдмайстер, тем временем, почтительно склонившись к уху ньоры Амары, что-то ей объяснял вполголоса. В ответ она громогласно провозгласила:

— Что за чушь! Какие (ругательство) альвы! Мы проехали весь город, все спят, всё спокойно, нигде никаких альвов! Были бы альвы, муж бы знал!

В этом заявлении, вообще говоря, был смысл. Хотя город давно выплеснулся за стены, а сами стены обветшали, хотя старые медные пушки на башнях стояли без дела как бы не с самого момента, когда разрушенный альвами город был отстроен заново — Кармон не был вовсе уж беззащитен. Гуасил имел в распоряжении около трех десятков наёмной стражи, которую (по воспоминаниями Доранта от прежних приездов) постоянно и жёстко муштровал, и стражники, набранные с бору по сосенке из ветеранов распавшихся компанид, были, может быть, по возрасту не очень подвижны, но опытны и внимательны. По крайней мере, с уличной преступностью они боролись довольно успешно — в тех случаях, когда преступники забывали с ними делиться или зарывались до того, чтобы задеть интересы кого-то из влиятельных горожан. Кстати, вооружены и экипированы были они очень даже неплохо, достаточно новым оружием и амуницией, регулярно закупавшимися на деньги императора и городские налоги. Гуасил в Кармоне не воровал — ему было просто не надо, при состоянии его жены. Да и сам он когда-то имел свою компаниду, которую распустил, лишившись левой кисти и левого глаза в деле под Геррионом.

Народ во дворе задвигался, заговорил, засомневался.

Дорант выдвинулся вперед и предложил послать боевых слуг на разведку, парами.

И их бы отправили, да тут в ворота снова застучали.

Это пришли из дома Харрана, Калле — боевой слуга Доранта — и Самир, старший из харрановских боевых слуг.

— Господин, — взволнованно доложил Самир, — у нас тут альв в доме!

Услышав слово "альв", ближайшие замолкли, и круг молчания в момент распространился по всему двору.

— Сколько их? — Спросил Харран.

— Да один, один-единственный!

— Рассказывай, не тяни!

— Как вы уехали, мы поужинали, дела переделали, я на стражу двоих поставил, да мы и спать собрались. А тут он, и сразу всех резать, кто на крыше спал. Восьмерых положил, гад! Потом Франге проснулся, тревогу поднял. Альв и его… Мы повскакали, парни, что дежурили, с фонарем выбежали — а во дворе альв на них набросился. Калле вон с Сеннером тоже выскочили, с мечами на него. Он Сеннера убил, и наших тоже. А тут Эд косоглазый выскочил из окна — он с вечера выпил и лег при кухне проспаться — и сразу выпалил из пиштоли, куда попало. Альв этот, видно, услышал шум и дернулся в сторону, да под пулю как раз и влетел.

— Насмерть? — Спросил Харран с надеждой.

— Да не, альва меж ушей причесало — он и сомлел. Черепок у него крепкий, да ударило сильно. Пуля дальше полетела, от фонтана камень отбило и Зараку прямо в морду, теперь шрам будет и зубов он недосчитался. Я Эду потом рыло начистил: альва он подстрелил, ясное дело, да негоже так стрелять-то, навскидку, в темноту. Как ещё он в альва попал, а не в кого из нас.

— А с альвом что?

— Да что? Повязали мы его, пока валялся, и в клетку к той альве кинули. Так она его сразу давай обнимать да обтирать, чисто как у нас жёнка раненого воина.

Харран не успел и слова сказать, как ньора Амара, внимательно слушавшая этот разговор, скомандовала:

— Ну-ка, веди, показывай своего альва!

И они пошли смотреть альва — практически все, кто был во дворе.

Глава 8. УАИЛЛАР

1

Он очнулся, не понимая, где находится. Голову раскалывала тяжелая боль, начинавшаяся где-то за глазами; макушку сильно саднило — видимо, он получил рану. К горлу поднималась тошнота. Уаиллар сглотнул несколько раз и попытался открыть глаза. Ему не сразу удалось сфокусировать взгляд. Было темно; вокруг метались оранжевые пятна дрожащего неестественного света, рожденного огнем. Воин лежал на боку, головой на знакомых бедрах Аолли. Больше вокруг него ничего знакомого не было: грязная истоптанная земля, усыпанная сухой травой, куски каких-то плодов в углу, толстые вертикальные прутья из порченого огнем камня, ограничивающие небольшую площадку — оллааy, загон для пленных, понял он, — желто-коричневая глиняная стена за ними, видные в неверном полумраке.

В ушах воина стоял шум, то ли от последствий удара, то ли доходивший извне — он не мог понять. Будто сплетались громкие грубые и низкие голоса, рычание и шипение неведомых зверей. Воздух был полон незнакомых и неприятных запахов.

Уаиллар вспомнил, что произошло, и едва не завыл от отчаяния. Он дернулся, и мягкая рука Аолли накрыла его глаза:

— Не вставай пока, мой аиллуо, — она обратилась к нему, как положено покорной жене обращаться к воину — так, как не было принято между ними. — Я говорю над твоей раной, тебе скоро станет легче.

Она провела рукой над его макушкой, и Уаиллар поневоле погрузился в мутное забытьё.

Снова очнулся он, когда его лба коснулось солнце. Было уже утро в самом разгаре. Голова болела меньше, рана на голове характерно зудела — как бывает после целебного наговора: стянулась и затягивалась. По-прежнему тошнило, хотя и не так сильно, как раньше. Обычное дело после сильного удара по голове.

Уаиллар приподнялся и осмотрелся. Он по-прежнему лежал головой на бедрах Аолли; она же, откинувшись спиной на прутья, дремала, сидя в углу клетки. "Устала, бедная",- подумал Уаиллар, чувствуя нежность и неловкость, потому что устала она, заговаривая его рану. Дело воина — защищать свою аиллуа, избавлять её от забот, а тем более страданий. Тем более — беременную.

А он вот — не смог.

На него снова накатили стыд и отчаяние. Он должен был вытащить Аолли, спасти её. Вместо этого он попался сам, попался глупо и позорно, потому что повел себя как молодой аиллуо в первом походе, оставшийся без присмотра опытных воинов — поспешил, переоценив свои силы, даже не провел разведку, даже не выяснил, как и где именно держат в плену его любимую, даже не подумал спланировать, какие действия нужны, чтобы её освободить и вывести из аиллоу многокожих. Он очень хорошо осознал сейчас, что, даже если бы получилось открыть клетку, уйти бы им не удалось — слишком много круглоухих оказалось в аиллоу, слишком сильным оружием они обладали.

Уаиллар в глубине души всегда был уверен, что кого-кого, а его никогда никто не сможет захватить в плен. Он точно знал, что он — лучший воин в клане, самый умелый и самый умный. Он никогда никому не говорил этого, но знал и то, что многие в клане того же мнения. Недаром его постоянно выбирали военным вождем.

И вот — он в оллааy у многокожих.

Ну что ж. Осталось показать круглоухим, как умирает у пыточного столба настоящий аиллуо, которому не повезло. Не увидеть им его слабости, не услышать его мольбы о пощаде.

Но Аолли, бедная Аолли…

Уаиллар попытался подняться, и — не сразу — ему это удалось. Он старался не разбудить жену, но чуткая Аолли все равно проснулась и окинула его тревожным взглядом. Воин, придавленный виной, склонил перед ней голову, но вдруг, к удивлению своему, услышал:

— Прости меня, мой аиллуо, если сможешь. Я виновата: из-за меня ты пришел сюда, из-за меня рисковал, из-за меня попал в плен. Я должна была убежать или умереть на той поляне, как Аллеул, Эрлеоу, Орруоллэ и Ауолло. Я растерялась и оказалась неловкой, и ты пострадал по моей вине…

Уаиллар задохнулся от нежности и прижал её к себе:

— Молчи, Аолли, ты ни в чем не виновата! Это просто злое невезение, Великое Древо не распростерло на нас свое покровительство!

Он обхватил её руками, и не было у него других желаний, кроме как закрыть, защитить Аолли от всего мира, пусть даже ценой своей жизни.

Но мир напомнил о себе лязгом за их спинами. Круглоухий, весь в мертвой коже и переплетенных волокнах мертвой травы, со звоном прижав к прутьям решетки какую-то плоскую посудину, по одному вытаскивал оттуда несвежие плоды арраи и лолоу и

швырял под ноги пленных аиллуэ, бормоча что-то вполголоса грубым и монотонным голосом, лишенным интонаций. Был он широк в плечах, тяжел, с голой красной мордой, обрамленной от ушей и вниз длинными седыми патлами; на нижних конечностях было надето нечто громоздкое и черное, пахнущее мертвой кожей и ещё чем-то резким, на голове — странное сооружение из мятой шерсти животных, круглое в середине и с широкими полями, затеняющими лицо.

Уаиллар оторвал от него взгляд, поняв, что тот безопасен, и, наконец, огляделся. Клетка насчитывала шагов по восемь по каждой стороне. Пол её был густо покрыт высохшей и уже гниющей травой. В дальнем от Аолли и Уаиллара углу травы было насыпано побольше и под ней скрывался некий холмик, от которого смердело гнилыми плодами и нечистотами (увидев, куда смотрит воин, Аолли смутилась, но он прижал её к себе сильнее и ободряюще погладил по спине). Рядом с пленными, посередине стороны, противоположной стене, находилось что-то вроде лужицы с приподнятыми краями, высотой с полторы ладони, сделанными из прошедшей через огонь глины. В лужице на треть стояла затхлая вода.

Круглоухий, побросав в клетку все плоды, ушел в середину двора, к фонтану, взял стоящий там круглый предмет из обожженной глины, оказавшийся полым, и налил в него воды из фонтана. Потом подошел опять к клетке и между прутьев, аккуратно наклонив этот предмет, вылил из него воду в лужицу. Так он сделал ещё трижды, отчего воды в лужице стало почти вдвое больше, чем до этого.

Аолли сказала:

— Попей, милый, пока вода еще почти свежая. Лучше ничего не будет…

Уаиллар действительно чувствовал жажду. Пить нечистую стоячую воду было противно, но выбора и вправду не было.

Потом они поели, и это тоже было кстати и вовремя. Силы следовало сохранять, потому что ослабленный воин может не выдержать у пыточного столба.

А потом, наконец, они смогли поговорить.

— Как ты выжила? — Спросил Уаиллар. Он ждал ответа, затаив дыхание. Впервые в жизни он по-настоящему испытывал страх — услышать что-то ужасное, что произошло с его любимой.

Аолли потупилась:

— Сначала было очень плохо, они долго везли меня связанной, я боялась, что руки и ноги не восстановятся. Потом бросили в клетку, не здесь, а там, возле реки, — она показала в ту сторону, откуда пришел Уаиллар, — и не давали еды. Бросали

куски животных, сырые и обожженные, и свои порченые плоды. Потом ночью прижали к прутьям толстыми ветками и снова связали. Вытащили из клетки и отнесли сюда, а потом перетащили и клетку. И опять не кормили, давали только воду. А вчера пришел аиллуорро, — она употребила слово, которым назвали воина, пострадавшего в бою настолько, что его надлежало освободить от жизни, — он немного говорит на аиллуэ, он объяснил им, что мы едим, и они стали приносить еду.

— Как ты думаешь, что они собирались с тобой сделать?

— Я не знаю, милый. И мне страшно, за себя и за тебя. Ты воин, тебя ждет пыточный столб. А я не знаю, смогу ли это выдержать.

Уаиллар гордо выпрямился:

— Я справлюсь. Но когда это будет, ты лучше не смотри, не нужно.

Аолли сгорбилась и снова спрятала лицо у него на груди.

Уаиллар прижал её к себе и, чтобы отвлечь, стал нашептывать на ухо стихи, которые сочинил дорогой.

2

Так они провели все утро, а когда солнце залило уже почти весь двор, к их клетке подошли несколько круглоухих.

Двое из них были явно воинами, крепкими, с плавными движениями хищника, увешанные своим странным и страшным оружием. Лица гладкие, только вокруг рта немного шерсти, у одного погуще и с сединой, у второго пореже, но подлиннее, темно-каштановая и слегка вьющаяся. Странные сооружения из мятой шерсти на головах. Кожа каких-то животных, плетеные волокна и блестящие бляхи из перерожденного огнем мертвого камня на всем теле, в несколько слоев. Черные вонючие кожаные оболочки на нижних конечностях, жесткие даже с виду.

Третий был калека-аиллуорро, он полз на обрубках ног, да и на всем теле его видны были следы плохо заживленных ран. Такие раны получают только воины, и только сражаясь с воинами, или у пыточного столба — когти и зубы хищников оставляют совсем другие следы. Аиллуэ дарят воинам с такими ранами быструю и безболезненную смерть, потому что жить им, лишенным возможности сражаться, незачем. Жизнь воина — сраженья, битвы со зверями, походы чести на другие кланы и на круглоухих — что ещё может делать аиллуо, доживший до первого имени? Лишь в старости уважаемый воин может перестать ходить на врага и спокойно доживать жизнь, делясь

мудростью и опытом с молодыми. Было странно, что круглоухие не понимают этого и заставляют бесполезных аиллуорро мучиться бессмысленной жизнью. Уаиллара аж передернуло, когда он подумал о такой жестокости.

На калеке не было мертвой кожи, только балахон из сплетенных волокон, и оружия он не нес.

Трое приблизились к клетке, обмениваясь низким и монотонным рычанием, в которое вплетались иногда странные шипящие и свистящие звуки. От них несло острым потом, мертвой и вымоченной в чем-то гадком кожей животных, характерным запахом мертвого камня и почему-то маслом, какое бывает в семенах некоторых растений. Подойдя, они некоторое время разглядывали пленных, по-прежнему порыкивая. Потом тот воин, что постарше, повернулся к аиллуорро и что-то пробурчал. Калека покачал головой сверху вниз, открыл рот — и Уаиллар, хоть его и предупреждала Аолли, едва не упал от изумления: этот обрубок пытался говорить на благородном языке аиллуэ!

Он обратился к Аолли:

— Этот воин, он твоя воин? Он прийти за тебя?

Аолли, взглянув на него со смесью жалости и презрения, коротко ответила:

— Да.

Калека буркнул что-то остальным и сказал:

— Нет страх, вас не убивать. Мы спросить, вы ответить.

Сказать, что Уаиллар был в недоумении, значило не сказать ничего. То, что происходило — было невероятно и неправильно. Не говоря уже о том, что круглоухие полуживотные могут говорить на аиллуэ, не говоря уже о том, что они смогли захватить его в плен, они ещё и вели себя странно. Плененного воина положено держать взаперти до пыточного столба, его положено кормить и поить — но взрослый аиллуэ никогда не станет с ним разговаривать. Говорить можно с равными себе, а воин, попавший в плен — опозорен уже этим, и разговоры с ним — уарро, запрет!

Чего же они хотят?

Калека начал говорить ещё что-то, но понять его было очень и очень трудно. Он знал на аиллуэ довольно много слов, но самых простых, к тому же не мог произнести их чисто и правильно: путал интонации, из-за чего слова меняли смысл. Да и связывать их калека толком не умел. К тому же говорил он на смеси самого низкого языка и почему-то детского. Все, что понял Уаиллар — речь идет о ком-то молодом (?) или невысоком (?) — эти слова звучат очень похоже — круглоухом. Молодой или невысокий круглоухий "идти мимо лес, с ним аиллуо". Калека

говорил "аиллуо" во множественном числе. Какие аиллуо могли идти с круглоухим и не убить его, будь он молодой или невысокий?

Наконец, вмешалась Аолли, предположив, что аиллуо, может быть, тоже круглоухие? Калека обрадовался и снова закивал головой сверху вниз; Уаиллар подумал, что, наверное, это у круглоухих знак согласия. Он даже подтвердил это, произнеся неуместное здесь и очень грубое выражение, означавшее "да" в общении с безымянными уолле. Затем он обернулся к старшему из круглоухих, и они снова немного похрипели.

Но на этом они опять застряли надолго. Что нужно было от молодого или невысокого, сопровождаемого круглоухими "аиллуо", ни Уаиллар, ни Аолли так и не могли понять.

Калека заходил и так, и этак, составляя из немногих слов диковинные конструкции. Помогал себе жестами. Старший из воинов тоже пытался помогать ему жестами, при этом они противоречили друг другу. У Уаиллара снова начала болеть голова; в конце концов он почувствовал, что больше не может, отвернулся и ушел в глубь клетки, где и вытянулся, стараясь держаться подальше от грязного угла.

Между тем Аолли, стараясь говорить как можно проще, попыталась объяснить калеке, что в клетке грязно, а вода — плохая. Как ни странно, он понял — видимо, он знал больше слов, обозначающих простые понятия и дела, чем сложные.

Калека порычал-похрипел со старшим из круглоухих и, видно, до чего-то договорился.

— Вы сидеть там, — сказал он, показывая на один из углов клетки. — Круглоухий открыть дверь, достать грязь. Принести новый трава. Вы вылить вода из (тут он произнес что-то невообразимое низким рычащим и шипящим голосом, видно на своем языке). Круглоухий налить новый вода.

Уаиллар напрягся. Если только они откроют дверь… это шанс. Главное, не спугнуть, не насторожить раньше времени. Он был уверен, что даже без оружия сможет убить этих троих, а там будь, что будет. По крайней мере, он умрет в бою, а не у столба пыток, как и следует умереть воину.

Он взглянул в глаза Аолли — и она без слов поняла, что он задумал, и сделала одобрительный жест. Уаиллар почувствовал, как теплая волна прошла через его сердце: всегда, всегда Аолли понимала его, как никто.

И только тут до него дошло, что именно она придумала весь план.

Глава 9. ДОРАНТ

1

Беспорядочная толпа, предводительствуемая ньорой Амарой (которая, несмотря на одышку, решила пройтись до дома Харрана пешком), а также самим Харраном и, разумеется, гильдмайстером Ронде, куда ж без него, в скудном и неровном оранжевом свете факелов и фонарей, двинулась в сторону харранова дома. Что характерно — вместе с женщинами и детьми, так же изнывающими от любопытства, как и храбрые мужчины. Да что дети и женщины — даже слуги наличествовали, в количестве, явно большем, чем было нужно, чтобы освещать дорогу. В толпе мелькнул и армано Миггал с рукой на перевязи и перекошенным, недовольным лицом.

Не было заметно разве что Маиссии.

Дорант приотстал и ухватил за рукав Самира:

— Покойных-то хоть догадались убрать?

— А как же, ваша милость, я сразу распорядился. В дом отнесли, положили пока в малом зале, где мы обедаем. Я и кровь велел подтереть во дворе, сейчас уж, должно быть, всё прибрали.

— Наши точно все убиты, может, ранен кто?

— Не знаю, ваша милость, не успел посмотреть. Там Фанор занимался, а мне не до того было: альва надо было вязать, да в клетку, а потом я сразу сюда побёг.

— Как же вы альва в клетку-то засунули, что самка не вырвалась?

— А мы её тремя рогатинами в углу приперли, дверь быстро открыли, этого туда — она и вывернуться-то не успела.

— Калле, а ты что делал?

— Мы с Сеннером спать уже собирались, я завалился, а он ещё сидел, допивал. И тут крики, шум… Он сразу выскочил, я, пока в штаны, пока в сапоги, да меч взять — отстал от него. Я толком и не видел, что случилось, вышел, когда уже альва подшибли. Смотрю — Сеннер лежит, в боку копье. А тут Самир кричит — вяжи его, да в клетку! Ну, как закинули зверюгу, Самир говорит — побежали, надо хозяину скорей рассказать.

— Ясно, — сказал Дорант. Погиб, значит, Сеннер. Жаль. Добрый воин был, и друг хороший, с ним — и с Калле — за спину свою можно было не опасаться.

Дорант за свою жизнь видел много смертей, и соратников терял, и друзей, и близких хоронил. Жизнь вообще такая: никто

не знает ни дня, ни часа. Смерть рядом ходит, не от стали, так от болезни, не от огня, так в воде… лишь бы не от веревки. Но жалко, жалко Сеннера, и как теперь без него? Много лет были они вместе, через очень многое прошли, прикрывая друг другу спины…

Тем временем они дошли, слуги Харрана открыли ворота настежь, как днем, и пестрая толпа, негромко переговариваясь, стуча по камням каблуками и шурша дорогими тканями — на бал же собирались — втянулась во двор. Там тут же забегали с факелами (по стенам заметались тени, прячась от трепещущего света), осветили угол двора с клеткой, и толпа, распределившись, вытянулась полукругом, с ньорой Амарой, хозяином дома и гильдмайстером в центре. Пробился к ним и Дорант.

Альва сидела в дальнем углу клетки, опершись спиной на прутья и поджав ноги. Альв лежал на боку, головой на её бедрах; альва водила руками ему по затылку, гладила. Когда приблизились люди, она на мгновение подняла голову, окинула их взглядом — и снова склонилась над самцом. В дальнем закуте видно их было плохо, несмотря на факелы.

Ньора Амара выслушивала Харрана, который, видимо, всю дорогу, да и здесь отвечал на её вопросы. Она была не в курсе подробностей истории с покупкой альвы. Увидев подошедшего Доранта, она повернулась к нему:

— Каваллиер, так зачем она все-таки вам понадобилась?

Дорант безмолвно взвыл, но, собравшись, ответил — словами Харрана:

— Милостивая ньора, так это ж забавно: ни у кого нет живой альвы, а у меня есть.

Харран с недоумением поднял на него глаза, но, по счастью, от комментариев воздержался. ньора же Амара, знавшая Доранта весьма поверхностно — и прежде всего как дворянина столичного, а значит, по определению легкомысленного и мотоватого — объяснение приняла, но не удержалась, чтоб не подколоть:

— Ну так это ж будет недолго, альвы в неволе не живут.

На что Дорант возразил:

— Нам удалось выяснить, почему. Оказывается, они могут есть только те плоды, которые растут в Альвиане, а их тут все мясом кормить пытались.

Изумленная до глубины души ньора проглотила крючок и съехала с опасной темы, закидав Доранта вопросами. Он с удовольствием рассказал ей про Асарау, сына Кау, сына Вассеу, его необычную историю и роль в спасении альвы от голодной смерти. Присутствующее вокруг общество затихло и потянуло к

ним уши едва ли не длиннее, чем у лесных убийц.

Доранту пришлось клятвенно пообещать, что в самое ближайшее время он обязательно посетит дом гуасила, приведет Асарау, и они расскажут всё подробно. На этом общение с ньорой ему удалось свернуть, публика потянулась обратно к выходу со двора, а Дорант, наконец, добрался до малого зала, где лежали убитые — и с ними его верный боевой слуга.

Погибших уже разоблачили, сняв с них все, кроме исподнего. В тусклом свете единственной свечи кровавые пятна на рубахах казались черными. Дорант прошел вдоль скорбного ряда — тела были разложены у длинной стены, ногами к стене, головами к проходу — беззвучно читая прощальную молитву. Он знал не всех, у Харрана в команде было уже больше новых людей, чем тех, кто служил его отцу, но уважения заслуживал каждый, кто пал в бою или даже во сне. Новые, старые — они были СВОИ.

Дойдя почти уже до двери, Дорант вдруг понял, что Сеннера в ряду покойников нет. Он огляделся, но в зале — из живых — был он один, спросить было не у кого. Каваллиер прошел обратно, вглядываясь в лица — Сеннера не было.

Дорант почти выбежал из зала. Во дворе занимались чем-то двое слуг; он кинулся к ним.

— Где Сеннер?

— Сеннер?

— Мой боевой слуга. Где он? Среди мертвых его нет, а Самир сказал, что он погиб.

— А-а, так это здоровый такой, в кожаном колете ещё был? Так он живой, только поранен. У него снутри колета пластины железные пришиты, так когда этот его копьем двинул, оно между пластинами застряло, вглубь не пошло. Повезло вашему Сеннеру, Фанор говорит, жить будет, если рана не загноится.

— А ещё выжившие есть?

— Нет, ваша милость. Он же, альв-то, сначала на крыше людей порезал. Подбирался к спящим, и насмерть. И во дворе, когда уж наши выбежали, с оружием, Гайла и Перца убил сразу, они в одних рубахах были, а Хакору, он в кирасе дежурил, в горло над кирасой нож воткнул. Ваш Сеннер сначала нож словил, тот тоже в колете застрял, а потом альв его копьем в бок ударил. Фанор говорит, чудом не убил, ещё бы на два пальца глубже вошло бы — и не жить ему.

— Где он сейчас?

— Да знамо, у Фанора в лечебне, вон там, от кухни направо, ваша милость. Туда завсегда раненых сносят, Фанор там с ними и возится.

В лечебне у Фанора стояло пять лежанок. На одной,

застеленной чистым, лежал голый Сеннер, его грудь была замотана белой тряпкой с большим кровавым пятном слева. Фанор дремал, сидя за столом; рядом с ним примостился Асарау — на одной из лежанок, тоже сидя и опираясь спиною о стену. Сеннер тяжело дышал, его лоб был покрыт крупными каплями пота, черты лица заострились.

Дорант хотел уйти, чтобы не мешать спящим, но Фанор проснулся, встал и, подойдя, жестом показал Доранту на выход. В коридоре Фанор пояснил:

— Он спит сейчас. Много крови потерял. Но рана хорошая, чистая. Думаю, выживет. Лишь бы не нагноилась. Дикарь ваш всё под руки лезет, не выгонишь. Что надо ему?

— Он сам немного лекарь. У них в племени есть искусство — они зовут его опохве. Залечивает раны, останавливает кровь. Меня самого так вылечили. Ты его пусти к Сеннеру, на пользу будет. По крайней мере, у них раны никогда не гноятся.

Фанор с сомнением посмотрел через дверной проем на дремлющего Асарау, подумал и кивнул:

— Пущу, раз так. В конце концов, Сеннер твой человек.

— Может, нужно что? Снадобья какие?

— Да нет, всё есть у нас. Хозяин на раненых не скупится.

— Возьми вот, — Дорант протянул Фанору горсть золотых.

Тот отвел его руку:

— Не надо. Я служу Харрану. С ним говорите.

— Спасибо тебе. Я твой должник, если Сеннер выберется.

— Да выберется он. И не надо про долги, я всех лечу, своих-то.

— Все равно — спасибо! И доброй тебе ночи!

2

Наутро Дорант чувствовал себя так, как будто вчера выпил много лишнего — хоть на самом деле не пил вовсе. Слишком уж много всего было вчера: бал, дуэль, тревога из-за "напавших на город альвов"… Он аж застонал, подумав, каким был дураком, что согласился пойти на этот бал, вместо того, чтобы вместе с Асарау продолжить попытки узнать, как альва связана с примесом Йорре, почему на нее реагирует поисковый амулет. И ведь могло так случиться, что альва или погибла бы, или сбежала бы, когда начался весь этот беспорядок с самцом, проникшим в город. Дорант потерял бы её, а с ней единственную надежду найти хоть какой-то след похищенного примеса.

Тут он вспомнил Маисси, и ему стало ещё хуже.

Демоны бы побрали малолетних романтичных девиц, склонных навоображать себе невесть что, начитавшись глупых рыцарских романов, и выдумать Героя, Достойного Её.

Потом он вдруг подумал о своей дочке. Из четверых детей, которых родила ему Саррия, троих забрали боги. Осталась одна Лони, которой сейчас двенадцать. Дорант всегда зверел от одной мысли, что с ней могло бы что-то случиться. А ведь она совсем не намного моложе Маиссии. ещё несколько лет — и Лони тоже начнет засматриваться на мужчин и влюбляться в кого не следует.

Дорант представил себе, что он увидел бы, как его Лони висит на шее у сорокалетнего мужчины. Ох, не стал бы он разбираться. Вызвал бы и убил.

Он дал себе слово, что, как только вернется домой, займётся воспитанием дочки как следует. Во всяком случае, объяснит ей разницу между романами и жизнью. Ну, и проследит за тем, что она читает — и вообще чем занимается.

А ещё он поставил себя на место Харрана: что, если бы его Саррия обняла другого… тут он не то, что застонал — он заскрежетал зубами. Лишиться друга из-за глупой девчонки — это последнее, чего он хотел бы. Тем более сейчас, когда Харран был ему очень нужен.

Со всем этим надо было что-то делать, но что?

Так и не решив ничего определенного, Дорант проведал раненых и отправился завтракать. Завтракали они с Харраном обычно в белой гостиной, на втором этаже. Дорант проспал много дольше обычного, и солнце было уже высоко, так что слуги опустили решетчатые ставни на окнах, чтобы сохранить прохладу. Несмотря на это, белёные стены и сочившийся сквозь щели ставень свет не давали довольно большой комнате погрузиться в сумрак; на полу возле окна сияли пятна солнца, а два больших зеркала в углах отражали их и расширяли пространство.

Хозяина дома ещё не было. Дорант уселся на свое обычное место, подумал и послал юного паренька из домашних слуг Харрана за Асарау. Он возлагал на воина гаррани большие надежды и рассчитывал их подкрепить, поговорив с ним подробнее. Да и в присутствии постороннего вряд ли Харран завел бы задушевные разговоры — которых Дорант сейчас весьма опасался.

Харран явился хмурый и невыспавшийся, но, против обыкновения, не растрепанный и уже полностью одетый. Обычно он выходил к завтраку с мокрой после умывания всклокоченной шевелюрой и в мятой рубахе. Он сразу же, едва поприветствовав гостей, кинулся обсуждать с Дорантом набор боевых слуг взамен

выбывших по смерти и ранениям — сейчас это беспокоило его больше всего. Каваллиер, ещё не вполне пришедший в себя со сна, было удивился, так как ему, на фоне своих проблем, это не казалось самым важным. Но потом он все же сообразил, что в таких вот дальних углах Марки каждый владетельный дворянин, если не хочет остаться без крестьян, обрабатывающих землю (да и без земли, собственно), должен их охранять. И на охрану выделяется раз в неделю по отряду на каждый участок (или группу участков, если мелкие). А Харран был наследственным держателем земель, причем в Кармонском Гронте — землями, которые, по меркам метрополии, могли бы и на комиту потянуть. С таким наделом Харран в империи точно был бы комесом, причем не служилым, а владетельным.

Поэтому Дорант, открывший было рот для вопроса, закрыл его без звука, и вместо того, чтобы спрашивать неуместное, выпил полезное: полкубка напитка из местных трав и ягод, настоянных в кипятке.

Обжегши при этом язык и нёбо, он некоторое время сидел с открытым ртом, жадно дыша. Харран не заметил его затруднений, ибо смотрел в скатерть и явно её при этом не видел: погрузившись в свои заботы, он терпеливо ждал от друга ответа.

Дорант продышался, успев за это время подумать, и дал Харрану пару дельных советов. При этом он поставил себе мысленно зарубку: подогнать Харрану пяток опытных людей из Акебара, кои там не могли найти себе достойного применения. Заодно при Харране будут свои, на кого можно положиться, если что.

Доранта жизнь отучила доверять безоглядно кому бы то ни было, даже лучшим друзьям из дворян. Вот те, кто был обязан ему жизнью в бою — другое дело. И хотя Харран был другом, и надежным другом — нынешние обстоятельства многое могли изменить.

Асарау, нисколько не смущенный тем, что присутствует за столом с двумя дворянами — да и что бы ему смущаться, после давешнего ужина — внимательно прислушивался к их разговору, понимая в нём, впрочем, лишь отдельные слова. Когда в нем наступила пауза, он вдруг сказал:

— Старейшие, — он воспользовался уважительным обращением, принятым в его племени, — я верно понял, что Харрану-ки — опять уважительная приставка, принятая при этом в разговоре воина с воином равного положения (впрочем, вся речь его, как и эта тонкость, были понятны лишь Доранту) — нужны бойцы, чтобы охранять его земли и людей?

— Ну да! — Ответил Дорант, не затрудняясь пока переводом

для Харрана.

— Так почему бы не позвать воинов гаррани? Когда мы с отцом уходили в наемники, мы были не одни. Гаррани сейчас не воюют с соседями, а воинам надо чем-то заниматься.

Каваллиер подумал, что это должно было бы прийти в голову и ему. Он перевел разговор Харрану, но тот посмотрел с недоумением:

— Гаррани? Дикари? А они смогут?

Дорант вначале даже возмутился. Потом он сообразил, что Харран, в отличие от него, никогда не видел воинов гаррани в бою. Пришлось объяснить, что это за племя и чем оно отличилось в известных Харрану кампаниях.

Харран вдруг спросил у Асарау:

— Как ты убил тех двоих альвов?

— У меня была морская хауда. Я стрелял с десяти шагов и не промахнулся оба раза.

Харран с Дорантом согласно покивали. Морская хауда — страшное изобретение морелюбивых и изобретательных гальвийцев, их начали делать лет тридцать назад в тамошнем Керагоне, известном на весь мир своими оружейниками. Пиштоль с двумя короткими — длиной от запястья до локтя взрослого мужчины — стволами, в дуло которых проходит его же большой палец. Хитрый колесцовый замок, один на оба ствола, срабатывающий от двух спусковых крючков. Снарядом морской хауды служат обычно девять свинцовых шариков, каждый с ноготь мизинца в поперечнике, упакованные в три слоя по три в тонкую бумагу. При выстреле шарики летят одной кучкой шагов до пяти, а потом начинают расходиться. На десяти шагах они легко пробивают тяжелую кирасу и превращают грудь и живот её носителя в кровавую мешанину. На тридцати, и даже пятидесяти шагах им не преграда колет из толстой вываренной кожи, обшитый стальными пластинами. На семидесяти шагах шарик, если попадет в голову, проламывает лобную кость и вырывает затылочную.

Это оружие придумали для абордажного боя, для свалки в тесноте подпалубных помещений. Но и против плотного строя оно страшно и смертоносно, особенно если стрелять не прямо, а наискось, под углом — человек пять можно свалить одним выстрелом. Понятно, как случилось, что альвы не успели увернуться.

У Доранта была когда-то морская хауда, купленная в свое время за огромные деньги. Она пропала, когда его ранило в деле под Корволетом. То, что Асарау был вооружен таким монстром — был признак того, что отец его был очень непростой человек.

— Должно быть, альвов разорвало надвое, — задумчиво сказал Харран. Асарау невозмутимо кивнул.

— А что было потом?

Вопрос этот, судя по выражению лица воина гаррани, не доставил ему удовольствия, но не в обычаях этого племени было избегать трудностей.

— Альвы слишком быстры, а мне было мало лет. — Как будто сейчас он зрелый муж. — Меня сбили с ног и ударили по голове. Очнулся я уже связанным. Они притащили меня в свой поселок и кинули в загородку вместе с другими пленными. На следующий день увели к столбу пыток, но когда разглядели, очень удивились и тут же вернули обратно, даже с уважением. Другим повезло меньше, их принесли ночью изуродованными, но живыми.

— Сколько вас всего было в плену? — Спросил Дорант.

— Пятеро. Один умер к утру, остальных мучили ещё долго. Меня не трогали, и я попробовал говорить с детьми. Дети приходили на нас смотреть сквозь загородку. Я постепенно научился немного понимать их речь: им было смешно, как я выговариваю слова, и они думали, что меня дразнят. Они дразнили, а я учился. Слушал и отвечал, слушал и отвечал. Показывал предметы и другое разное. Сначала мы общались больше жестами: есть жесты, которые понимают даже звери. Потом я стал говорить слова. Они смеялись и повторяли между собой — так я узнавал, как говорить правильно.

Харран посмотрел на гаррани с искренним уважением. По лицу его было понятно, что ему-то точно не хватило бы терпения на такое.

Дорант же заинтересованно спросил:

— А почему же ты не выучил имперский, уже здесь?

В ответ Асарау произнес на имперском, с диким акцентом и корежа фразы:

— Здесь дети не говорить с калека, они кидать камни. А нищий-нищий, — повторение слова означает на гаррани множественное число, — они гонять чужой, драться, не говорить. Никто не говорить с калека, даже ваике, — на гаррани "ваике" значит "жрец". Воин, очевидно, имел в виду священника. У гаррани жрецы обязаны говорить с любым человеком, который приходит к ним и просит об этом. Асарау не знал, что нравы имперцев куда грубее.

Всё это время Дорант лихорадочно обдумывал, посвящать или не посвящать Харрана в свои затруднения. С одной стороны, у каваллиера не было в достатке людей, чтобы — ежели настанет необходимость, а это уже было практически неизбежно — выдвигаться в Альвийский лес. Даже с двумя боевыми слугами,

даже взяв с собой Красного Зарьяла с его людьми (на которых неизвестно, можно ли было рассчитывать до конца), предприятие это Дорант мог провалить, да и погибнуть притом. А уж теперь, когда один из боевых слуг надолго, по-видимому, вышел из строя, риск становился вовсе неприемлемым. Честно говоря, каваллиер с самого начала — как только понял, что альва как-то связана с примесом Йорре — рассчитывал на Харрана и его людей. Им-то он, в отличие от людей Зарьяла, мог подставить спину.

Если б не Маиссия Ронде с её родством!

В конце концов Дорант все-таки решился. Без Харрана его миссия вообще становилась безнадёжной. А поведение поискового амулета говорило ясно о том, что все остальные отряды, разосланные на поиски примеса, шансов не имеют вообще. Провали Дорант поручение — и юный примес Йорре окажется в критический момент в лучшем случае в руках и окружении людей семейства из Аттоу, а в худшем (и, похоже, более вероятном) — на том свете. Вряд ли кому-либо из посланных за примесом простится такой провал. За меньшее укорачивают на голову.

Смерти Дорант не боялся. Опасался он только за близких: не так страшно уйти, как оставить…

Что ж, если без Харрана не обойтись, значит, Харран должен знать то, что он должен знать.

Но не сразу.

И Дорант обратился к Асарау, сыну Кау, сына Васеу:

— Скажи мне, Асарау-ки, — услышав это, воин гаррани вздрогнул и взглянул на каваллиера с изумлением: он никак не ждал такого обращения к себе, во-первых, потому что каваллиер среди имперцев был лицом высокопоставленным и авторитетным, а во-вторых, потому что Дорант, как зять вождя, и в племени был много выше по статусу: он должен был бы сказать "Асарау-лэ". — Можешь ли ты объясниться с альвой? Мне нужно узнать у нее кое-что важное, что она может знать.

Асарау ответил, неуверенно обращаясь к Доранту как к равному (по этикету, после соответствующего обращения каваллиера, он обязан был ответить тем же):

— Я могу попробовать, Дорант-ки, но я знаю мало и говорю плохо на их языке.

Харран, чьи представления о жизни подверглись сильным переменам, всё спрашивал своё:

— Так альвы, получается, разумны? У них есть язык? Они могут объясняться между собой?

Асарау даже не дождался перевода. Похоже, он и во владении имперским языком почувствовал некоторую уверенность.

— Конечно, Харран-ки. Альвы — люди, только другие.

— Дорант, ну ты подумай! Я твердо был убежден, что они — полуживотные, немного владеющие примитивными орудиями! А у них и язык есть! И живут как люди, в поселках! И вообще…

Что "вообще", Дорант так и не понял. Как человек более опытный, чем Харран, он сразу принял как факт, что альвы — не животные, а существа разумные. И был готов с ними договариваться, оставалось только понять, как именно. И он тут же стал выяснять, как:

— Асарау-ки, давай всё-таки попробуем. Мне нужно знать, видела ли альва молодого ессау, воина-подростка. И если видела, то где он и что с ним.

Сын Кау задумался, шевеля губами. Потом сказал на гаррани:

— Я попробую.

3

Они не сразу пошли во двор к клетке с альвами. Сначала Харран потребовал, чтобы ему показали, что за оружие было при самце. Ночью слуги собрали всё, что удалось найти во дворе и содрать с потерявшего сознание альва. И теперь Харран с Дорантом изумленно разглядывали недлинное копье, треть которого занимал листовидный наконечник, острый как бритва и жесткий как кость, выполненный зацело с древком, узкие обоюдоострые ножи, лезвие которых также было неотъемлемым продолжением рукоятки — как будто узкий симметричный лист какого-то растения. Рядом на полу валялось подобие сбруи, хитро сплетенное из тонкой лозы; сбруя была разрезана — видимо, когда её сдирали с альва — и имела несколько петель, явно для крепления ножей и копья, но не только их. В одну из петель был как-то ввязан небольшой сверток, замысловато скрученный из нескольких широких листьев местного травянистого растения, на другую было нанизано нечто, в чём друзья с содроганием узнали уши: несколько острых и покрытых шерстью — альвийских — и несколько голых и округлых, явно человеческих.

Асарау показал на них и заметил:

— Свежие. В этом походе добыл, ещё до того, как сюда забрался. Сильный воин, повезло, что удалось пленить.

Харран поскреб наконечник копья своим кинжалом — тонкая стружка снималась, но с усилием. Он попробовал лезвие пальцем и сильно порезался. "Надо же, какой острый", - пробурчал молодой дворянин, отбрасывая копье.

Во дворе вовсю сияло солнце и было жарко. Тихо журчал

фонтан, жужжали мухи, явно интересуясь клеткой и её пленниками; оттуда попахивало нечистотами и гнильцой. Альвы сидели, обнявшись, как люди, в той стороне клетки, что была под стеной: туда солнце не доставало.

— Попробуй с ними поговорить, Асарау-ки, — тихо сказал Дорант, разглядывая альвов. Он впервые в жизни мог позволить себе именно разглядывать — а не прятаться, убегать или сражаться. Особенно интересовал его самец: крупнее и мощнее самки (хотя ниже и уже среднего мужчины), с развитой мускулатурой под кожей, покрытой серо-коричневой узорчатой шерстью, с голым животом, внизу которого виднелись небольшие половые органы, со странными лапами, имевшими противопоставленный большой палец, как у людей, и короткие, но острые черные когти, как у животных. На спине шерсть была длиннее, чем на груди и лапах, на шее — ещё длиннее и гуще, а на морде совсем короткой. Кое-где узор из темных пятен и полос пересекали шрамы. Самый большой и свежий был на макушке, между острых стоячих ушей — от вчерашней пули; к удивлению Доранта, он не кровил, практически затянулся и выглядел так, будто ему было уже больше недели.

Гаррани подковылял к клетке, прокашлялся и вдруг защебетал-затарахтел мелодично, будто певчая птица, издавая странные высокие звуки. Альвы расцепились и выпрямились, с недоумением глядя на Асарау. Самка ответила коротким, ещё более высоким переливчатым щебетанием.

Асарау, как и было договорено, принялся спрашивать альвов, не видели ли они молодого воина, сопровождаемого взрослыми воинами, и не знают ли что-то про них. Когда Дорант объяснял воину гаррани, что ему нужно от альвов, Харран не сводил с него вопросительного взгляда, но от прямых расспросов воздержался. Сейчас он, как и сам Дорант, с нетерпением ждал результатов разговора гаррани с альвами.

Но результатов не было. Альвы молчали. Асарау повторил вопрос ещё раз, и ещё. Дорант внимательно смотрел на альвов, пытаясь понять, можно ли рассчитывать хоть на какое-то сотрудничество. Морды их, малоподвижные по сравнению с людскими, не выражали, казалось, ничего, однако Дорант видел, что они внимательно слушают — и надеялся, что пытаются понять.

Надежда эта, по-видимому, оправдалась, так как самка вдруг прощебетала что-то. Асарау обрадованно ответил, вызвав новое щебетание.

— Кажется, они меня начали понимать, — пояснил воин гаррани Доранту.

И снова защебетал.

Так они журчали и перещебётывались с самкой довольно долго. Асарау время от времени объяснял Доранту, что происходит. Проблема была в том, что Асарау все-таки довольно плохо знал язык альвов, как оказалось. Мало того, через некоторое время стало понятно, что он неправильно произносит слова — альва явно его переспрашивала, причем, насколько понял Дорант, она предлагала воину гаррани разные варианты одного и того же слова.

Асарау начал помогать себе жестами. Дорант не удержался, и тоже принялся размахивать руками. Харран наблюдал за всем этим с любопытством и недоумением.

Самец вдруг покачал головой, совсем как человек, отвернулся со вздохом и ушел вглубь клетки, где завалился мордой на передние лапы, глядя в стену и обратив к людям зад с коротким, в палец длиной, хвостом. Самка пощебетала ещё немного, и Асарау перевел:

— Она говорит, воду надо поменять и подстилку. А то не будет с нами разговаривать.

Дорант немедленно согласился: это было самое меньшее, что он готов был сделать для своих пленников. Они обсудили техническую сторону вопроса: как сменить воду и почистить клетку, не рискуя побегом альвов. Асарау коротко объяснил альвам, что их просьбу собираются удовлетворить. Альвы переглянулись, и самец вдруг весь подобрался, повернувшись мордой к людям.

Харран язвительно усмехнулся и, повернувшись к выходу из той части дома, где жили его боевые слуги — и возле которого непринужденно болтались несколько из них — крикнул:

— Ребята, соберите мне здесь человек пять с рогатинами и сетью.

Дорант кивнул. Случайности и экспромты со стороны альвов были ни к чему.

4

Пока слуги бегали за сетями да рогатинами, двое дворян рассматривали альвов — самца, главным образом. Мало кто из людей мог бы похвастаться тем, что видел альва-самца так близко и остался жив.

Альв же поднялся на задние лапы и повернулся мордой к людям. Стоял он, чуть наклонившись вперед. Ростом он был — Харрану по кончик носа ("Мне, значит, по брови", - подумал

Дорант). Узкий в груди, но с мощными передними лапами. Довольно длинный нос переходил в покатый лоб без какого-либо стопа, как у борзой. Тяжелые надбровные дуги выступали над большими глазами — цвета темной меди, таких у людей не бывает. Зрачки были круглыми, вопреки ожиданиям Доранта, который почему-то ожидал, что у альва зрачки будут как у змеи или кошки — хотя и видел уже его самку, у которой зрачки тоже были круглыми. Серая шерсть на груди от ключиц шла вниз, к животу, укорачиваясь, так что живот от пупка вообще был голым, и на его серой коже выделялись четко очерченные темно-коричневые пятна. У самки пятен на животе не было.

В самом низу живота темный, тонкий и довольно короткий член альва торчал снизу вверх, плотно, как у пса, прижатый к животу.

— Интересно, у него есть в члене косточка? — Спросил вдруг Харран.

Дорант пожал плечами и криво усмехнулся, поймав себя на том, что за мгновение до вопроса подумал о том же самом.

Шерсть на груди — что у самца, что у самки — была густой, шелковистой, но недлинной, и сквозь нее проступали темно-серые соски: у самца маленькие, у самки большие и остро выступающие, подпертые небольшими, но — по виду — твердыми молочными железами. Дорант удивился, что сосков было по два, как у людей, а не как у животных.

На передних и задних лапах большие пальцы были противостоящими, но короче, чем у людей. Когти на этих пальцах были широкими и плоскими, а вот на остальных — заострялись и выступали далеко за подушечки пальцев, слегка искривляясь.

Самка тем временем сама разглядывала людей. Дорант обратил внимание на то, что до сих пор не видел её глаз не прищуренными; раньше — и на площади, и здесь, во дворе, она как будто делала вид, что ей не интересно, что происходит вокруг. Сейчас же она смотрела на них с Харраном так же, как они на её самца.

Острые и довольно большие уши обоих альвов чутко шевелились. Солнце просвечивало сквозь них, подчеркивая причудливые узоры кровеносных сосудов. Между ушами у обоих дыбилась густая, толстая и по виду очень жесткая шерсть, как бы не щетина. У самца она была слипшейся то ли от крови, то ли от слюны его самки, которая, как рассказали дворянам охранявшие альвов слуги, зализывала его рану. Шерсть с макушки переходила на хребет густой гривой, заканчивавшейся между лопаток и одинаково длинной и густой у обоих.

Пришли шестеро боевых слуг Харрана, двое с сетями,

остальные с деревянными рогатинами, какими ворошат сено. Харран велел прижать альвов к решетке, одной рогатиной за шею, другой за нижнюю часть туловища. Слуги просунули рогатины в клетку и начали отжимать альвов к дальней от себя стенке.

Самка мягко ушла в сторону, но была подбита под заднюю лапу, отчего неуклюже упала наземь. Самец отбил верхнюю рогатину, едва не своротив челюсть державшему её слуге ("Силён!" — подумал Дорант), а нижнюю перескочил. Он рванулся было вперед, к дверце клетки — но боевые слуги Харрана, не вчера рожденные, сумели зацепить его за туловище и тоже свалили на землю.

Дорант даже не успел увидеть, как самец, подпрыгнув, снова оказался на задних ногах; резким рывком он вырвал рогатину, втащил её в клетку и, развернув, ткнул в растерявшегося слугу. Тот, надо отдать ему должное, успел увернуться и даже устоял на ногах.

Харран, тем временем, выхватил свой меч и стремительным выпадом уткнул острие его в шею самки, неловко пытавшейся подняться, несмотря на прижавшую её к земле нижнюю рогатину.

— Скажи ему, что мы убьем его самку, если он будет сопротивляться, — обратился он к Асарау.

Тот, невозмутимый, как скала, зажурчал что-то высоким голосом.

Альв скосил глаза на самку, увидел меч у её горла, застыл на мгновение, а потом — с явным раздражением — отшвырнул рогатину, отвернулся и ушел в угол клетки. Харран кивнул и убрал меч в ножны.

— Асарау-ки, скажи им, чтобы они встали к стенам клетки, здесь и здесь. Мы их придержим рогатинами, пока будут чистить клетку. Скажи им: так надо, чтобы все чувствовали себя в безопасности, — сказал Дорант.

Асарау кивнул, задумался, а потом зажурчал снова.

Альв сверкнул глазами, но подчинился. Доранту сильно не понравились его напряженные мышцы, и он вытащил из-за пояса пиштоль.

— Асарау-ки, спроси альва, знает ли он, что это.

Новая порция журчания от Асарау. Альва вдруг кинулась к самцу, прижалась к нему, закурлыкала что-то тихо. Последовало такое же тихое журчание от альва. Расслабившиеся мышцы, поникшая голова.

Рогатины прижали обоих альвов к прутьям решетки. Прислуга — не боевые слуги, а пара парней деревенского вида, перепуганных до полусмерти — открыла дверь, сгребла подстилку граблями, вытащила ими же (не без приключений)

корыто с грязной водой, которую тут же и сменила, затолкав корыто обратно. Лопатой выковыряли, что смогли, из отходов, вонявших в грязном углу. Засыпали (опять же, как смогли) свежую подстилку из соломы и широких листьев какого-то местного растения. Закрыли клетку.

— Отпускайте их, — скомандовал Харран.

И альвов отпустили.

Глава 10. УАИЛЛАР

1

Он объяснил себе потом, почему так получилось. Он был ещё не в форме, и от удара по голове, и от неожиданного плена, и от непривычной обстановки. К тому же он очень беспокоился за Аолли.

Поэтому, когда круглоухие притащили свои раздвоенные палки, вырезанные из цельного дерева и засушенные почти до звонкой костяной твердости, желтые и лишенные коры, Уаиллар не сообразил, что дверца клетки ещё не открыта. Он действовал на чувствах, не подумав. Сыграло свою роль и то, что Аолли, видимо, испугавшись, когда её стали оттеснять раздвоенной палкой вглубь клетки, принялась вырываться. Уаиллар тоже стал бороться — слишком рано. Надо было подчиниться, дождаться, пока откроют дверцу, и тогда сделать рывок. Круглоухие не успели бы перехватить его, в этом аиллуо был уверен.

Он рванулся, перескочив рогатину, и одним движением вырвал вторую из рук растерявшегося круглоухого. Вот и оружие. Но тут сзади сдавленно пискнула Аолли — воин обернулся, чтобы увидеть острый клинок у её горла и ужас в её глазах.

Это было неправильно, невозможно. Женщин не убивают. Женщин берегут и охраняют; если женщина чужая — её можно украсть и увести к себе, но ни убивать, ни обижать их нельзя. Уарро, запрет, невозможно. Даже круглоухие, в тех редких случаях, когда им удавалось поймать аиллуа — уводили их к себе, не причиняя вреда. Красное облако гнева затянуло глаза воина, он хотел было отбить клинок отобранной палкой — но тут калека прокаркал, что Аолли убьют, если Уаиллар не сдастся.

И только тут воин заметил, что дверцу клетки ещё не открывали. Все было напрасно, уйти из клетки ему не удалось бы. Они погибли бы оба, но вряд ли смогли бы причинить серьезный вред круглоухим. Он с досадой бросил палку и отошел назад. Молодой круглоухий кивнул и убрал клинок от шеи Аолли.

Что вышло, то вышло.

Калека-круглоухий грубым голосом и на ломаном языке потребовал, чтобы они отошли вглубь и дали себя прижать к прутьям. Шанс ещё был: Уаиллар понял, как их собираются удерживать, и точно мог бы вырваться. Но старший среди круглоухих вытащил откуда-то нечто, бывшее явным оружием.

— Ты знаешь, это что? — Спросил калека.

Уаиллар знал. Он наблюдал из леса громотрубы в руках у круглоухих. Он много слышал об их действии, хотя и ни разу не видел его. Но это не остановило бы воина.

Остановила его жена. Она кинулась к нему на грудь, причитая что-то про ужасный гром, который убил охранявших её воинов и обязательно убьет Уаиллара, если он не подчинится. Она быстро и сбивчиво говорила, что не хочет жить, если Уаиллар погибнет. Она обняла его и потащила в дальний угол клетки, упрашивая не сопротивляться.

Уаиллар не мог сопротивляться ей.

Он отказался от попытки бежать. Он постарался утешить жену, обняв её и прижав к груди. Он сказал ей все слова, которые должен сказать любящий любимой, чтобы её успокоить.

При этом сам он был очень и очень далек от спокойствия. И был в некотором недоумении, потому что — это ведь Аолли придумала план, как вырваться из клетки, это она решила воспользоваться для побега моментом, когда будут чистить клетку.

Когда их довольно неделикатно отодвинули раздвоенными палками друг от друга и прижали к прутьям клетки, было неудобно и неловко спрашивать, что случилось. Уаиллар только очень внимательно следил, чтобы никто не причинил вреда Аолли, и с удивлением отметил, что круглоухие в точности делают то, что обещали: меняют подстилку и воду, убирают нечистоты…

Он ждал другого. В их аиллоу, если бы пленники в загоне попытались сопротивляться — их бы непременно наказали болью. Для того есть множество способов. И уж точно никто не стал бы чистить загон (правда, для своего же собственного комфорта аиллуэ устраивали загоны пленников таким образом, чтобы нечистоты стекали оттуда сами, смываемые проведенной в загон текущей водой).

Наконец, клетку заперли снова, и раздвоенные палки убрали от шей и ног Уаиллара и Аолли. Старший из круглоухих снова пробурчал-прохрипел что-то калеке, и тот объявил:

— Вас не убивать. Вас не ставить к пыточный столб. Вы сказать, где малый круглоухий аиллуо. Мы знать, что вы трогать малый круглоухий аиллуо. Где есть малый круглоухий аиллуо теперь? Вы помочь привести здесь малый круглоухий аиллуо, вас отпустить наружу.

Уаиллар опять ничего не понял. Какая-то ерунда. Как аиллуо может быть круглоухим? Кого и когда они с Аолли могли трогать? Чего, наконец, от них хотят?

Он обменялся с Аолли взглядами. Та тоже недоумевала.

Уаиллар почувствовал, как она устала от напряжения, почувствовал её боль от царапины на шее. Почувствовал её облегчение и нежность от его присутствия рядом, и ему стало неловко, как всегда — ему всё время казалось, что такая аиллуа просто не может любить его так.

— Вы знать малый круглоухий аиллуо, вы сказать, он живой или нет? — Проскрипел круглоухий калека.

И тут Аолли вдруг, подняв голову, прошептала:

— Мой аиллуо, а может, они спрашивают про того молодого многокожего, которого ты захватил вместе с другими не так давно? Я трогала его мертвую кожу, ты касался его самого.

2

Уаиллар поднял голову и посмотрел прямо в глаза старшего круглоухого. Стараясь медленно и четко выговаривать слова (и говорить попроще), он произнес:

— Я, Уаиллар, военный вождь и воин клана Оллаулэ, осененного Великим Древом, пол-луны и руку дней тому назад напал на отряд круглоухих у закатного края Леса, там, где растут четыре древних урраилиэ и бьет ключ из-под рыжей скалы. Я был с двумя младшими воинами, и мы убили почти всех. Я принес две руки без двух пальцев круглых ушей, и половина была ушами многокожих, имевших оружие. Мы захватили пленных для пыточного столба. Это не были сильные пленные, сильных пришлось убить. Среди захваченных был молодой круглоухий с узорчатой второй кожей, на которой были мертвые камни. Ты спрашиваешь о нем?

Старший круглоухий взглянул на калеку. Тот забурчал, захрипел что-то на своем языке. Старший снова посмотрел на Уаиллара, причем тот готов был поклясться, что во взгляде круглоухого были радость и удовлетворение, как будто ребенок съел что-то вкусное. Последовал довольно длинный обмен хрипением, бульканьем и рычанием между старшим и калекой, и младший круглоухий тоже вставил что-то. Затем калека переспросил:

— Молодой круглоухий в твоем аиллоу? Он жив?

Уаиллар ответил с гордостью:

— Молодой многокожий, старый многокожий и четверо круглоухих, таскающих грузы, в моем оллаау, готовые к столбу пыток.

Последовал довольно долгий обмен звуками между калекой и двумя другими многокожими. Затем калека спросил:

— Молодой круглоухий был у столба пыток?

— Нет. Я не успел, а без меня их не тронут.

Уаиллар, если честно, уже не был в этом уверен. Да, выставить пленника к пыточному столбу должен был тот аиллуо, кто его взял. Вывести пленников из оллааy кому-то другому — было тяжелое оскорбление. Но он-то теперь уолле, существо без имени и статуса. Одна надежда, что сейчас он исполнял задание Великого Вождя Ллуэиллэ, и Великий Вождь должен был ждать, пока он вернется — или не вернется, в том и была загвоздка. Сколько времени готов будет ждать Великий Вождь?

Многокожие посоветовались снова, и калека сказал:

— Вождь — (тут он произнес что-то невоспроизводимое) — отпустит тебя, чтобы ты привел молодого многокожего. Когда ты приведешь их, заберешь свою аиллуа и уйдешь свободным. её будут хорошо кормить и держать чистой. Если ты не приведешь молодого многокожего, её убьют.

Уаиллар был поражен до глубины души. Такого не делал никто и никогда. Никто не отпускал захваченного аиллуо, никто не давал ему задание. Дать задание воину — на это имеет право лишь Великий Вождь, или — во время похода чести или войны — военный вождь. Отпустить пленного, не выставив его у столба пыток — не может никто, это немыслимо.

Впрочем, он имел дело с многокожими, а не с аиллуэ. Кто знает, что в головах у этих полуживотных.

Уаиллар был в растерянности и нуждался во времени на размышление. Он не знал, как себя повести, а многокожие, бурча, хрипя и булькая между собой, глядели на него будто в ожидании.

Калека, выслушав, кивнул и спросил:

— Ты понял меня, или надо повторить? Если ты привести молодого многокожего, тебя и твою аиллуа отпустить, и вы будете бесстражны. Ты сделать?

Уаиллар быстро посмотрел на Аолли. Она глядела на него с надеждой, не издавая ни звука. Воин почувствовал теплую волну нежности к ней, такой умной, отважной и всё понимающей. Аолли готова была принять любое его решение. Она готова была даже встать рядом с ним к пыточному столбу — он знал это так же точно, как то, что никогда и ни за что не поставил бы её жизнь под угрозу, если бы это хоть сколько-нибудь зависело от него.

Как ни напрягал он свой ум, другого выхода не было.

— Я согласен, — сказал он.

3

Калека замотал головой:

— Я не понять. Говори другие слова.

Уаиллар в недоумении и растерянности посмотрел на Аолли. Та развернула уши в знак непонимания.

Сказано было совсем просто, что тут неясно?

Уаиллар повторил медленно:

— Я согласен.

— Ты — что? — Переспросил калека. До воина аиллуо дошло, наконец, что калека может не знать даже самые простые слова.

— Я пойду в аиллоу и приведу молодого круглоухого. Вы отпустите мою аиллуа и меня.

Калека вздохнул с облегчением. Он быстро заговорил на своем грубом языке, объясняя двум многокожим. Старший внимательно посмотрел прямо в глаза Уаиллару и наклонил голову вперед. Уаиллар не понял, что это значит, но решил, что будет считать этот жест согласием.

Старший похрипел о чем-то с младшим, после чего все трое ушли от клетки и скрылись в своем ааи.

Только тут Уаиллар понял, что все это время был напряжен, как в бою, и устал, как от сражения с пятью опытными и сильными аиллуо. Он отошел вглубь клетки и рухнул на помятую, полумертвую траву. Аолли опустилась рядом с ним.

— Мой аиллуо, не вини себя. Ты сделал все, что мог. Ты сделал больше, чем любой воин за много и много лет. Великое Древо решило за нас, и мы должны смириться с его волей. Я счастлива, что ты не попадешь к столбу пыток и не умрешь. Если круглоухие отпустят тебя, уходи и не думай обо мне. Ты будешь жить в нашем ааи, ты найдешь себе другую аиллуа, — в её голосе слышалась боль, — она не будет такой неудачницей, она родит тебе детей…

— Я обещал твоему отцу, что вернусь с тобой или умру. Если для того, чтобы вернуть тебя домой, надо вывести круглоухого — да хоть всех, кто сидит сейчас в оллааy, — я это сделаю. И никто меня не остановит. И не говори мне про других аиллуа, у меня есть ты, и никогда не будет другой. Но у меня другой план. — Аолли подняла голову. — Нам главное — выйти отсюда и оказаться в лесу. Я уговорю их, чтобы они сами вывели нас и доставили в лес. Они отпустят меня, чтобы я привел молодого круглоухого. А я приведу воинов. Это будет лучший поход чести в моей жизни. Их уши будут на моем ааи, за всё, что они делали с тобой.

Почему-то даже сейчас он не сказал Аолли, что её отец запретил ему возвращаться без нее, и если он нарушит запрет —

любой аиллуэ: воин, женщина, безымянный уолле — может и должен его убить. Уаиллар не рассказал и того, что Ллуэиллэ лишил его имени. Ему было стыдно вспоминать об этом — настолько, что он и не вспомнил.

Позже это сильно отразилось на ходе событий.

Меж тем день перевалил далеко за половину, и солнце стало заглядывать в угол двора, где стояла клетка. Солнечное пятно упало на емкость с водой: сначала задело краем, потом стало заползать всё дальше и дальше. Уаиллар спросил жену:

— Вода к вечеру сильно нагревается?

— Да. Пить неприятно.

— Там же растет олуора, попросила бы её прикрыть воду от солнца.

— Мне было так тоскливо и плохо, что — всё равно…

— Так попроси сейчас, любовь моя!

Аолли пододвинулась поближе к сосуду с водой, протянула руки в сторону куста олуоры — по совести говоря, довольно чахлого — который торчал из-под стены, и заговорила с ним. Олуора медленно развернула свои резные листья поперек лучей солнца и приподняла ветки, прикрывая кружевной тенью воду.

— Вот и славно, — сказал Уаиллар, — теперь вода останется прохладной до вечера.

Аолли спросила, как он добрался до аиллоу многокожих. Уаиллар принялся рассказывать, по принятому у воинов обычаю стараясь сделать рассказ красочным и остроумным. Особенно ему удалось описание заплыва через озеро, он даже сумел сымпровизировать несколько строф. Аолли рассмеялась, было видно, что её настроение улучшилось.

Про бой с тремя воинами аиллуо он не стал говорить, чтобы не волновать жену.

Потом седой круглоухий принес им ещё плодов, и они поели даже с удовольствием.

А потом опять пришли два многокожих воина и калека.

Глава 11. ДОРАНТ

1

Больше всего мешало даже не то, что Асарау знал слишком мало слов, а то, что он часто произносил их неправильно. Доранту это бросалось в уши: добрые Боги наградили его хорошим слухом, и он даже любил петь на голоса с женой и дочкой, когда никого не было рядом из чужих.

Асарау щебетал, как альвы, но было заметно, что щебетал не в тон. И каждый раз, как он попадал мимо тона, альвы переглядывались и переспрашивали.

Доранту даже показалось, что он понимает отдельные мотивчики этого щебетания, сопоставляя их с тем, что переводил Асарау.

Когда калека-воин радостно подтвердил, что альв-самец согласился привести примеса Йорре в обмен на свою и своей альвы свободу, Дорант даже не обрадовался. Ему-то прекрасно было понятно, что трудности только начинаются. Он перевел сказанное Харрану и предложил пойти посоветоваться.

И они пошли в дом, где засели в том же зале, в котором завтракали утром.

Харран, мягко опустившись в кресло, потребовал у слуги вина, копченой свинины и фруктов. Дорант жестом удержал Асарау, собравшегося было сбежать из-за стола, где он, несмотря ни на что, чувствовал себя недостаточно уверенно с двумя дворянами из Империи. Харран посмотрел на это с неудовольствием, но потом, видимо, сообразил, что воин гаррани не понимает их языка. Каваллиер, озабоченный своим заданием и нелегкими думами о том, что нужно сделать, чтобы его выполнить, естественным образом отреагировал на вопрос Харрана:

— Дорант, объясни мне, что все-таки происходит?

Ну что бы вы ответили на это? То же, что и Дорант:

— Понимаешь, Харран, мне надо вытащить в Империю одного юношу. Поверь, пожалуйста: от этого зависит не просто благополучие, а судьба Империи. И сейчас у меня есть основания считать, что он попал в лапы альвов. Ты поможешь мне?

Доранту было немного страшно раскрывать тайну даже частично, но он хорошо понимал, что один с одним оставшимся боевым слугой не много навоюет — а воевать придется: это же всё-таки альвы. Рассчитывать он мог только на Харрана и его

оставшихся воинов, да, на худой конец, на Красного Зарьяла с его егерями. И даже если наймёт Красного Зарьяла, толку тоже не будет. Потому что Зарьял и егеря наёмные, чуть опасность для их шкурок — и до свиданья, а опасность там будет точно. И вообще, всё предприятие требовало тщательного планирования, обеспечения ресурсами, а главное, всё это надо было делать очень и очень быстро. Да и не очень понятно, как и что делать с альвом: как вывести его из города, что сказать потом местному обществу, как объяснить друг другу, где встречаться после операции…

Тем более неожиданной для каваллиера стала реплика Харрана:

— Ты разговор не переводи. Что у тебя с Маисси? Почему она там, во дворе, висела у тебя на шее?

Дорант, может быть, ещё утром бы замялся и начал искать подходы, чтобы не обидеть друга. Но сейчас он был, во-первых, сильно озабочен своими проблемами, а во-вторых, уже немного пьян, поскольку, едва войдя в зал, выхлебал полкувшина красного молодого вина, стоявшего на столе, чтобы остудить глотку.

Поэтому он прямо, и даже с некоторым раздражением, сказал:

— Харран, у тебя где голова была, когда ты молоденькой девочке про меня легенды рассказывал? Ты бы лучше свои победы расписывал, как и кого на охоте завалил да как армано на тренировках побеждаешь. Она же книжки слушает, или, не дай Пресветлые, читает! Ты эти книжки хоть раз пролистал? Там такое написано, чего в жизни не бывает. Но для девиц — самое сладкое и вредное, как засахаренный яд! Там же в каждой книжке про то, как приходит славный герой, девицу спасает от чего-нибудь и на ней женится! Ну вот представь себе: сидит девочка дома, умом совсем ещё ребёнок, но по всему уже замуж готовая, и детей рожать. Сидит дома в вашем городке, где и пойти некуда, один бал в три месяца. Всех развлечений только чтение про то, как приходит герой и увозит её в настоящую, интересную жизнь. Не возражай: это у тебя охота, драчки с соседями, хозяйство и прочее. А у неё? Кто её к хозяйству-то допустит? Да ещё все постоянно повторяют: "Ваша матушка вышла замуж по любви". Ты хоть на миг представь, что в голове у неё? Я ещё не приехал, а ты её уже в меня влюбил. Именно ты сам! Да к тому же, судя по тому, что она лепетала, рассказывал про меня всякую чушь. На самом же деле всё было совсем не так…

Харран сменил выражение лица на остолбеневшее. То, что говорил ему старший товарищ, никогда не приходило юноше в голову. В его миропонимании всё было просто и понятно. Был он, простой дворянин. Была Маисси, чудесная девушка, чье внимание

надо было привлекать. Ну не своими же мелкими делишками? А тут друг, герой и прославленный воин…

Дорант же продолжил:

— Ты хоть понимаешь, как ей сейчас плохо и стыдно? Она на меня накинулась, как наёмный рейтар на служанку в трактире. Хотела, чтобы я её увёз — куда? Зачем? Что мне с ней делать? На что она мне?

Харран чуть не бросился на Доранта. Но тот остановил его взглядом и жестом ладони:

— Ты её не вини. Девочка погналась за мечтой. Девочке сейчас трудно. Очень трудно и стыдно. Тебе надо быть рядом с ней, и ты должен делать вид, что ничего не знаешь! Ты понял, почему?

Харран сидел, остолбенев, и было буквально видно, как крутятся шестеренки в его голове. Он никогда не думал о том, что чувствует его любимая. Он был полон собственными своими ощущениями, её эмоции его как-то не интересовали, ну разве что — с точки зрения, что она чувствует к нему. Сейчас весь мир для него перевернулся, и он пытался восстановить равновесие.

Надо было добивать. Дорант добавил:

— Понимаешь, ты ведь отвечаешь за неё здесь. Да-да, именно ты, а не её родители. — И палец Доранта уткнулся в грудь юноши. — Потому что родителей она слушать не будет. У неё вот здесь, — Дорант снова ткнул пальцем в область сердца Харрана, — всё бурлит. Здесь у неё родителей нет. Здесь одни чувства: детское, дурацкое, смешное восхищение героем, которого она толком и не знала никогда. Детская дружеская привязанность к тебе. Стыд перед тобой и другими. И ты ДОЛЖЕН, — Дорант выделил это слово, — её успокоить. Дать ей твёрдо понять, что никто — понимаешь, никто — никогда не осудит её за её детскую ошибку. А лучше всего, пусть она думает, что никто эту ошибку не заметил. А если кто-то будет утверждать обратное — убей его, Харран! Ну, если ты, конечно, хочешь, чтобы Маисси была твоей женой и матерью твоих детей.

Харран вспыхнул, хотел что-то произнести, задумался, склонил голову — и промолчал.

Потом поднял голову и, глядя прямо в глаза Доранта, сказал:

— Чем я могу тебе помочь?

2

Всё это время Асарау, сын Кау, сына Вассеу, сидел, как на иголках, опустив взгляд, и старательно делал вид, что его здесь

нет. "Он ведь немного знает язык", - вспомнил Дорант. Пришлось извиниться перед деликатным воином гаррани.

После этого каваллиер перешел к делу.

— Ещё раз скажу: мне надо выручить юношу, который попал к альвам. Я ехал сюда именно за ним.

— Погоди, это ведь тот парень, который проезжал через Кармон со свитой из серьезных рубак? Щёголь, усыпанный драгоценностями?

— Не знаю насчет драгоценностей, я его не видел, но парень точно тот. Видно, они случайно наткнулись на альвов, когда поехали по Альвийской тропе. Правильно им говорили: езжайте Южной дорогой.

— Они спешили, а Альвийская тропа короче.

— Да не в этом дело, Харран. Им надо было, чтобы по дороге их видело как можно меньше народа. На самом деле они же не в Херет ехали, а на юг, в Ильвару. Там крепость, в которой наместником младший сын дуки Варроса.

Харран нахмурился:

— Так это люди дома Аттоу?

— Да.

— Юноша из их рода?

— Нет. Они его увезли, по его доброй воле, но против воли его родителей. Родители поручили мне его вернуть. Прости, я больше пока не могу тебе рассказать. Не моя тайна. Да и не в этом дело. Сейчас он не у людей Аттоу, он у альвов. Его от них надо вытаскивать.

— Ты веришь этому альву, что он ради самки пойдет и приведет парня?

— Понимаешь, Харран, у нас всего две возможности: или мы верим этому альву, или нам надо собирать людей, нападать на посёлок альвов и отбивать его силой. Я пока ни одной из возможностей не отвергаю. Мы слишком мало знаем пока, чтобы решать. Давай посоветуемся с Асарау, он все-таки долго был у альвов.

Дорант повернулся к воину гаррани и пересказал ему суть проблемы. Потом спросил:

— Асарау-ки, расскажи, что собой представляет посёлок альвов? Сколько там может быть воинов? Как он устроен, какие там дома, где могут держать пленников? Вообще, расскажи побольше.

Асарау немного подумал и начал рассказывать:

— Я посёлок плохо знаю, меня держали в загоне, с остальными. Пленных, которых пригоняют для столба пыток, всех держат в одном загоне. Они его называют, — тут он тоненько

провыл что-то мелодичное. — Это загородка из стволов такого растения, вроде тростника, только с твердыми стеблями толщиной в три-четыре пальца, высотой больше двух ростов человека, с метелкой листьев наверху. У нас такое не растет, я здесь его впервые увидел.

— Ага, похоже, это памба, — подтвердил Харран, когда Дорант перевел ему слова воина. — Ниже по реке её целая роща.

— Альвы загородку ставят над ручейком, который течет через посёлок. Не знаю, как они это делают, но там всегда чистая свежая вода. Отбросы велят оставлять в одном углу, если кто из пленных нарушает, его сильно бьют.

— А пленных точно всех держат в одном месте?

— Точно. Загородка стоит в самой середине посёлка, там такая большая круглая поляна, с одной стороны загон для пленных, рядом — пыточный столб на небольшом возвышении, напротив там густые кусты, а когда собираются альвы, ставят ачто-то вроде больших плетеных сидений, а сбоку, с другой стороны — большой такой шатер или дом, сплетенный из живых растений, там самый главный воин клана сидит каждый день с утра до полудня, а то и позже, а к нему приходят другие воины. Что они там делают, не знаю, от загона не видно было. В другое время дом пустует. Поляна окружена густыми кустами, проход только один, где сиденья.

Дорант попытался представить себе, как все это выглядит, и задал закономерный вопрос:

— А напротив дома что находится?

— Да ничего, в общем-то, — пожал плечами Асарау, — дерево какое-то растет внутри загородки. Старое, очень толстое. Альвы по той стороне почему-то не ходят.

Асарау было невдомек, что это дерево — самая большая святыня для альвов.

— А велика ли поляна?

— Ну… где я был — там от края до края шагов сто, наверное.

— А посёлок?

— Я не очень-то его видел… — Асарау было очень неловко, что он не может быть полезным. Ему было очень мучительно вспоминать, как его несли два альва, вздев на палку, просунутую между связанными кистями, коленями и щиколотками, голова при этом беспомощно свисала вниз; был юноша в полубессознательном состоянии после влитого насильно гадкого на вкус состава, и видел мало, а что видел — то было как сквозь туман. Потом его бросили в загородку вместе с ещё двумя гаррани, один из которых был сильно избит, и одним имперским воином. Все они были совершенно нагими, потому что первое, что

сделали альвы — срезали с них всю одежду. Он так и не знал, куда её девали.

Потом, когда он второй раз попал к пыточному столбу — ему медленно отрезали пальцы на ногах, потом срезали кожу со ступней, потом освободили кости стоп от мяса и сухожилий, все время поддерживая юношу в сознании, но молодое и ослабленное тело не выдержало, и он все-таки отключился — альвы решили, что он умер, а может, поняли, что не смогут его сломить, и оттащили в яму, куда кидали мертвых. Асарау, естественно, не видел, как его тащили, и не мог ничего сказать про то, как устроен посёлок.

Тела лежали там, пока их не обглодают падальщики, потом альвы засыпали кости землей. Асарау очнулся, когда на темя ему сел ворон и уже примеривался выклевать глаза. Он вспомнил все, что знал об опохве, собрал невеликие силы своего тела — и скинул ворона.

Потом пришлось подраться с этим вороном и другими, но их отогнал здоровенный (и очень вонючий) гриф. Пока гриф разбирался с воронами, Асарау с трудом выполз из ямы и сумел подобрать довольно длинный сук. Дальше птицы были ему уже не страшны, он даже ухитрился повредить грифу крыло. Сук пригодился и в качестве опоры. Юноша, с её помощью, смог добраться до кустов, окружавших трупную яму, и заползти достаточно глубоко, чтобы ветви защищали его от птиц. Опохве помогло остановить кровь и закрыть раны; торчавшие кости пришлось обломать по суставам, отключив ощущение боли. Асарау подумал тогда, что можно было отключить его у пыточного столба — он не понимал, что эта способность пришла к нему после беспамятства, именно в результате перенесенной нечеловеческой пытки.

— Я не могу сказать, какого размера посёлок. Но я знаю, сколько воинов живет в нем. Они часто приходят на поляну перед пыточным столбом. Устраивают поединки и сражения до первой крови. Я через несколько дней знал их всех в лицо. Их было не больше сотни, скорее, даже намного меньше. Я могу их всех перечислить, и вы посчитаете.

Дорант ухватился за это, велел принести бумагу и перья.

Асарау, закатив глаза к потолку, вспоминал приметы альвов. Дорант на каждого проводил черту. Когда Асарау иссяк, количество черт посчитали — оказалось семьдесят три.

— И всего-то? — Спросил Харран.

— А ты вспомни, сколько боевых слуг потерял от ОДНОГО альва, — мрачно сказал Дорант.

Харран вспомнил и задумался.

Дорант, между тем, спросил ещё одну важную вещь:

— Асарау, а женщины, — тут он даже не запнулся, чем вызвал недоуменный взгляд Харрана, привыкшего называть их самками, — будут сражаться?

Воин гаррани задумался очень ненадолго:

— Они не должны сражаться. Но они опасны: они соревнуются в метании ножей каждый день и вовсе не слабы духом.

Дорант, подумав малое время, поднял голову и посмотрел в глаза Харрана:

— Видишь, дружище, что нас может ждать? Мы ничего не знаем про посёлок. В посёлке нас ждут не меньше семи десятков воинов, каждый из которых стоит многих наших. Конечно, хорошая компанида с боевым опытом, с хорошим снаряжением и огнестрелом — с ними справится, и даже потерь не будет слишком много. Но у нас нет компаниды, а главное — у нас нет времени. Парня могут поставить к пыточному столбу. А мне надо вытащить его оттуда любой ценой. Поэтому пойдет альв, раз уж он обещал его привести. Если не получится — будем думать, что делать дальше.

— Дорант, а как же остальные пленники?

— А никак. Или ты думаешь, что альв сможет вывести всех? Мне нужен только парень. — Дорант не стал говорить Харрану, что уж точно ему не нужен при примесе Йорре никто из людей Аттоу. И так будет сложно довезти примеса отсюда до Акебара. Армано Миггал явно был в Кармоне не один, да и по дороге от Кармона до столицы сторонников влиятельного семейства (да и просто людей вице-короля, который сам был из дома Аттоу) будет больше чем надо.

Харрану это не понравилось, но каваллиер ничего другого не ждал. И, собственно, не собирался оправдываться: придет время, юноша сам поймет.

— Вот что я предлагаю, — сказал Дорант. — Мы вывезем альва из города на крытой повозке. Ты сможешь организовать?

Харран кивнул:

— У меня найдется даже картега.

— Картеги не надо, простая повозка с тентом, как в обозе. Есть такая?

— Штуки три здесь, в сарае, и ещё пяток найду, если надо. Но это неудобно, альва там будет сложно контролировать. Лучше все-таки картега, на худой конец, кибит или брика.

— Такие есть у тебя?

— Найду. Кибит старый за городом стоит, у Сладера-арендатора на дворе. Думаю, цел ещё: Сладер в прошлом году на нём старшую дочку в храм возил на очищение.

— Отлично. На ней мы ночью вывезем альва. Мы поедем верхами вслед за альвом. Сколько у тебя людей сейчас?

Харран задумался. Посчитал на пальцах и извиняющимся тоном сказал:

— Не больше полудюжины. Я не могу взять всех, здесь тоже кто-то должен остаться.

Дорант рассчитывал на большее, но, учитывая утренний разговор, не удивился.

— А как ты думаешь, Красному можно доверять? И сколько людей он может выставить?

— Зарьялу точно всё равно, на кого работать, лишь бы заплатили. Будешь платить — можешь доверять, он на середине найма от нанимателя не уйдет и врагу его не подставит. У него своих егерей с дюжину да ещё из дикарей набирает не меньше. Да и своих-то половина те же дикари.

— А чем он живет-то здесь? Неужели его для охраны нанимают? Или для нападений?

— Ну что ты, какая охрана. Тем более нападения. Красный Зарьял жить хочет, долго жить и хорошо жить. Он в здешние дрязги не влезает, за землю и имения драться не соглашается. Ты же знаешь, не наш он. Да и не проживёшь на это, тут всё-таки граница почти: усобицы редкость, выживать лучше вместе. Наши никто таким не балуются, если только из соседнего гронта какого. Зарьял в Лес ходит, мясо добывает, растения редкие, шкуры хищников и прочее. Охотится. Ну и от альвов отбивается, если нападут. Поэтому у него люди все в кирасах, в шлемах, некоторые даже в полудоспехах. И у всех по две пиштоли. И то, за год, считай, треть егерей новых набирать приходится. Альвиан, знаешь ли.

Дорант знал, и не понаслышке.

Но надо было думать о насущном. Он обратился к воину гаррани:

— Асарау-ки, ты сможешь объяснить альву, что мы его вывезем ночью на повозке? И выпустим поближе к озеру?

Асарау подумал, пошевелил губами (видимо, проговаривая, как это по-альвийски), потом кивнул:

— Да, Дорант-ки, смогу. Постараюсь.

Далее каваллиер обратился сначала к Харрану, а потом, на гаррани, к Асарау:

— Вот какое у нас затруднение, друзья. Нам близко к альвийскому посёлку нельзя показываться. Но и очень далеко

ждать альва тоже нехорошо: может понадобиться отсечь погоню. А я думаю, что погоня за ним обязательно будет. Так что нужно: во-первых, выбрать место, где его ждать, а во-вторых, объяснить ему, где это место. Кто-то из вас знает приметное местечко, чтобы там альва дожидаться?

Харран и воин гаррани переглянулись и одновременно пожали плечами. Харран в Альвийском лесу бывал, но считанные несколько раз. Асарау по понятным причинам знал о нем тоже немного.

Дорант вздохнул и решил это дело отложить. А впрочем…

— Асарау-ки, ты, может быть, спросишь альва?

Воин гаррани даже подпрыгнул. Ему в голову не пришёл такой вариант.

Дорант же подумал, что у него к альву есть ещё несколько вопросов.

И друзья вернулись во двор, к клетке.

4

Альвы в клетке явно чувствовали себя значительно лучше, чем до того. Сидели, обнявшись; в грязном углу валялись шкурки от съеденных плодов, лохань с водой была на две трети пуста, зато шкуры обоих были влажны и чисты. Дорант, привычный замечать мелочи, обратил внимание, что чахлый куст, росший рядом, вдруг распушился и развернул листья, закрыв тенью пол-клетки. Он вспомнил, что рассказывал ему Асарау про управление растениями, и сделал себе в памяти пометку — ежели удастся, расспросить об этом альвов подробнее.

Увидев трех друзей, альв поднял голову и посмотрел прямо в глаза Доранту. Тот, будь помоложе, наверное бы вздрогнул от этого взгляда, но сейчас — видал он людей и пострашнее этого альва. Игра в гляделки оставила обе стороны удовлетворенными. Каваллиер отметил для себя, что альв явно выделил его как главного из троих. А это значило, что у альвов и людей больше общего, чем обычно думают. По крайней мере, общество альвов, похоже, знает вождей и подчинённых.

Ни Харран, ни Асарау подчинёнными Доранту не были, он их так и не рассматривал. Асарау, как и Харран, был для него другом — хоть каваллиер и знал его всего пару дней. Но вождь — это тот, кто принимает решения. А подчинённый — тот, кто решения выполняет. В команде — будь это компанида, связанная и спаянная воинской дисциплиной, будь это племя дикарей, связанное и спаянное обычаями и верованиями, будь это

временно, случайно сложившаяся группа, которую не связывает ничего, кроме временной, случайной общей цели — должен быть один, и только один, кто принимает решения (и главное, возникающую вслед за ними ответственность), и все остальные, которые соглашаются эти решения исполнять. Или будет гибель, провал, смерти, неудача и прочее.

Главное, чтобы вождь не забывал, что он отвечает за последствия своих решений, — подумал Дорант, — а то видывал я таких…

И перед глазами его снова встали груды тел в долине Сарсаты, среди которых было много его друзей. Земля, в которую уже не впитывалась кровь. И ликующий вице-король, пьяный от сознания того, что посылает людей на смерть — а они идут, не медля и не задавая вопросов.

Тогда Доранту повезло, он был со своей компанидой в резерве, как опальный непослушный командир, и когда наемные гальвийцы, разбившие строй имперцев пушками, плотным строем в ярко-красных своих мундирах, рванули в атаку прямо на холм, где была ставка вице-короля, Дорант единственный не растерялся и увидел, что гальвийцев осталось совсем немного, оружие у них разряжено, а бежать им вверх и не меньше двух минут. Он организовал плотный огонь, после которого оставшихся красномундирников добили пиками, шагах в пятнадцати перед вице-королём. В компаниде у Доранта потерь не было вообще. На самом деле он не считал, что сделал что-то важное: просто выполнил то, для чего его поставили в резерв. За это дело он и получил тогда, прямо на поле боя, отличия каваллиера.

За это же дело его потом терпеть не могли в войсковом командовании Заморской Марки. За это же дело вице-король относился к нему двойственно: с одной стороны, с благодарностью за спасение жизни, с другой — с неловкостью, потому что жизнь ему пришлось спасать из-за очевидно идиотских приказов, отданных его хенералями и им самим…

Глядя сейчас на альва, Дорант испытывал двойственное чувство. С одной стороны, перед ним был зверь. Не животное, а именно зверь, что-то между волком, обезьяной и диким котом. Именно так говорила о нём внешность. С другой — это был воин, сильный и волевой. Проигравший, но привыкший побеждать. Достойный уважения за свое воинское искусство — и за то, что рискнул прийти за своей женщиной. (Дорант больше не мог думать об альве как о самке животного. Слишком близким его собственной натуре было поведение обоих в плену.)

Закатное солнце окрасило нежно-оранжевым стену за клеткой и влажную шерсть обоих альвов. Они были невыразимо

прекрасны той красотой здоровых, тренированных, естественных тел, которая свойственна животным. Но их глаза — каваллиер понимал это теперь — отражали разум и волю.

Дорант отвесил альву уважительный поклон. Альв, что поразило Доранта, ответил ему тем же.

— Спроси его, сколько времени ему надо, чтобы добраться до своего посёлка от нашего берега озера.

Асарау зажурчал, запел высокими тонами. Альв, недовольно шевеля ушами, переспросил. Где-то раза с третьего они, похоже, смогли объясниться. Воин гаррани пояснил:

— Пять-шесть дней ему надо. И он спрашивает, куда привести молодого воина. На это тоже нужно время.

— Спроси его, какое место он знает, такое, чтобы мы знали его тоже.

Опять щебет и воркование на высоких тонах.

— Он предлагает — то место, где поймали альву.

— Там бывают их воины?

— Там редко бывают воины альвов, это край леса. Туда ходят только женщины в тягости, там растет нужная им трава.

Так она ждет ребенка, — подумал Дорант, — вот оно что!

Спросил же он другое:

— Сколько тебе нужно будет времени, чтобы привести туда молодого воина?

Альв ненадолго задумался. Потом опять зажурчал-засвиристел.

— День и ещё полдня. Может быть, два, — перевел Асарау.

— Объясни ему, что мы вывезем его ночью на повозке, потому что никто не должен видеть, что он уходит. Потом мы пойдем туда, где поймали альву. Мы будем ждать там пять дней. Если он приведет молодого воина, мы привезем его сюда, он заберет свою альву, и мы опять ночью вывезем их из города туда, куда они скажут, но это должно быть безопасное место.

Снова курлыканье, щебет и журчание. Долгое. В обе стороны.

— Ему не нравится это, Дорант-ки. Он хочет, чтобы альву обменяли на молодого воина там, где вы будете его ждать.

Дорант задумался. Потом перевёл смысл обсуждения Харрану, который изнывал от нетерпения. Харран, подумав, сказал:

— В принципе, может получиться. Надо только, чтобы он и альва принесли клятву, что она не сбежит, пока мы будем его ждать.

Доранту эта мысль не понравилась. Клятва, принесенная врагу? Под принуждением? Кто может гарантировать, что мораль альвов требует обязательного соблюдения такой клятвы? Что они

вообще понимают, что такое клятва?

Он глубоко задумался.

В принципе, вариантов было ровно два: или они держат альву здесь, в доме Харрана — или везут (как?) на то место, где её захватили. Третий как-то не просматривался. Если альву оставить здесь, то надо, чтобы кто-то её охранял. Не дай Пресветлые, чтобы с ней что-то случилось бы, пока они будут в отъезде. Это тоже риск, и — как прекрасно понимал Дорант (и чего вовсе не понимали ни Харран, ни Асарау) — вполне реальный: в городе есть наместник, да и гуасил — представители власти. В городе находится мутный армано Миггал, явно связанный с семейством из Аттоу. То есть — либо оставлять Харрана сидеть дома (а Дорант не заблуждался насчет того, согласится ли юноша на такое, да и в походе он на него хотел бы рассчитывать), либо рисковать тем, что под давлением властей — или под прямым ударом семейки Аттоу — оставленные для присмотра немногочисленные боевые слуги отдадут альву, поставив тем самым всю сделку под удар.

Везти альву с собой? Верхом — исключено. В повозке — значит, они будут двигаться медленно. При этом вовсе не факт, что повозка вообще может пройти туда, где они договорились встретиться.

Ситуация явно зашла в тупик. Доранту не хватало сведений, чтобы принять решение.

И он открыто сказал об этом альву, постаравшись объяснить, что его беспокоит.

Альв же, выслушав (очевидно корявый) перевод воина гаррани, вздохнул с видимым облегчением. Для него, похоже, затруднение это было несущественным.

Он проверещал что-то, что Асарау вынужден был переспросить. После повторения, и даже некоторого разжёвывания, воин гаррани объяснил:

— Он предлагает, чтобы мы надели на альву путы, из которых она не сможет вырваться, и вели с собой. Он скажет ей, чтобы она не сопротивлялась и не убегала. Он придет за ней на то место, где её поймали. А ещё он просит, чтобы, когда его отпустят, ему вернули оружие.

На этом, вроде бы, и договорились. Теперь надо было быстро решать остальные вопросы.

Глава 12. УАИЛЛАР

1

Старший из многокожих спрашивал, калека переводил (насколько мог; Уаиллар уже привык к его грубому и нелепому языку, хотя приходилось переспрашивать), Уаиллар отвечал, как понял.

Уаиллар оценил, что старший из многокожих наклонил перед ним голову, как, видимо, это было принято у круглоухих. Чтобы показать, что он готов сотрудничать (а Уаиллар готов был бы сотрудничать с дикими горными львами, лишь бы вытащить Аолли), он тоже наклонил голову. У аиллуэ знаком уважения собеседника было — наклонить голову набок и повернуть в ту же сторону нос, потом повторить в обратную сторону. Варвары с круглыми ушами этого, понятно, не знали — но Уаиллар и не ждал от них ничего подобного. Хорошо уже, что они показывали уважение своим способом — если, конечно, он правильно понял их.

Старший из многокожих через калеку спросил, сколько времени понадобится Уаиллару, чтобы достичь своего аиллоу. Тут Уаиллар ненадолго задумался. Стоило ли давать круглоухим такие сведения? И он постарался сделать ответ максимально неопределенным: пять-шесть дней (ага, проверьте!).

На самом деле, ежели ему никто не помешает, Уаиллар мог достичь своего аиллоу за четрые дня, самое большее: именно столько времени он добирался сюда.

Старший круглоухий задал правильный вопрос, чем завоевал некоторое даже уважение воина: где им встретиться, чтобы передать юного круглоухого? Какое место может быть известно обеим сторонам?

Уаиллар даже не подумал об этом с самого начала. Теперь пришлось подумать. Впрочем, вариантов было не то, чтобы немного — вариант был ровно один: место, где захватили Аолли. Круглоухие точно должны были его знать. Уаиллар понимал, что объяснить, как найти любое другое место, будет очень непросто, и не хотел тратить на это время. Трусливые многокожие поинтересовались, бывают ли там воины альвов. Воины альвов бывают везде, но зачем им это знать? Аиллуо сказал, что туда ходят только женщины — что было почти правдой (что женщины ходят туда исключительно под охраной, он не стал говорить)

Многокожие переговорили между собой и согласились.

Дальше они задали ожидаемый вопрос: когда Уаиллар может привести туда юного круглоухого? Уаиллар прикинул — и назвал срок. Уж к этому времени он точно успеет собрать воинов и окружить стоянку круглоухих. Или они и вправду думают, что в Лесу могут защититься от аиллуэ? Или хотя бы обнаружить их?

Уаиллар был совершенно уверен, что сумеет перебить многокожих и освободить Аолли. Главное было — обеспечить, чтобы её не тронули и не задели ни те, ни другие. Лучше всего, чтобы она была в известном, точно определенном месте, и неподвижна.

Его беспокоило, как он будет выходить из аиллоу многокожих. С другой стороны, если эти круглоухие заинтересованы в нём, они должны что-то предложить. Он не ошибся: многокожие взяли дело на себя. Уаиллар не очень понял, как они собираются его выводить из города — калека не знал нужных слов, но понял, что это будет ночью, и что многокожие уверены — его выведут незамеченным.

Они предложили Уаиллару обменять молодого круглоухого на Аолли в своем поселении. Это довольно сильно его разочаровало: он уже было счёл их умнее. Неужели им и правда могло прийти в голову, что он согласится снова оказаться в их руках? Нет уж. Если Аолли останется в аиллоу многокожих, вся затея становится бессмысленной. Надо было как-то уговорить их привезти Аолли на ту поляну. Уаиллар глубоко вздохнул, мысленно обратился к Великому Древу за помощью и постарался как можно убедительнее объяснить, что его категорически не устраивает такое условие. Лишь бы калека смог правильно передать его слова! Лишь бы многокожие спроста согласились!

К его облегчению, они согласились. Сомнения вызвала только покорность Аолли. Уаиллар облегченно вздохнул, удивляясь про себя тому, что многокожие не знают простейших вещей, и предложил спутать Аолли узлом лаллэлаэ, как принято путать женщину, которую увели из чужого аиллоу. Этот узел даёт ей некоторую свободу, чтобы она могла идти сама и обслуживать себя сама, но не позволяет двигаться быстро, так что она не может убежать. Аолли, услышав это, посмотрела на воина с восхищением: он в одно касание снял все затруднения. Она прекрасно понимала, что в её интересах быть не в аиллоу многокожих, а на поляне, где их могут легко окружить и перебить. Ради этого можно было потерпеть незначительные неудобства, пожив несколько дней в узле лаллэлаэ, что не делало ущерба её чести.

Уаиллар не знал, что калека оказался не знаком с самим понятием такого узла и не смог правильно передать его смысл

многокожим. Из-за этого потом возникло несколько недоразумений, которые, впрочем, были мелочью в сравнении с тем, во что вляпался сам Уаиллар.

2

Многокожие через калеку передали, что уходят заниматься подготовкой к походу, и удалились. Это был хороший знак: они говорили с Уаилларом как с партнёром, а не как с пленником.

Можно было надеяться на удачный исход всей затеи.

И только тут Уаиллар по-настоящему осознал, какой сложности задачу взвалил на себя.

Во-первых, ему нельзя было появляться в аиллоу без Аолли: Великий Вождь Ллуэиллэ объявил его добычей, и любой аиллуо — да не только аиллуо, даже дитя-уолле, не получившее ещё имени, даже женщина — обязаны были его убить. Пройти незамеченным через весь поселок было сложно даже глубокой ночью: аиллоу охраняли, вокруг него и между домами постоянно ходили назначенные воины, и бдительность их всегда жёстко контролировалась. Уаиллар сам много раз бывал в патруле, и много раз проверял патрули, пытаясь пробраться к Большому ааи незамеченным: все воины, как только получали первое имя, включались в эту игру. Если кому-то из аиллуо удавалось обмануть патрульных, те с утра носили его на себе по всему поселку; Уаиллар несколько раз удостаивался такой чести. Так что шанс у него был, но — было ещё во-вторых.

Во-вторых, ему придется предстать перед Великим Вождем Ллуэиллэ и уговорить того послать с ним воинов, чтобы убить многокожих и вызволить Аолли. Скорее всего, Великий Вождь Ллуэиллэ не согласится дать воинов под начало Уаиллара, ведь тот уже не военный вождь, а уолле, не имеющий имени и голоса при принятии решений. Значит, будет как обычно: Великий Вождь Ллуэиллэ созовёт совет воинов, на котором будет объявлен поход чести, набраны аиллуо, которые примут в нем участие (и каждого будут обсуждать подолгу), а потом они выберут себе военного вождя.

А ведь действовать надо быстро. Каждый час, потраченный на разговоры — это лишний час мучений Аолли в плену.

Уаиллар тяжело вздохнул. До аиллоу несколько дней пути, у него будет время подумать.

А пока рядом с ним была Аолли, родная, живая, тёплая, ласковая. Она уткнула холодный мокрый нос ему в шею; он в ответ нежно вылизал её уши. Тихо-тихо, чтобы никто не услышал,

рассказал ей свой замысел. Аолли крепко обняла его и на ухо рассказала, как им восхищается и какой он умный и смелый. Уаиллар с трудом справился с возбуждением, полагая унизительным ласкать супругу под взглядами круглоухих — а у него не было сомнений, что их держат под постоянным присмотром.

Аолли согласилась не сопротивляться, когда на неё будут накладывать узел лаллэлаэ, и обещала, что в момент нападения аиллуо на лагерь круглоухих ляжет на землю, прижмётся к ней и будет сохранять неподвижность, пока её не освободят.

Так, обнявшись, они задремали.

Когда стемнело, воина вежливо попросили высунуть руки через решетку. Он покорно согласился, и их связали жёсткими волокнами мёртвой травы, выведя длинный конец наружу. Потом открыли калитку, и Уаиллар вышел на покрытую чахлой травой площадку, окруженную испорченной глиной.

Калитку сразу захлопнули. Воина окружали восемь круглоухих, у четырёх в руках были громотрубы, у троих — копья с наконечниками из испорченного огнем камня.

Уаиллар и не собирался дёргаться: у него был План, и не сейчас было время этот план нарушать. Он обернулся к Аолли; та смотрела на него глазами, полными слёз.

— Жди меня, родная! Я обязательно приду за тобой, если только буду жив!

— Я знаю, что ты придёшь! Ты должен быть жив: если ты умрёшь, то и я умру!

— Не говори так! Помни: у тебя будет ребёнок! Он должен жить! Если я умру, он отомстит за меня!

Уаиллар чувствовал, как сердце его раздирают чёрные острые когти беспокойства. Но надо было действовать, как задумано.

Он покорно вытерпел связывание ног такой же грубой веревкой, сплетенной из мёртвой травы. Ему оставили некоторую свободу — и воин поразился, насколько нелепо, бесполезно и неудобно были увязаны его путы по сравнению с узлом лаллэалэ. При желании он мог бы освободиться от них за минуту.

Впрочем, надо было терпеть: его же обещали вывести из аиллоу многокожих. Вот пусть и выводят.

Пока его вывели только через узкий проход наружу из ааи, где он нашёл Аолли.

Вплотную к выходу из ааи стояло нечто, сделанное из мёртвого дерева, покрытого вонючей кожей мёртвых животных. Оно опиралось на большие круглые — сваи? Подпорки? Уаиллар не знал, как это назвать. Он только чувствовал, что "это" сделано из мёртвого дерева разных пород и видел, что "оно" круглое,

состоит из нескольких десятков кусков, выполненных из дерева и может вращаться.

Перед этим "нечто" стояли два испорченных животных, которые пришли с многокожими. Уаиллар, видевший нечто подобное раньше, во время походов чести, знал, что такие животные таскают подобное за собой.

Его толкнули внутрь этого "нечто" — Уаиллар для себя назвал его "подвижное ааи" — и запихнули между двумя круглоухими, один из которых держал конец веревки, стягивавшей передние лапы воина. Второй же сразу приставил к груди Уаиллара подобие аэ, сделанное из испорченного огнем камня. Острое, судя по сразу появившейся царапине.

Великое древо, как же они воняли!

Напротив устроился калека.

Уаиллар всячески демонстрировал покорность. Подвижное ааи покачнулось и двинулось вперед.

Аиллуо не знал ещё, что с этого движения у него началась совсем новая жизнь.

3

Поза, в которую усадили Уаиллара, была для него неестественной и неудобной. Он сначала поёрзал, пытаясь как-то устроиться, но остриё у груди и могучие, как у самца водяной свиньи, ляжки зажавших его двух спутников не много давали ему свободы.

В темноте и духоте тесного ааи, непредсказуемо раскачивавшегося в разные стороны, Уаиллара замутило. Он прикрыл глаза и попытался задремать, но подступавшая тошнота не давала. Будь воин один, он поддался бы и расстался с содержимым желудка: это неприятно, но быстро приносит облегчение. Однако показывать слабость врагам, пленившим его, он не собирался. Надо было как-то отвлечься, и Уаиллар перешел в состояние, в котором мог чувствовать Жизнь вокруг себя. Кроме двух пахучих круглоухих воинов и калеки, он обнаружил за стенкой движущегося малого ааи ещё одного многокожего, находившегося между стенкой и двумя порченными копытными, а ещё шестерых, сидевших на других порченных копытных — по сторонам. Судя по огромному количеству обладателей Жизни вокруг, они ещё находились либо в самом аиллоу многокожих, либо совсем рядом с ним. Потом число обладателей Жизни стало уменьшаться, и среди них было всё меньше и меньше круглоухих, воспринимавшихся Уаилларом как сине-зеленые вонючие шары.

Ещё потом аиллуо стал чувствовать растения Леса, которых становилось всё больше, и правильных, не испорченных животных. Это значило, что они выбрались из местности, населенной круглоухими.

На это понадобилось едва ли не четверть дня. Где-то в середине дороги многокожий с ножом стал задрёмывать, громко сопя. В конце концов он громко всхрапнул и дёрнулся; острая штуковина в его руке скользнула вниз, ощутимо поцарапав кожу воина и едва не воткнувшись в его бедро. На счастье, круглоухий проснулся и удержал руку. Второй зарычал-захрипел, очевидно, выражая неудовольствие; провинившийся тоже порычал-похрипел в ответ — и убрал свой ааи куда-то в одну из многочисленных навешанных на него вещиц — судя по запаху, тоже из мёртвой кожи и мертвого дерева.

Уаиллар подумал, что при желании, несмотря на связанные конечности, мог бы легко убить обоих многокожих воинов, а потом освободиться, воспользовавшись тем же самым острым предметом. Но у него была другая задача.

Они ехали ещё довольно долго, пока не достигли какого-то места, видимо, присмотренного круглоухими заранее, где, кроме спутников Уаиллара, круглоухих и испорченных ими животных не было вообще, зато ощущения от Жизни были почти такими же, как в нормальном лесу — не в Лесу аиллуэ, конечно, но в лесу, где уже можно чувствовать себя свободным и в безопасности.

Если, разумеется, у тебя не связаны конечности и есть оружие.

Тот многокожий, у которого была веревка, привязанная к передним конечностям Уаиллара, неуклюже вывалился из передвижного ааи, пошевелился, разминая затёкшие члены, и недвусмысленно дёрнул за веревку. Аиллуо послушно вылез наружу; его потянули куда-то в сторону. Там обнаружился старший многокожий, с которым они договаривались. Рядом стояли два круглоухих, держащих в руках смолистые ветви ирраоли[31], зажжённые с одного конца. Они бросали на окрестности неровные, мятущиеся тени, освещая небольшое пространство вокруг многокожего. Подтянулся и калека, двигавшийся быстро и ловко, несмотря на увечья.

Старший многокожий протянул руку с порченнокаменным ааи и быстрым движением разрезал путы на передних конечностях Уаиллара. Воин потряс ими, разгоняя кровь, и со значением посмотрел на свои ноги. Многокожий покачал головой из стороны в сторону. Уаиллар не знал, что это значит, но предположил, что это жест отрицания — как у них поднять нос кверху и опустить. Многокожий пробурчал что-то. Калека

перевёл:

— Твое оружие положат вон там, — он показал рукой, — заберёшь и освободишься.

Старший многокожий смотрел на Уаиллара так, будто хотел прожечь его насквозь. Он снова заговорил, калека снова перевёл:

— Молодой воин нужно понять, что ты пришёл от мы. Что ты будешь хотеть его отвести за нас. Он нужно тебе верить. Мы дать тебе, что он верить.

Многокожий протянул ладонь, на которой лежали два предмета: небольшой круглый с отверстием, сделанный из прошедшего огонь камня, и плоский белый, с лёгкой желтизной лист, похожий на листья аололи, но ровно обрезанный по краям и более тонкий. На листе контрастно выделялись какие-то узоры, явно не присущие ему от природы. Впрочем, оба предмета были мёртвыми и не происходили прямо из живого. Оба несли следы обработки огнем и чем-то ещё, очень неприятным.

Многокожий взял круглый предмет и надел себе на палец. Показал Уаиллару, поднеся поближе к его глазам. На предмете снаружи было углублениями и выпуклостями что-то изображено. Многокожий снова захрипел-забурчал.

Калека пояснил:

— Это круглое с дыркой, по-нашему кольцо. Наденешь на палец, покажешь молодому воину, чтобы рассмотрел узор. Отдашь ему.

Многокожий отдал круглое Уаиллару. Тот послушно надел на палец. Дальше видно будет. Если всё получится — поступим, как со всеми остальными предметами круглоухих: в яму, и поглубже, чтобы соединились с живой землёй.

Многокожий так же, как и круглый предмет, показал Уаиллару предмет плоский.

— Это запечатлённая речь, — непонятно сказал калека, — передашь молодому воину. Он поймёт.

Как можно запечатлеть речь? Слова произносятся, говорятся, достигают собеседника — и тут же исчезают. Слова эфемерны, мимолётны. Если надо их повторять — значит, надо их запомнить, заучить, как заучивает стихи культурный аиллуо, чтобы поразить своим мастерством других, когда придет время сидеть перед Большим ааи и обсуждать свои подвиги, или когда он будет разговаривать со своей женщиной.

Уаиллар решил не забивать себе голову дурью круглоухих. Всё равно он не собирался делать то, что они его просили. Пусть только придут на знакомую поляну: там и лишатся жизни и ушей.

Однако прямо сейчас нельзя было это показывать. Потому Уаиллар принял и плоский предмет, который некуда было пока

пристроить.

Калека напомнил ему:

— Ты не приводить молодой круглоухий, твоя женщина остаться у нас и умереть.

Многокожий посмотрел на аиллуо внимательно и что-то снова пробурчал-прохрипел. Калека, к несказанному удивлению Уаиллара, перевёл:

— Удачи тебе, воин! — Употребив выражение, которым напутствовали уходящих в поход чести.

Многокожие легко вскочили на своих порченых животных, калека сказал ещё несколько слов, которые Уаиллар даже не старался понять, и скрылся в малом передвижном ааи, и все они неторопливо удалились в темноту, в сторону аиллоу круглоухих — шумно и пахуче, как будто не опасались ничего в этом лесу.

Уаиллар опустился на четвереньки и неуклюже доскакал до своего оружия, лежавшего там, где ему и сказали. Освободился от пут на ногах, подобрал аллэ и свои аэ (поразившись тому, что ему оставили не одно, а все), тут же закопал мешавший ему плоский предмет (но решил пока оставить круглый на пальце). Наскоро поговорил с ближайшей лианой, чтобы дала ему побег, и закрепил с его помощью все свои аэ на груди и аллэ на спине.

И двинулся в темноту, туда, откуда слабо-слабо тянуло водой и тиной. К далекому ещё озеру.

Глава 13. ДОРАНТ

1

Светило уже переместилось почти к самому горизонту, до темноты оставалось немного, а предстояло ещё множество дел.

Прежде всего, Дорант выяснил, сколько человек может предоставить ему Харран. Оказалось, всего четверых — не считая его самого. Считая же, и с Дорантом и Калле выходило семеро — неплохо, но, по замыслу Доранта, недостаточно. У Харрана в арсенале нашлись кирасы почти на всех, только двоим пришлось довольствоваться колетами из толстой кожи, обшитыми кое-где железом. Один из них был Хальдин, боевой слуга Харрана, который наотрез отказался менять привычный доспех на кирасу. Дорант был не так привередлив, и одному из обычных — не боевых — слуг Харрана пришлось-таки заниматься оттиранием старой, довольно толстой кирасы (а точнее, почти полудоспеха, так как была у него и наспинная пластина) от ржавчины. Дорант, по окончании работы, тут же напялил железо на себя, привыкать. Кираса мешала гнуться, но хорошо закрывала грудь, живот и спину. Фехтовать в этом каваллиер не стал бы, но стрелять оно не мешало. Насчет же полезности фехтования в схватке с альвами Дорант не обольщался.

Горло бы ещё чем закрыть, — подумал он. Но от предложенного гостеприимным хозяином древнего бувигера категорически отказался, представив себе, как будет в нём поворачивать голову.

Попутно они с Асарау уговорили Харрана отправить человека в Накодо к гаррани, за бойцами. Затруднение возникло только с тем, как подтвердить полномочия этого человека: среди гаррани практически никто не умел читать по-имперски. Выручил калека-воин, попросивший тонкую веревку и некоторое время старательно вывязывавший из нее сложный узор с многочисленными узелками.

Теперь на очереди был Красный Зарьял. Дорант был с ним шапочно знаком ещё с прошлых приездов в Кармон. Личность это была необычная и незаурядная. Начать с того, что Зарьял не был уроженцем Империи. Он происходил с острова Енальдин, что лежит на восток от Гальвии. Гальвийцы покорили его лет на сто раньше, чем Империя открыла Заморскую Марку, причем покорили жестоко, вырезав почти половину населения. Это не способствовало хорошим отношениям между завоевателями и

завоёванными; енальдинцы периодически восставали, но, поскольку остров был беден железом, а островитяне, при общепризнанном мужестве и боевом мастерстве, не умели делать огнестрельное оружие (да и холодное было у них, мягко говоря, примитивным), каждое восстание быстро подавлялось. Мужчин развешивали на ивах, коими славился остров (и кои были его эмблемой), женщин насиловали, детей увозили в Гальвию и делали из них работников (практически рабов) на знаменитых гальвийских мануфактурах.

Через сотню-полторы лет остров был приведен к покорности, поделен между знатью победителей и превращен в обширное пастбище для их многочисленных овец: основным предметом гальвийской торговли были шерсть да качественное сукно.

Зарьял вырос в одном из мелких поселков на берегу океана и, в отличие от большинства нынешних енальдинских мужчин, не был ни пастухом, ни прядильщиком, ни ткачом. Он ловил рыбу, как много поколений его предков. В один совсем не прекрасный день, когда ему было всего шестнадцать лет, он выбрался в ближайший городок, имея при себе две корзины свежей рыбы на продажу и поручение от матери — прикупить кой-чего по хозяйству. На обратном пути к нему прицепился какой-то городской хлыщ: спрашивал, неужто всю рыбу добыл сам юноша, восхищался его мастерством и хозяйственными способностями, и так далее. Много ли надо неискушенному юнцу? Тот принял приглашение незнакомца зайти в кабак и выпить пива за его счет, в честь знакомства.

На дне кружки лежала золотая монета, что означало: парень добровольно принял плату за вербовку на гальвийский флот.

Так Зарьял стал матросом на громадном, почти ста шагов в длину, трехпалубном линейном корабле. Это было лучше тюрьмы только тем, что матросов каждый день кормили вяленым мясом и сухарями, и давали кувшин пива. В остальном — всё то же самое: тяжелая работа (не "от зари до зари", а по четырехчасовым вахтам, что, впрочем, не лучше), постоянный риск для жизни, презрение со стороны офицеров и матросов-гальвийцев, телесные наказания и никакой свободы — на берег матросов отпускали только в порту, куда был приписан корабль, да в туземных странах, во время походов — а там, как считали офицеры, бежать цивилизованному человеку некуда и незачем.

Зарьял так не считал, и когда Корабль Его Величества "Удачливый", высадив в самом начале имперско-гальвийской войны за Заморскую Марку десант в некоей отдаленной гавани, воспользовался первой же возможностью, чтобы сбежать в джунгли. Там бы он, скорее всего, и погиб естественным образом

(джунгли не место для непривычного белого человека), но наткнулся на остатки разбитой гальвийцами компаниды комеса Бранкаи. Его, натурально, сразу же побили и повязали, потом пожалели и взяли с собой: он как-то сумел объяснить, что не гальвиец, а енальдинец.

Парень был ещё молодой и восприимчивый. Он довольно быстро обучился имперскому языку, завел в компаниде друзей и вошел в доверие к начальству. С компанидой он прошел всю гальвийскую войну, был трижды ранен, лечился, выздоравливал, сражался — и сражался хорошо: гальвийцев ненавидел и в силу происхождения, и лично, за обман при вербовке и всё, что пришлось пережить на корабле.

Потом война кончилась, но под самую завязку компаниду бросили в огонь затыкать дыру на самом севере Марки. Дыру они заткнули, но от компаниды осталось два десятка человек, в большей или меньшей степени израненных, да к тому же комес Бранкаи погиб. Наследникам компанида была не нужна, война закончилась — а значит, она была не нужна и Империи. Платить жолд[32] стало некому. Бойцы, залечив раны, разбрелись кто куда.

Зарьял застрял в Кармоне, где одна умелая вдовушка исцелила его от дырки в плече, длинного пореза на спине и ушиба головы. Заодно и поселила у себя, вместо павшего мужа.

От добра добра не ищут. Зарьял был не против осесть в Марке: дома его не ждало ничего хорошего, а тут и люди были подобрее, и нравы почище, чем в Гальвии. Да и вдовушка, если честно, была, хоть и старше парня на пять лет и с двумя детьми, но добрая, ласковая и заботливая.

Надо было только придумать, на что жить. У вдовы-то хозяйство было — только едва-едва прокормиться. И Зарьял, как оклемался, стал похаживать по округе, сочиняя себе занятие. Увы, кроме ловли рыбы в океане, обращения со снастями на корабле да с разным оружием, он ничего не умел.

И тут вдруг прорезался в нём талант охотника. Оказался он человеком очень наблюдательным, и вскоре он понял, что может замечать и различать следы всяческого дикого зверья, выслеживать и скрадывать копытных, а меткой стрельбе да обращению с копьём его научили ещё в компаниде. Раз он принёс добычу, два принёс — стал получать заказы от местной знати да владельцев кабаков.

Долго ли, коротко ли — когда Дорант попал в Кармон в очередной раз, Красный Зарьял был уже весьма уважаемым в городе человеком, снабжавшим столы местных аристократов и богатых купцов красной дичью. И была у него команда наёмных егерей, с которыми он ездил на добычу в Альвийский лес — не

столько загонщиков да охотников, сколько охранников да бойцов, от альвов отбиваться, да и от людей иногда.

Его очень уважали, и не только в городе, но и во всем Кармонском Гронте, за то, что не раз и не два приносила его команда головы дохлых альвов.

Правда, и своих теряли. За год до трети команды обновлялось. По честному счёту, на одного убитого альва приходилось три-четыре егеря, а когда и больше. Но Красный Зарьял как-то умудрялся быстро пополнять команду, принимая в неё людей резких и привычных к оружию, которым обычная жизнь — после компаниды ли, или после межплеменной войны — казалась скучной и недостойной воина.

И вот с этим человеком надо было Доранту договариваться.

2

Да если бы только в Красном Зарьяле была проблема…

Любая операция требует кропотливого, нудного планирования. Любая операция требует, чтобы планирующий учёл как можно больше мелочей.

Вот, например, — подумал Дорант, — парень-то, если я правильно понял то, что рассказал про пленных Асарау, будет голый и без обуви. Значит, надо запасти одежду и обувь для него. А я его и не видел ни разу. Одежда-то ладно, взять с запасом по размеру. А обувь? Сапоги какие брать? Ну как не угадаешь? Значит, возьмем несколько пар, разных. Оружие ещё надо. Меч, кинжал, пиштоль. Кирасу или панцирь? Где тут найдешь панцирь на подростка? Значит, нужен колет из толстой кожи. Коня со сбруей.

Он прикинул, во что ему всё это встанет, и скривился, как от зубной боли. Деньги ещё были, но на людей Зарьяла, припасы, одежду и снаряжение для примеса Йорре — точно не хватило бы. Он и так много из полученных (да и из своих) потратил уже, пока сюда добирался, а ещё больше — на альву и клетку.

Занимать у Харрана не хотелось. Во-первых, каваллиер не знал, есть ли у младшего друга столько денег в наличии — монетами, — сколько понадобится. Во-вторых, ещё же до столицы надо добраться, а дорога туда с примесом на руках вряд ли будет простой, легкой и дешёвой…

Впрочем, у Доранта было средство от головной боли на этот счёт.

Он попросил Харрана его сопровождать и направился в присутствие наместника, в дом приёмов[33].

Там их приняли довольно быстро — Харран не последний был человек в Кармонском Гронте. Наместник, явно невыспавшийся, но любезный, вежливо предложил местного терпкого вина и поинтересовался, чем может быть полезен. Дорант полез рукой под колет и выудил поисковый амулет, висевший там на тонкой цепочке.

— Вы знаете, что это такое, уважаемый ньор Кессадо?

Ньор Кессадо знал, отчего побледнел и принялся отирать лысину грязноватым платком, вынутым из рукава.

Амулет был оформлен, как стандартный медальон службы Светлейшего, с профилем Императора на одной стороне и гербом Санъера на другой. Что такое эти медальоны и какие права они дают людям, их носящим, знали в Империи и в Марке все, включая крестьян (и исключая, разве что, дикарей).

По дурацкой случайности, как раз Дорант толком этого не знал. Дело в том, что Аррас, выдавший ему амулет, был в полной уверенности, что каваллиер понимает, что именно ему досталось, и не дал ему необходимых пояснений.

Зато Харран аж выпрямился в кресле. Он впервые сам, лично видел такое. Он-то как раз ведал, какие именно права дает такой медальон (он только не знал, что это ещё и поисковый амулет). Покойный отец как-то объяснил, придя от тогдашнего наместника потный и испуганный.

Дело в том, что амулет был из золота.

Обычные медальоны службы Светлейшего были серебряными. Их получали практически все доверенные люди Светлейшего, коих в Империи были тысячи. Обладатель такого медальона имел очень широкие полномочия. Он мог обратиться к любому представителю государства, чтобы его снабдили деньгами по потребности, и тот обязан был нужную сумму (в некоторых пределах) найти и вручить. Он мог потребовать людей с оружием, в нужном количестве, для выполнения своей задачи. Он мог ещё многое — но не всё.

Если же медальон был золотой, то полномочия его были чуть ли не равны полномочиям вице-короля. Дорант с этим медальоном мог сместить любого чиновника (до уровня вице-короля исключительно), не объясняя причин. Он мог потребовать выставить войско и объявить войну соседнему государству. Он мог забрать, опять же не объясняя причин, все казенные доходы Заморской Марки за год.

Золотых медальонов были считанные единицы, и выдавали их не абы кому. В Заморской Марке было их всего четыре (и три из них Аррас раздал тем, кого отправил на поиски примеса).

Харран был потрясён. Ему в голову не пришло, что Дорант

может не знать разницы — серебряный медальон, золотой ли. С этого момента Харран смотрел на друга как на небожителя.

Каваллиер же решал сейчас сложную задачу. С одной стороны, поддержка наместника была необходима. С другой стороны, Дорант вовсе не хотел бы брать с собой людей наместника: во-первых, видел он их в деле — неплохи, но не хороши, а во-вторых, и это главное: как обеспечить их верность? Да что верность — просто подчинение? В деле нужно, чтобы люди слушались Доранта беспрекословно, слишком серьёзная предстоит работа.

Ему бы и в голову не пришло, что наместник, разглядывая качающийся перед его лицом амулет, стремительно обдумывает, чем мог бы заниматься в отставке и как он объяснит эту отставку жене и детям. Каваллиер, однако, вовсе не собирался отстранять наместника от исполнения его обязанностей — не в последнюю очередь потому, что наместник, по мнению Харрана, которое каваллиер уважал, выполнял свои обязанности вполне достойно.

— Уважаемый ньор, — продолжил вежливо Дорант, — государственная необходимость требует некоторых ресурсов. Мне нужно снаряжение для похода. От вас требуется либо снаряжение — если оно есть, — либо деньги, если его нет.

Наместник — неожиданно для Доранта — вздохнул с облегчением. Если бы каваллиер видел Харрана, сидевшего чуть сзади, он поразился бы тому, что тот также вздохнул с облегчением, и тому, что наряду с этим у Харрана на лице написана была некая обида: что ж меня-то не спросил?

Дорант, сверяясь с записями, обозначил свои потребности. Оказалось, что у наместника нет практически ничего из того, что требовалось — за исключением лошадей. Зато он был готов профинансировать нужды каваллиера в звонкой монете из собранных в этом году податей. При этом — к удивлению Доранта (и при полном понимании Харрана) — общая сумма оказалась раза в полтора больше, чем каваллиер планировал изначально.

Они втроём спустились на первый этаж, прошлись по узким коридорам с характерным запахом присутственных мест, где бродили какие-то сонные люди с испачканными чернилами кистями, спустились на пол-этажа и оказались в кассе. Там юный прыщавый и долговязый кассир выдал Доранту нужное количество стандартных холщовых упаковок с золотыми империалами, Дорант за них расписался, и они с другом ушли.

Теперь денег хватало для закупки всего необходимого. Дорант вскрыл наугад одну упаковку, проверил число монет — всё было в полном порядке. Он пересыпал деньги в кошель,

предложил довезти остальное до их с Харраном резиденции, и, ласково улыбнувшись, осведомился: нельзя ли найти постоянного возницу с повозкой?

Ему пообещали. Ну что ж, по крайней мере на разъезды по городу у них транспорт уже был.

3

Теперь, с деньгами, можно было заниматься и остальным. И в первую очередь — Зарьялом и его людьми.

Друзья, сопровождаемые небольшой свитой из двух боевых слуг и двух обычных, несущих золото, не дожидаясь обещанного возницу, совершили короткий переход к окраине города, где в большой усадьбе располагался со своим хозяйством Зарьял. По счастью, был он на месте, а не в очередном походе.

Хозяин усадьбы, извещенный привратником, встретил обоих радостно и радушно. При первом же взгляде на него любой бы понял, почему его зовут "Красный Зарьял", и согласился бы, что иным прозвище быть не могло: был он не просто рыж, а огненно рыж. Голова и лицо его густо заросли медно-красным волосом, который сейчас, когда стало ему сильно за сорок, начала разбавлять — главным образом, в бороде — легкая седина. К тому же, будучи по комплекции плотен настолько, что шея у него вовсе не наблюдалась, Зарьял, как многие плотные люди, был, что называется в народе, краснорожим. Красную, будто от возбуждения, кожу лица его густо усеивали светло-коричневые веснушки, так что в целом казалось, что крепкое его туловище увенчано ярко-красной головою.

Обменявшись с Зарьялом приветствиями и обычными ничего не значащими доброжелательными выражениями, друзья перешли к делу. Зарьял был не против проехаться в Альвиан — в этом не было ничего необычного. Но, услышав про сохранение тайны и особые условия, он напрягся. Доранту пришлось брать дело в свои руки и снова вытаскивать медальон. Зарьял кивнул и успокоился. После этого дело пошло как по маслу, и они быстро договорились о найме команды Красного Зарьяла, во главе с ним самим и в числе четырнадцати воинов, не считая его самого, с оружием и амуницией, включая кирасы и шлемы, и с обозом, включая три телеги и восемь вьючных лошадей, а также троих вооруженных возниц, для похода в Альвийский лес под командованием Доранта, где команда Красного Зарьяла обязывается подчиняться Доранту и выполнять все его распоряжения беспрекословно, под угрозой смерти, равно как для

сопровождения Доранта и указанных им лиц из Альвийского леса до границ Кармонского Гронта. Дорант попытался было договориться о дальнейшем пути, к столице, но Зарьял отказался категорически: он и его люди работают здесь, а выезжать в Меррадон или другие прилегающие провинции не согласны.

Упёрся. И про деньги даже слышать не хотел.

Пришлось согласиться. И то хлеб.

Написали и подписали бумагу. Представились (и проставились) команде Зарьяла.

И вернулись к Харрану.

— Вот что, — сказал Дорант, вспомнив рассказ Асарау, — найдутся ли в этом городе морские хауды?

Харран поскреб в затылке и потащил Доранта в свой арсенал, где долго копался в дальнем углу. В конце концов он вытащил очень старую хауду, сделанную в Гальвии, видимо, тогда, когда их только-только придумали, но исправную и в довольно хорошем состоянии, не считая легкой ржавчины. Дорант осмотрел оружие, завел замок и щелкнул курками, стер рыжую пыль со ствола и укоризненно посмотрел на Харрана, который от этого взгляда покраснел. Хауда требовала большой чистки и небольшого ремонта; отправили было за этим Самира к одному из двух местных оружейников, но, подумав, поехали с ним сами на предоставленном наместником извозчике.

В оружейной лавке было тихо и скучно. Огромный, как бык, оружейник осмотрел принесенную хауду, кивнул и кликнул подмастерье. Тот унёс оружие в задние комнаты, а оружейник на очевидный вопрос кивнул ещё раз и, не произнеся ни слова, вынул из дальнего шкафа вполне приличную морскую хауду классической керагонской работы, добротную даже на вид. Друзья примерились, позаводили замок и поспускали курки, затем довольно бурно поспорили, кто будет платить, и Дорант уступил. Харран пообещал прислать деньги, как только вернётся домой, оружейник обернул хауду чистой тряпицей, и друзья двинулись дальше, справедливо решив, что стоит попробовать счастья и у второго оружейника.

Тот, в отличие от первого, был мелок, суетлив и более чем разговорчив. Доранту не понравилось, что оружейник как бы невзначай не раз попытался выяснить, зачем они покупают оружие и куда собираются с ним ехать. В этой мастерской тоже нашлась морская хауда, почти новая, но с разболтанными стволами. Когда Харран попытался завести замок, пружина жалобно тренькнула и лопнула, заклинив механизм. Хозяин засуетился ещё больше — хотя, казалось бы, куда ещё-то? — и вытащил из каких-то закромов большой полированный ящик

немалого веса. В ящике обнаружилось диковинное устройство с четырьмя стволами, собранными в один блок. Оружейник длинно и многословно объяснил, что это новинка из новинок, стреляющая четыре раза подряд, которая куда лучше какой-то обыкновенной морской хауды.

Друзья потребовали новинку на испытания. Они, сопровождаемые оружейником, спустились к речке и немного постреляли в глинистый обрыв. Диковина оказалась тяжеленной и довольно неудобной, однако исправно выплевывала четыре выстрела, выбивая из сухой глины облака пыли. При этом завода замка вполне хватало на то, чтобы четырежды поджечь заряд, а когда Дорант посмотрел вблизи, что эта махина сделала с обрывом, то решил, что демоны с ним, с удобством, рукоятку можно будет потом и переделать — а без этой штуковины он не уйдёт. Единственный серьёзный недостаток заключался в том, что процесс заряжания (как и следовало ожидать) оказался мешкотным и долгим, но Дорант, всегда неравнодушный к хорошему оружию, счел этот недостаток не важным.

Они вернулись в лавку, где оружейник объявил совсем несусветную цену. Дорант поторговался, упирая на то, что новинка тяжела и неудобна, непрактична из-за длительности заряжания, и вообще интересна ему только как диковина (а ещё больше на то, что никому, кроме него, она не нужна, что было очевидной истиной). В итоге сошлись почти на половине первоначальной цены, Дорант расплатился на месте под жалобы оружейника, что его разоряют и практически грабят, и друзья вернулись в дом Харрана.

Неисправную хауду они, разумеется, не купили, о чем оба потом жалели не раз. Починить замок и укрепить стволы было недолго — у первого оружейника, разумеется — а лишние два выстрела им очень пригодились бы.

4

Как стемнело, слуги Харрана выкатили из каретного сарая тот самый кибит, который привезли из-за города: легкую двухосную повозку с закрытым кожаным верхом. Как в насмешку, она была светло-коричневой. Дорант заглянул в каретный сарай, но вынужден был признать, что для их целей там ничего подхдящего — кроме этой повозки — нет. Либо очень тяжелые фургоны, крытые небелёным полотном, которое ещё более заметно в темноте, либо пресловутая картега, ещё более старая, вычурная и неудобная, чем у гуасила. Стража, которая

непременно попадётся на пути, месяц будет обсуждать, куда это Харран поехал из ворот за город при таком параде.

Ох, такой публичности нам бы не нужно. Да что делать?

Запрягли двух крестьянских лошадок в харранов светло-коричневый кибит. Нашли кучера среди боевых слуг, которым можно доверять: его звали Лагирре, был он лет тридцати, из которых у Харрана на подхвате уже года два. Мало, но и Харрану лет немного. Ну, будь, что будет.

Дали ему две фитильные древние пиштоли с запасными зарядами, велели следить за фитилями. Ну да, старьё — а где на всех колесцовых напасёшься, дорого ведь. Дорант брал с собой Калле — это даже нечего было обсуждать. Один он остался: Сеннер ещё лежал без сознания под опекой заботливого Фанора. Харран немного подумал и позвал с собой Самира, что Дорант не одобрил (туповат, он предпочёл бы старого знакомца Хальдина), но и не оспорил (кто он такой, чтобы командовать вместо хозяина?).

Проверили коней. Проверили оружие. Подготовили кирасы. Поужинали.

Дорант вернулся в свою комнату и покопался в седельных сумках. В одной из них, в потайном кармашке, лежало кольцо, полученное от гнилозубого чиновника Арраса вместе с поисковым амулетом, он же медальон службы Светлейшего. Как сказал ему Аррас, кольцо это — литое из меди, а не золотое, между прочим — должно было убедить примеса Йорре, что тот, кто за ним пришёл, выполняет волю Императора.

И ещё Аррас передал ему несколько слов, которые, написанные на бумаге или сказанные лицо в лицо, должны были убедить примеса, что он должен подчиняться всему, что скажет посланник.

Дорант тогда немного подумал, потом кивнул, вытащил из настенного шкафчика письменные принадлежности и бумагу и потребовал, чтобы Аррас записал эти слова. И приписал: "Подавшему сие доверяйте, Ваше Высочество, ибо выполняет он волю Императора".

И подписался полным именем и титулом, на все три строчки.

Наконец, наступил намеченный час выезда. Альв, на удивление, повёл себя покорно, выставив сначала передние, а потом задние конечности между прутьями решётки. Спокойно дал связать себя, скривившись, правда. Непонятно, что это означало.

Так же спокойно пошёл за Калле и Самиром, которые не столько вели его, сколько показывали, куда идти. Ненадолго задержался перед повозкой, изучая. Было заметно, что видит он её не в первый раз, но внутри ещё не был. Кто бы удивлялся!

Запихнули его внутрь, на заднее сиденье. Калле и Самир уселись по бокам, Самир вытащил здоровый медвежий кинжал и прижал к груди альва. Калле поглядел на него как на безумца, но ничего не сказал.

Помогли усесться Асарау. Без него вся затея бы рухнула — пока, кроме него, с альвами никто общаться не мог.

Харран и Дорант взгромоздились на коней, ещё два человека Харрана пристроились сзади в сопровождение, и, наконец, обоз (ну, не кавалькада же, с повозкой-то) выдвинулся со двора.

По гулким пустым улицам, мощённым где камнем, где кирпичом, где деревом, проехали довольно быстро, не встретив препятствий. На выезде было захотел прицепиться к ним патруль, но, узнав Харрана в зыбком свете факелов, командир патруля покивал и увёл своих дальше по маршруту. Мало ли, куда и по какой своей надобности едет второй по влиянию человек в Кармоне и первый — в Кармонском Гронте. Заденешь — не расплатишься.

Где выпускать альва — вот был вопрос. Ехать далеко, за озеро, не стоило: нужно было ещё вернуться, забрать альву (везти их вместе Дорант категорически не хотел, да и ребята Красного были ещё не готовы). Поэтому надо было, с одной стороны, доставить альва поближе к озеру, чтобы ему дальше побыстрей добраться к себе домой и всё организовать, а с другой — как-то просочиться между людскими поселениями туда и обратно, не привлекая к себе внимания. Дорант положился в этом на Харрана, а Харран — на Лагирре, которого, как выяснилось, не зря посадил на облучок. Лагирре до службы у молодого владетеля жил извозом, таская на полудохлой кляче небольшие грузы от Кармона до ближайших селений, а от селений до делянок местных крестьян и обратно. Между прочим, пару раз отбивался от разбойников — Дорант с удивлением услышал от Харрана, что здесь кто-то соперничает с альвами в нападениях на людей. Тут же выяснилось, что альвы на этой стороне озера нападают куда реже, чем потерявшие всякие средства к существованию крестьяне, причём ещё вопрос, кто из них более жесток со своими жертвами.

Лагирре оба раза удалось успешно отбиться — то ли благодаря природной отваге, то ли благодаря тому, что, собственно, с него и его груза и взять-то было нечего. А потом его полудохлая лошадь перешла в новое состояние: стала совсем дохлой, то ли от возраста (Лагирре не знал, сколько в точности было ей лет, когда она досталась ему по случаю), то ли он болезни — но уж точно не от небрежения: Харран поручился, что никогда не видел человека, более преданного, заботливого и

любящего лошадей.

Негромкое обсуждение кучера повозки, который, будучи за спинами дворян, его слышать не мог, скрасило дорогу. Когда надо было поворачивать, Лагирре тихонько свистел — один раз, если направо, и два, если налево. Тишину нарушали лишь чавканье копыт по влажной по ночной поре дороге, поскрипывание неновых частей повозки, да тихие разговоры всадников.

Дорант понятия не имел, где они, в конце концов, остановились. Было похоже, что и Харран был осведомлен не больше. Однако Лагирре, не слезая с облучка, прошипел:

— Вот лучшее место, добродетельные господа. Отсюда до озера рукой подать — не больше половины часа, ежели верхом. Только тут и верхом не проедешь-от. Надо ногами.

Следуя едва слышной команде Харрана, Калле и Самир, не без кряхтения, вылезли из повозки и помогли выйти альву. Харрановы люди (Дорант дал себе зарок познакомиться с ними получше — который потом так и не смог выполнить) жгли уже третьи или четвертые факелы, которые скупо и неверно освещали небольшую поляну, где остановилась повозка. В свете факелов зрачки альва светились синим.

Каваллиер только собрался попросить, чтобы кто-нибудь помог выбраться Асарау, как тот легко соскочил из повозки сам, будто с ногами у него всё было в порядке. Дорант, однако, хорошо знавший воинов гаррани, видел, как тому было трудно, и подозревал, что было ему больно. Показать это было для Асарау невозможно. Дорант сделал себе зарубку на будущее. Другом он всегда был хорошим.

Дальше была рутина. Дорант передал альву то, что должно было подтвердить его полномочия при встрече с примесом Йорре (кроме поискового амулета — надо же было что-то и себе оставить, чтобы парень мог понять, кому довериться, а кому нет). Воткнули в землю и сложили странное альвийское оружие.

Дорант заранее попросил Асарау, чтобы тот кое-что сказал альву. Нет, он, разумеется, не собирался на самом деле убивать его женщину, если бы альв не доставил примеса в назначенное время и в назначенное место. Но было бы лучше, чтобы альв так думал. Просто на всякий случай.

И они двинулись обратно в Кармон, причём Дорант не удержался, чтобы не попрощаться с альвом, как со своим человеком — и Асарау, согласно кивнув, перевёл.

Глава 14. УАИЛЛАР

1

Дорога к своему аиллоу заняла даже меньше времени, чем Уаиллар потратил в прошлый раз, спеша на помощь Аолли. Хотя и тогда он торопился изо всех сил, сейчас ему помогло то, что часть пути его везли, и он не успел устать. Да и спал он в этот раз очень мало, частью от возбуждения, частью от того, что ему не терпелось уговорить Великого Вождя Ллуэиллэ выполнить придуманный воином план.

И что? В итоге он прибежал к аиллоу днём. Ну, не совсем днём — ближе к вечеру. Но в посёлок всё равно нельзя было идти. Да и слишком близко от него находиться тоже не стоило: была опасность попасть на глаза детям или женщинам, а то и воинам. После того, как Великий Вождь Ллуэиллэ объявил свою волю, любой из них должен был убить Уаиллара. Он, понятно, не стал бы ждать этого с покорностью, но сражаться со своими был как-то не готов.

Вся надежда была на План и на то, что Великий Вождь Ллуэиллэ его примет.

Пришлось вернуться почти на целый переход и залечь в укромном месте, которое Уаиллар использовал уже не раз, когда надо было прятаться во время воинских тренировок. Никто не мог найти его там, в промоине у оврага, прикрытой ветвями аололи, с которыми Уаиллар договорился.

Когда стемнело и зажглись звёзды, он выбрался из укрытия. Знакомый с детства укромный путь к аиллоу, который воин продумал ещё до первого своего имени и не раз использовал, чтобы подловить дежурящих патрульных. Ему нравилось показывать своё превосходство над другими аиллуо. Таких укрытых тропок, где не ходили даже мелкие дикие звери, он нашел и организовал вокруг аиллоу не меньше, чем было у него пальцев на конечностях. И пользовался ими попеременно, не только, чтобы проучить патрульных, но и для других целей — мало ли для чего взрослому аиллуо может быть необходимо прийти в посёлок или уйти незамеченным…

Аиллоу затихало; дети давно попрятались по ааи, взрослые ещё занимались обычными делами. Уаиллар засел в давно присмотренном удобном месте, на которое никто не обращал внимания: кому интересен чахлый, насквозь просматриваемый кустарник у тропы к отхожему месту?

Зато отсюда хорошо было видно Большое ааи, площадь перед ним, Великое Древо посёлка и край оллаау — загона для пленных.

Уаиллару надо было дождаться, чтобы Великий Вождь Ллуэиллэ закончил дневные дела в Большом ааи и перешел в свое личное жилище, где жил один после смерти жены и замужества Аолли.

Конечно, ждать возле личного ааи Великого Вождя было бы проще, но если добраться туда незаметно было возможно, то спрятаться на несколько часов — точно негде. Поэтому Уаиллар решил дожидаться здесь, а через некоторое время после того, как Великий Вождь уйдет из Большого ааи, проскользнуть к его жилищу. От Аолли он хорошо знал привычки её отца: придя из Большого ааи, он некоторое время приводил себя в порядок, потом ужинал тем, что принесли от общего стола, потом — пока Аолли жила в его доме — разговаривал с ней, потом некоторое время медитировал, а потом ложился спать.

Вот ближе ко сну Уаиллар и хотел к нему пробраться.

Любой воин — если он хочет жить и побеждать — умеет терпеть в засаде, не выдавая своего присутствия, сколько бы это ни длилось. Уаиллар дождался, пока совсем стемнело; потом дождался, когда прошел первый патруль: Аллорэу с располосованной горным львом мордой и знакомый совсем молодой воин, только что получивший имя, которое Уаиллар ещё не запомнил; потом дождался, наконец, когда в проёме входа появился, расправляя конечности, Великий Вождь Ллуэиллэ, зевающий на ходу. Вождь закрыл рот и двинулся к своему ааи величественной, подобающей его статусу, походкой. Рослый и могучий, хотя уже состарившийся, что было заметно по седой шерсти вокруг носа, доходившей до глаз, и по немного дряблой коже на животе.

Уаиллар подумал, что Ллуэиллэ воистину велик. Даже такому воину, каким был Уаиллар до похищения Аолли, никогда не занять его место, никогда не стать Великим Вождем. Никогда не суметь так умело и незаметно разрешать споры и ссоры между аиллуэ клана, не говоря о том, чтобы договариваться с Великими вождями других кланов. Никогда не научиться договариваться с Главной женщиной Ауэррой, при её тяжёлом нраве и склонности ко вздорным наскокам на того, кто, по её мнению, неправильно ведёт себя с кем-то из женщин. Никогда не смочь так повернуть дело, что аиллуэ, от которых Великому Вождю что-то надо, сами принимают нужные для него решения.

Кому-то Великое Древо даровало воинские умения, кому-то мудрость, — подумал Уаиллар, — а Великому Вождю и то, и

другое.

Ведь и воином Великий Вождь Ллуэиллэ был незаурядным. Сейчас-то он постарел, но — ещё в ту пору, когда Уаиллар был безымянным уолле — водил клан как военный вождь в походы чести, и приносил уши, круглые и острые, и приводил пленников для столба пыток.

Тут воин некстати вспомнил, что сейчас он опять безымянный уолле, и настроение его испортилось.

Уаиллар подождал ещё немного, чтобы Ллуэиллэ успел отойти подальше и не услышал его. Он снялся с лёжки и, прячась в тенях, заскользил к жилищу Великого Вождя. Здесь помогло бы перейти к ощущению Жизни, но воин по привычке удержался: считалось неприличным пользоваться этой возможностью в аиллоу. Мало ли кто чем занимается в своих ааи.

Жилище Великого Вождя, как и другие ааи в поселении аиллуэ, стояло на отшибе от других, окружённое широкой полосой нетронутого Леса. Вокруг никого не было; Уаиллар, прислушавшись, понял, что Великий Вождь Ллуэиллэ собирает себе легкий ужин.

Воин ещё раз проверил обстановку вокруг. Рядом не было никого, кто мог бы ему помешать. И он скользнул в чернеющий на фоне переплетения светлых ветвей проём двери.

2

Внутри было темно. Великий Вождь Ллуэиллэ не нуждался в свете, чтобы приготовить себе пищу в своём собственном ааи. Тем не менее, когда силуэт Уаиллара обозначился в дверном проёме, Великий вождь сразу поднял голову:

— Кто здесь?

Беспокоить Великого Вождя или Главную Женщину в их личных жилищах — уарро, запрет. Только если сами позовут.

Воин, по обычаю на четвереньках, низко склонив голову, вполз в ааи и, в нарушение принятого, посмотрел в глаза Ллуэиллэ:

— Я муж твоей дочери, Великий.

Вождь вскочил на ноги, возвысившись над Уаилларом во весь немалый рост:

— Ты привёл Аолли?

— Нет, о Великий. Но…

Ллуэиллэ не дал ему продолжать:

— Где она?

— У круглоухих, но…

И опять его грубо, как дозволено лишь Верховному в общении с незначительным, прервали:

— И ты посмел вернуться, жалкий трус? Я же сказал тебе: если вернёшься без неё, умрёшь!

— Позволь сказать, Великий…

— Молчи, червяк! Я всегда знал, что ты её не достоин! Зачем я только согласился… — И рука Великого Вождя Ллуэиллэ вдруг удлиннилась копьём, стремительно скользнувшим в сторону Уаиллара.

Обученный и опытный воин привычно отдернулся в сторону, но копьё со свистом рассекаемого воздуха последовало за ним. Великий Вождь был обучен не хуже и не менее опытен в схватках.

И тогда тело Уаиллара отреагировало, как привыкло, практически без участия его сознания: короткое, но мощное движение, и смертоносный аэ прочертил в воздухе невидимую линию, которая закончилась в гортани Великого Вождя Ллуэиллэ…

То, что случилось потом, воин видел множество раз. Выроненное копьё, движение руки к горлу, хрип и бульканье… оседающее тело… судороги агонии…

Уаиллар выпрямился, с трудом осознавая, что сейчас произошло.

3

Уаиллар, сильный и удачливый воин, самым молодым в своём аиллоу заполучивший уши Пещерного Хозяина; Уаиллар, решительный и удачливый военный вождь, десятки раз водивший воинов в походы славы и трижды получавший новое почетное имя, Уаиллар, никогда не испытывавший страх настолько, чтобы потерять способность действовать — впервые в жизни почувствовал ледяной, сковывающий ужас и полную растерянность. В голове у него было пусто, если не считать сразу двух крайне неуместных мыслей: первая была о том, какими словами можно описать хрупкий звук, возникавший, когда остатки воздуха из легких убитого, пройдя через рассеченную шею, лопались кровавыми пузырями, а вторая — о том, почему, ради Великого Древа, он сейчас думает об этом?

Воин оставался в той же позе, в которой был, метнув свое аэ, он даже не опустил руку. Он сидел так, даже не дыша, пока из тела Великого Вождя Ллуэиллэ выходили кровь и жизнь, пока тот хрипел, булькал и дёргался. Когда отец Аолли, наконец, затих и вытянулся, Уаиллар шумно выдохнул и с силой ударился

несколько раз головой о твердую и гладкую глину пола. Ему хотелось завыть в голос, так громко, как он только сможет — но он не настолько потерял голову, чтобы не понимать, что этого делать нельзя.

— Что же я натворил… — тихо, не громче выдоха, и очень медленно сказал он.

Во-первых, Уаиллар вернулся в поселок без Аолли — и за это подлежал смерти по решению Великого вождя.

Во-вторых, он нарушил уарро, войдя неприглашённым в ааи Великого Вождя — и за это подлежал смерти.

В-третьих, он убил воина из своего клана — и за это подлежал мучительной смерти у столба пыток.

В-четвертых, он убил Великого Вождя, и за это никакой мучительной смерти не было достаточно: не было наказания, соответственного этому преступлению, ибо никогда за множество поколений, которые помнили аиллуэ всех известных кланов, никто не смел поднимать руку на Великого вождя своего клана.

И, как будто этого мало, — он убил отца своей Аолли.

Первым побуждением его было перерезать себе горло здесь же, над ещё теплым телом Ллуэиллэ. Потом он ясно, как наяву, услышал в своей голове голос круглоухого калеки, который говорил за старшего многокожего перед тем, как они отпустили Уаиллара: "ты смотреть и думать. Ты не приводить молодой круглоухий, как сказано, твоя женщина остаться у нас и умереть".

Если он не придет на поляну вовремя — Аолли умрёт.

Если он не приведет с собой молодого пленника — Аолли умрёт.

Аолли умрёт, и умрёт их нерождённый ребенок.

Уаиллар сжался в комок, будто только что родившийся уолле. То, что свалилось на него, было запредельно, невыносимо тяжёлым.

Голова разламывалась от мыслей, которые ему не под силу было упорядочить. Тело подводило; волю парализовала растерянность. Он не готов был ни к чему из того, что случилось с ним в последнее время…

Но он был воин. Прежде всего — воин. И ещё — прирожденный вождь, способный вести за собой. А это значило — победить, а не умереть. Принять решение и выполнить его. А если решение неверно — как можно быстрее принять новое, чтобы исправить ошибку. И это значило — ты отвечаешь за тех, кто от тебя зависит.

Сейчас от него не зависел никто — кроме Аолли и её будущего ребенка. Кроме тех двоих, кто был для него смыслом и содержанием его жизни, самой большой ценностью, что у него

есть.

А это значило, что у него остался только один выход: вытащить из оллааy молодого пленника и доставить его до условленного места живым и здоровым.

Уаиллар решительно встал, подошёл к телу Великого Вождя и коротким движением выдернул из его горла свое аэ. Отряхнул его от крови (аэ кровь на себе не держит, но стряхивать её надо) и привычно засунул на место в сбруе из уллиоэ.

Потом развернулся и, пригнувшись, осторожно, но быстро выскользнул из осиротевшего ааи отца его женщины.

4

Обратный путь к площади, где размещались оллааy, столб пыток и Большой ааи, не занял у него много времени. Криво усмехнувшись, он перешел в состояние, когда чувствовал Жизнь вокруг — нарушив ещё одну общепринятую норму. В соседних ааи спали, ели, занимались любовью, кормили детей, ухаживали за шерстью. Никто не обращал на него внимания, никого из патрульных не было поблизости. Уаиллару везло — и он снова скривился, подумав об этом. Его всегда считали в клане везучим. Сейчас мелкое везение выглядело издевательски на фоне того, что случилось.

Подойдя к загородке с пленниками. Уаиллар бесшумно стащил со спины копьё. Не теряя из виду окружающее, заглянул в оллааy. Пленники спали, четверо прежних, темнолицых круглоухих в одном углу, молодой и старый воины из новых — в другом. Было заметно, что сон старого воина чуток, в то время как носившие груз — спали доверчиво и не следили за тем, что происходит вокруг. Молодой воин тоже спал, как ребёнок. Впрочем, все они за время плена привыкли, что ночью их не беспокоят, да и вообще на площади царит в это время тишина — только шуршат листья Великого Древа и кустов, и едва слышно журчит вода в ручье.

Только настоящий, опытный аиллуо, прошедший не один поход чести, может в такой тишине двигаться, не нарушая её. Уаиллар плавно приблизился к изгороди и тихонько поговорил со стеблями, из которых она состояла. Они послушно изогнулись, пропустив его внутрь. Воин специально вошёл поближе к темнолицым круглоухим: они были ему совершенно не нужны, и от них надо было быстро и тихо избавиться. Четыре тычка копьём в правильные места на теле — и дело сделано. К сожалению, совсем без шума не обошлось. Агония — это хрипы и судорожные

движения конечностей, загребающих по подстилке.

Старый воин проснулся и вскочил с лёгкостью, делающей ему честь. Был бы он с оружием и в своей скорлупе из испорченного огнём камня — у него, быть может, были бы и шансы. Если бы он ещё видел в темноте, — саркастически подумал Уаиллар. Но старый воин был гол, как новорождённый, и с пустыми руками. Уклониться от секущего взмаха копьём ему не удалось: слишком мало он себе оставил места, расположившись в углу загородки. Голова его повисла на лоскуте кожи, горячий фонтан крови из обрубка шеи залил и его тело, и начавшего просыпаться молодого.

Уаиллар втянул ноздрями привычный и приятный аромат крови и свежерассечённой, дымящейся плоти — аромат победы. Он, было, дёрнулся отрезать уши, но вспомнил, кто он теперь и что его ожидает, и опустил аллэ. Получилось удачно: шума было совсем немного, как воин и хотел.

Молодой пленник успел встать на ноги и смотрел на воина безумным испуганным взглядом. Он плохо понимал со сна, где находится и что происходит. Облитый с головы до ног горячей пахучей кровью, он крутил головой из стороны в сторону, не видя ни Уаиллара, ни тела погибшего старика. Воин заметил по пластике тела, что пленник собирается закричать, и без затей стукнул его по голове древком своего аллэ. Тот сомлел и, закатив глаза, стёк на землю.

Уаиллар, содрогаясь от нежданной брезгливости (хотя, казалось бы, чего он не видел и не нюхал?) и стараясь не запачкаться, легко приподнял тело юноши и плюхнул его в ручей, отмывать. Пленник очнулся, закрутил головой, зафыркал и, как понял воин, снова засобирался кричать. На этот раз аиллуо просто заткнул ему рот, сорвав с ближайшего куста пучок листьев. Всякий воин умеет это делать без вреда для пленника: что если тебе понадобится похитить в соседнем аиллоу женщину для себя?

Малый крутил головой, дёргался и пытался вырваться. Связать его узлом лаллэалэ было делом нескольких мгновений. И тут Уаиллар вспомнил про предмет, надетый на его палец. Он сунул его под нос парню, но тот только отдёрнул голову. Воин вспомнил, что круглоухие плохо видят в темноте.

— Что же с тобой делать? — Спросил он юного пленника задумчиво. Вести, в принципе, было можно: узел лаллэалэ даёт достаточно свободы, чтобы идти, хоть и недостаточно, чтобы убежать. Но скорость… А если этот будет ещё и сопротивляться?

Уаиллар подумал немного и потащил пленника за собой, держа его за связанные руки специальным хватом — так, что

парень мог только семенить за воином на грани падения, не имея возможности противодействовать. К сожалению, этот хват был очень неудобен, если бы пришлось вступить в бой или сильно ускориться: либо держать пленника, либо отбиваться. В походах чести (особенно за женщинами) никто не оказывался перед необходимостью в одиночку вести живую добычу и сражаться с преследователями: эти обязанности делили между командой. Одни уводили полон, другие отсекали погоню.

Ещё проще было, когда пленными оказывались мужские особи круглоухих, предназначенные для столба пыток. Нетолстая жердь, пожертвованная после короткого уговора одним из подходящих растений; несложный узел на кисти и щиколотки; двое воинов — и оглушённый пленник болтается между ними, пока его бегом несут подальше от места нападения. Неприятно и может быть вредно для здоровья, но сколько ему и жить-то всего? Да и меньше вероятность, что, попав в оллааy, пленник будет в состоянии дёргаться и пытаться выйти.

Сейчас Уаиллар был, во-первых, один, а во-вторых, явно принуждён сохранять малого в целости и как можно более здоровым. Про себя воин уже проклял парня и свою судьбу, но деваться было некуда. Поэтому главной задачей сейчас было — сделать так, чтобы парень не сопротивлялся, а по возможности сотрудничал.

Единственный способ для этого — сделать так, чтобы он доверял Уаиллару. Старший многокожий дал "кольцо" и сказал, что малый должен довериться тому, кто его принесет — значит, пусть он возьмет "кольцо" и рассмотрит его. Уаиллар уже пожалел, что припрятал плоский предмет с "запечатлёной речью" — что бы это ни значило. Возможно, он бы помог — кто их разберет, круглоухих.

Где место посветлее? — Подумал воин. Огляделся — и вытащил пленника на середину площади. Это был риск, поскольку Ночное светило было уже на небе. Парня пришлось как следует встряхнуть, чтобы пришел в себя и перестал вырываться. Уаиллар сунул ему под самые глаза круглое "кольцо". Никакого результата, малый только сжался, как будто ожидал удара. Тогда воин стащил кольцо с пальца и сунул в ладонь пленника.

Тот рефлекторно сжал ладонь — почувствовал, что в ней — поднял руку к лицу и разжал — посмотрел на "кольцо" — необычайно удивился — посмотрел на Уаиллара — снова посмотрел на кольцо — поднёс его к глазам и повертел — снова посмотрел на Уаиллара и покрутил головой из стороны в сторону, зажмурив глаза. Потом ещё раз посмотрел на "кольцо" и аиллуо, наклонил голову вниз знакомым уже воину движением

согласия, и перестал, наконец, сопротивляться.

Уаиллар мягко, без приложения силы, потянул его за конец узла лаллэалэ в ту сторону, в которую им надо было уходить. Времени оставалось мало: на самом краю восприятия воин чувствовал уже приближающийся патруль.

И они передвинулись в тень на краю площади, где начиналась знакомая Уаиллару тропинка.

Глава 15. ДОРАНТ

1

Дорант и Харран вернулись в город. Заехали в дом Харрана, завалились спать — несмотря на то, что было уже сильно за полдень. Проснулись почти одновременно.

И вот уже можно было выходить в поход, потому что время было вполне для этого. Да только к походу ничего не было готово.

Дорант занялся альвой. К его удивлению, она превратилась в существо покорное и покладистое, готовое к перемещению (как сказал с трудом разбуженный Асарау, дико уставший за ночь, и как видел сам Дорант). Она подставила все четыре лапы под веревки, правда, когда её стали вязать, почему-то защебетала — и Доранту показалось, что с неудовольствием. Асарау пожал плечами, он не понял, в чем дело.

Харрану же было поручено всё остальное: телеги, повозки, еда на две недели для двадцати с лишним крупных мужиков, оружие, палатки, запасные лошади, овёс для них, боеприпасы…

Где-то после обеда Харран исчез на час-полтора и вернулся потом очень мрачный. Дорант не обратил на это внимания. Надо было готовиться к выходу, и он ждал от молодого человека помощи в подготовке похода. В конце концов Харран, как Дорант и ожидал, при помощи Красного Зарьяла (а точнее, под его ненавязчивым руководством) вполне с этим справился, однако мрачность и уныние на лице его были едва ли не демонстративны.

Дорант, также страшно занятый приготовлениями к выходу, не стал вникать, полагая, что — если есть что серьёзное, то малый сам скажет, а если не скажет, то, видно, не так и важно. Он, разумеется, ошибался.

Сейчас же его больше занимали не заморочки Харрана, а вопросы, связанные с личным его (Доранта) оружием. Он вытащил и открыл помпезный ящик с четырехстволкой. Хитрая машина лежала в выстеленных бархатом углублениях рядом с назначенными ей масленкой, пулелейкой и прочей принадлежностью. Дорант достал железяку и приложил к плечу, ещё раз поразившись тому, как неведомый оружейник сумел превратить хороший замысел в нечто неудобное и неуклюжее. Приклад точно придется переделывать. Цевьё тоже было слишком узким, стволы сильно выступали над ним, так что при стрельбе из

нижних надо было беречь пальцы от ожога. Как ни странно, удобнее всего было стрелять с одной руки, держа хауду за ложу как за рукоять: в отличие от того, как делают обычно, здесь у ложи было нечто вроде шейки, куда удобно ложился большой палец. Но тяжелая же штука! Чтобы стволы не ходили ходуном, нужна была недюжинная сила — которой, впрочем, Доранта боги не обидели.

Полки для пороха прикрыты были хитрыми подпружиненными крышками. Благодоря тому, порох можно было подсыпать на каждую из четырех полок по отдельности, и он не высыпался при выстрелах. Дорант поцокал языком, одобряя выдумку.

Штуковина была несколько громоздкой и не очень удобной, но четыре выстрела картечью подряд — это в лесу было ценнее, чем кучность и дальнобойность привычной Доранту мшетты[34] с витым стволом.

Кстати, мшетту надо было куда-то девать. Дорант всерьёз опасался возвращаться в Кармон, если удастся вызволить примеса Йорре. Наместника-то он запугал своим медальоном достаточно, но как поведет себя гуасил? Кому подчинятся его стражники? Дорант знал, что был популярен в Кармоне, но ни в коем случае не собирался переоценивать свою популярность. Плюс "темная лошадка" в лице армано Миггала и его дружков…

Тащить с собой всё, что Дорант привез в Кармон, плюс всё, что он в Кармоне закупил — было не на чем и незачем. В лесу мшетта бесполезна, несмотря на прекрасный бой и возможность попасть в человека в двух сотнях шагов, а то и дальше. В стоящего человека. Ну, или медленно двигающегося. Или во всадника, который едет шагом. Но уже не рысью.

Груза и так получалось слишком много. Можно, конечно, взять ещё лошадей — но тогда и подвижность, и скрытность их похода полетят к демонам.

Дорант вздохнул, вытащил мшетту из чехла и принялся чистить и смазывать. Она, конечно, была чистой и смазанной — каваллиер стрелял из нее в последний раз больше месяца назад — но за оружием надо ухаживать. Особенно если собираешься оставить его надолго без присмотра.

Дорант дочистил мшетту, засунул её в седельный чехол и отправился искать Харрана, чтобы тот открыл оружейную кладовую. Харран нашелся в маленьком кабинете, где обычно занимался бумагами; он сидел мрачный и смотрел в одну точку. Дорант снова не стал в это вникать. Юноша, в ответ на его просьбу, со вздохом поднялся и решительно двинулся в сторону оружейки.

Там Дорант бережно пристроил мшетту в чехле на крюк и ещё раз прошёлся по харрановым сокровищам. Не то, чтобы ему было что-то нужно: просто он любил оружие.

В дальнем углу, где было сложено на столах всякое старье, он нашел древнюю, старше его самого, пиштоль с фитильным ещё замком. Сначала он обратил внимание на исключительно хорошую узорчатую сталь ствола, дорогую даже с виду, подивился длине ствола и размерам оружия, а потом его внимание привлек приклад. Дорант взял пиштоль в руки и рассмотрел внимательно. Эх, было бы хоть два-три дня до выхода — можно было бы отдать ее мастеру, чтобы переставил приклад на четырехстволку, уж больно он был ухватистый, да и по размерам подходил. Дорант подержал оружие в руках и отложил с сожалением. Мрачный Харран стоял рядом с отсутствующим видом, не обращая внимания на то, что происходило вокруг, но Дорант, занятый своими мыслями, снова не обратил на это внимания.

2

И наконец, они вышли в поход. Сильно после полудня, и вовсе не скрытно, как хотел бы Дорант. Более того, их провожал едва ли не весь город, во главе с наместником и гуасилом (с женами, конечно же), и где-то в задних рядах тулился армано Миггал, бледный, но решительный. Все дружно комментировали Красного Зарьяла, мрачного Харрана, озабоченного Доранта, сосредоточенных боевых слуг и зарьяловых людей, а пуще всего — семенящую рядом с конем Асарау альву со спутанными руками и ногами и самого Асарау, которого весь город знал как нищего калеку-попрошайку, и вдруг он преобразился в добротно и недешево одетого и хорошо вооруженного воина, уверенно сидящего в седле, несмотря на увечные ноги (Дорант озаботился тем, чтобы устроить ему вместо стремян удобные раструбы для голеней, сделанные из старых сапог).

Перед выездом некоторое замешательство вызвал вопрос о том, как доставить на место альву. Никаких повозок, разумеется, не могло быть: дорога не позволила бы. Сажать её на лошадь — подумали, было, об этом, но, посмотрев внимательно на альву и на то, как реагируют на нее лошади (и она на лошадей), решили, что это не лучшая идея. В конце концов, решили, что двигаться быстро им незачем, так что альва пойдет ногами, держась, если надо, за стремя. Попутно выяснилось, чем она была так недовольна, когда её связывали. Асарау с грехом пополам, с

многочисленными переспросами и уточнениями, понял, наконец, что связывать её надо было узлом специальным, чуть ли не ритуальным, который, на самом деле, почти не ограничивал её подвижности и не причинял неудобств, но не позволял двигаться с той неправдоподобной скоростью, которой так славились альвы. Она несколько раз показала на старой веревке, как вязать такой узел, и Дорант лично воспроизвел его на своей пленнице. С третьего раза у него получилось, и она довольно фыркнула.

Кроме альвы, все были верхом, да ещё небольшой табун вез во вьюках всё необходимое. Нужное число лошадей обошлось недешево, но дело — важнее денег, а деньги, благодаря Мигло Аррасу и выданному им амулету, для дела были. Дорант подумал: остались ли ещё лошади в Кармоне? Они с Харраном выгребли едва ли не всех свободных. Так что, если кому приспичит купить коня под седло, придется ждать, пока лошадники пригонят очередной табун. Ну, или по деревням в окрестностях поскрести, но там приличного верхового вряд ли найдешь.

Дорант велел, чтобы Асарау ехал рядом с альвой. Если ей что понадобится, она сможет спросить у него. Сам же Дорант пристроился чуть впереди; он слушал, как воин гаррани пытается разговаривать с альвой, вслушивался в её неохотные ответы и думал, что ему надо бы начать учить язык альвов прямо сейчас, пока для этого есть возможность. Он не знал, зачем ему это, но точно знал, что лишних знаний и умений не бывает.

Сказано — сделано. Дорант придержал коня, так, чтобы альва оказалась между ним и Асарау, и попросил воина гаррани, чтобы тот переводил. Он спрашивал альву, как на их языке называется то и это; против ожиданий, она отвечала. Дорант понял, что ей скучно, а разговор её занимает.

До заката, с коротким привалом, они успели проехать примерно треть пути к озеру (альва они выпустили давеча гораздо дальше). Лошади, всю дорогу двигавшиеся шагом, практически не устали. Красный Зарьял сказал, что такими темпами они приедут на место дня через четыре, а то и пять.

Они были ещё вдали от Альвиана, поэтому можно было воспользоваться огнем, чтобы приготовить пищу. Да и вообще, угрозы не ожидалось. Тем не менее, выставили часовых и ели посменно. Альве предложили запасливо взятые с собой фрукты; она забавно сморщила нос, выкинула часть из плодов, но остальные съела. Потом, через Асарау, попросила, чтобы ей дали все остальные. Дорант удивился, но решил согласиться. И не прогадал: зрелище было крайне необычное. Альва застыла над плодами, протянув над ними руки. её глаза были закрыты, рот

почти незаметно шевелился, будто она говорила что-то. Прямо на глазах с плодов исчезли начавшие было появляться темные пятна, шкурки расправились и заблестели. Дорант поймал себя на том, что рот его открыт от удивления, а дыхание задержано.

Два или три плода альва все-таки выбросила, видимо, в них процесс порчи зашел слишком далеко. Остальные же стали выглядеть так, будто их только что сорвали с дерева или грядки.

Когда погасили костер, рыжебородый в почти полной темноте вытащил из кошеля и бережно разместил посреди круга прогоревших углей небольшой темный предмет. Пошептал над ним и осторожно отошел. Дорант узнал в предмете амулет. Он спросил Зарьяла:

— Маскировочный или защита?

— Откуда! Этот-то едва достал, содрали денег не по-божески. Это отвод глаз. Тут и такие редкость.

Дорант подумал, что надо предупредить своих, чтобы двигались медленно и плавно, и чтобы вели себя потише. Отвод глаз только делает невозможным для тех, кто находится вне радиуса его действия, сконцентрировать зрение на том, что внутри этого радиуса. В принципе, он может работать и самостоятельно, однако при внешнем подогреве служит дольше. Как, впрочем, и вообще большинство амулетов. Почему многие из них и носят вплотную к телу.

Наутро они поехали дальше. За время остального пути не произошло ничего замечательного. Дорант учил язык альвов, делая поразительные даже для него самого успехи (помогала способность и склонность к музыке), на третий день он начал неплохо уже понимать альву, когда она говорила простыми короткими фразами о несложных вещах. Много помогал Асарау, у которого запас альвийских слов был довольно велик, хотя и своеобразен: альва обмолвилась, что он говорит, как уолле — после некоторого обсуждения Дорант понял, что так альвы называют детей.

Кстати, она без всякой задней мысли рассказала, что действительно умеет "разговаривать" с растениями и животными, помогая им, как она с грехом пополам смогла объяснить, "выгнать совсем мелких и совсем глупых живых, которые делают плоды гнилыми, заставляют раны гноиться и так далее". Дорант подумал, что все-таки ещё очень плохо понимает по-альвийски: вроде каждое слово знает, но смысл всей фразы остался для него темным. Что это за мелкие и глупые живые?

Асарау возразил ему, что в опохве тоже есть приемы, цель которых — убить совсем мелких, невидимых глазу животных, которые заводятся в ранах или попадают внутрь человека, и тогда

он от них болеет. Дорант совсем сбился с толку и решил, что об этом думать он не будет. Опохве ему все равно не освоить, для этого нужны особые способности, как у его женщины. Ему же надо было как можно больше понять об обычаях и повадках альвов, чтобы знать, чего ожидать от них на поляне.

Он опасался, что отпущенный альв постарается привести своих и отобрать альву силой, убив всех, кто придет с ней.

Потому что, как стало ясно даже из коротких и маловразумительных ответов альвы на его вопросы и пояснений Асарау, для альва-воина жена в плену — невыносимый позор, смываемый только кровью. Большой кровью. И лучше, если не его кровью.

3

На нужную поляну добрались за два дня до назначенного срока. Дорант с содроганием вспомнил, чего стоило им с альвом договориться об этом сроке: представление о времени было у них, мягко говоря, очень разным. Начать с того, что люди считали время в днях, а альвы — в ночах, при этом ночь без луны, ночь с одной луной и ночь с луной за облаками назывались и считались по-разному. Асарау все-таки молодец, если бы не его терпение…

Ждать два дня на самом краю Альвиана, в месте, где альвы регулярно бывают по своим делам — было опасно, но Дорант ни придумать, ни предложить ничего другого не мог. Вся надежда была на альву, но что придет ей в голову, если вдруг из леса выскочат её собратья… Дорант гнал от себя эти мысли — и вызванное ими беспокойство. Поделать с этим можно было только одно: быть наготове. Поэтому, не успели они расседлать коней, каваллиер назначил часовых, распределил, кому за какой частью поляны следить, проконтролировал, чтобы у всех на полках был свежий порох, а замки заведены, а сам расстелил попону и устроился так, чтобы видеть как можно больше. С четырехствольной хаудой на коленях и двумя пиштолями по бокам, под руками.

И опять Зарьял бережно сунул свой отводящий глаза амулет в прогоревший костер, и опять стремительно стемнело, и опять Дорант озаботился сменой часовых. К сожалению, народу было слишком много, чтобы лагерь не производил шума. Хотя люди были достаточно опытные и положение свое, вроде бы, понимали — то тут, то там возникали шепотки и смешки, а то и разговоры вполголоса. Фыркали и топтались кони, кто-то вдруг принялся подтачивать меч или топор, похрапывал Зарьял, чья очередь в

стражу была под утро, почти неслышно сопела альва, свернувшись клубком на краю попоны, почти вплотную к Доранту. Тихо, на грани слышимости, напевал что-то на гаррани уставший за день Асарау. Смысла в амулете в таких условиях почти не было (да и кто знает, действует ли он вообще на альвов, — вдруг некстати подумал Дорант, которому эта простая мысль раньше как-то не приходила в голову).

Дорант пожалел, что в Марке нельзя держать собак. Когда-то, совсем в другой жизни, в метрополии, в поместье отца, они не реже раза в неделю ездили на охоту в горы. Отец приучал его и братьев к лишениям походной жизни, к опасностям и ответственности. В горах водились волки, шакалы и горные кошки — последние опаснее всех, потому что бесшумные и коварные. И лагерь охотников всегда охраняли собаки, поднимая шум, если кто-то приближался. Как-то раз Кудлай, лохматый черно-подпалый пес пастушеской породы, спас им жизнь, когда на лагерь напала шайка разбойников. Пёс поднял шум, и охотники успели отбиться. Если бы не Кудлай, их застали бы спящими. Дежурившего отцовского боевого слугу без шума застрелили из лука.

Но в Марке собаки не живут. Какая-то хворь: у собаки начинают слезиться глаза, из носа течет слизь, через несколько дней пёс уже дышит с бульканьем и хрипами — и сгорает не более чем за неделю. Пытались скрещивать собак с местными шакалами — получались не болеющие, но дикие, неприручаемые и непредсказуемые звери. Чуть было не завезли эту хворь в Империю, пришлось даже запретить перевозку собак на кораблях. В обе стороны.

Когда время перевалило за середину ночи, Дорант позволил себе задремать. Проснулся он внезапно, от шума и движения вокруг. Каваллиер не сразу понял, что происходит (да и где он находится, вообще-то). Когда он, наконец, осознал себя, вокруг шел бой, Дорант был на ногах, а в руках у него был тяжелый и неудобный четырехствольник. Вокруг в темноте носились люди и кони, и ещё какие-то тени; вспыхивал порох и раздавался гром выстрелов.

Альвы напали, подумал Дорант. Хорошо, что он не разрешил никому снимать на ночь кирасы.

Тут его как стукнуло: где альва? Он огляделся и с огромным облегчением обнаружил её, сжавшуюся в комок и дрожащую, на том же месте на той же попоне.

Дорант попытался сориентироваться и понять, что происходит. По звукам и движениям вокруг стало ясно, что дела обстоят довольно плохо: стрельба слышалась со всех концов

лагеря, кто-то из людей уже кричал от боли, раненный, слышны были проклятия и крики, обычные для боя.

Дорант кинул взгляд на оставшиеся на попоне пиштоли, проверил, как выходит меч из ножен и перехватил четырехстволку поудобнее — насколько это вообще было возможно. Вздохнул и ринулся туда, где больше всего кричали.

4

Ночной бой — пожалуй, самое неприятное, с чем может столкнуться воин. Бой всегда неразбериха, особенно если это не сражение больших масс регулярного войска, стоящих в строю, а драка между мелкими группами воинов. Тут важны быстрая реакция, способность мгновенно ориентироваться и личные, индивидуальные боевые навыки; умение держать строй становится бесполезным. Лет пятнадцать назад Дорант был в таких свалках одним из лучших, но с годами никто из нас не становится шустрее.

Тем не менее, опыт может быть хорошей заменой физическим способностям, и каваллиер это мгновенно доказал, выпалив трижды по быстро скользящим в темноте неясным теням — и не промахнувшись ни разу. Сноп картечи шириной — на этом расстоянии — в тележное колесо достал все три тени, по которым Дорант стрелял. Будь на его месте Уаиллар, он осудил бы подстреленных — как бы ни было больно, аиллуо не должен визжать, подобно лесной свинье. Двое и не визжали — одному снесло пол-головы, второй, с развороченной грудной клеткой, тоже умер на месте. Третьему прилетело в обе ноги, перебив кости и порвав мышцы. Он-то и не смог справиться с болью.

Другие люди, заранее предупрежденные и снарядившие своё оружие картечью, тоже не всегда промахивались. Прорвавшиеся в лагерь пять или шесть альвов, стрелять в которых было уже невозможно из опасения попасть в своих, метали ножи и размахивали копьями — с переменным успехом: все-таки кираса хорошо защищает от альвийского копья, а навыки лесных воинов не рассчитаны на носителей кирас.

Дорант метнулся к попоне, схватил лежащие на месте пиштоли — и тут же бросил одну из них обратно: жаль было оставшегося заряда в четырехстволке. Он краем глаза увидел скрюченную на попоне альву, успел забеспокоиться — жива ли, но тут на него выскочил здоровенный пятнистый альв, и стало не до нее. Альв попался упорный, и даже с дырой в животе (шустро двигался, зацепило всего одной картечиной) едва не снес Доранту

голову наконечником своего копья — каваллиер едва успел отбить удар стволом неразряженной ещё пиштоли. Выстрел из нее превратил грудь альва в кашу, и тот, наконец, завалился на спину.

Дорант не успел подхватить оставшуюся пиштоль: пришлось отбиваться сразу от двух альвов. Он едва успел выхватить меч; по счастью, добрая имперская сталь оказалась крепче альвийского копья и снесла наконечник, почти не встретив сопротивления. Дорант увернулся от брошенного ножа, мечом отвел копье второго альва — и снова был вынужден уворачиваться от метательного ножа. При этом ему удалось полоснуть второго альва — который был помельче первого — мечом по внутренней стороне бедра, отчего тот сразу захромал. Первый, почти такой же крупный, как тот, которого Дорант убил перед этим, покрытый чужой и, может быть, своей кровью, ткнул каваллиера срубленным концом копья — но колет, подшитый сталью, выдержал удар. Дорант рубанул альва по руке, снеся кисть, которой тот держал остаток копья, и еле успел повернуться ко второму и отбить стремительно идущий в голову наконечник. Каваллиер с силой бросил лезвие меча вдоль древка, срезая врагу пальцы. Тот коротко и тонко вскрикнул — и метнул здоровой рукой копье в Доранта, целя в лицо. Дорант еле увернулся, лезвие рвануло его за левую щеку. Но конец меча уже пробил альву грудь. Второй же, которому нечем было уже держать обломок копья, бросился на Доранта, пытаясь свалить его и вцепиться в горло — и похоже, что зубами. Дорант выпустил рукоять меча, отжимая альва локтями. Борьба перешла на землю, они катались по ней, хрипя, толкаясь и давя друг друга, уже без всякого порядка, но тут стало ясно, что человек сильнее и тяжелее альва, а жизнь из последнего уходит с каждым толчком артериальной крови, хлещущей из отрубленной руки.

Когда Дорант, наконец, смог подняться, скинув с себя альва, все было уже кончено. Усталые и окровавленные люди ходили по лагерю, добивая лежащих тут и там врагов. Альва так и лежала на попоне, скрючившись. Дорант удивился, насколько близко она была от места, где он только что сражался.

Он подошел к самке. Та по-прежнему была сжата в комок, и плечи её содрогались. Доранту отчего-то пришла в голову мысль погладить её по спине; альва вздрогнула и сжалась ещё сильнее, но потом вдруг подняла голову и спросила что-то на своем языке. Дорант понял, что она спрашивает про кого-то, где он. До него дошло, что она беспокоится о своем самце.

Дорант встал и принялся обходить лагерь. Он чувствовал себя совершенно выжатым. Ни в одной битве до сих пор ему не

приходилось так выкладываться — ни в одной битве ему не противостоял никто, способный двигаться так быстро.

Напавших альвов перебили всех: помогло то, что люди были начеку, и у каждого — огнестрельное оружие и защита тела. Людей погибло не так много, но ранены были практически все. Тем не менее, всего шестеро убитых для стычки с четырьмя десятками альвов — да это была победа!

Среди погибших альвов знакомого самца не было. Дорант захватил Асарау (который благоразумно не участвовал в свалке, ограничившись стрельбой из хауды и четырех пиштолей) и трижды легко раненного Харрана, который теперь сможет гордиться длинным шрамом на лбу, и вернулся к альве.

— Твоего аиллуо нет среди павших, — сказал он, подобрав, как мог, слова из тех, что уже знал.

Альва вздохнула с облегчением.

И тут из-за кустов появился совершенно голый и довольно грязный подросток, за которым осторожно двигался известный многим из присутствующих людей самец альва.

Глава 16. УАИЛЛАР

1

За свою жизнь Уаиллару не случалось решать такой сложной задачи, что выпала на его долю на этот раз. Тащить за собой бестолкового и растерянного круглоухого, не просто лишенного дара владения телом, но ещё и не обученного, не просто не умеющего ходить тихо, но ещё и источающего запахи, заметные на сотню шагов вокруг, хоть Уаиллар и сполоснул его в ручье; не просто невнимательного, но ещё и не понимающего ни слов, ни жестов…

Ему предстоял не такой уж короткий путь от аиллоу до места встречи. С круглоухим. По лесу. После неизбежного переполоха, который последует, как только воины обнаружат пустой оллаау — и так же неизбежно бросятся в погоню. Уаиллар умел обманывать погоню, когда уходил из чужого аиллоу после похода чести, с острыми ушами, нанизанными на побег уллиоэ. Но от своего поселка уходить будет куда сложнее: за ним пойдут воины, которых он же сам и учил — и как уходить, и как преследовать. Да еще этот круглоухий…

Хорошо было одно: по непонятной Уаиллару причине аиллоу почти не охранялся. Вместо обычных пяти-шести парных патрулей по посёлку ходили, как заметил воин, не больше двух, причём двигались они ближе к периметру, не заходя в центр, и время от времени выдвигались за окраину. Плохо было то, что выдвигались они как раз в ту сторону, куда надо было Уаиллару, но — это ведь он учил этих воинов, это он не раз проходил сквозь посты и патрули к Великому Древу, это он знал тайные тропы и умел поговорить с кустарником, чтобы открыть, а потом закрыть проходы. Что бы ни случилось в последние дни, Уаиллар точно знал про себя, что он — лучший в их аиллоу, лучший воин и лучший вождь.

Поэтому он не пошел короткой дорогой (впрочем, в такой обстановке никто бы из тех, кого он учил, не пошел туда). Он потащил круглоухого почти назад, обходя патрули по широкой дуге. Кроме всего прочего, он подумал о том, как подходить к поляне, где его должны встречать: круглоухие наверняка будут начеку и в ожидании нападения, если просто выйти к ним — как бы не получить в лоб из громотрубы, просто потому, что у кого-то не выдержат нервы…

На удивление Уаиллара, и дальние подступы к аиллоу не

патрулировались. Обычно для этого выделяли двух-трех воинов помоложе, не слишком опытных для боя, но достаточно обученных для наблюдения и разведки — и быстроногих. В их задачу не входило остановить врага, приближающегося к аиллоу: они должны были его вовремя заметить и оповестить своих, чтобы те успели выдвинуться и перехватить нападающих. В этот раз Уаиллар не обнаружил никаких следов присутствия этих патрульных, что было очень странно: такое случалось только в случае большого похода — или большого нападения на аиллоу.

Уаиллар поспешил воспользоваться случившейся возможностью — и тут же столкнулся с крайне неприятным фактом: его пленник не мог двигаться быстро. Он был слишком неуклюж и не тренирован, его тело плохо его слушалось (впрочем, тут Уаиллар признал сам для себя, что после многих ночей, проведенных в оллаау без возможности много двигаться, было бы странно ждать от малого хорошей формы). Не прошли они и треть дороги, как парень напоролся стопой на острый обломок сучка — и захромал, окончательно превратившись в обузу.

А сколько раз он падал, споткнувшись…

Уаиллар тяжело вздохнул и попросил у Великого Древа терпения и снисходительности. Когда его окатила привычная волна покоя, воин вздохнул ещё раз — принял свой долг — и подхватил круглоухого под руки, взваливая на спину. Закрепил поудобнее копьё-аллэ, подтянул конец лианы, ведущий к узлу лаллэалэ — и неторопливо побежал в сторону знакомой поляны.

Малый на спине тяжело дышал и дрожал всем телом. Уаиллар не понял было, что за горячие капли падают ему на загривок, но потом вспомнил других круглоухих: у них, бывало, текло из глаз, когда они теряли себя.

Уолле, подумал он. Уолле. Так к нему и надо относиться: заботиться и оберегать.

Ну, пока не передаст его военному вождю круглоухих.

2

Когда Уаиллар с молодым круглоухим на спине, наконец, пробежав почти целый день с небольшим только отдыхом, добрался до поляны — вымотанный едва ли не до конца, изгвазданный в болотной грязи, потому что круглоухий, весящий ненамного меньше, чем сам Уаиллар, мешал чувствовать баланс при поворотах — он понял, почему в аиллоу было так мало патрулей.

Кто-то из разведчиков дальнего периметра обнаружил многокожих, ещё когда они приближались к опушке Великого Леса. В аиллоу быстро собрали отряд — из большинства имевшихся в наличии воинов. Почти из всех, на самом деле. Такое мог решить только Великий Вождь.

Интересно, кого выбрали военным вождем вместо Уаиллара?

Аиллуо, собравшиеся для похода чести, плохо охраняли свой тыл. Уаиллар, будь он военным вождем, такого бы не допустил. Даже если круглоухие не в состоянии были ударить сзади, на такое вполне были способны воины других кланов: проредить чужих аиллуо, занятых охотой на многокожих, было в порядке вещей.

Сейчас ему это было на пользу. Уаиллар засел в небольшой лощине за кустарником, рядом с поляной — вне Великого Леса, но недалеко от него.

Молодого круглоухого он стряхнул со спины и, безо всяких сентиментов, снова приласкал тупым концом копья по голове. Только шума ему сейчас недоставало. До ближайшего аиллуо, медленно и беззвучно подкрадывавшегося к пахучему и полному звуков лагерю круглоухих, было шагов двадцать.

Почти в самом центре лагеря круглоухих было что-то, что мешало сосредоточиться. Стоило направить внимание в ту сторону — и оно рассеивалось, как в полусне. Уаиллар перешел в состояние, когда чувствовал вокруг всё живое. Он не видел необходимости экономить силы, потому что не собирался участвовать в неизбежной битве.

Воинов-аиллуо на поляне было очень много: больше чем пальцев на всех конечностях двух аиллуо. Странно, в поселке должны были бы остаться еще воины. Уаиллар не стал задумываться, куда они делись — он только поблагодарил про себя Великое Древо за то, что их не встретил.

Никого из знакомых вождей, впрочем, Уаиллар не почуял. Ллуэиллэ — понятно: он лежал мёртвый в своём ааи. Арруэллэ — тоже понятно, он был слишком стар и немощен, чтобы идти в бой с воинами. Но другие? Где Ллаэри, вечный соперник? Где… ах да, Оирраэ же собирался за женщинами в клан Уэрреу и с ним вызвались идти больше чем две руки аиллоу.

Ну да, в клане всегда не больше трех аиллуо, которые могут быть военными вождями. На большее их количество воинов не хватит. Аиллуэ не могут себе позволить слишком большие по численности кланы: их просто невозможно будет прокормить — или разросшемуся клану потребуется расширять свою территорию. А это большая война, уарро, запрет. Аиллуэ великие воины, но их не должно быть больше, чем может прокормить

Вечный Лес.

Малый, лежащий навзничь на дне лощины, приходя в себя, с хрипом втянул воздух и застонал. С каким удовольствием Уаиллар стукнул бы его не тупым концом своего аллэ! Но круглоухого уолле надо было доставить живым — ради Аолли.

Уаиллар снова использовал тупой конец копья, после чего парень перестал издавать звуки. Пришлось только повернуть ему голову набок, чтобы не задохнулся от собственного языка и не захлебнулся рвотой, если вдруг сблюёт после ударов по голове.

На звук обернулся отставший аиллуэ. Уаиллар вспомнил его: Эллэуррэ, он получил имя совсем недавно, принеся сразу два набора острых ушей. Уаиллар поймал себя на том, что делает одновременно два взаимоисключающих дела: во-первых, одобряет выбор военным вождем (кто бы он ни был) аиллуо для арьергарда, а во-вторых, примеривается, как лучше прибить этого аиллуо.

Но ему не пришлось убивать молодого воина: как раз в это время в лагере круглоухих раздался грохот проклятых громотруб, и битва началась. Эллэуррэ стало не до неясных звуков в тылу — тем более, что явной угрозы оттуда он не заметил и не почувствовал.

Уаиллар тоже не стал предпринимать никаких действий. Это не его война.

Но уже через несколько сотен ударов сердца он понял, что так не будет. Круглоухие были начеку; обычная тактика аиллуэ (проскользнуть в лагерь или поселок, пользуясь темнотой, вырезать спящих и неготовых, создать панику и перебить остальных) — не сработала. Копья бесполезно лязгали о мертвый камень скорлуп, в которые были упакованы круглоухие, грохот громотруб не мог заглушить крики боли, издаваемые ранеными воинами, и громотруб этих было куда больше, а грохотали они куда чаще, чем обычно.

Уаиллар, не отключивший у себя чувство жизни вокруг, понял через короткое время, что нападение не удалось. Ощущения живых душ других аиллуэ исчезали одно за другим со скоростью, которая сильно испугала Уаиллара. Если все круглоухие научатся ТАК защищаться от аиллуэ, то народу аиллуэ жить останется очень недолго. Особенно тем кланам, которые, как клан Уаиллара, живут недалеко от опушки Великого Леса, где много добычи и пищи, но много и круглоухих в соседях. С такой тактикой и таким вооружением добычей будут уже не круглоухие, а сами аиллуэ.

Уаиллар поразился тому, насколько быстро оказались перебиты практически все воины его клана. Он был бы поражен

ещё сильнее, если бы узнал, что люди как раз посчитали этот бой очень долгим — как обычно и бывает, когда в короткие сроки укладывается очень много мелких, но важных событий.

С болью в душе и сердце наблюдал он, как многокожие добивали ещё живых воинов. Когда погасла последняя искра, Уаиллар не смог сразу же заставить себя встать и отвести малого к военному вождю круглоухих.

Он с ужасом осознал, что на поляне из живых аиллуэ остались только он сам и его женщина.

Весь цвет воинов, его родичей — лежали мёртвыми, как мертвы камни…

Уаиллар почувствовал глубочайшее горе, от которого ему захотелось умереть и лечь рядом с ними.

Но надо было спасать свою женщину, а значит, надо было передать круглоухого уолле военному вождю многокожих, забрать Аолли и -

Уаиллар гнал от себя мысли о том, что делать им с Аолли после того, как они станут свободны.

Эти мысли были слишком неприятны — или слишком неясны…

3

Уолле, слабый уолле без шанса стать воином, — подумал Уаиллар, легким пинком отправив парня в сторону военного вождя круглоухих, который стоял с видом усталым, но довольным, держа в опущенной руке громотрубу. Молодой круглоухий, чей подбородок едва начал покрываться обычной для них шерстью, шел, как будто его сознание вовсе не присутствовало внутри него. Юный аиллуо вел бы себя в похожих обстоятельствах совсем иначе.

Таких слабых уолле в народе аиллуэ принято было убивать. Только не было таких слабых уолле. Потому что воспитывать из них воинов — начинали едва не с рождения. Воспитывали матери, другие дети, взрослые аиллуо. Воспитывали примером, требованиями, рассказами в ааи и у Великого Древа. Наблюдением за тем, как ведут себя разные пленники у пыточного столба, и пояснениями к этому. Физическими упражнениями и отношением к ним. Поощрением за мужество и презрением за проступки. Уважением к личности даже самых малышей…

И тут вождь многокожих изумил его. Он опустился перед уолле на колено, склонил голову и что-то пробурчал на своем

языке. Уолле, явно до этого готовый сорваться и потерять лицо, вздрогнул, сглотнул и переменился на глазах. Уаиллар был потрясен: уолле вел себя, даже не как военный вождь — а как Великий!

Выпнув круглоухого уолле к многокожим, Уаиллар огляделся в поисках Аолли.

Жена его обнаружилась сразу же: заметив своего аиллуо, она, сначала неуверенно и немного неуклюже, двинулась в его сторону, стараясь не привлекать внимание. Потом, судя по движениям, сбросила узел лаллэалэ и уже не обращая внимание на многокожих, занятых своими делами, кинулась к мужу.

Они вцепились друг в друга, как лиана уллэиэ вцепляется в ствол олоолои. Много, много ударов сердца они не могли оторваться друг от друга, не могли поверить, что снова вместе. Потом Уаиллар удивлялся тому, что ни мгновения не думал при этом ни об убитом отце Аолли, ни о том, что случилось между ним и кланом.

Всё, что они могли сказать друг другу в это время — были невнятные восклицания вроде "ты жив!", "как ты?", "я не могу без тебя" и тому подобное.

Надо ли говорить что-то другое? Надо ли сохранять воинское умение держать всё, что вокруг, под контролем? Жизнь показала, что надо.

Они только успели потереться шеями и обменяться несколькими словами, как Уаиллар заметил, что круглоухие повернулись в их сторону и что-то обсуждают.

Круглоухий уолле, которого уводили куда-то к центру поляны вождь многокожих и его молодой друг, обернулся и показал на воина аиллуо и его жену. Уаиллар нутром почуял, что ничего хорошего для них внимание молодого круглоухого не повлечет.

— Уходим! — Тихо крикнул он жене.

И они ушли, скрывшись, как умеют все аиллуэ, в потоке жизни вокруг поляны.

Глава 17. ДОРАНТ

1

Поисковый амулет на груди Доранта защекотал так, что пришлось его вытащить наружу. Дорант вышел вперед, опустился на колено, склонил голову и приветствовал примеса Йорре так, как положено приветствовать наследника императорского престола:

— Ваше императорское высочество, я каваллиер Дорант из Регны, посланный за вами по поручению вашего венценосного отца. Вы находитесь под моей защитой, и вам больше ничего не угрожает. Мой долг защищать вас, моя жизнь в вашем распоряжении.

Парень пошатнулся, подошел ближе. Губы его задергались, глаза наполнились слезами. Каваллиер быстро поднялся, приобнял примеса за плечи и отвернул от столпившихся вокруг спутников: не надо было видеть им слабость будущего правителя Империи. Но, к его немалому удивлению, подросток отстранился, выпрямился и принял строгую осанку, которую можно было бы назвать величественной, кабы не то, что был он совершенно голым.

К ним уже бежал сообразительный Калле, держа в руках одеяло. Они с Дорантом закутали примеса и повели к вьюкам, где была запасённая для него одежда. По дороге к ним присоединился Харран, которому уже перевязали голову. Судя по выражению лица, друг Доранта испытывал крайне сильные чувства.

Люди Харрана и Красного Зарьяла, кто были поближе и слышали слова Доранта, тоже, судя по выражению их лиц, испытывали крайне сильные чувства. Наследный примес в Альвиане — это, мягко говоря, было необычно.

Малый же шёл, куда вели, с таким видом, будто ведет он.

Вдруг примес остановился, резко обернулся, обвел вокруг себя взглядом, будто что-то искал, и, показав на альва, который его привел (тот говорил о чем-то со своей женщиной), потребовал:

— Убейте его!

Дорант застыл в растерянности, потом сказал осторожно:

— Ваше императорское высочество, это благородный воин альвов, который вывел вас из плена по моей просьбе. Я дал ему слово, что он и его жена останутся живы и будут свободны, если

он это сделает. Я не могу нарушить слово, не потеряв своей чести.

Примес обвел взглядом собравшихся вокруг людей. Взгляд был суровый и жёсткий, и Дорант подумал, что примес — точно сын своего грозного отца, а главное — внук своего деда. Те, кто услышали диалог, смотрели на примеса и Доранта — кто с пониманием, кто с осуждением, кто с ожиданием. Мало кто из присутствующих не одобрил бы смерти любого альва. Мало кто из благородных не согласился бы с Дорантом в вопросах чести.

— Есть ли здесь люди, что не давали альвам слова? — Парень быстро взял себя в руки и держался теперь, как человек, имеющий несомненное право повелевать.

Последовало молчание. Тех, кто не давал слова — было подавляющее большинство, но все знали, на каких условиях альвов заставили помогать. Никто из присутствовавших не питал никаких иллюзий, что можно будет вытащить взятого альвами пленника без тяжелейших, запредельных потерь. И подавляющее большинство — понимали, что альв честно сдержал обещание, и что не только примес жив благодаря ему, но и те из них, кто остались в живых — тоже.

То, чего требовал примес — было неправильно. Но все уже слышали, как встретил его Дорант, и все уже знали, с кем имеют дело.

Наконец, чего и можно было ожидать — неохотно поднял руку Красный Зарьял.

Примес глянул на него странным взглядом:

— Убей их обоих! Убей всех, кто остался!

Зарьял кивнул и обратился к своим — дать команду. Хотя по лицу его было видно, что команда эта ему не нравится.

Дорант успел махнуть рукой Калле — убери альвов с глаз!

Но когда Калле, кивнув, повернулся в сторону альвов, их уже не было на прежнем месте. Да и вообще на виду. Они исчезли — в точности по поговорке, как альвы в лесу…

2

Пока Калле и Камйорд (один из боевых слуг Харрана) одевали примеса, как выяснилось, не умевшего самостоятельно справляться с одеждой, Харран обратился к Доранту:

— Ты ничего не хочешь мне рассказать?

Дорант, осторожно поглаживая нещадно саднившую глубокую царапину на щеке, ответил:

— Да, собственно, ты всё уже слышал. Это примес Йорре, ныне наследующий корону Империи. Его уволокли без

разрешения отца люди дома Аттоу. Скорее всего — давить на Императора, — Дорант даже сейчас из осторожности предпочёл не рассказывать Харрану всё, что знал. — Меня отправили в числе других прочих искать его в Марке. Теперь надо вывезти его в метрополию, так, чтобы он снова не попал в лапы людей Аттоу.

Харран задумался. Он не хуже Доранта понимал, что это означает. Им придётся идти мимо тех городов, в которых сидят наместники, связанные с семьей Аттоу. А такие — считай все крупные. Но хуже всего вот что (это понимал Дорант, но о чём ещё и не думал его друг): в столицу Марки им нельзя. Вообще нельзя. С одной стороны, там люди Светлейшего, с другой — их там немного, тем более сейчас, когда Мигло Аррас разогнал практически всех на поиски примеса. Зато людей Аттоу — учитывая, что сам вице-король из этого семейства — там видимо-невидимо.

Отплывать придётся из Койсаны или Йаперы, а там ещё надо будет найти, на чём отплыть. Впрочем, если удастся вовремя дать весточку с дороги — можно будет организовать корабль из того кумпанства, где Дорант был совладельцем.

Пока же были дела поважнее. Дорант вдруг сообразил, что они непростительно расслабились и даже не выставили посты. Он сказал об этом Харрану, и тот ринулся распоряжаться. Дорант же стал выяснять, сколько человек они потеряли, сколько ранено и сколько осталось способных сражаться.

Результаты оказались неутешительными. Из двадцати трех человек, вышедших в поход, не задетых вообще не было (ну, если считать с царапинами). Шестеро убитых, в том числе Хальдин — зря он не надел кирасу. Четверо тяжелых. Пятеро легких, но серьёзно сражаться они не смогут — считая Красного Зарьяла, который сперва хорохорился, но сейчас начал сильно хромать из-за глубокой, почти до кости, раны чуть выше колена. Итого боеспособных семеро, за исключением примеса — но вряд ли его можно считать, несмотря на то, что ему уже повесили на плечо перевязь с мечом и прицепили к поясу пиштоль: сам Дорант, Харран, Калле, Камйорд и трое людей Зарьяла. Да ещё Асарау, которого можно было считать боеспособным лишь условно. Как ни странно, он единственный не имел ни одной царапины.

Раненых всех перевязали и обработали раны, как могли в полевых условиях. Двое были без сознания. Дорант с огорчением подумал, что до города их можно и не довезти — к тому же он не собирался в город. Команду явно надо было делить: отправить тяжелых и большинство легких, в сопровождении двух-трех здоровых, в Кармон, к лекарям. А остальным выдвигаться к побережью.

Покончив с первоочередными хлопотами, командиры отряда собрались у коней, обсудить план действий. Туда же без приглашения подтянулся и Йорре. Доранту это не очень понравилось, но прогнать молодого примеса у него оснований не было.

— Нам надо скорее попасть на побережье, — сказал Дорант. — Как лучше выдвигаться?

Наследник престола поинтересовался, почему бы им не вернуться в Кармон или не пойти дальше, на Запад, в обход Альвиана, как он двигался до того, как их отряд захватили альвы. Дорант отделался довольно неопределенным "Это опасно, ваше императорское высочество. Есть люди, которым надо, чтобы вы не добрались, куда надо". Он лукавил, разумеется: вряд ли дом Аттоу настолько потерял рассудок, чтобы злоумышлять против имперского наследного примеса — гнев Императора точно перекрыл бы его опасения вызвать гражданскую войну.

— Я к побережью не пойду, — ожидаемо возразил Красный Зарьял. — И людей своих не дам.

Примес Йорре вскинул в голову и спросил возмущенно:

— Что значит — не пойдешь? Если я прикажу!

— Я нанимался только досель и обратно, в Кармон.

— Я — наследный примес Империи. И я приказываю!

— Мне за то не уплочено.

— Ты что, не понимаешь? Если ты и твои люди мне поможете, отец всем даст дворянство! Вы будете богатыми людьми!

Видимо, после плена у альвов упоминание об опасности юноша воспринимал совсем не теоретически.

— Ты, ваше высоко, уж меня извини, я человек простой, этим вашим дворянским вежествам не учён. Так что, не обессудь, скажу, как есть. Не верю я тебе. Видел я твою благодарность тем, кто тебе жизнь спас.

Юноша вдохнул воздух и будто им захлебнулся. Харран возмущенно вскрикнул что-то, хватаясь за меч; у Доранта отвисла челюсть: конечно, Зарьял и вправду был человек простой и прямодушный, но уж такого он от него не ожидал.

И тут примес тоже повёл себя неожиданно: он густо покраснел и склонил голову; на щеках его ходили желваки. Повисла тяжелая долгая пауза. Зарьял от напряжения был уже не красный, а сизый. Харран явно прикидывал, в кого из его людей первого стрелять. Дорант внимательно наблюдал за наследником.

Тот поднял голову, выпрямился и долго смотрел прямо в глаза Зарьялу. Потом еле слышно выдохнул и медленно произнёс:

— Ты не прав, но я тебя понял. Можешь быть свободен со

своими людьми.

Дорант ещё раз подумал, что парень пошёл в отца и великого деда.

Зарьял выдохнул, подумал и сказал:

— Ты это, прости, если что, ваше велико. Я тебе человека оставлю, больше не смогу: мы тогда раненых до города не довезем.

Он склонился низко перед примесом. Тот сухо поблагодарил и отвернулся.

— Извините меня, благородные господа. Я вынужден вас покинуть ненадолго.

Было видно, что он в глубоком раздумье, хотя для всех, не знающих подоплёки — примес отправился опорожнить мочевой пузырь.

Дорант кивнул Калле, чтобы присмотрел, не мешая. И они с Харраном продолжили планировать дорогу, консультируясь с Зарьялом, хорошо знавшим здешние места.

3

Идти решили тем же путём, что добирались сюда — до озера на юг от болот, потом вдоль южного берега к юго-востоку, до Альвийской тропы, и там разделиться: Красный Зарьял с ранеными — в Кармон, короткой дорогой, а команда Доранта — на восток, по Старокармонской императорской дороге, где людей нынче почти не бывает. Зарьял обещал показать, в каком месте до нее совсем близко.

Схоронили своих погибших. Их стало уже семеро: Талрин, один из людей Харрана, отошёл, так и не придя в сознание. По счастью, почва на поляне была мягкой, и рытьё могилы не заняло много времени. Павших завернули в их собственные плащи, закрыв лица, обмотали, как принято на войне, поясами, и аккуратно опустили в могилу. Подошёл примес Йорре, постоял с застывшим лицом у могилы, пока Дорант читал короткую молитву, потом первым бросил в нее ком земли.

Убитых альвов — их насчитали сорок семь — попросту стащили в узкую лощину на краю поляны и скинули вниз. Закапывать не стали, чтобы не тратить времени: всё равно на поляне Дорант оставаться не собирался.

Когда перетаскивали альвийские трупы, выяснилось, что Асарау из своих пиштолей хауды убил четверых, не потратив ни одного заряда впустую. Не зря он тогда, перед отъездом, сразу потребовал себе морскую хауду. Кстати, оказалось, что он

единственный успел после битвы почистить и зарядить свой огнестрел. Доранту даже стало неловко, и он скомандовал всем заняться оружием и снаряжением.

Пока люди приводили в порядок свои железки, Асарау проскользнул к раненым. Дорант, который на себе узнал, как работает опохве, всё равно наблюдал за ним с интересом, время от времени поднимая глаза от своей четырехстволки, очень и очень неудобной в чистке и уходе. Воин гаррани, прикрыв глаза, водил руками над ранеными, что-то неслышно бормоча. Прочие смотрели на него с недоумением; Зарьял хотел было вмешаться, но Дорант объяснил ему, что происходит. Красный пожал плечами — не очень-то поверил, однако, когда Асарау занялся его ногой, на которую тот уже почти не мог ступить, на выразительном лице простодушного наёмника появилась смесь блаженства, изумления и уважения.

Увечный воин сильно помог легкораненным и немного облегчил страдания тяжёлых. По крайней мере, Сапето, получивший обширную резаную рану брюшины, практически до кишок, утих, прекратил непрерывно стонать и, кажется, даже заснул. Про Чеара Асарау, покачав головой, сказал, что руку спасти не удастся — но это было понятно и так: предплечье практически висело на коже и остатках сухожилия. Асарау усыпил парня, стремительным движением кинжала отрезал руку и как-то по-особенному завернул кожный лоскут вокруг культи. Потом намазал заживляющим бальзамом и умело перевязал. Люди вокруг смотрели на это с удивлением, не понимая, откуда такие умения у калеки; не удивлялся только Дорант, знавший, как готовят воинов гаррани, тем более способных к опохве.

Ласарин, получивший удар копьем по голове, в результате которого треснула лобная кость, лежал без сознания. Асарау сказал, что помочь ему не может: опохве не действует на людей, находящихся в таком глубоком забытье. Нужно, как объяснил он, "встречное движение".

Не торопясь пообедали и стали собираться в дорогу.

По счастью, из лошадей пострадали только три, причём все — от своего же огня: одна пала сразу, двух пришлось прирезать. Дорант велел настрогать конины, чтобы не пропала. Вялить её было некогда — просто отварили в котлах и присыпали солью. Запас еды не бывает лишним. По крайней мере, несколько дней можно будет не трогать то, что брали с собой.

Для тяжёлых и тех раненых, кто не мог идти, соорудили пять носилок, подцепив каждые к двум лошадям. Остальных оседлали-навьючили, проверили, не забыто ли что, нужное собрали, ненужное прикопали…

Во время всей этой суеты Дорант поглядывал на примеса Йорре. Тот слонялся по лагерю, не зная, чем заняться, и был этим, очевидно, недоволен: чувствовал себя бесполезным. Если б на его месте случился ровесник попроще, даже и из дворян, его бы быстро пристроили к делу: подай-принеси-подтяни-закрепи… Но имперского примеса, естественно, припахать постеснялись. Прятали глаза, когда он оказывался рядом, но с любопытством разглядывали в спину: ещё не привыкли. Доранту понравилось, что парень внимательно смотрит, кто, как и что делает: была надежда, что он учится.

Наследнику выделили лошадь, и он принялся сам её седлать, причём было видно, что парень к этому приучен и делать умеет хорошо. Так же привычно обращался он и с оружием. Ну, что удивительного, это умеет любой дворянин в его возрасте. Было странно, что примес не умел самостоятельно одеваться. Видимо, придворный этикет требовал, чтобы его одевали слуги.

Наконец, они покинули поляну. Было уже сильно после полудня. В пути примес молчал и о чём-то думал. Дорант от скуки попросил Асарау подучить его ещё альвийским словам. Каваллиер, кстати, не уставал удивляться тому, как искалеченный воин умело и легко едет верхом — а более всего, тому, как он забирается на лошадь. Все-таки гаррани — удивительные люди, — думал Дорант, гордясь тем, что не чужой этому народу.

До темноты сумели пройти вёрст[35] десять, по ощущениям Доранта. Встали на ночь. Дорант расставил дежурных. Поужинали и снова воспользовались амулетом Красного Зарьяла.

Каваллиер распределил дежурства до утра и завалился спать.

4

Перед рассветом его разбудили сторожить; он посетил кусты, наскоро ополоснул лицо и руки из фляги, прихватил кусок хлеба со вчерашней вареной и присоленной кониной и уселся спиной к тлеющему костру, оглядывая постепенно светлеющий вокруг него лес. Он не столько смотрел, сколько слушал. Лес был незнакомый, но во всяком лесу есть звуки привычные, естественные, а есть ненормальные, тревожащие. Звуки или, наоборот, внезапная тишина. Сейчас всё было по всем признакам спокойно.

Поднялся примес Йорре. Дорант деликатно смотрел в другую сторону, краем глаза наблюдая, как парень мучается с одеванием. Ему явно не хотелось снова быть объектом скрываемых насмешек.

Поскольку для него подобрали одежду не парадную, а походную, справиться с ней ему удалось. К удивлению Доранта, тщательно застегнув камизет, примес тут же расстегнул его и снял, вытащил из ножен меч и принялся делать упражнения. Ещё очко в его пользу.

Когда лес осветился, каваллиер скомандовал лагерю подъем. После обычной утренней суеты двинулись дальше.

Дорант ехал в голове их небольшой колонны. Тыл охранял Харран. Красный Зарьял, которому, при регулярном внимании Асарау, уже не так мешала раненная нога, держал середину, где были сосредоточены носилки. Два человека, меняясь, двигались по бокам колонны — где можно было проехать на коне; в заросших местах они спешивались, и тогда колонна замедляла движение. Дорант не хотел рисковать, всё-таки они ещё не оторвались от Альвийского леса. Он не знал, что на поляне были выбиты практически все наличные воины клана, другие ушли в походы ещё до событий, и нападать на них, в сущности, некому; разве что мог подвернуться случайный отряд другого клана. Но те вряд ли стали бы атаковать хорошо вооруженных людей, готовых к отпору.

Так они и двигались, без приключений, чему каваллиер сильно радовался.

На третий, что ли, день пути примес выдвинулся в голову колонны и молча поехал рядом с Дорантом. Каваллиер скосил на него глаза, но не сказал ничего. Захочет — сам заговорит, а кто я такой, чтобы болтать с наследником престола?

Парень ему скорее не нравился, хотя Дорант начал его уважать. Примес смотрел на людей свысока, ни с кем не разговаривал, кроме Харрана, да и к тому обращался формально-вежливо, лишь тогда, когда ему было что-то от него нужно. На привалах явно ожидал, что ему будут прислуживать — подавать еду, приносить воды для ополаскивания, и тому подобное. И пришлось организовать, чтобы ему прислуживали; впрочем, люди отнеслись к этому с неожиданным пониманием — всё-таки наследный примес Империи. Доранту это было непривычно. В походах, если шли малой группой — например, на охоте — не принято было подобное, и какой-нибудь дука или комес не считал зазорным сам подойти к котлу и подставить миску, чтобы дежурный по кухне налил варева. Вообще каваллиер и воспитан был иначе, и за самостоятельную жизнь привык к другому отношению к воинам своего отряда: он опекал их, как родню, хотя при необходимости был строгим, а то и жёстким командиром. Поговорить, пошутить на привале с воинами, участвовать в общей работе — это было для Доранта нормально,

как и отругать, и наказать, если было за что.

Примес же не просто держал людей на дистанции (что разумно между командиром и подчиненными), а отстранялся от них, показывая, что они ему не ровня.

На вечерних привалах Дорант и Калле рассказывали остальным байки из своей жизни. Их слушали с интересом и любопытством, в том числе Харран, который многое из этого уже не раз слышал. Наследник сидел в стороне и в общих беседах не участвовал, но уши грел, что было заметно иногда по непроизвольной реакции, вплоть до совершенно конского ржания, на отдельные истории.

Как-то попросили Асарау рассказать о себе побольше. С помощью Доранта, выступившего переводчиком, тот снова коротко поделился своей историей, которую все уже слышали ещё по дороге в лес. Его стали просить о подробностях, и он неожиданно увлёкся: вспомнил детство в поселке гаррани, воинскую учёбу с шести лет, как у него обнаружили способности к опохве, службу в охране караванов… Только про битву с альвами и плен не стал много говорить, ограничился сухими фактами.

Примес после этого стал смотреть на Асарау с заметным уважением.

Теперь наследник всё время ехал в голове колонны рядом с Дорантом, по-прежнему не заговаривал, но внимательно прислушивался и присматривался к тому, как каваллиер отдает распоряжения, как он пытается говорить по-альвийски и болтает на гаррани с увечным воином, приглядывался к тому, как Дорант осматривает местность…

Наконец, они добрались до Альвийской тропы. Дорант и Харран стали прощаться с Красным Зарьялом. Тот оставил с ними Шукра, молчаливого могучего коротышку с длинной седеющей бородой, прекрасного стрелка и неплохого мечника. Дорант вручил Зарьялу оговоренный остаток платы; он чувствовал себя неловко, поскольку в другое время выдал бы дополнительно по десятку золотых на каждого погибшего и раненого, но сейчас деньги надо было беречь: неизвестно, сколько придётся потратить в дороге, а пресловутый медальон лучше лишний раз не светить.

Зарьял, тем не менее, выглядел вполне довольным. Они обнялись на прощание, и отряды разделились.

Наконец, заросшая Альвийская тропа закончилась, и Дорант с передовым охранением вывалились на мощёную Императорскую дорогу — императорскую потому, что она считалась принадлежащей короне, и никто не смел ни строить без разрешения что-либо на её протяжении, ни собирать за проход

пошлины.

Дорант огляделся и прикинул, в какую сторону двигаться. Выходило, что им к югу, то есть направо. Там через три-четыре сотни вёрст ждало их побережье с тремя малыми портами, а ещё верст через семьсот — они могли выйти и к столице Марки, Акебару. Только Дорант туда не собирался.

По императорской дороге они двигались куда быстрее, чем по старой Альвийской тропе. И сам путь был лучше — не заросшей колеёй, по которой когда-то кто-то ездил, а мощёной двухпутной дорогою, где две телеги могли разъехаться — хотя местами и мостовая, и обочины заросли кустарником, но нигде не до непроезжего состояния. Дорант радовался, что небольшому отряду можно нормально ехать, не выставляя боковое охранение.

Сам он трижды в день чистил и перезаряжал свою четырёхстволку и весь остальной огнестрел, и контролировал, чтобы то же делали все остальные. Особое внимание уделял он свежести пороха на полках.

В том числе и примес Йорре — который перезаряжал свою пиштоль без напряжения, и как бы даже не с удовольствием, на каждом привале. К тому же примес начал брать уроки фехтования у Харрана — с молчаливого согласия Доранта, который, казалось бы, не вмешивался почти ни во что, но на самом деле контролировал всё и вся.

Меж тем заморосили дожди, как всегда в этой местности и в начале этого сезона мелкие, но долгие. Влага сыпалась с неба как по расписанию, дождь начинался часа через два после полудня и шел почти до темноты. Дорант тихо радовался тому, что им не ехать по восточной дороге, через горы: там уже дней через пять лошади будут вязнуть в жидкой грязи по бабку.

Они останавливались на долгий привал ежедневно днем и вечером. Вечерний привал заканчивался рано утром, когда только-только поднималось светило; дневной Дорант назначал в разное время, стремясь натренировать своих немногих людей, чтобы ими управлял не желудок, а необходимость. Старался, правда, делать отдых сразу после начала дождя, чтобы проехать посуху подальше.

Дорант не слишком спешил, чтобы не устали ни люди, ни кони.

Глава 18. УАИЛЛАР

1

Никто не сравнится в лесу с аиллуэ, желающими скрыться от чужого взгляда. Они взяли быстрый, но не утомительный темп, надеясь, что искать их сразу никто не будет. И уже минут через пять круглоухие, даже если бы и хотели, никогда не сумели бы их найти.

Тем не менее, они бежали ещё довольно долго, путая следы. Аолли держалась рядом со своим аиллуо, не задумываясь, куда они направляются, а он радовался этому, потому что отвечать на неизбежные вопросы — зачем путать следы, уходя от многокожих, которые по следу ходить не умеют — ему очень не хотелось.

Наконец, они остановились на краю знакомой Уаиллару укромной поляны, где бил чистый ключ и росли дикие лолоу.

— Передохнём, — сказал Уаиллар. — Теперь нас не найдут.

Вряд ли кто-то из оставшихся воинов клана стал бы их преследовать: начать с того, что никто не знал, что Уаиллар поблизости. Могли узнать по следам в посёлке — но слишком мало прошло времени, чтобы организовать погоню. Да и некому, скорее всего, было её организовывать после смерти Великого Вождя и разгрома отряда, напавшего на многокожих.

Они напились холодной и чистой воды, слегка утолили голод подсохшими уже на ветках плодами лолоу — сезон их заканчивался — улеглись, вытянув тела так, чтобы соприкасаться по всей длине, и прижались друг к другу щеками.

— Я знала, что ты придёшь за мной и спасёшь меня. Я ничего не боялась, пока не появились наши и не начался этот грохот… Сначала, когда наши напали и начали убивать круглоухих, я обрадовалась: подумала, что тебе всё удалось, сработал твой план, и вот сейчас меня освободят, отведут в посёлок и всё будет хорошо…

Уаиллар содрогнулся, только сейчас сообразив, что это было вполне возможно — и тогда уж точно ему больше никогда не пришлось бы видеть Аолли — и никогда больше не пришлось бы попасть в свой аиллоу и снова стать одним из народа аиллуэ. Он не смог бы никому объяснить, как получилось, что план его оказался нелепым, жену его нашли и вернули другие, а он — убил её отца, Великого Вождя, перебил и увел пленников, которые были предназначены для столба пыток, и даже не участвовал в сражении.

— Потом был этот гром, и дым, и вонь… И воины стали умирать, даже не успевая подойти к врагу… И мне стало страшно. Я подумала, что и ты там, среди них, — каждое её слово резало его больнее, чем нож или копьё врага. — Потом всё кончилось, круглоухие ходили по поляне и добивали наших воинов… Я испугалась, что и ты тоже умер, и я так и останусь среди смердящих круглоухих, не говорящих на языке разумных… И тут я увидела тебя… Я думала, что у меня сердце выскочит из груди, я чуть не умерла там на месте от счастья… Но теперь всё позади, мы вместе, мы не расстанемся больше — правда ведь, мы больше не расстанемся? Мы вернемся в наш ааи, и всё будет как раньше. Я уже придумала, как говорить со стеблями и лианами, чтобы сделать уголок для нашего малыша.

Его мышцы напряглись, как будто он готовился к удару.

— Что случилось, мой воин?

Как важно и как трудно говорить!

— Мы не сможем вернуться в наш ааи. Мы не сможем вернуться к нашим аиллуэ. Нас не примут.

— Как не примут? Как посмеют не принять тебя, героя, и меня, дочь Великого Вождя?

— Великого Вождя больше нет. Я… убил его.

Аолли отодвинулась и посмотрела на него странным взглядом:

— Повтори. Повтори, что ты сказал.

— Я убил твоего отца. Я не хотел. Так получилось. Я защищался, — с каждым словом она отодвигалась всё дальше; взгляд её становился всё холоднее.

— Я не всё тебе сказал, — Уаиллар словно рухнул в пропасть. Не было и не могло случиться ничего хуже, чем то, что уже случилось, и будь, что будет. — Твой отец лишил меня имени и произнес слово, чтобы меня убили, если я вернусь без тебя. Я пришел к нему в ааи без тебя, я хотел просить его разрешения, чтобы собрать воинов и напасть на круглоухих. Он не стал меня слушать. Сразу схватил копьё и хотел ударить. Я… я воин, понимаешь… хорошо обученный воин… Когда меня хотят ударить копьём, я не думаю, я действую — иначе давно бы умер…

Она поняла. И отшатнулась, отстранилась от него ещё сильнее.

Повесила голову. Уши опустились и прижались назад, как в бешенстве или растерянности. Глаза, опущенные к земле, сузились в щёлки, как от большого горя. Его любимая не хотела его видеть, его любимая страдала.

Но надо было договорить до конца, раз уж сказано было главное.

— Нас не примут в нашем аиллоу. И ты знаешь, что для аиллуэ из других кланов я — враг, которого надо убить, а ты — добыча. Нам нельзя к нашему народу. Ни к кому, никогда.

Он тяжело вздохнул и сказал, выдохнул, выплюнул то, что не хотел бы говорить никогда:

— И я не знаю, что нам теперь делать.

Аолли долго тяжело молчала. Потом подняла на Уаиллара глаза, полные горя:

— Уаиллар, мой аиллуо, муж мой, отец моего нерожденного ещё ребёнка! Я дала тебе клятву перед Великим Древом, и я выполню её, потому что аиллуэ не нарушают клятв. Я буду с тобой, пока мы оба живы. Но сейчас я прошу: отойди и дай мне подумать, потому что мне трудно видеть тебя.

Она снова опустила голову.

Прошло время, которое показалось Уаиллару бесконечным.

— И ты прав, муж мой: ничего никогда уже не будет так, как раньше…

2

Они долго еще сидели, не двигаясь, у чистого ключа. Уаиллар смотрел на Аолли; Аолли смотрела в сторону. Её уши были по-прежнему опущены, спина согнута. Было невыносимо больно видеть, как ей плохо.

Уаиллар и сам был напряжён и зажат, как уолле, совершивший постыдную ошибку перед наставником. Его, однако, сильно беспокоило то, что они расположились слишком недалеко от аиллоу в месте, известном всем и часто посещаемом. Чем дольше они здесь оставались, тем вернее их бы застал кто-то из аиллуэ, а это могло повлечь очень неприятные последствия. Уйти от преследования в одиночку Уаиллар бы смог наверняка, уходить же вместе с Аолли, когда она в таком состоянии…

Наконец, он решился:

— Аолли, милая, нам нельзя оставаться здесь.

Она вздрогнула и подняла на него глаза. Во взгляде её не было вопроса, она смотрела на него как на чужого, который заговорил на незнакомом языке.

— Если нас здесь застанут, я буду сражаться, пока меня не убьют. Тогда ты станешь лаллуа у какого-нибудь воина, а наше дитя умрет.

Аолли безмолвно поднялась, подобрала какой-то узел (Уаиллар только сейчас заметил, что она всё это время была не с пустыми руками) и вопросительно взглянула на воина.

Он понял и двинулся вперед. За то время, что они провели у чистого ключа, он спланировал в первом приближении, куда им деваться на ближайший день: южнее, на полпути к озеру, было одно укромное местечко, где он как-то три дня пережидал, пока прекратится погоня после того, как он вырезал в одиночку целый отряд из другого клана. Там была вода, правда, не такая чистая, как в ключе — отдавала болотом, там было, что поесть — росли арраи и лэлээллэ, редкие в этих местах, там было укромное убежище внутри купы кустарника, куда можно было пролезть ползком, а потом поговорить со стеблями и прутьями, чтобы закрыли проход…

Идти туда было, если не торопиться, почти до рассвета.

Они шли, стараясь производить как можно меньше шума. У Аолли, занятой неприятными мыслями, это получалось хуже. Уаиллар перешёл в состояние, в котором мог видеть Жизнь вокруг, чтобы успеть отреагировать, если их догонят или перехватят. При этом он напряженно и мучительно думал, что же им теперь делать. Что же ему теперь делать, и как спасти Аолли.

И чем больше он думал, тем яснее виделся ему единственный выход, при котором у них оставалась надежда выжить. И хотя выход этот ему очень не нравился — все другие были ещё хуже: они вели его и их ребенка к непременной смерти, а жену его — в лучшем случае в ааи другого воина, а в худшем — тоже на смерть.

3

Внутри купы кустов было тихо и темно. Солнце ещё не поднялось над вершинами деревьев, но уже осветило их. Заболоченный ручей негромко журчал неподалёку, где тёмная вода его переливалась через подмытый корень старого олоолои. Уаиллар и Аолли успели попить и поесть, после чего воин настоял, чтобы жена его легла отдыхать. Утомлённая тяжёлым и длинным днём, Аолли быстро заснула — или притворилась, что заснула. Уаиллар же так и не мог провалиться в сон, хотя шли уже третьи сутки, как он не спал. Стоило ему забыться, как перед его глазами возникали то Великий Вождь Ллуэиллэ, заносящий на него копьё, то круглоухий калека, пытающийся объяснить что-то важное, то счастливая Аолли, хлопочущая в их ааи, как будто ничего из того, что с ними стряслось, не случалось вовсе, — а то ещё что-то мучительное, от чего сердце Уаиллара проваливалось куда-то вниз — и он тут же просыпался.

В конце концов, когда тени начали уже удлиняться, его всё-

таки сморило, хотя это было больше похоже не на сон, а на потерю сознания.

Проснулся он в темноте, чувствуя себя совершенно разбитым, что было ему непривычно. Аолли рядом не было, и Уаиллар вскочил в ужасе: ушла! Потерялась!

Но тут он услышал, как она плещет водой в ручье, утоляя жажду. Выяснилось, что Уаиллар забыл дышать; теперь он, наконец, выпустил воздух из лёгких, отдышался и попытался немного размяться, стараясь производить как можно меньше шума.

Потом он вышел к ручью и подошёл к жене. Она подняла на него взгляд, полный боли:

— Я почти не спала эту ночь. Думала, что же будет с нами, и что нам делать. Я не хочу в лаллуа, я не хочу, чтобы наш ребёнок умер, я не хочу другого мужа. Я выбрала тебя, когда ещё была слишком мала, чтобы рожать. Мне трудно с тобой сейчас, но другого аиллуо я не хочу.

Душу Уаиллара будто омыл тёплый источник; он открыл было рот, но Аолли прервала его:

— Мы всё равно ведь умрём? Я сколько ни думала, не увидела нам пути, чтобы не вёл к смерти. Одним нам в Лесу не выжить, особенно когда появится маленький. Да и обязательно кто-то наткнётся, где бы мы ни устроились. Если только уйти совсем на север, к снежным горам — но, говорят, и там живут аиллуэ.

— У нас есть выход, — сказал Уаиллар, — но он может тебе не понравиться. Нам надо уходить к многокожим, у которых ты была в плену.

Она посмотрела на него как на безумца. Потом в её взгляде начало проявляться понимание.

Уаиллар поспешил добавить:

— Тот многокожий, который отпустил меня в Лес. Он поступил как воин, он сдержал слово. Он не был к нам враждебен, он нашёл для тебя пищу, когда ты была в плену. Он не обижал тебя, пока вы добирались до Леса?

Она сделала отрицательный жест.

— Ну вот. Мне кажется, он не прогонит нас, особенно если мы сможем быть ему полезны. А мы сможем, по крайней мере, в Лесу и около него. Мы лучше видим, лучше слышим, лучше обоняем и чувствуем Жизнь. Мы предложим ему свою охрану, особенно от других аиллуэ.

— Но если многокожие потребуют, чтобы мы показали им дорогу в наш клан…

— Мы скажем, что они убили всех воинов, и клана больше

нет. Скажем, что в таком случае все уходят в другие кланы, и наш аиллоу всё равно пуст.

— А что будет дальше?

— Мы выживем. Мы постараемся привыкнуть к многокожим. Мы поживём с ними — может быть, получится хорошо, и тогда можно будет жить с ними долго. А там Великое Древо подскажет, что нам делать. Главное, чтобы жива была ты, и чтобы жив был наш ребёнок.

Аолли тяжело вздохнула:

— Тогда пошли, нам надо как можно скорее отыскать их следы.

Вот за это он и любил её больше собственной жизни.

4

Найти в Лесу след отряда многокожих — задача для уолле, впервые вышедшего на охоту. Сложнее было идти так, чтобы не попасться на глаза никому из аиллуэ. Но по какой-то удивительной причине за несколько дней, что они шли в относительной близости от своего поселения, им ни разу не встретились даже свежие следы соплеменников. Уаиллар даже начал опасаться, не угадал ли он, и не погиб ли весь клан — хотя там, на роковой поляне, было чуть больше половины всех его воинов.

Он знал, что Оирраэ с десятком аиллуо отправился за женщинами в клан Уллиэр. Он не знал, что Великий Вождь Ллуэиллэ послал второго, последнего военного вождя племени, Ллаэри, еще с парой десятков воинов вслед за Уаиллaром — подстраховать, если у того получится, или убить, если нет, и тогда самим попытаться вытащить Аолли. Они разминулись, потому что воины пошли в обход озера, решив не переплывать его залив, как сделал Уаиллар на пути и туда, и обратно.

Так что в клане осталось всего несколько аиллуо, и те были сейчас в полной растерянности, узнав о гибели Великого Вождя и большинства воинов. Те сорвались в бой, как только к Великому Древу прибежал гонец с вестью, что на известной всем поляне появились круглоухие. Великий Вождь Ллуэиллэ недооценил численность противника, поскольку гонцом был мальчишка, только что получивший имя, у которого не хватило терпения дождаться, пока круглоухие расположатся на поляне, и посчитать их. Поэтому Великий Вождь совершил одну из последних в своей жизни ошибок: решил, что имеет дело с очередной партией охотников, которых альвы уже приловчились гонять, и не

возглавил поход, несмотря на то, что ему доложили, что круглоухие зачем-то привели его дочь. Воины же, в отсутствие опытного военного вождя, накинулись на круглоухих скопом, без плана и подготовки.

И погибли.

Так или иначе, Уаиллару и Аолли удалось встать на след многокожих и двигаться по нему без препятствий. Они шли очень быстро, держа такой темп, который только могла вынести Аолли, и тратили минимум времени на отдых и сон. Поэтому довольно скоро они дошли до края леса, где когда-то многокожие раскопали узкую полосу земли и заложили её расколотыми камнями. Аиллуо клана иногда добывали там круглые уши и пленников для столба пыток, перехватывая редкие группы многокожих, двигавшихся по камням пешком или на своих испорченных животных. Но нужно было долго караулить, и часто воины уходили ни с чем, так и не дождавшись добычи.

Здесь, судя по следам, многокожие разделились. Большая часть ушла в сторону аиллоу, где Уаиллар с Аолли были в плену, меньшая — двинулась по каменной полосе в сторону сильной руки[36].

В меньшей части были те, кто был нужен. И уолле, им возвращённый. Прошло всего несколько дней, и запах ещё держался — такая-то вонь, ещё бы!

Из осторожности, да и просто чтобы не стереть ноги, Уаиллар решил двигаться вдоль полосы битого камня, а не по ней. Многокожие шли прямо по полосе, на своих испорченных животных. Они не гнали четвероногих, так что у воина не было сомнений, что даже щадящим Аолли ходом они скоро догонят свою цель.

Через пару дней это и случилось. Была ночь; многокожие устроились на небольшой поляне, разведя небольшой огонь, который ко времени, когда аиллуэ пришли к нему, впрочем, уже прогорел и потух. От него горько несло дымом и страшным запахом горелой плоти. Старший из многокожих, с которым Уаиллар договаривался об освобождении Аолли — воин про себя назвал его Старым вождём, хотя по виду тот и не похож был на пожилого, каких случилось изгнаннику видеть в аиллоу многокожих, — так вот, Старый сидел спиной к огню, держа своё оружие под рукой и время от времени внимательно оглядывая полянку. Ну, это он думал, что внимательно оглядывает — Уаиллар лежал на земле в десяти шагах от него и, в принципе, держал его жизнь в своих руках.

Потом к Старому подошёл проснувшийся уолле, и они завели неторопливый разговор, бурча и ухая на своём грубом языке.

Уаиллар с изумлением сообразил, что, не разбирая речи, понимает, что уолле чувствует себя виноватым, а Старый им недоволен. Потом уолле что-то долго бормотал, и отношение Старого к нему вдруг изменилось. Они обменялись еще несколькими фразами, причём Старый чему-то удивился, а потом уолле опять открыто показал слабость, но Старый, вместо того, чтобы наказать, коснулся его плеча рукой и буркнул что-то явно утешительное.

Потом постепенно проснулись остальные и начали собираться, делая множество лишних движений и совершая действия, не очень понятные Уаиллару. Он подумал, что лучше бы они омылись в ближайшем водоёме: довольно глубокая речка текла отсюда шагах в трёхстах. Но многокожие предпочли вонять потом, грязными ступнями, мёртвой кожей, животным и растительным жиром, обожжённым камнем и ещё чем-то, что Уаиллар не мог определить — но знал уже, что это имеет отношение к их громотрубам.

Отверженный аиллуо дождался, пока круглоухие собрались и тронулись в путь, и оттянулся назад, к Аолли, которая тем временем собрала для них обоих плоды на завтрак. Он быстро привёл себя в порядок в речке, потом они поели и снова пошли по следу.

Уаиллар время от времени входил в состояние, при котором мог чувствовать Жизнь вокруг. И вдруг почувствовал чужих, по рисунку Жизни — многокожих. На самом краю восприятия, довольно далеко впереди. А ещё там чувствовались их копытные, много.

Воин очень тихо попросил Аолли следовать за "своими" многокожими, не привлекая их внимания и не опережая, что бы ни случилось: "Я дам тебе знак, когда можно будет подойти".

И двинулся вперед, туда, где находились чужие.

Эпилог

1

Мигло Аррас, доверенное лицо Светлейшего дуки Сенъера из Фломской Ситы во всей Заморской Марке, встал рано, потому что толком и не спал всю ночь. Как схватило коренной зуб сзади сверху слева за ужином, так и не отпускало. Будто острое костяное шило воткнули в челюсть. Чиновник лёг в постель и даже задрёмывал, но сны снились ему такие, что он быстро просыпался. Вскакивал, полоскал рот сначала содой, потом ромом. Потом стал ром проглатывать, хотя обычно крепкое не пил вовсе: не при его работе. Прикладывал ещё с вечера нажёванную ветку каллуары, да без толку.

Не вовремя всё это. События идут одно за одним, события важные, для Империи критически важные — а он не в форме с утра. Надо бы, конечно, к зубодёру наведаться, но это ж полдня, да и страшно, если быть с самим собой честным. Можно выпить настойку наарайна[37], она уберет боль — но что при этом привидится, и как под ней дела делать — бессмертные лишь знают.

Но надо за дела браться, раз уж всё равно не до сна. Так хоть от боли отвлечешься.

Самое важное из дел — примес Йорре. После странной гибели старшего брата он стал единственным прямым наследником престола Империи, что при смертельном недуге Императора внезапно приобрело актуальность. И тут его обманом вытащили из дворца и увезли в Заморскую Марку — через океан, на утлом курьерском суденышке! Что за безответственность! — люди из дома Аттоу. Второго по знатности и первого по богатству дома Империи, дома, который ещё так недавно развязал — и проиграл — усобицу, едва не погубившую государство. Дома, который, несмотря на проигрыш, сохранил все амбиции, и четверть века уже потихоньку протаскивал своих на важные посты.

Дома, который добился, что Император вынужден был отдать свою сестру примессу Масту в жёны главе рода — дуке Долору из Аттоу, человеку безгранично честолюбивому, хитрому и способному. На всё способному.

Похищение примеса давало дому Аттоу возможность, буде Император умрёт, навязать себя в регенты при четырнадцатилетнем Йорре. И править своей рукой, прикрываясь

его именем. А там…

В Марку его затащили, конечно, потому, что здесь вице-королём — двоюродный брат дуки Долора. Человек спокойный, мудрый, прекрасный правитель. Но — близкий родич.

Империей правит Император. Он определяет политику, объявляет и прекращает войны, назначает и снимает высших. Но низкими, практическими делами уже много десятилетий рулит канцлер, Светлейший дука Санъер, человек происхождения низкого, но ума высочайшего. Человек, которого дом Аттоу ненавидит, потому что Светлейший финансы держит крепкою рукою, не позволяя высшей знати излишних с ними вольностей. И потому, что Светлейший покровительствует купечеству, промышленникам и тем из благородных, кто не гнушается на своих землях заниматься хозяйством и торговлей, увеличивая доходы государства. И — главное — потому, что власть высшей знати, а дома Аттоу в особенности, Светлейший успешно ограничивает, доводя до Императора всё, что тому нужно знать, и в том числе то, что дом Аттоу не хотел бы, чтобы дошло до Императора.

Светлейший на всех имперских землях сплёл густую сеть, через которую собирает сведения о самых мелких событиях — и воздействует на них до того, как они успевают превращаться в важные или начинают угрожать благополучию Империи.

Но не всегда всё идет у него гладко, как показал нынче случай с похищением примеса Йорре. Перехитрили его Аттоу.

В Марке они из местной столицы отправили шесть отрядов, и в каком из них был примес — узнать не удалось. Шесть одинаковых карет с занавешенными плотно окнами, шесть одинаковых групп всадников, шесть комесов из дома Аттоу — по одному во главе каждого отряда.

Мигло Аррасу пришлось тоже отправить шесть отрядов: четыре из своих людей, да два наёмных, из местных шустрых дворян, на которых было чем ему надавить. Своих в столице было у него немного, притом случилось зачем и до этого разогнать большинство по городам Марки. Аттоу воду мутить начали заблаговременно, и только потом стало ясно, почему в разных концах Марки в одночасье стали происходить случаи, требовавшие быстрого вмешательства службы Светлейшего.

По счастью, недели три назад один из наёмных, каваллиер Дорант, прислал из Куамота птицу с запиской, в которой говорилось: "Иду по следу. След верный". Мигло с облегчением отозвал остальных; почти все его люди уже вернулись в Акебар и уже взялись за другие дела.

Чиновник с кряхтением уселся в кресло перед громадным

письменным столом, заваленным бумагами так, что только в самой середине было расчищенное место для одного-единственного документа, с которым Мигло работал в данную минуту. Он брякнул колокольцем, вызывая слугу. Тот, не спрашивая, принес кувшин с дымящейся хайвой, тяжёлую глиняную кружку и стакан рома. Осторожно положил рядом свежую веточку каллуары. Посмотрел вопросительно в глаза, дождался отрицательного жеста и безмолвно удалился.

Кентан, старина — как он всё понимает! Тридцать лет вместе, подумал Мигло. Единственный человек, на которого я могу положиться безоговорочно. Остальных приходится держать либо деньгами, либо страхом — за себя, за родных, за благополучие. Есть ещё честолюбцы, с теми проще — знаешь, чего они хотят, и постепенно им это даёшь. Но никогда нельзя быть уверенным до конца: дать-то можешь не только ты…

Люди, люди… коркордил ваш родитель…

Полчаса спустя и пальцы, и рукава халата, и манжеты ночной рубашки Мигло Арраса были уже привычно вымазаны чернилами. Сам он отвлёкся от зубной боли — хоть она и не отпустила совсем, а лишь притупилась от каллуары и рома.

И тут в кабинет, не стуча и не ожидая разрешения, смахнув со своего пути верного Кентана, влетел бледный как призрак Нисогар, таможенник из порта, которого Мигло лет десять еще назад поставил на хлебное место, чтобы контролировать всё, что происходит в порту:

— Ваша милость, пришёл курьер из столицы — "Слава Подателя". С траурным вымпелом! — Выпалил он, даже не успев перевести дыхание.

— Письма были?

— Не ведаю, ваша милость! Его еще в гавань вводят, я как траур увидел — сразу к вам!

— Правильно сделал. Беги в порт, дальше приглядывай! Да будь осторожен!

2

Гильдмайстер Ронде, всякий раз, как глядел на свою жену, думал, что ему повезло как никому из тех, кого он знал.

Люди его круга женились обычно на деньгах или титуле. Как выглядела и как относилась к мужу женщина, которую они брали в жёны — их, вообще говоря, не интересовало: были общепринятые правила приличия, были общепринятые умолчания — и пока жена выполняла эти правила и не нарушала умолчания,

можно было считать детей своими законными. Что до эмоционального единения с женой — это никого не интересовало: для эмоций всегда можно найти подходящую женщину на стороне.

Нет, конечно, и среди аристократии, и среди людей его сословия были, причем в количествах, те, кто, будучи сосватаны родителями или необходимостью, находили друг в друге поддержку и привычку, а кто и любовь. Но так, как повезло ему — везло мало кому.

Жена его была не просто красива и знатна, она видела в нём не просто друга и соратника — он был для неё желанным и привлекательным мужчиной, что и она показывала всегда, когда было уместно, и он чувствовал всегда, когда встречался с нею взглядами.

Про постель и говорить нечего.

А уж дочки…

Гильдмайстер очень и очень понимал старую шутку про то, что если у мужчины рождается сын — то мужчина становится отцом. А если дочка — то папулечкой!

Обе дочери вили из него верёвки, в разумных, естественно пределах.

И вот сейчас гильдмайстер с женой обсуждали, что им делать со старшей дочерью. Маисси, естественно, всё рассказала матери про свои чувства к чёрствому и вероломному каваллиеру, которому она готова была всё отдать, и который ею посмел пренебречь.

Родители, давно уже в мыслях выдавшие её замуж за Харрана из Кармонского Гронта — ещё поискать лучшую партию, в их-то захолустье: у юноши в аренде и управлении едва ли не весь Гронт, за вычетом разве самого Кармона и не слишком больших парселов в окрестностях — были, мягко говоря, не рады тому, как повернулось дело. Мало, что дочка после бала довольно резко отказалась принимать Харрана, передав ему через служанку, чтобы он не появлялся к ней на глаза, она ещё, как выяснилось, повела себя со столичным каваллиером так, как не подобает девице из приличной семьи.

Благо, каваллиер поступил как человек благородный и ничем далее не подавал вида, что между ним и Маисси что-то произошло. Более того, он деликатно уходил от общения с представителями семьи Ронде — то ли сознательно, то ли на самом деле оттого, что был чем-то срочным и важным занят.

— Ты бы, Ини, с ней поговорила ещё. Может, всё-таки удастся выдать её за Харрана.

— Она и слышать не хочет. Говорит: мама, мы всю жизнь

знакомы, он мне как брат-близнец, разве за братьев выходят?

— Может быть, со временем?

— Ну ты же её знаешь: упрямая как ты.

Оба одновременно вздохнули. Инира, склонив в задумчивости голову, водила пальцем по скатерти; гильдмайстер, поджав губы, напряженно размышлял.

— Придётся везти её куда-то. Не знаю, как и когда. Гильдейские дела надолго не оставишь, да и не на кого.

— Да, — подтвердила Инира, покивав головой так, как будто перебирала имена — да, собственно, почему "как будто"? Она знала почти все дела Флоана так же, как он сам. Ну, разумеется, кроме тех, которые были не по части Гильдии. — И куда везти?

— Вот и я думаю: если уж ехать с ней куда, так в столицу. Там все-таки связи есть.

— Ну ты же знаешь, Флоан, как родня ко мне относится.

— Так там не одна твоя родня, там и у меня друзья есть. И партнёры, которые мне обязаны.

Инира подняла голову. Мысль съездить в столицу — и явно не на пару недель — ей понравилась.

— А когда?

— Не могу пока сказать. Буду готовить поездку, думаю, что до конца года сможем отправиться.

Он и не подозревал, что будет в Акебаре намного раньше, но один, без жены и детей, и по делам, вовсе не связанным с устройством брака Маисси, а куда более серьёзным — и рискованным.

Дела эти как раз сейчас входили в его жизнь с легким стуком в дверь:

— Да, кто там?

Служанка с извиняющимися интонациями ответила:

— Ваша милость, там пришёл Коггор и спрашивает вас. Вы велели его тут же пропускать.

— Извини, дорогая, боюсь, что это срочно.

— Да-да, Флоан, конечно, мы вечером поговорим ещё.

— Проведи Коггора в малый кабинет, принеси чего-нибудь горячего попить и пирожные. Я сейчас буду.

Коггор был управляющим в одной из факторий Гильдии, той, что находилась в самом Кармоне. Для гильдмайстера он собирал разные сплетни и сведения, которые могли пригодиться в торговле. В основном о местных дворянах и состоятельных людях, для чего у Коггора был бюджет на подкуп их прислуги. Прислуга же практически всех домов регулярно бегала в лавку при фактории, где были самые лучшие сорта хайвы, самые свежие плоды, отличного качества крупы и мука, и любая дичь из

окрестных лесов и полей — коей Красный Зарьял был основным поставщиком, между прочим.

Обычно Коггор приходил раз в неделю, по вечерам. Если он прибежал днём, да днём неурочным — значит, что-то узнал важное.

Так и оказалось:

— Ваша милость, тут интересные дела затеялись, я и думаю, надо бы вам порассказать побыстрее, вдруг что важное.

— Рассказывай, друг мой, я жду.

— Ваша милость, помните — каваллиер этот столичный к Харрану приехал, который потом альву у Зарьяла выкупил?

— Конечно, а к ней ещё самец прибежал из Альвиана.

— Так вот, у Харрана нынче все будто взбесились, по всему городу так и бегают, и каваллиер этот с ними. К наместнику зачем-то заходили, и от наместника Дуилия, которая там в доме приёмов посудой заведует, ну, она ещё замужем за Халеем, помните, тощий такой, он у наместника деньги считает…

— Ближе к делу, друг мой!

— Ну я и говорю: она моей сегодня проболталась, что наместник каваллиеру кучу денег выдал, муж её говорит, почитай, всё золото и почти всё серебро выгребли из казны-то.

— Вот как? — Это было очень и очень интересно, потому что совершенно необычно. Выдать большую сумму из казны частному лицу? Ну, для этого наместник должен был бы почуять весьма значительную и, главное, быструю выгоду. Дорант, конечно же, имеет кое-какое отношение к торговле, но, судя по всему, что знал гильдмайстер, каваллиер не занимался ничем таким, что могло бы сделать быстрый оборот капитала.

Значит, он, скорее всего, действует по поручению кого-то влиятельного, причем поручению секретному (иначе о нём судачил бы уже весь город).

— И что ещё люди говорят про каваллиера?

— А ещё они с Харраном ходили к Красному Зарьялу и наняли его с людьми за хорошие деньги, идти в Альвиан зачем-то. А Федоле стражник, который со шрамом через всю рожу, заходил сегодня в лавку за хайвой, очень уж он хайву хорошую любит, на неё тратит столько, сколько другие стражники на выпивку…

— И снова ближе к делу, друг мой!

— Ну вот, Федоле этот и рассказал, что ночью каваллиер с Харраном и людьми куда-то из города уехали, а с ними закрытый кибит, а кибит этот нарочито днём из-за города привезли. А что в закрытом кибите, Федоле не знает, потому что… ну, это… закрыт он был. Я и думаю, не деньги ли они повезли, может, платить

кому?

— Не вернулись ещё?

— Не знаю. Я, как Федоле ушёл, сразу к вам, ваша милость.

— Хорошо. Ещё что про Харрана и каваллиера узнаешь, сразу сообщай, лучше сам. Вот тебе за труды.

Большой серебряный кругляш скользнул по столу к управляющему и скрылся под его ладонью. Тот вскочил и, кланяясь и пятясь задом, покинул кабинет.

А гильдмайстер остался в недоумении и раздумьях.

Часть 2: Путь из леса

Пролог

1

Когда Уаиллар бесшумно исчез в чаще, Аолли, оглядевшись, сделала то, что сделала бы любая аиллуа, оказавшись в одиночку в незнакомой части Леса: ушла с открытого пространства и постаралась устроиться так, чтобы быть незаметной. Для этого вокруг было более чем достаточно средств — только широколиственных кустов разных видов росло несколько десятков. Аолли скользнула в заросли аололи, чувствуя внутри небольшое свободное пространство. Кустарник согласился передвинуть часть ветвей и повернуть листья так, чтобы полностью закрыть Аолли со стороны дороги.

Устроившись поудобнее, она принялась за самое скучное в жизни занятие: ожидание, сдобренное неприятными мыслями.

Она так и не смогла ещё освоиться с тем, что жизнь её рухнула и никогда больше не станет прежней — хоть и говорила мужу вовсе противоположное. В снах она то что-то рассказывала отцу, то обсуждала с подружками новости, то возилась с соседскими уолле… словом, жила обычной жизнью обычной женщины кланового аиллоу, которой у неё теперь точно не будет. А что будет и как — неизвестно.

Аолли, несмотря на молодость, была умная и много знала таких подробностей об обычаях аиллуэ, которые знают немногие — или о которых не задумываются. Так получилось, что вырастил её отец: довольно редкое у аиллуэ явление, потому что воины нечасто переживают своих жён. Мать Аолли умерла, когда дочь еще не сменила младенческий пух на голове на взрослую шерсть — это происходит в три-четыре года. Тяжелая, неизлечимая болезнь убила её, как ни старались Главная женщина Ауэрра и другие, умеющие разговаривать с больными.

(Потом, когда Аолли пришла уже в брачный возраст, некоторые из женщин воротили от неё носы и сплетничали, что юницу никто из воинов не захочет взять в жёны, коли дознаются, что мать её умерла не родами и не от старости: смертельные болезни, бывает, переходят на детей.)

Так вот, росла она при отце, а он был уже Великим Вождём в это время. И несмотря на это, находил время возиться с дочкой, а не бросал её на соседок, как делают аиллуо обычно — ну, кроме тех редких походов чести, в которых ему не зазорно было принимать участие лично. Да и в остальное время Аолли

старалась быть поближе к отцу, чувствуя себя при нём спокойно и уверенно. Разумеется, в Большой ааи она не пробиралась — но когда отец её вел там дела клана, дочка часто бывала где-то совсем рядом, и поневоле слышала, что и как обсуждали взрослые воины между собой и со взрослыми женщинами.

Поэтому для Аолли почти что не было секретов в том, как устроена жизнь клана, кто и как по-настоящему решает все важные вопросы, как и кто улаживает конфликты… У неё было много поводов подумать о клановых порядках, как и об обычаях народа аиллуэ, особенно тех, что касаются дел семейных.

Глядя на брачные обычаи альвов, можно подумать, что женщины у них не имеют никаких прав: в самом деле, подавляющее большинство браков заключаются умыканием женщины из чужого клана, часто сопряженным с убийством подвернувшихся под руку мужчин — и вовсе не редко это родственники умыкаемой женщины. Затем, приведённая в клан похитившего её воина, женщина какое-то время живёт в его доме в качестве лаллуа, дословно "в ожидании", пока не случится один из трех в году праздников, на которых принято давать брачные обеты перед Великим Древом. Кажется, что мнение женщины никого не интересует, и брак заключается по случайному выбору, с первой подвернувшейся воину инокланкой.

На самом же деле женщины у аиллуэ имеют как бы не больше прав, чем воины, и уж точно их роль в жизни клана важнее: аиллуо-воину только и дел, что ходить в походы чести за ушами, да хвастаться перед другими на площади-алларэ перед Большим ааи и Великим древом, складывая стихи о своих подвигах. На женщинах — собирание съедобных плодов, уговаривание растений при постройке своего дома-ааи, да и утварь в доме у кустов и деревьев выпрашивают они. На женщинах — всё, что касается уолле до получения мальчиком первого копья, а с девочками возятся они и вовсе до их брака. На женщинах — лечение от болезней (раны лечат мужчины).

И на них же, не в меньшей степени, чем на Великом Вожде — соблюдение обычаев, а также запретов-уарро, наложенных старейшинами. Случись кому-то нарушить запрет, и первыми крик поднимут именно женщины, по самой природе своей больше склонные постоянно уделять внимание отношениям и мелким, бытовым действиям окружающих, чем мужчины, и так же постоянно обсуждать их между собой. Мужчина — воин, поэтому он следит более всего за тем, как ведут себя другие мужчины в делах воинских: как совершенствуют свои умения, как держатся в битве или сражении один на один, как справляются с руководством другими воинами, будучи выбранными в военные

вожди, и тому подобное. Воин вряд ли обратит внимание на то, что другие едят или как разговаривают с чужими уолле. А вот женщина…

Да и с брачными обычаями не всё так просто. Отнюдь не всегда, отправляясь за будущей женой в соседний клан, воин надеется на случайную удачу. Гораздо чаще он уже подыскал себе подходящую юницу (или чью-то жену, какая разница). В повседневные упражнения воинов входит, между прочим, тренировка умения подобраться к чужому аиллоу вплотную, а то и проникнуть внутрь, понаблюдать и рассказать об увиденном, а в доказательство показать на алларэ приметную вещь, взятую у чужих. (И обратно: воины учатся охранять свой посёлок, и делается это на полном серьёзе — пойманного чужака ставят к столбу пыток — а ты не попадайся.) Понятно, что юнцы, обучаясь таким образом, и пару себе присматривают. А кто поумнее, и договориться с ней умудряются.

Кстати, пребывание умыкнутой женщины в качестве лаллуа — отражает мудрость многих поколений народа: за проведенные в таком статусе бок о бок с воином месяцы женщина успевает его узнать и к нему привыкнуть — или окончательно понять, что он ей в мужья не годится. Отказавшись дать ему брачные обеты, она переходит как лаллуа к другому воину — и обычно уже по собственному выбору.

(Тут надо сказать пару слов про те самые праздники. Дело в том, что альва готова к зачатию два, редко три раза в год. Этот период длится у неё несколько недель; по обычаю, всё это время муж её должен быть при ней: его даже не позовут в поход чести, это уарро. Старейшие женщины клана, а особенно Главная женщина, умеют разговаривать с организмами молодых аиллуа, сдвигая в известных пределах их "особый период" — как раз таким образом, чтобы приходился он на время сразу после праздника брачных обетов.)

Так что Аолли прекрасно знала все обычаи и отлично понимала, что назад в клан дороги у них с Уаилларом нет, и в других кланах их тоже не ждёт ничего хорошего. Мужа убьют, а её сделают чьей-нибудь лаллуа. Ребенка же умертвят, как только родится, потому что у воина должны быть свои собственные, а не чужие дети. Она не хотела этого. Несмотря на то, что сделал Уаиллар, он оставался для неё единственным близким теперь, когда отца у неё уже не было. Их будущий ребёнок не был для Аолли чем-то безразличным, она вовсе не хотела его потерять из-за следования древним традициям.

Как бы ни относилась она сейчас к Уаиллару (а жгучий лёд, в который его поступок превратил её сердце, не может растаять

быстро), путь у неё — только вместе с ним.

Она долго сидела, почти не двигаясь, погружённая в мрачные мысли, пытаясь представить себе их жизнь вне клана — и тем более у многокожих, таких чужих и неприятных — как вдруг перед ней появился Уаиллар, возбуждённый и сосредоточенный, с двумя парами круглых ушей на гибкой ветке вокруг шеи.

— Пойдём, — сказал он, — надо догонять наших многокожих.

2

Когда к примесу Йорре пришли важные, но обходительные вельможи из первых людей дома Аттоу и пригласили познакомиться с Заморской Маркой, землей, в Империи почитаемой как место дикое, романтичное и богатое, он прежде всего удивился. Никто раньше не уделял ему особенного внимания: младший принц без шансов на наследование, он не был интересен никому. Жизнь при дворе, однако, давно научила его — благодаря прежде всего Сетруосу, приставленному к нему отцом дворянину — искать настоящие причины поступков окружающих; и кто бы догадался, что подросток умеет наблюдать, слушать и анализировать то, что происходит вокруг? Он, однако же, начал делать это, когда ему было лет семь-восемь, не больше — ценой огромных разочарований и осознания, что в жизни есть место предательству.

Впрочем, гадать тут было особенно незачем: странная гибель старшего брата сделала Йорре наследником. Так что парень списал визит и внимание Аттоу на естественное желание могучего Дома завязать хорошие отношения с будущим Императором.

Смущало только, что он не получил от отца ни одобрения, ни запрета прогулки за океан. Впрочем, пришедшая вместе с представителями Аттоу тётушка заверила, что с Императором поездка согласована.

И Йорре не устоял перед искушением увидеть больше, чем было доступно ему за все его немногие годы.

Дорога была длинной, но приятной: спутники обращались с примесом Йорре почтительно, как никто и никогда в его жизни. Во дворце относились к нему внешне вежливо, но с плохо скрытым пренебрежением — примес не наследовал, его ожидала женитьба на какой-нибудь дочери какого-нибудь из окрестных властителей, тоже без особой перспективы занять важное место во власти. Удел младших сыновей — охота, балы, скучные

развлечения малого двора, при желании — воинские упражнения и почти никогда — воинская служба. Кто же допустит командовать войсками человека, у которого есть хотя бы эфемерные права на престол…

Воспитатель Сетруос тоже не стелился в почтении, но это было другое, это был близкий человек, ближе, чем родня. Он мог обращаться с примесом строго, мог ругать, мог вызвать на задушевный разговор, фамильярный и недопустимый с чужими, но он был свой.

Комес Бранку из дома Аттоу, пригласивший Йорре познакомиться с заморскими владениями Империи, вел себя совсем по-другому. Так разговаривали с отцом придворные, допущенные к беседе. Так говорили с дворянами доверенные слуги.

Был переход по океану на быстроходном курьере; был прием во дворце вице-короля — только для избранных, ибо Йорре уехал без письменного разрешения отца; было быстрое путешествие верхом через всю Заморскую Марку: дом Аттоу стремился показать примесу как можно больше. Комес Бранку подробно рассказывал обо всём, что встречалось на пути и вызывало любопытство юноши, а такого было очень много. Марка отличалась от известной примесу части Империи (по правде сказать, незначительной) очень и очень заметно, и климатом, и населением, и пейзажами, и растительным миром.

Немного неприятно было лишь то, что комес явно спешил, не давая нигде останавливаться больше чем на один-два дня и не слушая просьбы Йорре показать что-то, что не попадалось по дороге — например, знаменитые водопады Ессухай, до которых от одной из их остановок было миль семь, не больше. Комес Бранку оправдывался тем, что их могут нагнать посланные отцом гонцы, и тогда Йорре не увидит вообще больше ничего, ибо повезут его обратно в карете и под стражей (уже на приёме у вице-короля стало известно, что Император так и не дал разрешения на поездку и может в любой момент потребовать сына обратно).

Да и Сетруос то и дело предостерегал примеса, чтобы тот не очень доверял окружающим, и в том числе своим спутникам из дома Аттоу, потому что у них есть свои интересы, а в этом мире никто ничего не делает без расчета на выгоду.

Что комес Бранку, что другие сопровождающие говорили с Йорре много, охотно, с почтением — и неискренне. Но не примесу было привыкать к неискренности окружающих. Собственно, с ним в жизни были искренни только Сетруос — всегда, да мать — иногда. В детстве парень этого не замечал,

потом начал чувствовать, а потом появился Сетруос, который научил его понимать людей и различать их истинные намерения.

Чем дальше они ехали, тем глуше становились места, тем реже появлялись города и селения. В Кармоне, который примесу показался скорее деревней, чем полноценным городом, они задержались дольше, чем в других местах. Комес Бранку объяснил, что здесь непросто достать лошадей, и что поэтому придется еще искать носильщиков из дикарей, потому что верховые кони еще найдутся, а вот вьючных точно не хватит на весь багаж.

Через два дня они, однако, выехали. Их и точно сопровождали полтора десятка дикарей, которых Йорре впервые смог наблюдать так близко и так долго. Несмотря на немного другой цвет кожи и черты лица, они не показались ему слишком уж отличными от населения Империи. При дворе приходилось юноше видеть в составе посольств и более странных людей: низкорослых, желтолицых и узкоглазых с Востока, смуглых и крючконосых с Юга, а однажды — и вовсе чёрных до синевы. Он был тогда ещё мал, напугался, и его быстро увели из тронного зала, а потом он всё забывал спросить, откуда они были.

Отряд двигался по мощёной дороге, которая, по мере удаления от Кармона, становилась всё хуже и хуже, и в какой-то момент превратилась в пыльную утоптанную тропу с отдельными вкраплениями камня. Комес Бранку объяснил, что это Альвийская тропа, по которой они срезают много миль вместо того, чтобы объезжать Альвиан по предгорьям. Несколько дней они ехали спокойно, останавливаясь на ночь прямо на обочине: по тропе явно ездили далеко не каждый день, и никто, как думал Йорре, не мог им помешать.

А потом на них напали. Отряд только успел встать на ночёвку, ещё даже шатры не развернули. Откуда-то из сгущавшейся темноты бесшумно вылетели ножи и копья, и комес, по обычаю помогавший Йорре сойти с коня (в чем, вообще-то, не было никакой необходимости, ибо юноша был всадником как бы не лучшим, чем грузный Бранку), упал, хрипя перерезанной глоткой. Конь примеса в испуге бросился прочь — и рухнул, не сделав и трех скачков. Йорре застыл в растерянности; вокруг один за другим валились замертво сопровождавшие его воины семьи Аттоу. Завыли в голос еще живые носильщики, падая навзничь на землю. Сетруос с обнаженным мечом попытался заслонить парня, но откуда-то из-за поля зрения низко и стремительно выдвинулось светлое древко копья, подбив воспитателя под колени; тот еще падал, когда получил тем же древком по голове.

Следующее, что помнил примес — было то, как его и Сетруоса, со связанными запястьями и щиколотками, несут на длинных палках те же самые носильщики из дикарей, что тащили поклажу. Было больно и неудобно; далеко запрокинутая голова растягивала гортань, мешая дышать; узы резали руки и ноги. Эта мука длилась довольно долго. Наконец, их принесли на какую-то широкую поляну, бросили наземь и стремительно и умело срезали всю одежду. Кто-то рассек вязки на руках и ногах, Сетруоса и Йорре подняли за конечности и забросили в просторную клетку, часто огороженную гладкими стволами толщиной пальца в три, которые на высоте четырех человеческих ростов заканчивались пышными зелёными метёлками. Туда же втолкнули носильщиков, и проём в клетке как-то незаметно закрылся.

Затем потянулись дни, полные унижения и физической муки. Спать пришлось на голой земле — что нагишом, мягко говоря, неприятно. Через клетку тянулся ручеёк со свежей водой, но её едва хватало шестерым попить и обтереться, да и то Сетруосу пришлось побить одного из дикарей, чтобы они поняли, что испражняться надо там, где ручеек вытекает из клетки, а не там, где он в неё втекает. Еду давали несколько раз в день, когда вспомнят — фрукты и овощи, как ни странно, всегда свежие и вволю.

Дикари не говорили на имперском, кроме одного, который кое-как мог связать несколько слов. Он и объяснил, к кому в плен они все попали и что их ожидает. На поляне не было ничего, кроме толстенного и высокого дерева незнакомой породы, навеса, крытого широкими листьями, да густых кустов по периметру; напротив навеса стоял ещё серебристый от времени деревянный столб, покрытый ржавыми пятнами — дикари с ужасом показывали на него друг другу.

Тем не менее, на поляне всё время толклись альвы. Было странно видеть, как эти полузвери подходят к растущим вокруг поляны кустам, и вдруг из куста получается удобное даже с виду плетеное сиденье. К полудню под навес приходил рослый альв со шкурой, украшенной шрамами. Рядом с ним располагались еще три-четыре особи. Что там происходило, было трудно понять, но Йорре совершенно уверился, что альвы между собой общаются, и это общение вовсе не примитивное. Они обсудили то, что видят, с наставником. Тот задумчиво сказал, что люди очень ошибаются, считая альвов полуживотными, потому что всё говорит о наличии у альвов сложного и структурированного общества. Попутно он объяснил Йорре, что такое структура общества. К крайнему удивлению примеса, Сетруос заявил, что хотел бы пожить среди

альвов и изучить их.

К клетке постоянно подходили и разглядывали пленников так, как в Империи смотрят на диковинных животных в зверинце. Иногда кидали еду. Альвы помельче — дети, наверное — корчили рожи и что-то выкрикивали. Язык альвов был странный, похожий на мелодичное тремоло, которым горцы подзывают коров на пастбище.

Всё это тянулось и тянулось день за днём, и было бы вовсе невыносимо, если бы не Сетруос, который вдруг устроил Йорре очень интенсивные занятия по самым разным предметам, от математики до политического устройства соседних государств. И спрашивал по пройденному, и ругал за невнимание.

Плен закончился однажды ночью, когда стволы на одной из сторон клетки бесшумно разошлись и впустили крупного альва, который, не тратя ни секунды зря, несколькими экономными движениями перебил дикарей, заколол успевшего только вскочить Сетруоса и вырубил Йорре ударом по голове.

То, что произошло дальше, было совершенно необъяснимо. У альва откуда-то оказалось отцовское кольцо; он долго тащил юношу куда-то на себе — с неправдоподобной скоростью; они остановились где-то в лощинке, перед которой вдруг загрохотали многочисленные выстрелы, перемежающиеся криками и стонами; Йорре попытался выглянуть, получил по голове еще раз и снова отключился.

Потом его подняли, грубо отхлестав по щекам, и выпнули на покрытую трупами поляну.

И там он вдруг оказался среди "своих" — людей, посланных за ним Императором, людей, способных и желающих его защищать, умелых воинов и охотников, почтительных без раболепия, не в пример челяди, да и дворянам Аттоу, которые сопровождали его раньше. Людей простых и не обученных манерам, но умеющих себя обслужить и ничего не боящихся.

Глава 1. ДОРАНТ

1

— Вы ведь тоже не доверяете мне, каваллиер…

Дорант чуть не подпрыгнул. Была его очередь дежурить, и она подходила к концу. Небо над деревьями посветлело; костер давно погас; уже просыпались птицы. Дорант, честно говоря, был на грани того, чтобы задремать.

Примес Йорре подошел бесшумно и опустился на траву рядом.

— Я жизнь отдам за ваше императорское высочество, — ответил Дорант.

Примес покачал головой.

— Вы не доверяете мне.

Он замолчал надолго. Дорант тоже молчал: у него было преимущество возраста и опыта, которое дает возможность легко переносить паузу в разговоре.

Примес, глядя в сторону, заговорил медленно и неохотно:

— Я теперь понимаю, что был неправ. Я поставил вас в нелепое положение. Вы дали слово, я требовал, чтобы вы его нарушили, и слава всем святым, что ваши альвы успели сбежать. Я не хотел бы, чтобы мы с вами были врагами, каваллиер. Я не хотел бы, чтобы вы были злы на меня. Мне многое рассказали. Я понимаю теперь, что именно вы спасли меня, послав этого альва. И что он тоже спасал меня.

Он замолчал надолго. Дорант молчал тоже, потрясённый. На его памяти второй раз человек, облеченный властью и стоящий много выше него по положению, перед ним извинялся.

Примес, сглотнув, продолжил — и было видно, что слова даются ему с трудом:

— Он бил меня. Он бросал мне еду, как скоту. Он убил Сетруоса, даже не глядя на него. Просто ткнул копьем, и тот умер…

Парень перевел дыхание.

— Понимаете… — ему явно было трудно говорить, — отец любит нас всех. Он добрый, но у него много обязанностей и мало времени. Я его видел очень редко. Он готовил Гора в императоры. Гор всё время был при нём, а я… так, младший примес, меня только сбагрить куда-нибудь подальше, чтобы потом старшему правление не портил. Ко мне приставили Сетруоса, когда мне было восемь. Он учил меня всему: и воинским искусствам, и

наукам, и этикету, и охоте… Горгоро учили лучшие в Империи учителя, много. Меня — только Сетруос. Он знал не всё, и он был не лучший во многом, я давно это заметил. Так, средний, может, чуть выше — чтобы не стыдно было потом младшего примеса показывать. Но он учил меня думать…

Йорре осекся и снова замолчал. Дорант вдруг почувствовал, что парню надо промочить горло. Он отстегнул от пояса флягу и молча протянул примесу. Тот вначале взглянул с удивлением, потом поднял глаза на каваллиера — кивнул с благодарностью, принял флягу и ополовинил её длинным жадным глотком.

— Мне кажется, я был для него вместо сына. И он учил меня смотреть на людей и понимать, что они из себя представляют. И чего они хотят на самом деле.

Дорант не удержался от вопроса, который вертелся у него на языке:

— Как случилось, что он не препятствовал вашему похищению?

— Похищению?

— Ну да. Аттоу ведь увезли вас подальше от отца, чтобы держать под контролем, если с императором что-то случится. Пока вы в их руках, да пока вы несовершеннолетний — они будут распоряжаться страной от вашего имени. А потом женят вас на одной из своих…

— Но почему с отцом вдруг что-то случится?

— Отец ваш болен давно и неизлечимо, — произнес Дорант с сожалением. — Это знают доверенные люди. Гибель примеса Горгоро подорвала его силы, он угасает. Он хотел приблизить вас и передать власть за то время, что ему осталось — но Аттоу лишили его этой возможности. Он, через доверенных людей здесь, послал меня за вами. Не только меня, но именно мне посчастливилось вас найти. Разве альв не передал вам письмо?

— Нет, — ответил примес, явно потрясенный услышанным. — Он только отдал мне кольцо, какое дают лицам, которых отец мой наделяет властью и доверием.

Он помолчал ещё, а потом спросил:

— Так Аттоу везли меня показать Заморскую Марку против воли отца?

— Да. Это была их цель. Они здесь могут действовать свободно, в отличие от Империи, потому что вице-король сам из Аттоу.

— Я знаю. Сетруос рассказывал мне про великие семьи Империи. Вице-король — двоюродный брат дуки Долора, что женат на моей тётушке. Его отец — младший брат дуки Сердена, который закончил усобицу с нашей семьей, пойдя под руку моего

отца.

— Так всё-таки — почему Сетруос не воспротивился похищению?

Вопрос был на самом деле глупый: как мелкий, в сущности, дворянин мог препятствовать сильнейшему в Империи семейству?

Примес задумался.

— Так кто же знал, что это похищение? Тётушка Маста призвала меня и сказала, что отец повелел, чтобы Аттоу познакомили меня с Заморской Маркой. Вот теперь я понимаю, что Сетруос всё время пытался мне объяснить, когда мы оставались наедине. Он не хотел говорить прямо. Наверное, опасался, что могут подслушать. Но он всё время внушал мне, чтобы я думал сам и не принимал чужие решения за свои… и чтобы доверял только тем, кого проверил…

Он спрятал лицо в ладонях, и плечи его предательски затряслись. Дорант подумал, что, должно быть, у парня за всю его жизнь не было человека ближе, чем этот Сетруос. И прикинул на себя — как бы он отреагировал, если бы у него на глазах убили кого-то, кто был ему так близок.

Он положил руку на плечо парня:

— Ваше высочество, вы можете рассчитывать на меня и моих людей, что бы ни случилось и что бы ни потребовалось.

2

Императорская дорога, хоть и была вымощена щебнем и булыжником, когда её прокладывали, с тех пор изрядно обветшала. Предполагалось, что кальды и гуасилы ближайших поселений будут следить за дорогой и поправлять её при необходимости; однако же жизнь сложнее, и это делалось лишь в тех местах, где дорогой много и часто пользовались, да в тех, где близко были поселения. Дорант с отрядом ехали сейчас по местам глухим и малонаселённым. Даже на второй день пути по Старокармонской императорской дороге ближайшим от них городом оставался всё тот же Кармон, лежавший сильно в стороне от их цели, а до побережья было ещё дней десять, причем не меньше шести из них никаких населённых пунктов поблизости от пути не ожидалось.

Мостовая была сильно выщерблена, местами булыжник вовсе смыло на обочину. Между камнями там и тут пробивались растения — и часто уже солидной высоты деревца, хоть и толщиною едва в ствол пиштоли. Ни на мощёной проезжей части,

ни на подсыпанных когда-то песком обочинах не было следов человека или коня.

Мокрый лес гасил звуки, и даже по мощёной дороге копыта коней не стучали, а шлепали. Шелест влажных листьев, звук срывающихся капель, крики птиц создавали ощущение полного безлюдья.

Может быть, поэтому Дорант расслабился и потерял бдительность, из-за чего они и нарвались.

За крутым поворотом, огибавшим невысокую скалу, покрытую колючим кустарником, там, где дорога выходила на ровную широкую поляну, их ждали.

На самой дороге, прямо посередине, стоял, уперев левую руку в бок и откинув полы чёрного плаща, армано Миггал, Старший брат, коммандар в Эльхиве. Витой эфес его меча сверкал на солнце, перо белой цапли на черной шляпе сияло. Впечатление несколько портила правая рука, подвешенная на перевязке из чёрной тафты.

По бокам его, чуть сзади, стояли два молодца в таких же чёрных плащах: тоже армано из Странноприимцев, Младшие братья. Они держали каждый по пиштоли, недвусмысленно направленной на Доранта и Харрана, возглавлявших небольшую их процессию. Дальше на поляне, развернувшись веером, вогнутым к центру, были еще две пятёрки, уже не из странноприимных братьев — наёмники, подумал Дорант. Огнестрел был в руках только у четверых, остальные были с алебардами.

Было до них шагов пятнадцать.

Еще один или двое в лесу с лошадьми, — подумал Дорант. — Много.

Четырехстволка, вычищенная и перезаряженная, висела справа у седла. Быстро выхватить не получится. Нас шестеро против тринадцати или пятнадцати. Это если считать с мальчишкой. У них пять стволов наготове. Перестреляют.

Опаснее всех вон тот, коротышка с седой бородой, что стоит слева: у него мшетта на сошках. Но если двигаться быстро, он не успеет её развернуть.

— Так-так-так, — сказал армано Миггал, — вот и вы, наконец. Я пра-авильно вас просчитал: должны были вы пойти именно этой дорогой. И вот вы здесь, и мы здесь.

— Что вам нужно? — Слишком быстро спросил Харран, нетерпеливый по молодости.

— Да ничего, в общем-то. Это вы решите, что вам нужно: остаться здесь навсегда или поехать с нами.

Примес Йорре, ехавший сзади, рядом с Асарау, высунулся

чуть вперед и остановился за леым плечом Доранта.

Эх, не вовремя… Зачем и куда ты лезешь? — Подумал каваллиер, прикидывая, как прикрыться конём от первых выстрелов.

Харран же, грамотно притворяясь недалёким солдафоном, задал вопрос:

— Что вы имеете в виду?

— А вон того, — кивнул армано Миггал в сторону примеса, — дайте нам его прибить, и мы вас отпустим. Или ещё лучше: идите с нами, у вас будут блестящие перспективы!

У Доранта аж челюсть отвисла от недоумения: убить примеса? Зачем?

— Вижу, вы не понимаете, — сказал армано Миггал. — Вы слишком долго шарили по кустам в поисках мальчишки. За это время его папаша умер, благослови его дух святые.

Доранту показалось, что он услышал тихое оханье слева от себя. Но отвлекаться не следовало: надо было тянуть время и искать выход.

— Но регентство… — сказал он.

— Какое ещё регентство? Кому и зачем оно нужно? Этот, — армано снова кивнул на Йорре, — был нужен, пока был жив его папаша, чтобы тот не делал глупостей и не мешал нашим планам. А сейчас он просто досадное препятствие между троном и императрицей.

Императрицей?

Картина стала складываться в голове каваллиера: действительно, по правилам престолонаследия в отсутствие наследника мужского пола на трон могла, при согласии Имперского совета, сесть женщина императорской крови — но таких женщин было две: родная сестра императора, супруга дуки Долора, и родная сестра примеса Йорре, примесса Альтина. В принципе, всё понятно, но проверим-ка…

— Вы имеете в виду примессу Альтину?

Армано расхохотался презрительно:

— Говорю же, вы слишком долго были оторваны от новостей. Её величество королева Фиарии семь недель назад отбыла к своему венценосному супругу, и свадебный обряд уже должен был состояться.

И не успел ещё каваллиер окончательно понять, что все расчеты его, Светлейшего дуки Санъера и его людей были с самого начала построены на неверной предпосылке, как слева от него нестерпимо громко грохнуло, и голова армано Миггала разлетелась красными брызгами.

Дорант тут же вздел коня на дыбы, закрываясь от стрелков; хауда будто сама прыгнула ему в руку. Из четырёх стволов сработали три, четвёртый осёкся: не прокрутилось колесцо. Из трёх выстрелов два попали, свалив правого из Младших братьев и ближайшего к нему наёмника; следующий наёмник успел присесть, и горсть картечи просвистела у него над головой. Но и сам он промахнулся, сбив прицел в движении. Пуля — не картечь.

Наёмник успел схватиться за меч. Доранту не хватало секунд, чтобы вытащить свой, и он отбил рубящий удар стволами хауды. Обратным ходом торцы стволов ударили его противника в лицо, чего хватило бы за глаза, поскольку удар был усилен прыжком коня, но тут сработало, наконец, колесцо, поджегши порох, и выстрелил четвертый ствол — так что наёмник просто лишился головы.

Дорант проскочил за линию, на которой стояли люди армано Миггала, развернул коня и осмотрелся. Над дорогой расплывался густой желто-белый дым. Харран не без труда вылезал из-под убитого жеребца, его меч торчал из горла второго Младшего брата. Седобородый коротышка со мшеттой валялся навзничь в позе, не свойственной живым. Еще один наёмник, выронив алебарду и согнувшись, держался за живот. Рядом с ним другой отмахивался алебардой от Калле, заметно прихрамывая. Асарау озирался с коня, держа стволами вниз две двустволки с дымящимися стволами. Шукра нигде не было видно (потом выяснилось, что конь его понёс, раненный первым же выстрелом — тем же, который убил самого Шукра; их нашли потом неподалёку).

На обочине дороги билась в агонии упавшая гнедая, на которой ехал примес. Сам примес, оставшийся при падении в седле, валялся как тряпичная кукла и был явно без сознания. Последний наёмник занёс над наследником престола алебарду и готов был уже ударить, но вдруг из его груди показалось окровавленное зеленовато-белое остриё альвийского копья.

— Альвы, — подумал Дорант, — теперь нам точно всем конец.

И тут из кустов осторожно, но довольно спокойно вышли те самые альвы: самец и самка, старые знакомые. Хотя для людей все альвы на один образ, эту-то парочку Дорант запомнил и ни с кем бы уже не спутал.

Альв огляделся, а за ним и каваллиер. Калле, наконец, прикончил последнего наёмника: с алебардой можно отмахаться от всадника, но не тогда, когда у тебя картечью вырван клок из

бедра. Альв расслабился, и вместе со своей самкой уселся прямо в придорожную траву, демонстрируя самые мирные намерения. Дорант учтиво поклонился ему, надеясь, что тот правильно истолкует его жест, и занялся неотложным: примесом.

Добив гнедую, каваллиер попытался высвободить юношу, застрявшего в стремени той ногой, которая была под лошадью. Парень открыл глаза и завопил. Только тут он выпустил из руки пиштоль, которую так удачно вытащил, прикрывшись Дорантом от взоров противника. Подъехал Калле, спешился и стал помогать. Под лошадиным боком меж тем быстро растекалась лужа крови.

Когда наследника вытащили, оказалось, что пуля, убившая лошадь, прошла под его коленом, задев кость. Юноша не мог ни согнуть, ни разогнуть ногу и мучился от боли. Асарау, с непостижимой для калеки ловкостью соскользнув с коня, осмотрел рану (Калле успел уже срезать с раненой ноги сапог и штанину).

Судя по выражению лица воина гаррани, рана была плоха.

— Я сделаю, что смогу, — сказал он. — Но я тут могу немного: мое опохве не такое сильное, чтобы лечить такие раны. — И он многозначительно оглядел собственные увечья. — Молодой воин, боюсь я, будет хромать всю жизнь.

Лишь бы выжил, — подумал Дорант, глядя на белое, как бумага, лицо наследника императорского престола.

Впрочем, были еще дела, которыми следовало заняться.

Прежде всего, где-то в лесу оставались не то один, не то два (а может, и три) наёмника, которые сторожили лошадей команды армано Миггала. Поэтому надо было прежде всего привести в порядок оружие, собрать и зарядить огнестрел и поставить кого-то дежурить. Или идти искать? С кем? С Калле?

Тут Дорант вспомнил про альвов.

Те по-прежнему спокойно сидели в траве, не глядя ни на людей, ни друг на друга.

Дорант подошел, с трудом вспомнил услышанные от Асарау альвийские слова и произнес, страдая от необходимости верещать и выворачивать язык:

— Благодарю тебя, воин, и тебя, женщина, за помощь в нашей битве!

Альвы как по команде повернулись в его сторону и воззрились с недоумением. Потом переглянулись — впервые с тех пор, как вышли на поляну — и Дорант поклялся бы, что они с трудом сдерживают смех.

Впрочем, самец непередаваемо изящным движением поднялся и прочирикал нечто, в чем каваллиер услышал два

знакомых слова: воины и битва.

Дорант был в растерянности, поскольку понял, что его знаний языка не хватит, чтобы объяснить альвам, чего он от них хочет. Он обернулся с надеждой к Асарау — а тот уже ковылял к ним на своих изуродованных ногах.

— Объясни им, что тут в лесу остались еще два или три врага, при лошадях.

Асарау защебетал. Альвы снова переглянулись, и самец что-то быстро чирикнул в ответ. Асарау защебетал снова. Альв явственно кивнул, вызвав нескрываемое удивление воина гаррани, и опять полилась его мягкая, высокого тона, очень быстрая речь, похожая на журчание ручья. Он вытянул вперед переднюю лапу — или руку? — В ней были зажаты четыре явно человеческих уха, нанизанных на тонкий гибкий прут, свернутый в кольцо.

— Он говорит, что два воина прятались вон там, за скалой. С лошадьми. Он их убил.

Вот, значит, как. Доранта подспудно беспокоило, что ныне покойный армано не озаботился тем, чтобы перекрыть им путь отступления — оказалось, позаботился. Но резерв нарвался на альвов и потерял жизни — и уши.

Доранта даже не покоробила эта мысль. Честно сказать, его не удивило и то, что знакомые альвы оказались на этой поляне и вступили в бой на его стороне. У него была другая забота, главная: вытащить раненого примеса Йорре. Он пока не думал даже о том, что делать после этого: ведь примес действительно оказался досадным препятствием между дукессой Мастой (и стоящим за ней домом Аттоу) и императорским троном.

Но главное, было одно дело, которое надо было сделать прямо сейчас.

4

Примес Йорре был в сознании. Он лежал на попоне, второпях расстеленной рядом с тем местом, где его вытащили из-под гнедой, опираясь лопатками и шеей на заботливо подложенное седло — снятое с гнедой же.

И смотрел на Доранта взглядом раненого олененка. В этом взгляде была, как показалось каваллиеру, не так боль, как опаска и вопрос. Вполне понятный вопрос, между прочим: ничто не помешало бы Доранту тихо прикопать новоиспеченного императора, сказаться верноподданным незаконной императрицы и жить, как раньше жил.

Эх ты, парень, как же тебя прижало! И как же ты мало, должно быть, видел рядом настоящих людей, которые не меняют своё слово на власть и деньги…

Дорант подошёл поближе и громко, чтобы все услышали, заявил:

— Его императорское величество Лорий Сеамас Третий воссоединился со своими святыми предками! Да здравствует его императорское величество Йоррин Сеамас, седьмой этого имени! На колени, на колени все, и попросим его величество принять присягу от нас первых!

Харран, с недоумением разглядывавший длинную и глубокую царапину на левом боку своей кирасы, Асарау, копавшийся в снятой с коня седельной сумке, Калле, обтиравший коня бывшим плащом своего противника, и даже оба альва — вскинули головы и оборотились к каваллиеру.

А потом до них дошло. По крайней мере, до людей. И даже до Асарау, понимавшего на имперском через два слова на третье.

Дорант с удовольствием отметил, что ни один из оставшихся в его отряде ни на секунду не засомневался: все (кроме альвов, наблюдавших сцену в некотором недоумении) опустились на колени, склонив головы перед бледным как смерть императором.

На лице юноши проступило нескрываемое облегчение, и он зашевелился, пытаясь подняться. Асарау, который был ближе всех к нему, не вставая с колен, неправдоподобно быстро приблизился и помог ему встать.

— Клянемся тебе, император и вождь Йоррин, седьмой этого имени, служить верно и преданно, надёжно и добросовестно, тебе и твоим потомкам, и тем, кого ты нам укажешь, до самой смерти нашей! — Медленно, с длинными паузами, произнёс Дорант древнюю формулу присяги, а остальные, за исключением воина гаррани, не знавшего слов, повторили её вслед за ним.

Асарау, впрочем, кивал и тоже говорил что-то — на своём языке. Дорант не вслушивался, но это и не имело значения: он точно знал, что воин гаррани и без формальной присяги будет верен ему, а значит, и новому императору.

— Принимаю вашу присягу, доблестные воины, и клянусь вам, что буду ценить вашу верность, слушать ваши слова и защищать вас и ваших родственников, как своих!

Парень сумел-таки удивить Доранта: он произнёс ту формулу принятия присяги, которая положена была не простым воинам, и даже не простым дворянам — а высшей знати Империи. По спине каваллиера побежал неприятный холодок: он почувствовал, что за это придётся заплатить — и дорого: жизнь уже не будет такой, как прежде.

И он не ошибся.

— Встаньте, каваллиеры! Встань, Дорант, комес Агуиры! Дарую вам всем привилегию обращаться к императору, не преклоняя колен, и говорить свободно!

Дорант с трудом удержался от недовольной гримасы. Агуира была клочком земли размером с носовой платок у самых стен столицы Империи. Как комита она не значила ничего, дохода от неё получить не смог бы даже самый ушлый моррон[38]. Но комес Агуиры по традиции был одним из ближних императора, имел право постоянно жить во дворце, допускался на заседания всех советов, а главное — ему подчинялась личная охрана императора. Так что его только что назначили на одну из самых завидных должностей в Империи, причём на должность, требующую постоянного присутствия в столице, что никак в планы бывшего каваллиера не входило. Со всеми вытекающими последствиями в виде зависти придворных, ненависти дома Аттоу и обиды нынешнего комеса Агуиры, кстати сказать, четвероюродного дяди Доранта.

Впрочем, учитывая обстоятельства — вопрос ещё, жив ли он, подумал Дорант.

И как отнесется к этому светлейший дука Санъер из Фломской Ситы, весьма ревнивый к чужому влиянию на императора и терпящий нынешнего комеса Агуиры только потому, что тот очень стар, болен и уже ничего не хочет?

Но Йорре ещё только начал, оказывается:

— Каваллиер Харран из Кармонского Гронта! За верность и защиту императора жалую тебя всеми землями Кармонского Гронта и Альвиана в наследственную собственность! Владей ею и распоряжайся во славу Империи!

Тут все, кто понимал, что происходит — то есть все, кроме альвов и Асарау — пришли в полное изумление, и более всего Харран. Земли Марки считались личной собственностью императора, которая передавалась в пожизненное или наследственное владение, или в аренду, но никак не в собственность. Кусок, только что отданный Харрану, был больше пяти из восьми королевств, когда-то вошедших в Империю. Харран, тем самым, по размеру владений как минимум сравнялся с маркомесами, которые по традиции считались первыми среди имперской знати — поскольку предки их были в своё время королями. Больше земель, кроме как у самого императора и троих из маркомесов, было только у дома Аттоу, но именно у дома в целом, а не у кого-то из его членов.

Ещё одно удивительное обстоятельство заключалось в том, что молодой император назвал Харрана каваллиером.

Каваллиерство, собственно, было не более чем почётным званием, которое давали за доблесть — и очень многим. Из преимуществ материальных оно предоставляло лишь право на небольшой пенсион, достаточный, чтобы скромно прожить одинокому холостяку в небольшом городе, если у него нет вредных привычек. Но заодно каваллиер освобождался от любых налогов на любую землю или недвижимость, которая находилась в его собственности — именно поэтому каваллиерство практически никогда не давали дворянам состоятельным, обладателям крупных имений, и их старшим, наследным сыновьям, какими бы ни были их заслуги. Так что Харран, помимо огромных земель, получил сейчас освобождение этих земель от налогов — которое, между прочим, передавалось по наследству. Совершенно беспрецедентная ситуация.

Всё-таки покойный Сетруос хорошо воспитал молодого примеса. Тот очень быстро сориентировался и делал сейчас именно то, что нужно: привязывал людей к себе, выдавая им награды, которыми можно было воспользоваться, только если новый император выживет и доберется до трона.

Другое дело, что награды эти были чрезмерны и создавали для награжденных — да и для империи — источник огромных неприятностей в будущем.

Если бы это было хоть на волос уместно, Дорант сейчас же остановил бы юношу, пока тот не наделал дальнейших глупостей. Но вмешиваться и возражать было не с руки, а уж тем более отказываться от награды, хоть и неудобной, и нежеланной.

— Каваллиер Калле! За верность и защиту императора жалую тебя и твоих потомков дворянством, званием каваллиера, а также землями в наследственную собственность, кои выделит тебе каваллиер Харран из Кармонского Гронта из своих земель, по вашему обоюдному согласию, в том размере, который сочтет достойным твоих заслуг, так, чтобы ты и твоя семья жили в достатке, соответствующем лицу, имеющему личные заслуги перед императором!

Ну, хоть это было правильно. Харран, хотя бы из чувства чести, доброго воина не обидит, а Калле комиту не потребует — он человек скромный и неглупый, ему хватит и деревеньки в пару десятков дворов.

И тут Йорре опять удивил Доранта:

— Каваллиер Асарау, сын Кау, сына Вассеу! За верность и защиту императора жалую тебя, твоих потомков и всё племя гаррани дворянством, а также землями, кои занимает сейчас и сможет занять в ближайшие пятьдесят лет вне пределов земель, закрепленных за Империей, племя гаррани, в наследственную

собственность! Жалую также тебя званием каваллиера, а также, помимо земель, кои получишь ты в своем племени, землями в Кармонском Гронте, кои выделит тебе каваллиер Харран…

Дальнейшее не отличалось от того, что было даровано Калле. Дорант быстро перевёл сказанное, сопроводив комментариями, необходимыми, чтобы воин гаррани понял, что получил он и его племя. И только тогда сам экс-каваллиер, а ныне комес Агуиры, понял, что это значило лично для него: его любимая, его Саррия — стала с этого момента дворянкой, и более никаких препятствий их официальному браку не существовало!

За это, пожалуй, можно и титул комеса Агуиры простить.

Краем глаза он уловил какое-то движение, и не сразу сообразил, что это альвы. Им, видимо, надоело сидеть там, где они были, и они переместились поближе, причем мужчина откровенно пялился на то, что происходит, а женщину это явно не интересовало, она уткнулась взглядом в землю и, видимо, размышляла о чём-то своём.

И Дорант подумал, что только альвы ничего не получили от нового императора.

Интерлюдия

1

Болтаясь в неудобных носилках, закрепленных меж двух лошадей, Йорре, чтобы отвлечься от боли в простреленной ноге, старался тщательно обдумать то положение, в котором он очутился.

Стычка со Странноприимцами показала ему, чего стоила притворная учтивость Аттоу и чем должна была кончиться его поездка.

Болезненная рана заставила собраться, чтобы не опозорить себя перед спутниками — юноша видел уже, как переносят ранения подобные им.

Это были люди, на которых можно было опереться — и это были люди, перед которыми нельзя было показать слабость.

Хорошо, что он сообразил сразу же наделить их землёй и титулами. Это пока единственное, что он может раздавать. (Выросшему во дворце, ему и в голову не приходило, что не для всех важнее всего в жизни богатство и знатность, и что могут быть другие способы обеспечивать верность сторонников.)

Йорре вздохнул: где взять ещё таких же?

Среди очень и очень многого, чему Йорре научил Сетруос, было одно самое главное: всё время продолжать учиться. Искать, поглощать и запоминать новые сведения; просить, чтобы объяснили непонятное; не оставлять ничего не понятым. А потом при любом удобном случае использовать полученные знания.

Когда-то, когда Йорре было еще лет девять или десять, и был он немного толстоватым (во дворце многое было для младшего примеса плохо, но вот поесть давали без ограничений), сильно неуклюжим и довольно ленивым, Сетруос, тогда ещё только назначенный примесу наставником, произнёс нечто, и это врезалось мальчику в память навсегда:

— У любого человека могут отнять всё, что он имеет. Даже у Императора — если вдруг Империя потерпит сокрушительное поражение. Могут отнять жизнь, тогда уже ничего не сделаешь. Но если человек жив, есть только одно, чего у него невозможно отнять: то, что он знает и умеет. Того, что ты накопил из вещей, земель и денег, тебя могут лишить; то, что ты накопил в своей голове, у тебя не сможет забрать никто.

Сетруос всегда умел разговаривать с Йорре так, как будто Йорре был взрослым, умным, понимающим человеком. Сейчас-то

он прекрасно понимал, каким маленьким дурачком бывал в детстве (хотя ещё не начал понимать, что и в нынешнем своём возрасте и состоянии часто бывает далёким от взрослости дурачком). И Йорре очень, очень старался научиться всему, чему могли бы научить его окружающие.

Он всё время думал, что так же, как ему повезло когда-то с Сетруосом (благодаря отцу, который хорошо умел выбирать людей), сейчас ему очень повезло с Дорантом, Харраном, да даже Красным Зарьялом с его дикарями-полубандитами. С калекой Ассарау, знающим неправдоподобно много для своего возраста. Со странными полузверями-альвами, не умеющими говорить по-человечески, но во многом так похожими на людей. Никто из них не относился к нему как к бесполезному мальчишке, которого нужно обвести вокруг пальца, чтобы добиться какой-то своей выгоды. Среди прочих, кого знал Йорре — таких было большинство (если не все), но вот эти вот случайно собравшиеся вокруг люди и нелюди, выручившие примеса из альвийского плена, не только не добивались от него каких-либо преференций, но, к удивлению Йорре, привыкшего к совсем другому во дворце, вовсе не прыгали от счастья, что на них свалилось столько всего хорошего. Они, похоже, вообще не придали этому значения.

Йорре чувствовал, что они относятся к нему не как к безличному источнику благ, а как к своему: к члену команды, клана, группы, где, случись что с одним из них, все встанут на его защиту, даже если это будет для них невыгодно.

Это не только чувствовалось, это так и было. Уже в двух очень острых и совершенно не простых ситуациях Йорре получил реальную, сильную, важную поддержку — даже не обращаясь за нею лично.

Но эти люди и нелюди не только стояли сейчас на стороне свежеиспечённого Императора, они ещё и обладали знаниями, умениями, пониманием многого, что было для молодого парня новым и неизвестным — и главное, того, что было связано с обстановкой в Марке и в Империи. И он спешил получить от них то, что они могли ему дать.

2

Дворец вице-короля в Акебаре внешне довольно скромен, он двухэтажный, выстроен из белого камня, имеет на фасаде семь колонн, подпирающих просторный балкон с резными перилами, и по занимаемой площади, пожалуй, поменьше доброй половины особняков местной знати. Построили его при втором вице-короле,

тому назад уже шесть десятков лет, и с тех пор меняли только внутреннюю отделку да обстановку. Ничего удивительного: основная деятельность вице-короля проходит в акебарском Доме приёмов, который за время существования Марки уже третий, да и этот успели пару раз перестроить — чиновников всё больше, и нужно место, чтобы их размещать.

Тем не менее, нынешний вице-король, дука Ансаль Годрэ из Мезалии Аттоуской, предпочитает личными делами заниматься всё-таки в своём дворце, где всё сделано по его — и его жены — вкусу, где уютно и куда пускают далеко не всегда и не всех.

Дворец вице-короля — его собственное, личное пространство. Он здесь отдыхает от забот и тяжёлой, кропотливой работы по управлению Маркой.

Второй этаж отведен под жилые покои. Он весь прошит анфиладой проходных комнат, соединённых резными позолоченными дверями; каждая комната отделана в своём стиле и в своём цвете. Одна из них — белая малая гостиная, где стоит небольшой стол маркетри (всего на шесть человек) с тяжелыми стульями, обитыми белым шёлком в мелкий пёстрый цветочек, а штоф на стенах, над полированными панелями из светло-кремового узорчатого капа абетулы[39], чисто белый и покрыт геометрическими узорами из тонких чёрных линий, незаметными уже шагов с пяти.

Сейчас белая малая гостиная освещена пополуденным акебарским солнцем, беспощадную яркость которого приглушает прикрывающая окно сверху маркиза из тщательно выбеленного полотна. Стол со стульями сдвинут к дальней от окна стене, а сразу под окном стоит громоздкое кресло, в котором удобно устроился хозяин дворца. Перед ним громадный мольберт, на котором укреплён обширный, высотой больше половины роста, холст на подрамнике. За холстом же, с палитрою и сразу пятью кистями в левой руке, находится чернявый малый лет тридцати, с подвижным лицом, украшенным совершенно кошачьими усиками из редких волосиков, растущих над углами рта: это Роке Даллод по прозвищу Животворный, довольно знаменитый, несмотря на молодость, художник-портретист, непревзойдённый мастер света и тени, выписанный вице-королём аж из Виньера, общепризнанной культурной столицы мира.

Портретист одет в длинную, изгвазданную красками, тёмно-коричневую робу, под которой не видно его обычного светского платья.

Вице-король сидит в удобной, но статичной позе вот уже полтора часа. Ему скучно и жарко, потому что кресло — прямо на солнечном пятне, хоть и смягчённом прозрачной тенью от

маркизы. Он, как и в предыдущие сеансы, пытался поговорить с художником, но тот неважно знает имперский язык, а вице-король — язык Синтары. К тому же художника сковывает этикет, и поэтому общение их поневоле скудно и формально.

Но положение обязывает, и портрет вице-короля кисти лучшего художника мира (из тех, кого можно было уговорить проплыть полсвета в Марку) будет украшать Дом приёмов в Акебаре.

В гостиной тихо, только шелестят занавеси, да слышно тяжеловатое в силу возраста и комплекции дыхание почти пятидесятилетнего вице-короля и свистящий шорох робы художника, когда он двигается.

В это время года в середине дня Акебар и окрестности накрывает такая тяжёлая влажная духота, что днём многие стараются лечь спать где-нибудь в дальнем углу дома, у толстенной каменной стены, выходящей на теневую сторону, да чтобы ещё сквознячком овеивало.

Вице-король тоже бы прилёг (и он через вдох не может сдержать зевоты), но это время дня — единственное, которое он может не посвящать работе (ну, не считая позднего вечера, когда превыше всего — семья, но кто же пишет портреты в темноте?).

По случаю жары все двери в анфиладе открыты, и лёгкий сквозняк приносит видимость облегчения. Благодаря этому же слышно, когда кто-то ходит в других комнатах — правда, редко: слуги стараются то ли не мешать хозяину, то ли поменьше быть у него на глазах; дежурная охрана где-то на первом этаже, и только горничная иногда осторожно заглядывает в одну из дверей: нет ли каких пожеланий?

Но вдруг из дальнего конца анфилады тихонько доносится ритмичный скрип лестницы, потом уверенные шаги сапог со шпорами по навощённому паркету — и в комнату, обмахиваясь шляпой, заходит рослый и худой мужчина с аккуратно подстриженной растительностью вокруг рта, длинными, до плеч, каштановыми волосами, весь в чёрном, за исключением снежно-белых воротника и манжет, выпущенных из-под камзола, да ослепительно надраенной золотой цепи толщиной в палец, на которой висит, болтаясь на груди, маленький, но тяжёлый знак Общества Мышеловов[40] в виде золотой дохлой мыши с бриллиантовыми глазами.

3

— Приветствую тебя, дорогой мой кузен, — заявил этот

человек, которого звали дука Местрос Фаба из Мезалии Аттоуской, комес Ретавии, Малкиона и Астрильда, один из самых богатых и влиятельных магнатов Империи — и третий, наверное, вельможа по значению в доме Аттоу.

Никаких имперских должностей он не занимал, но ослушаться его приказа могли, пожалуй, только Император, глава дома Аттоу, вице-король Марки и маркомесы. Остальным встало бы себе дороже.

Дука Местрос контролировал войско из пятнадцати компанид, каждая от одной до полутора тысяч человек, с кавалерией, артиллерией и прочим снаряжением. Не всякая страна могла таким похвастаться. А когда родня интересовалась, сколько у него кораблей — он небрежно ответствовал: "Да не помню я… где-то два, три десятка… их всё время строят и топят, строят и топят — разве посчитаешь…".

В Марку он приплыл на одном из тех самых своих кораблей, примерно на неделю позже, чем привезли примеса Йорре. Привёз из столицы важные новости про состояние здоровья Императора и планы дома Аттоу. И с тех пор каждый день заявлялся к кузену поболтать — вроде бы, о пустяках, но на самом деле о вещах серьёзных и важных, которые умудрялся сообщать вскользь, легкомысленным тоном.

Вице-король его побаивался. Дом Аттоу большой. Очень большой. Ветвей он насчитывает более десятка — и кузены, хотя происходили из одной дукаты, были из разных веток: дука Местрос по мужской линии, а дука Ансаль по женской, из Аттоу была его матушка.

Оба, тем не менее, были не старшими сыновьями, и дукату не наследовали.

Художник, между тем, перекосил свою подвижную физиономию и, пытаясь быть почтительным, попросил вице-короля, растягивая конечные гласные и делая ударения в странных местах:

— Вашаа свиетлоость, любезничаайте, возвратитее себиаа в положенноее положениие, пожалуйстаа.

Вице-король пожал плечами, стараясь не заржать, и вновь принял величественную позу. Дука Местрос улыбнулся:

— Терпи, кузен, величие всегда требует терпения. Зато потом!

— Тебе бы всё шутить, — проговорил вице-король, стараясь поменьше шевелить губами, — а я тут уже больше месяца так мучаюсь.

Кузен его без церемоний зашёл за спину портретиста и, окинув взглядом мольберт, заявил:

— Ну, я думаю, уже немного осталось. Правда ведь, друг мой? — Обратился он к художнику любезнейшим тоном, от которого тот, тем не менее, уронил палитру:

— Да, да, разумнеейсяа, естщоо, можеет, недиеелия.

— Ну вот и ладно. А что, кузен, слышал ли ты последние новости про нашего мальчика?

— Вроде бы, он исчез вместе с Бранку и остальными где-то возле Альвиана.

— Да, и я уже опасался, — дука Местрос выговорил это слово таким тоном, будто хотел сказать "надеялся", - что случилось стра-а-ашное! — Он принял театральную позу, как в старинной трагедии.

Да уж, — подумал вице-король, — опасался ты. Не ты ли всё и подготовил, чтобы убрать последнего наследника, когда стало ясно, что Император не заживётся?

— Так что там с примесом?

— Да ты и вправду не знаешь. Гони ты своих чиновников, они зажрались и ничего не делают. — Кузен помолчал, подошел к столу и налил себе сока со льдом из стоящего там кувшина. Неторопливо выпил, мелкими глотками, делая паузы, паршивец, чтобы помотать душу вице-королю.

— Ну так вот, дорогой мой кузен. Ты не поверишь, но этого мелкого надоеду действительно захватили альвы. И они действительно перебили всех, кто с ним был. И я уж было думал, что и его… Но — раз, два — и мальчишку у альвов отбили!

— Отбили у альвов? Да ты шутишь? Как это возможно?

— Как именно отбили, не знаю. Мне прислали птицами донесение из Кармона, сам понимаешь, в птичьей депеше много не расскажешь. Всё, что я знаю: во-первых, был бой, и были потери. В Кармон вернулись раненые, которых отправили короткой дорогой. Во-вторых, мальчишку везут куда-то к морю, по Старокармонской дороге. В-третьих, его сопровождает столичный каваллиер, именем Дорант из Регны, он же и организовал его спасение.

— Дорант? Дорант из Регны, как же. Я же его и сделал каваллиером после одной битвы. Потом его ранило, и он ушел из войска. Как помнится, зарабатывает поручениями, решает для нанимателей всякие дела.

— Какие дела?

— Да самые разные: и в судах поручительствует, если нужно слово дворянина, и с кредиторами договаривается, и в земельных спорах участвует. Да и я его нанимал, когда дайберы[41] нашли главный храм гаррани и ограбили его. Гаррани тогда прислали своих вождей и потребовали справедливости. Если не удалось бы

вернуть украденное, случилась бы война. Большая война, гаррани много и они сражаться умеют. Мне сказали, что Дорант в каком-то свойстве с гаррани, я и приказал его нанять.

— И как?

— Он переговорил с ними, потом они все уехали. А через месяц он вернулся с двумя вождями, которые пришли в Дом приёмов и принесли мне дары с благодарностью за возвращение их святынь.

— Способный, — сказал дука Местрос с явной угрозой. — А лет ему сколько?

— Да не знаю, сейчас, должно быть, лет сорок-сорок пять.

— Так он постоянно здесь живёт, в Акебаре?

— Никогда не задумывался. У меня на приёмах бывает, когда по этикету каваллиеру положено. Ко мне с просьбами никогда не обращался.

— Ну ладно, — заключил кузен после задумчивой паузы. — Выясню я, что это за Дорант. Спасибо, дорогой кузен, за прекрасно проведенное время!

И он вдруг развернулся и, не откланявшись, стремительно вышел из комнаты.

Вице-король снова пожал плечами. В дела кузена он вникать не хотел.

Впрочем, сеанс ему окончательно наскучил.

— Я прошу прощения, ньор, но меня зовут дела. Давайте сделаем перерыв до… скажем, послезавтра, в это же время.

Портретист склонился в глубоком поклоне:

— Каак угодноо вашеей свиетельноостии…

Вице-король, потягиваясь и разминая на ходу затёкшие бока, тоже покинул комнату.

Портретист же, укладывая кисти и палитру в специальный ящичек и осторожно стягивая через голову запачканную робу, думал о том, что опять не зря провёл время, и полученные сведения надо как можно скорее передать в гальвийское посольство.

Глава 2. Уаиллар

1

Чем дольше они жили в аиллоу многокожих, тем больше поражались тому, насколько у тех всё не так. Взять хотя бы уолле, сказавшегося великим вождём: Уаиллар не мог уместить в голове, как может быть великим вождём малолеток, не имеющий перед своим ааи хотя бы двух копий, усаженных ушами? Он осторожно расспросил тех, кто мог его понять. Ему объяснили, что уолле — сын только что умершего прежнего великого вождя. Непонятно, как можно делать великим вождём сына предыдущего, если у него самого нет никаких заслуг?

У многокожих оказалось еще множество странностей. Например, не все их самцы были воинами. Далеко не все, а лишь незначительное, по отношению к общему числу, меньшинство. Остальные выполняли за воинов домашние и другие дела, портили землю, перекапывая её и выращивая изуродованные растения, не существующие в Природе, имели дело со всяческой мертвечиной — изменяли всяческим образом камни, мёртвые растения и животных, их части… Были ещё круглоухие, которые занимались вовсе непонятными и абсурдными делами, например, приходя каждый день в одно и то же место на той поляне, где сначала держали Аолли, они обменивали плоды и разные предметы на какие-то мелкие кружочки из обработанного огнём камня двух видов. Куда они потом девали эти кружочки, какое было им применение и какую пользу можно было из них извлечь, Уаиллар с Аолли не могли придумать.

К ним самим, кстати говоря, относились неправдоподобно доброжелательно. Никакого вреда им не причиняли, свободу не ограничивали — только лишь через увечного воина предупредили, чтобы альвы не ходили по поселению одни и, тем более, не выходили за его пределы без сопровождения. Но это было как раз понятно: много раз по реакции незнакомых круглоухих Уаиллар понимал, что они панически его боятся и ненавидят. Это вызывало в нём чувство гордости за народ аиллуо.

Всё же было удивительно, что их, представителей даже не чужого клана, а вражеского народа, свободно пускают везде (пусть и в присутствии кого-то из знакомых), не держат в оллааy, не ставят к столбу пыток и вообще не унижают. Да, сначала на улицах на них пялились — со страхом, любопытством или удивлением, — а дети показывали пальцами и бежали следом,

что-то выкрикивая. Но уже через несколько дней, видимо, к ним привыкли и практически перестали обращать внимание.

Досаждали только детёныши. Аолли видела их впервые, и сначала даже умилялась, несмотря на то, что они вели себя как дикие звери: прыгали вокруг, корчили рожи, визжали, даже кидались каким-то мусором. Дети аиллуэ ведут себя более сдержанно, и даже когда дразнят пленников в оллаау — делают это с достоинством. Для Уаиллара такое поведение детёнышей круглоухих было тоже непривычным: все детёныши, которых он видел до тех пор, прятались и дрожали от страха. Убивать их было легко, как будто срываешь плод с ветки. Никому из воинов не пришло бы в голову брать их уши — впрочем, как и уши самок; они не стоили того, чтобы за ними наклониться. Уаиллар припомнил, как высмеивали молодого Лаллоэру, который в своём первом походе чести к круглоухим отрезал уши у убитой им самки. Ему потом долго не разрешали накалывать уши на копьё перед своим ааи, пока он не убил два десятка круглоухих мужей.

Потом он глупо погиб на глазах Уаиллара. Не большого ума был аиллуо.

Жили альвы в том ааи, куда Аолли забрали когда-то с площади. Клетка, где её держали, по-прежнему стояла внутри двора, но альвам сразу дали понять, что загонять их туда снова не собираются. Уаиллар с удовольствием, впрочем, расположился бы на этом самом дворе, где была трава, росло несколько кустов разных пород и журчал чистый ключ, заключенный в поднятый над землей и испорченный круглоухими камень. Вода непонятным образом уходила в дыру в том же камне, не вытекая из него и не орошая землю; из-за этого один из круглоухих несколько раз в день поливал двор из невероятно уродливого сосуда с длинным носом.

У двора было два недостатка: там не росло ничего из растений, которые можно уговорить сплести ааи, и на нём почти всё время кто-то толокся. Так что альвов в конце концов убедили занять одно из помещений внутри дома, где неожиданно оказалось прохладно и довольно комфортно. Можно было подумать, что находишься в одной из пещер, каких много в Глиняных холмах, что на север от родного аиллоу Уаиллара и Аолли. Альвы охотно пользовались этими пещерами как убежищем, особенно если их заставал поблизости сильный дождь: в той местности из-за крутых песчано-глиняных склонов в ливень небезопасно, по ущельям и лощинам довольно часто проходят грязевые потоки, да и оползни бывают.

Уаиллар, движимый любопытством, позже заставил себя подняться на верхний ярус дома. Ничего интересного он там не

нашёл: всё те же "пещеры", заставленные разными непонятными предметами из мёртвой земли и частей мёртвых растений. Он только заметил, что там было очень чисто и приятно пахло засохшими ароматными травами, в отличие от "пещер" внизу, где постоянно мельтешили круглоухие: и воины, и не-воины. Там же они ели и отдыхали.

В своей "пещере" альвы сначала спали на земле, зачем-то покрытой мёртвым деревом, нарезанным плоскими полосами. Потом тот многокожий, который договаривался с Уаилларом об обмене Аолли на молодого круглоухого, велел принести им широкие ленты, сплетенные из мёртвых, чем-то обработанных, растительных волокон; эти ленты постелили на покрывающие землю деревяшки. На них лежать было удобнее, хотя и не так, как в родном ааи, где послушные стебли травы луа позволяют женщинам уговорить их сплестись в упругую и мягкую частую сетку.

На следующий день двое круглоухих, постучав по дереву, обрамлявшему вход — поразительно, но у них тоже был этот обычай! — принесли две угловатые деревянные рамы на невысоких — Уаиллару по колено — ножках. Рамы были заплетены чем-то вроде лианы, только скрученной из множества растительных волокон. Заплетены в мелкую сетку! Уаиллар глазам своим не поверил: круглоухие, не умея уговаривать растения, убивали их, чтобы сделать то же самое, что можно было получить уговорами!

2

Бесила скука. Привычных занятий не было ни для Аолли, ни для Уаиллара, не было и никого, с кем можно было бы поговорить, как дома. Вначале они выходили в город — когда было кому их сопровождать, старательно изучая новую для себя среду и пытаясь к ней привыкнуть, но сколько там было того города! Аолли сдалась первая и стала отказываться от прогулок, ограничиваясь двором. На следующий день после того надоело ходить по одним и тем же улицам и видеть одни и те же чужие лица и Уаиллару, так что он тоже засел дома.

Но у него были всё-таки развлечения. Во-первых, тот самый многокожий, которого Уаиллар прозвал про себя Аллээу — "Старый", хотя тот был в полной силе, и вовсе еще не стар. Еще по дороге сюда он постоянно, настойчиво (если не сказать назойливо) и старательно учил язык альвов. И у него получалось, хотя говорил он грубым голосом и часто делал ошибки, особенно

в интонациях. Уаиллар тоже учил язык круглоухих. Вернее сказать, у круглоухих был не язык, а языки: их оказалось неожиданно много, и разница между некоторыми была не меньше, чем между любым из них и языком альвов. Впрочем, вокруг говорили в основном на одном: это, как понял воин аиллуэ, был язык многокожих. Его понимали и прочие круглоухие, между собой говорившие на других языках.

Уаиллар решил изучить именно его. Но вскоре оказалось, что, хотя он быстро запоминает слова и схватывает их значения — он не может их произносить. Его глотка оказалась непригодна для того, чтобы воспроизводить едва ли не половину звуков!

Тем не менее, через некоторое время Уаиллар со Старым начали друг друга понимать и могли уже обсуждать довольно сложные темы, на ходу добирая знание слов, которых им не хватало. И тогда они стали лихорадочно изучать жизнь друг друга: обоих интересовало, как устроено общество, как оно управляется, как сражаются воины, как ведут хозяйство женщины, откуда берется еда, как вести себя на улице, с соседями, с незнакомцами, с теми, кто имеет право управлять, с теми, кто старше возрастом, с детьми — и так далее.

Уаиллар учился, чтобы знать, как вести себя в обществе многокожих. Зачем учёба была Старому, он не очень понимал, но обменивался знаниями, стараясь только не выдавать многокожему то, что могло бы навредить народу аиллуо.

В их общении почти всё время участвовал увечный воин: сначала помогал Старому понимать Уаиллара, потом, когда Старый обогнал его в знании языка — включался в разговор на равных, задавая вопросы и дополняя ответы. Уаиллар начал уважать его еще в дороге: оказалось, что увечный, единственный из круглоухих, умеет разговаривать с Живым. Он помогал раненому юноше, хотя делал это довольно грубо, по сравнению с умелыми из женщин аиллуэ. Но уж точно не хуже, чем мог бы делать сам Уаиллар, которому доступны были лишь простые уговоры, нужные для срочной помощи себе или другому воину при ранениях. Калека знал уговоры более сложные, и мог вложить в них больше силы, чем когда-либо удавалось Уаиллару. Это требовало врожденных способностей и больших усилий, чтобы их развить. У аиллуэ таких способных специально обучали, причем почему-то оказывалось, что среди них подавляющее большинство — женщины. Уаиллар с завистью подумал, что увечный круглоухий, попади он к хорошей учительнице, быстро занял бы среди них высокое место, столько было в нем силы.

Странно, что при этом он вовсе не умел разговаривать с растениями и животными. Может, просто не пробовал?

В дороге к изучению языка аиллуэ неожиданно присоединился уолле-вождь. У него быстро стало получаться, почти так же, как у Старого. Уаиллару было неприятно говорить с ним: уолле вёл себя именно что как вождь, а не как обычный воин, что было нехорошо и неправильно. В аиллоу такому уолле быстро объяснили бы, кто он и где его место. Но приходилось постоянно напоминать себе, что они с Аолли у чужих, что они с Аолли от чужих зависят, и что жизнь никогда уже не будет такой, как прежде. А значит, надо сдерживать себя, надо сливаться с окружающим миром, как ящерица ларраи с корой дерева, на котором сидит, и по той же причине, по которой делает это ящерица: чтобы выжить.

3

И было еще одно, что делало хотя бы часть жизни Уаиллара среди круглоухих осмысленной: воинское искусство. Еще в дороге к аиллоу многокожих воин оценил, что Старый со своим другом и с еще одним воином (единственным, кстати, чьё имя Уаиллар мог произнести: "Аллэ, почти как копьё) каждое утро занимались упражнениями с оружием и без него.

Вначале воин просто смотрел на них, стараясь понять, в чём их воинская сила, а в чём слабость. Двигались они медленнее, чем аиллуо, и их оружие было менее совершенно: в отличие от копья аллэ, длинные ножи из прошедшего огонь камня были короткими, тяжёлыми и не могли использоваться как метательное оружие. Но зато многокожие знали множество движений и связок, которые Уаиллара не в шутку заинтересовали.

Однажды утром он взял копьё и попытался повторить одну из них. Старый, заметив это, жестом подозвал его и на ломаном языке предложил потренироваться вместе.

Уаиллар подумал — и согласился.

Это было лучшее, что он сделал за всё время, что они были у многокожих. Оказалось неожиданно интересно и поучительно. Уаиллар практически мгновенно понял, что поодиночке ни один из этих воинов ему не соперник. Со своим опытом, а главное, со своей скоростью, он был для них неуязвим — до тех пор, пока не принял на копье удар длинного ножа молодого воина. Длинные ножи назывались "меч" — слово, которое Уаиллар запомнил, хоть и не в состоянии был произнести.

Лезвие меча врезалось в древко аллэ почти до его середины и завязло. Перерубить древко оно не смогло — но Уаиллару

пришлось копье бросить, так как он не мог его освободить. Тут сработало то, что многокожие были крупнее, тяжелее и — как ни обидно было признать — сильнее, чем любой из аиллуо. Начни молодой воин давить своим мечом — Уаиллар не смог бы вывернуть копье так, чтобы ударить.

Схватка была проиграна, что было неприятно. Еще неприятнее было то, что копье, надрубленное почти до середины, стало ненадежным.

А самое главное — Уаиллар понял, что против жжёного камня многокожих их оружие слабовато.

Потом они много раз разыгрывали тренировочные схватки, но Уаиллар уже не позволял себе блокировать удары: он только сбивал их шлепками копья сбоку, уводя от своего тела. Или просто уворачивался.

Тем не менее, он выигрывал практически все схватки один на один. Ни у кого из многокожих не было ни скорости, ни гибкости, ни ловкости аиллуо. Ни его боевого опыта.

Но как-то утром, — это было накануне их прибытия в аиллоу многокожих, где была в плену Аолли — когда Уаиллар в очередной раз обозначил, что убил всех троих многокожих (а они уже сражались трое против одного, и он всё время побеждал), Старый вдруг сказал что-то своим товарищам, и они как-то сдвинулись, сгрудились вместе, и стали двигаться, как один воин. И тут Уаиллар понял, что у него нет ни малейшей возможности добраться до любого из них: стоило ему обозначить нападение на одного, как двое других обозначали, что он получил смертельный удар. Он пробовал много раз по-всякому — бесполезно. Кончилось тем, что Старый зацепил его копье своим мечом — и копьё переломилось там, где было надрублено.

Старый объяснил:

— Мы называем это "строй". Когда мы в строю, мы действуем, как один воин. И тогда не хватит и десяти ваших на одного нашего.

Уаиллар был расстроен потерей копья. Без привычного оружия он чувствовал себя голым. Новое взять было негде: подходящая роща ураллы, которую можно уговорить дать воину копьё, не на каждом шагу встречается.

Старый, чуткий, как горный волк, предложил одно из странных копий, которые они захватили у убитых многокожих, напавших на них на дороге. Это копье многокожие называли как-то вроде "аллауарра"[42], у него был тонкий и узкий наконечник, под которым находилось несимметричное лезвие, с одной стороны широкое, приспособленное для рубящих ударов, а с другой — острое, непонятно для чего. Уаиллар попробовал

поработать аллауаррой — и был жестоко разочарован. Во-первых, она оказалась очень тяжелой по сравнению с привычным аллэ. Это делало движения неуклюжими и медленными; невозможно было, например, совершить обратный мах так быстро, как умели воины аиллуо. Во-вторых, из-за несимметричного лезвия, с аллауаррой невозможно было выполнять обычные для копья приемы. Чтобы с ней освоиться, пришлось бы потратить уйму времени — переучиваться всегда тяжело, а для воина опытного, у которого навыки стали его природой, тем более.

Только потом он осознал, что взял и держал в руках мёртвое дерево, увенчанное еще более мёртвым обожжённым камнем — то есть нарушил один из запретов, уарро. И с ним ничего, совсем ничего не случилось.

Потом они прибыли в аиллоу многокожих — и само это прибытие было странным и непонятным, но альвийский воин уже понял, что таким странным и непонятным будет всё, что связано с этими существами.

Их встретила толпа, накрыв смешанной вонью немытых тел, гнили и мертвечины — мёртвых растений, мёртвой земли, мёртвого, искажённого огнём камня, плоти мёртвых животных, забив уши грубым рёвом, лязганьем и стуком, оглушив грохотом громотруб. Прямо на большой площади Старый зачем-то застрелил нескольких многокожих, которые перед этим громко выкрикивали что-то, что Уаиллар не понял.

Уаиллар шёл между лошадьми, поддерживая Аолли, которая наколола ступню о какой-то острый обломок, и чувствовал только усталость, раздражение и разочарование.

Потом они добрались до знакомого ааи, где он давеча нашёл заточённую в клетку жену, и после некоторой неразберихи, занявшей почти два дня, наконец устроились в той самой тёмной искусственной пещере.

Дальше пошли однообразные дни, не наполненные ничем, кроме прогулок, тихого отдыха рядом с женой и общения с калекой-воином. Принявшим их многокожим было не до них — они приходили и уходили, всё время вели какие-то сложные разговоры друг с другом, а Старый с молодым другом даже не занимались воинскими искусствами, хотя остальные, кроме уолле-вождя, делали это каждый день, из-за чего во дворе перед фонтаном то и дело лязгало, стучало и пыхтело.

День на третий альвы попросились пройтись по городу — и гуляли потом еще, пока не наскучило.

То ли на седьмой, то ли на восьмой день многокожие поуспокоились, напряжение из их разговоров почти ушло. Вожди их снова стали упражняться по утрам. Уаиллар хотел бы к ним присоединиться — это было хоть какое занятие, отвлекающее от невыносимого безделья, но у него не было оружия. Он всё равно устраивался у стены, наблюдая за тем, как двигаются многокожие, за их ухватками и приёмами, оценивая сильные и слабые стороны каждого, изучая особенности работы с оружием.

Старый как-то понял — или почувствовал — томление Уаиллара (близкое, честно говоря, к отчаянию) и, подумав, велел принести ему "меч", очень похожий на тот, что носил и использовал сам. Воин аиллуо с сомнением взял его, попробовал хват, повторяя то, что видел у многокожих — и с удивлением понял, что это оружие ему может подойти: оно было, конечно, короче аллэ, по-другому сбалансировано, но по весу показалось приемлемым (тяжелее аллэ, но гораздо легче, чем аллауарра), а главное, поскольку тяжесть его концентрировалась вблизи рукояти, было достаточно манёвренным.

Он попробовал поработать мечом против Старого — без особого успеха, как и ожидал. Стало понятно, что рукоятка плохо подходит для его руки. Старый заметил это, взял Уаиллара за руку (тот вздрогнул, будто рука попала в огонь, но не стал сопротивляться), покрутил кисть, приложил к рукоятке в нескольких положениях, кивнул и забрал меч. На ломаном альвийском дал понять, что рукоятку надо переделать, а меч он вернет.

На следующий день Уаиллар уже держал меч с рукоятью, которая была тоньше, чем до того, длиннее и немного другой формы. Старый взял Уаиллара за вторую руку и приложил к рукояти ниже кисти ведущей руки. Двуручный хват оказался удобным; многокожим рукоятка была бы коротковата для такого хвата, а более узкие кисти альва располагались на ней с комфортом.

Старый принес еще сделанное из мёртвого дерева подобие меча, тоже с удлиненной рукоятью, под свои руки, и продемонстрировал Уаиллару стойки, связки и движения с двуручным и одноручным хватом. Воин аиллуо попробовал повторить — они были понятны и удобны, но было ясно, что придется учиться заново.

Что оказалось для Уаиллара неожиданным, Старый пообещал и дальше показывать ему приёмы и связки для работы мечом.

И сдержал обещание. Они упражнялись каждое утро, и Уаиллар, со своим опытом и умениями, быстро усваивал не такую уж хитрую науку работы с мечом. Уже через несколько дней ему

удавалось достать "Аллэ, а иногда и Старого. Младшего он пока достать не мог. Тот был быстрее других многокожих.

Все эти упражнения давали Уаиллару много пищи для ума, а не только пользу для мышц. И эта пища оказалась довольно горькой.

Как-то, придя после занятий в свою комнату к Аолли, он задумчиво сказал ей:

— Ты знаешь, ведь это счастье — что многокожим пока ничего не нужно в Лесу.

Она удивилась:

— О чём ты?

— Если им будет нужен Лес, или если они захотят, чтобы аиллуо перестали ходить в походы чести на их сторону озера, то они уничтожат всех аиллуэ меньше чем за один сезон.

Аолли не поверила:

— Аиллуо лучшие воины! Ты же всё время побеждаешь!

— Один на один — побеждаю. Не всё время, я еще не привык к их оружию, это не моё аллэ. Мы вообще всегда сражаемся один на один, и в этом мы лучшие. Но многокожие умеют сражаться вместе, как они говорят, "строем". Когда их всего трое или четверо — я не могу добраться ни до кого. Если их будет две руки — пять рук аиллуо не смогут их победить. Если пять рук — ни один клан не преодолеет их строя. Одна возможность — издалека бросать копья или ножи. Но если аиллуо бросил копьё, он остаётся без оружия. И копьё не пробьёт скорлупу из жжёного камня, которую они надевают на грудь. А ножом не пробить даже ту одежду из мёртвой кожи, которую они носят каждый день. И ты забываешь, что когда мы упражняемся, они не пользуются своими громотрубами. А я хорошо помню, что было с нашими воинами на той поляне. Мало кто из них успел даже приблизиться.

— Но они ведь убили и ранили многих!

— Наши преимущества — скрытность, внезапность и скорость. Только за счет этого мы пока побеждали. Да ещё потому, что воевали в основном против круглоухих, которые никогда толком не умели сражаться. Но на той поляне наших было намного больше. И они полегли все, а у многокожих — малая часть. Потому что там были не просто многокожие, а обученные воины.

Он не сказал Аолли, пожалуй, главного, что его беспокоило: многокожих было намного, действительно очень намного, больше, чем всех аиллуэ вместе взятых. Даже в этом аиллоу жило их намного, очень намного больше, чем в родном аиллоу Уаиллара и Аолли. А ведь были и другие, много более крупные,

если верить тому, что он понял из разговоров Старого с его соплеменниками. И пусть далеко не каждый самец в поселениях многокожих был воином, и пусть воинов в этом поселении было не больше, чем в клане Уаиллара — было ясно, что народ этот куда более многочисленный, чем аиллуэ, и задавить любой клан количеством для него не составит труда.

А кланы редко, очень редко удавалось собрать вместе для общих действий.

Уаиллар не знал ещё, зачем ему это надо и как он сможет это использовать, но ему больше всего на свете хотелось научиться в воинских искусствах всему, что умеют многокожие. И прежде всего — действовать совместно с другими воинами, что было для многокожих естественно, как дыхание (тут он на самом деле ошибался, это достигалось длительными тяжелыми тренировками) — и совершенно непривычно для аиллуо.

Самое трудное было объяснить многокожим, что Уаиллар хочет научиться работать в "строю". Он просто не мог выговорить это слово, а иносказания поняли далеко не с первого раза. И снова воин аиллуо удивился тому, что его согласились учить. Он всё не мог привыкнуть, что их с Аолли воспринимают не как врагов, а как своих, как будто они стали членами клана. Между тем Уаиллар чувствовал, что стал для Старого, его младшего друга, уолле-вождя, а с ними и других многокожих — тем, кому можно довериться и кого следует защищать.

И это было действительно так. Воин аиллуо успел в этом убедиться.

Как-то раз, когда он в сопровождении "Аллэ (но уже без жены) ходил по городу, они столкнулись со странным многокожим: совершенно седой, завернутый в какой-то необычный балахон (Уаиллар уже привык к тому, как одеваются многокожие — этот был одет не как все), тот начал кричать на "Аллэ, размахивая руками. Понимая язык многокожих через два слова на третье, Уаиллар, однако, смог уловить, что странный считает его врагом, представителем чего-то страшного и подлежащим немедленному уничтожению. Стала собираться толпа, и воин хорошо чувствовал, что толпа эта враждебна.

Но "Аллэ ответил странному твердо и решительно, и в ответе звучали имена Старого и его молодого друга. И еще какие-то имена. И имя уолле-вождя. И странный вдруг сжался, потом сплюнул на землю, покрытую круглыми камнями, отвернулся и быстро ушёл.

Уаиллар понял, что его только что защитили от очень больших неприятностей. Он не знал, в чём дело, но чувствовал нутром: если бы не "Аллэ, вступившийся за него как за своего, его

бы, скорее всего, убили.

И вот это было очень странно и необычно. Среди аиллуэ никогда не могло бы случиться, чтобы чужака защищали от соплеменников. Чужака из другого клана, разумеется: круглоухих вообще не считали за разумных.

5

Каждый день альвам приносили плоды — те, которые растут в Лесу, и те, которые там не растут. Так что Уаиллар с Аолли не голодали, хотя, конечно, качество пищи было несравнимо с тем, что у них дома: круглоухие не умели заговаривать плоды от порчи и потери свежести. Но есть было можно, хотя и не всё — некоторые плоды, пока добирались до альвов, портились необратимо, становясь вредными для здоровья.

Вечерами, когда светило уходило с неба и становилось прохладно, многокожие иногда выходили во двор, чтобы вместе принимать пищу. Круглоухие, которые не были воинами, приносили сделанные из мёртвого дерева помосты высотой почти по грудь Уаиллару — на них ставили что-то вроде корзин, только из обожжённой земли, наполненных пищей: опалёнными растениями и мёртвой плотью животных, свежими плодами, знакомыми или незнакомыми, зеленью. Приносили сосуды с водой, соками растений и какими-то другими напитками, которые пахли сильно и странно, напоминая сок испортившихся фруктов. Заливали кипящей водой сушеные листья с непривычным ароматом.

Вожди многокожих усаживались вокруг этих помостов — их называли "столами" — на деревянные подставки, наподобие привычных для альвов ллураа[43], на которых обычно сидят возле Великого Древа по вечерам. Они разговаривали, обсуждали какие-то дела, причём говорили напряжённо, в голосах у них чувствовалось беспокойство. Приходил, хромая уолле-вождь, который тоже принимал живое участие в разговоре. Глядя на него, Уаиллар сочувствовал: было видно, что не быть ему уже никогда воином, такие увечья до конца не вылечиваются. В любом клане ему подарили бы быструю и безболезненную смерть, и увечный уолле был бы этому только рад.

В общем, то, что происходило вечерами, напоминало посиделки на площади у Великого Древа у народа аиллуэ, когда воины обсуждают разные дела, только аиллуо не едят при этом, и к темноте уже расходятся — а люди в это время только собирались.

Уаиллар обычно наблюдал за такими сценами, стоя в глубине дверного проёма, в темноте. Он пытался изучить и понять многокожих, почувствовать, что ими движет, что для них хорошо, а что нет, что они любят, что ненавидят, что считают добром, а что злом. Что принято делать, а что под запретом. Это было важно, раз им с Аолли придётся среди них жить.

И чем дальше, тем больше видел он отдельных черт сходства между многокожими и аиллуэ. Конечно, больше, гораздо больше было различий. По-прежнему Уаиллар очень многого не понимал в их поведении. В них не было той утончённой, благородной сдержанности, которую проявляли аиллуэ, когда были не наедине. Не было привычных детальных проявлений подчёркнутого, строгого уважения к старшим по возрасту, к опытным воинам, к вождям, наконец. Уаиллар даже думал сначала, что все они глубоко презирают друг друга и вовсе не уважают ни возраст, ни опыт, ни положение — так вольно и грубо они вели себя. Разве что к уолле-вождю обращались церемонно, да и то, как вскоре заметил Уаиллар, не всё время, а при посторонних или в каких-то отдельных случаях, логику которых он так и не понял. Тогда они склоняли перед юнцом головы, обращались к нему так, как будто его здесь нет, и о нём говорят с кем-то другим, или же как будто он не один, а их несколько, называли его словом, которое означало огромные размеры: похоже, это слово соответствовало альвийскому "ориаллэ", Великий, которое употребляется только для Древа, Леса и Вождя.

Многокожие ели друг у друга на глазах, как будто были очень близкими членами одной семьи. Семей у них, похоже, вовсе не было: в ааи, где жили Уаиллар с Аолли, не жила ни одна самка. Круглоухие женщины, впрочем, приходили каждый день, принося свежую еду, они также возились с этой едой в специальном помещении, обрабатывая её огнём и горячей, как огонь, водой — это было видно через два небольших окна, выходивших во двор. Вечером, когда многокожие садились есть либо во дворе, либо где-то в доме, женщины уходили.

Этим вечером многокожие снова сидели за столами, но вместо напряжения и беспокойства были явно довольны и расслаблены; часто они хрипло лаяли, что было у них признаком веселья, как тихое шипение у альвов. Круглоухие не-воины принесли нечто деревянное, на что были натянуты волокна, судя по запаху, скрученные из каких-то частей тела животных; Уаиллар решил не вдумываться, как и из чего их делают. Один из круглоухих взял это деревянное в руки и стал дёргать пальцами волокна. Получались звуки, складывавшиеся довольно приятно. Круглоухий начинал подвывать; иногда к нему присоединялись

остальные. Звуки были ритмичные, знакомые Уаиллару слова повторялись. Это похоже на то, как наши воины читают стихи, — подумал альв.

Уаиллара, по обыкновению, стоявшего в тени дверного проёма, заметил Старый. Он вскочил, подбежал к альву и, взяв его за локоть, вытащил к столам. Показал на ллураа рядом с собой и на грубом, изуродованном альвийском предложил сесть.

Уаиллар послушно сел, уговаривая себя, что в этом нет урона его чести. Окружавшие Старого многокожие были, как это обычно случалось к середине застолья, разгорячены, веселы и громогласны. Старый пододвинул альву небольшой сосуд из прозрачного вещества, похожего на камень — но не из камня, в нём не видно было обычной для камней структуры. Налил тёмно-красную жидкость, прозрачную и немного меняющую цвет при разном освещении. Показал на сосуд Уаиллару и почти правильно — и вежливо — предложил разделить с ним воду, как положено равному с равным при первом знакомстве. Это, конечно, было смехотворно — настолько не вязалось с ситуацией, так что воин аиллуо даже испытал эстетическое удовольствие от исключительно нелепого обращения, однако старания многокожего оценил.

И выпил налитое залпом, тремя большими глотками, как положено в таком случае.

Он не поперхнулся только сильнейшим усилием воли. Жидкость была кисловато-вяжущей, со вкусом даже приятным — если бы не острый, щиплющий нёбо и горло привкус чего-то, смутно напоминающего то, что образуется в подгнивших, закисших фруктах.

Спустя минуту, однако, Уаиллар почувствовал, что во рту его осталось ощущение сложное и незнакомое, состоящее из множества оттенков, которые он даже не мог ни с чем ему известным сопоставить. Это было необычно и неожиданно. Во всяком случае, в этом не было ничего недостойного или неприятного.

Чуткий Старый озабоченно посмотрел на него, налил ещё и кое-как объяснил, что это следует пить медленно и мелкими глотками. И показал, на своем сосуде.

Уаиллар попробовал — и ему вдруг понравилось. Особенно когда он, подобно Старому, задержал малое количество жидкости во рту и покатал по нёбу языком. Он никогда, ни у какого плода, ни у какой травы, не знал такого богатого и насыщенного вкуса.

У него мелькнуло было сомнение, не нарушает ли он какое-либо из уарро, слов запрета. Но все они касались пищи, а не питья, так что Уаиллар успокоился. Он пил, а Старый подливал.

Впрочем, пили и подливали все.

Потом воин заметил, что Старый отвлёкся, а малый прозрачный сосуд, из которого альв пил, опять пустой. Тогда он огляделся и увидел, что никто за столом особенно не ждет, чтобы ему налили, все льют из больших сосудов в малые сами. Он протянул руку, взял ближайший большой сосуд за выступ, напоминающий вросшую в ствол ветку (оказалось неожиданно удобно) и плеснул себе. Отпил — и чуть не поперхнулся: у этого напитка вкус был резкий и жгучий, но тоже чем-то приятный.

Круглоухие не-воины принесли большие блюда, на которых лежала еда многокожих. От нее шел пар и разносились странные, незнакомые запахи. Альв почувствовал, что хочет есть. Незнакомую еду пробовать не хотелось: того гляди, возьмёшь в рот какую-нибудь мертвечину. Но на одном из блюд лежали привычные клубни лаоллэ — пища так себе, перекусить в походе, когда не нашел ничего получше. Уаиллар решил рискнуть.

Начать с того, что он обжёгся. Лаоллэ были горячие, хорошо ещё, что воин не потащил свой сразу в рот — опалил бы до волдырей. Он огляделся — многокожие ели, кто руками, кто накалывая ножом. Один из них тоже, видно, схватил слишком горячий клубень; он начал перекидывать его из рук в руки, потом зачем-то потряс, подул на него — и откусил большой кусок.

Уаиллар поступил так же. И тут его настигло изумление: знакомый жёсткий и невкусный плод вдруг оказался мягким и сладким! То, что обычно приходилось с трудом отгрызать, а потом терпеливо пережёвывать, терпя вяжущий вкус ради насыщения, превратилось в рассыпчатую мякоть, которая сама таяла во рту, а её тепло усиливало вкус.

Незаметно для себя воин съел чуть не половину блюда, запивая, подливая и снова запивая.

Через некоторое время Уаиллар почувствовал, что с ним происходит что-то необычное. Он ощущал беспричинную радость, ему отчего-то захотелось декламировать стихи; ему казалось, что все будут этому рады.

И он поднялся, произнёс положенные слова вступления, чтобы привлечь всеобщее внимание, и начал декламировать одно из стихотворений, сочинённых как-то после очень удачного похода чести, когда он со своим маленьким отрядом вырезал полностью большую деревню круглоухих, а пятерых самых сильных воинов принёс для пыточного столба.

Начал декламировать, даже не дождавшись, чтобы все затихли и сосредоточились, внимая и оценивая сложность ритма, тонкость рифмы и эстетическую завершённость каждой строфы.

И только закончив, понял, что многокожие — смеются! Над

ним смеются!

Он потянулся за ножами, желая убить стольких из них, до скольких дотянется, но почему-то запутался в собственных ногах, упал, задёргался подниматься — но тут его мучительно замутило, он скрутился, выблёвывая, кажется, вместе с содержимым желудка и внутренности, и в ужасе понял: уарро! Он ел пищу круглоухих, порченную огнём! Он нарушил Слово запрета!

Всё поплыло перед его глазами, и он провалился в какую-то раскачивающуюся и крутящуюся бездну — с одною лишь мыслью: как жаль, что пришлось умереть так стыдно и позорно, не в бою…

Глава 3. Дорант

1

Дорант стоял у конторки, на которой лежал лист бумаги, и доламывал вот уже четвертое перо. Он всё не мог придумать правильные слова для письма Мигло Аррасу — чиновнику Светлейшего, который и отправил его на поиски примеса Йорре. С тех пор прошло почти два месяца — но между тем днём и этим будто пропасть пролегла.

Собственно, Дорант хорошо знал, что хочет сказать в этом письме: задание выполнено, примес найден, он жив, хотя не совсем здоров, нужна помощь, чтобы доставить его в столицу. Так оно всё, в сущности, и обстояло. Только всё было куда сложнее, чем могло показаться из этой простой фразы.

Начать с того, что на руках у Доранта был теперь не примес, а законный Император. И у этого Императора не было сейчас ни войска, ни денег, ни чиновников, ни преданных дворян — за исключением самого Доранта, его молодого друга Харрана и еще нескольких десятков человек, да скудной казны Кармонского Гронта, в которой Дорант уже успел хорошо покопаться. Помощь, таким образом, действительно была нужна, только новоиспеченный комес Агуиры очень сомневался, сможет ли её предоставить Аррас в нужном объёме. По делу, требовалось хотя бы две-три компаниды, и не из маленьких. С кавалерией, с пушками. Потому что теперь было недостаточно просто добраться до какого-нибудь порта, как планировал Дорант, и сесть там на корабль до метрополии. Нужно было любой ценой взять Акебар и сменить (а при этом, скорее всего, казнить) вице-короля. Потому что без полной смены власти в Марке нечего было и думать о том, что Йоррин сможет вернуть в свои руки законную власть над Империей.

Честно говоря, Дорант, как ни старался, не видел для Йоррина Седьмого никаких способов вернуть эту власть. Новый Император находился в Заморской Марке, откуда до метрополии — при попутном ветре и течении, и если погода будет благоприятствовать — плыть было недели четыре, а то и шесть. Сколько можно найти кораблей в Акебаре и на побережье? Сколько можно найти войска, чтобы посадить на эти корабли? Сколько войска на них, наконец, влезет? И сколько всё это будет стоить? И где, о всемогущие Пресветлые Четверо, взять эти деньги?

А в метрополии ждали их войска короны, которые уж точно будут накручены домом Аттоу против молодого законного Императора и за сомнительную императрицу. И не просто накручены, а ещё и проплачены. Да и собственных компанид дома Аттоу, которые они держали наготове или могли собрать и вооружить в короткий срок и на собственные средства, хватило бы, чтобы поднять — или усмирить — даже крупный мятеж. Недаром же усобица, тянувшаяся в Империи лет десять, заглохла за пару месяцев, как только Аттоу перешли под руку предыдущего Императора. Там ведь не один этот дом был против Императора, половина маркомесов и несколько домов поменьше — в совокупности с Аттоу — собрали тогда войско едва ли не такой же численности, что и законный правитель.

Но нужно было делать хоть что-то. Потому что самой большой глупостью было бы — просто сидеть и ждать, когда произойдет что-нибудь благоприятное. В жизни так не бывает, чтобы благоприятное происходило само по себе: всегда приходится для этого напряженно работать.

Пока решительно ничего такого не происходило, и Дорант не только не видел ни малейшей возможности вернуть Императору корону, но имел основания сомневаться, удастся ли ему — и его спутникам — попросту выжить.

Когда они приблизились к Кармону на полдня пути, им пришлось принимать решение, как входить в город. Дорант до этого полагал, что лучше всего пробраться в него ночью, скрытно пройти до дома Харрана и спрятать молодого Императора там, пока они не придумают, что делать дальше и не получат хоть какое-то подкрепление. Он сильно рассчитывал на воинов гаррани, за которыми было послано до отъезда в Альвиан, хотя ожидать их следовало дней через пятнадцать, не раньше.

К удивлению Доранта, все остальные — кроме альвов, разумеется, которые в совещании участия не принимали — были против. И первым возразил Калле, который справедливо заметил, что в доме Харрана они недолго сохранят тайну Императора и его инкогнито: слишком много там людей, и не только боевых слуг Харрана, но и обычной прислуги, которую уж точно не заставишь помалкивать. А выгнать всю прислугу из дома в одночасье — значит большими разборчивыми буквами написать над дверями: "Здесь затевают что-то подозрительное".

Харран же просто напомнил, что Красный Зарьял наверняка уже в городе и наверняка уже поделился со всеми своими подвигами при освобождении примеса Йорре от злобных мерзких альвов.

В итоге решено было организовать, напротив, торжественный

въезд юного Императора в первый его имперский город, сделав вид, что всё идет как положено. Харран был послан за своими людьми — нельзя же, чтобы Императора сопровождала жалкая кучка из нескольких воинов, украшенных не очень свежими повязками со следами крови, и двух альвов. Харран привел практически всех, кто был в его доме способен носить оружие. Он догадался их приодеть, и большая их часть прибыла конной. Чего он не догадался сделать — это привезти хоть какую повозку. Императору, который до этого следовал на неудобных импровизированных носилках меж двух коней, пришлось, преодолевая боль и неудобство, ехать дальше верхом. Асарау, сколько мог, постарался уменьшить болевые ощущения в раненной ноге, и держался поближе к Императору, справа от него — пришлось плюнуть на этикет: если бы Его Величество упал в обморок дорогой или, того хуже, прямо перед встречающей его знатью города — было бы нехорошо.

Городская знать, предупрежденная Харраном, собралась на соборной площади. Туда же стянули городскую стражу, во главе с гуасилом и его супругой, а точнее, во главе с ньорой Амарой и ее мужем гуасилом при ней. Туда же собрались и все желающие посмотреть на нового Императора — то есть практически всё население Кармона.

Когда процессия приблизилась, Харран выкрикнул положенные слова, возвещающие о смене Короны. Встречающие преклонили перед Императором колени: народ, довольный редчайшим зрелищем, охотно и радостно, верхушка, пребывающая в сомнениях, неторопливо и без особого почтения. На ногах остались два армано из Странноприимцев, откуда-то взявшиеся в городе: Харран их не знал и никогда раньше не видел. Они держались обок городской верхушки, не смешиваясь, впрочем, и с толпой; смотрели дерзко и насмешливо переговаривались, ожидая реакции Йоррина и его свиты.

Дорант, не говоря ни слова, уложил их двумя выстрелами из своей ныне любимой четырехствольной игрушки. Когда дым рассеялся, а крики изумления и ужаса утихли, он объявил застывшей толпе:

— Люди Кармона и Кармонского Гронта, преданные Империи и Императору! На дороге в столицу, куда мы везли примеса Йорре, спеша воссоединить его с венценосным отцом, мы были атакованы братьями Странноприимного ордена во главе с армано Миггалом! Странноприимцы намеревались убить нового Императора, чтобы ввергнуть Империю в смуту и разрушение! Они посягнули на жизнь Его Величества, уже зная, что перед ними не примес-наследник, а сам Император! Орден сей объявлен

ныне вне закона, членов его должно схватить и допросить, а при сопротивлении — убить на месте! Имущество ордена отходит Короне, а тому, кто принесет доказательства преступных его деяний, будет выдана награда! Вы сами видели — эти двое злонамеренно и открыто выразили неуважение к особе Императора, не преклонили пред нею колена и осмелились строить над нею насмешки! За это были они покараны на месте, что будет и со всяким, кто, подобно им, посмеет проявлять неуважение к Императору и его власти!

Речь Доранта, подкрепленная зрелищем выставленных в сторону толпы — и местной верхушки в том числе — стволов импровизированной императорской свиты, произвела впечатление. Люди преклонили головы пониже, стараясь не смотреть в глаза Доранту и окружавшим его и Императора боевым слугам.

Дальше выступил уже сам Йоррин Седьмой, объявив, что всем, кто его поддержит, будет хорошо, а тем, кто воспротивится — плохо. При этом он на примерах пояснил и то, и другое, подтвердив Доранту, Харрану, Калле и Асарау то, что пожаловал им в лесу, а также объявив, что Кармонский Гронт из коронных земель стал наследственным владением, но сам Кармон остаётся коронным городом и с этого момента будет столицей северных областей Заморской Марки. Наместника он поблагодарил за содействие, оказанное Доранту, и поздравил его камергером. Тех же, кто будет противиться воле Императора и препятствовать его власти, обещал он казнить и лишать их семьи имущества в пользу казны.

Засим он потребовал от представителей местной власти и других важных людей (заранее перечисленных для него Харраном) подойти для принесения клятвы верности, каковую они, опасливо косясь на сильно пахнущую горелым порохом четырехстволку Доранта, благополучно принесли, за что были допущены к целованию императорской длани.

Народ наблюдал за этой церемонией со смешанными чувствами, судя по отсутствию приветственных криков и возникавшему то тут, то там негромкому обсуждению — что же теперь будет и как к этому относиться. Дорант же ни на минуту не сомневался, что поступил правильно: в их положении нельзя было допустить и тени сомнения в законности власти молодого Императора, и тени даже не сопротивления, а публичного неуважения к ней.

2

События последующей недели заставили Доранта усомниться в своей способности понимать людей. Дорогою до Кармона они с юным императором и Харраном не один раз обсуждали и разбирали расклады сил в городе, прикидывали, кто может быть их союзником, а кто уйдет в оппозицию. Дорант при этом твердо рассчитывал на гуасила, а точнее, на его жену, и полагал, что наместник в присутствии законного императора без раздумий встанет на его сторону. Про Красного Зарьяла с его людьми он думал, что те останутся в стороне, так как отношения у Зарьяла с Йорре несколько не задались. И он опасался козней от гильдмайстера Ронде из-за родства его жены с домом Аттоу.

На самом же деле всё получилось совершенно по-другому.

Прежде всего, наместник, которого новый Император облагодетельствовал (как он думал) званием камергера — дававшим неплохой стабильный доход, а главное, близость к Его Величеству и пребывание при дворе — неожиданно замкнулся и встал в позу обиженного. Через прислугу удалось выяснить, что в доме его идут постоянные скандалы: ньора Кессадо бьёт посуду, а иногда и мужа, и кричит, что Император решил выставить их с супругом на посмешище. "Какой двор! Как мы туда поедем? Как мы будем там выглядеть, ни ты, ни я ни вести себя при дворе не знаем как, ни разговаривать, как знатные, не умеем! Над нами все будут только издеваться!". К тому же наместнику сильно не понравилось, что, вопреки обычаям и этикету, Йоррин Седьмой остановился не у него, а в доме Харрана. В довершение всего, когда до ньоры дошло, что Харран получил в наследственное владение земли всего Кармонского Гронта, а наместнику никаких имений не предложили, она совершенно расстроилась и даже перестала следить за тем, что и кому говорит — за меньшее в адрес Императора таскали к палачам…

С женой гуасила всё вышло, как Дорант и думал: она явилась на следующее же после их въезда в Кармон утро и притащила мужа. За что пара была Императором умеренно, но заметно обласкана, получила заверения, что их преданность не останется без награды, и некий аванс в привычном уже виде "земель в наследственную собственность, кои выделит тебе каваллиер Харран из Кармонского Гронта из своих земель, по вашему обоюдному согласию, в том размере, который сочтёт достойным твоих заслуг, так, чтобы ты и твоя семья жили в достатке, соответствующем лицу, имеющему личные заслуги перед императором". Харран немедленно выделил, поскольку для этих нужд по просьбе Императора успел уже подобрать приличные участки.

Но неожиданно застроптивилась городская стража. Дело

было тут тёмное, поскольку называть причину стражники отказывались, намекая на некие "обстоятельства". Пришлось, опять же, воспользоваться связями прислуги, через которые выяснилось, что гуасил задержал положенное стражникам жалованье под предлогом того, что "этот столичный каваллиер" якобы выгреб всю Кармонскую наличность, отбывая в лес за примесом. Вообще-то выгреб Дорант только собранные для передачи в императорскую казну пошлины, городского бюджета вовсе не коснувшись, так что история эта характеризовала гуасила довольно странным образом. Раньше он не был замечен в том, что путал свой карман с городским, при наследственных-то деньгах ньоры Амары. Разбираться с ним, впрочем, было не ко времени и неуместно. Пришлось стражу взбодрить из оставшейся наличности и пообещать ещё по мере поступлений, что обеспечило их поддержку, хотя и не сдобренную надлежащим энтузиазмом.

Зато энтузиазм забил фонтаном с неожиданной стороны. Почти одновременно с гуасилом и его супругой в дом Харрана явился не кто иной, как Красный Зарьял, приведя с собой всех своих людей, и с порога потребовал, чтобы Император принял у них клятву верности. Шестнадцать человек с оружием и конями, имеющих некоторый опыт в обращении и с тем, и с другими, были вовсе не лишними, да и вообще, любые сторонники были, откровенно говоря, на вес золота. Так что Зарьяла с его командой приняли любезно и тут же повязали клятвой, которая, как водится, содержала обязательства с обеих сторон. Сам Зарьял неожиданно для себя получил дворянство и собственный надел — из тех же харрановых земель. Дорант при этом озаботился напомнить Императору про погибших в Альвиане и на дороге людей из команды Зарьяла — и выхлопотал их семьям, у кого были, пожизненные пенсии. Впрочем, таких оказалось всего двое, остальные оказались, как обычно для такой публики, одинокими волками.

В целом дела обстояли довольно сложно. Дорант с Харраном буквально бегали по городу, собирая для Императора сторонников. Немногочисленное кармонское дворянство, однако, не слишком рвалось в свиту Императора, несмотря на щедро раздаваемые им — из владений Харрана — земельные наделы. Земля эта, находясь в Кармонском Гронте, большой ценности не имела и не много добавляла к тем участкам, которые уже имели здесь местные дворяне. Продать ее было нельзя, а сдавать в аренду — кому? В Гронте не было избытка крестьян: все, кто был, уже сидели на чьих-либо участках. К тому же городу, в общем, хватало выращиваемых в окрестностях продуктов; до других же

покупателей ехать было дня три, если волами. Лошадьми быстрее, но сколько увезешь? Так что земля местных дворян не слишком привлекала. В итоге тех, с кем можно было бы идти дальше, явно было маловато. Людей с тем или иным военным опытом удалось, в конце концов, наскрести в городе почти сотню — что, однако, не тянуло даже на приличную компаниду.

Но больше всего не хватало денег: набранный отряд надо было обмундировать, вооружить, докупить коней, да просто кормить. Пришлось еще выдавать жалованье городским чиновникам, пользы от которых пока не было никакой, но вред мог быть вполне конкретный. Деньги текли как вода; Дорант внёс остатки полученных у Арраса и наместника, Харран выложил практически до последнего то, чем располагал, удалось даже поживиться невеликой казной Странноприимцев, хранившейся в доме одного из местных торговцев, где обосновался армано Миггал — но всё это уже практически заканчивалось.

Одна была надежда на кармонское купечество. Впрочем, серьезных негоциантов в городе было можно пересчитать по пальцам одной руки, и все они смотрели в рот гильдмайстеру Флоану Ронде, как, собственно, и положено в таких городах — да и в более крупных тоже, за исключением, пожалуй, столиц.

К гильдмайстеру надо было найти подход, причем тупо вызвать его на аудиенцию к Императору — не годилось, человек он был, как имел возможность понять Дорант, непростой и горделивый. К тому же, по жене, в родстве с домом Аттоу, так что любой неосторожный шаг мог привести к неприятным последствиям.

Проще всего было бы заслать к нему Харрана, который был вхож в дом и женихался со старшей дочерью, но тут выяснилось, что Харрана после памятного бала дочка гильдмайстера не хотела видеть — когда он явился к ним в дом, передала через слугу, что просит юношу больше о ней не беспокоиться и своим присутствием не надоедать. Так что Дорант пока не знал, что с этим делать.

3

Была еще одна вещь, которая беспокоила Доранта и в дальнейшем грозила превратиться в серьезную проблему: это был Император.

Дорант не мог себя заставить смотреть на Его Величество как на символ и главу Империи, у него перед глазами возникал то голый и дрожащий паренёк с синяками на теле, то сдерживающий

рыдания подросток, вспоминающий страшный плен и смерть близкого человека. Да и на самом деле Йорре не хватало солидности и величия; слишком молод он был для короны. Правда, покойный отец воспитал его неплохо и учителей дал хороших. Юноша принимал решения самостоятельно и делал это быстро; решения могли быть неверными (как в случае с камергерством для кармонского наместника), но могли и попадать в точку. Впрочем, до сего дня были они довольно однообразны и сводились к раздаче земель и титулов, но тут уж делать было нечего: ничем другим молодой Император пока не распоряжался.

Сетруос ли научил парня, или от царственных родителей получил он это, но Йорре оказался весьма наблюдательным и чутким. Он довольно неплохо понимал людей и относился к ним без высокомерия, что Доранта весьма радовало, поскольку служить самодуру было бы неприятно.

Новый Император для своих лет очень много знал, было видно, что он учился и по книгам тоже. Однако он вырос во дворце, и вовсе не знал обычной жизни, которую ведут простые люди (и простые дворяне в том числе). Он оказывался беспомощным в самых обычных ситуациях: поразил Доранта тем, что не умел самостоятельно одеваться (что очень быстро прошло в походе), не знал, где в лесу найти воду, наверняка заблудился бы, оставшись один, не мог приготовить себе пищу (больше того, ждал, что ему подадут) и так далее. Словом, неплохо умея обращаться с оружием, воином он не был.

Дорант сравнивал Йорре с собой в том же возрасте — а ведь ему было всего на год больше, когда он приплыл в Заморскую Марку. Он знал тогда гораздо меньше, чем юный Император, пожалуй, хуже разбирался в людях, но гораздо больше умел. И, уж конечно, был куда более уверен в себе (до глупости, на самом деле).

За молчаливой решительностью Его Величества чувствовалась глубокая неуверенность в том, что он поступает правильно. Он как будто всё время хотел обернуться и заглянуть кому-то в глаза, ища там одобрения. Парень слишком привык, что за его плечом всё время стоит мудрый учитель, который и направит, и поправит, не давая совершить ошибку. И укажет на ошибку, буде она уже совершена. И подскажет, как ее исправить наилучшим образом.

Доранту очень не нравилось то, что Йорре, похоже, всё больше и больше видел таким учителем его. Он почти не отпускал нового комеса Агуиры от себя. Было похоже, что только в его присутствии он чувствует себя уверенным и защищеным.

Император действительно мог во всем положиться на Доранта, и тот действительно сделал бы — и делал — всё, что мог, чтобы обеспечить его безопасность, но вот быть Императору наставником он был не готов и не хотел. Дорант понимал, что юноша с детства нуждался в отце — который не мог или не хотел уделять младшему примесу те внимание, ласку и поддержку, которые обычно дети получают от отцов. Потом отца заместил покойный Сетруос, ставший для парня не просто учителем, а самым близким человеком — единственным, кому он мог доверять безгранично. Понятно было и то, что после смерти Сетруоса малый, привыкший к постоянной заботе и оценке со стороны того, кому он мог доверять, чувствовал себя одиноко и неуверенно. Но, проклятые демоны, Дорант не видел для себя ничего хорошего в том, чтобы стать нянькой Императора!

Он ведь вырос в семье, не так уж далёкой от трона. Он знал — не по своему опыту, но и не по пересказам, а по тому, как и что обсуждалось вечерами за общим столом в касенде[44] их дома — какова жизнь при дворе, чем живут придворные, каковы их нравы и обычаи. С тех лет своей ранней юности, когда его стали пускать за стол в касенде, он понял для себя, что жить при дворе — не хочет и не будет, что интриги, тщательно скрываемая под маской напускной любезности ненависть, предательство и подсиживание — не для него. Дорант считал себя человеком простодушным (и был бы крайне удивлён, если бы узнал, что в Марке слывёт опытным политиком и интриганом, способным добиваться своего непрямыми путями), для него были — друзья, враги, семья и посторонние, и к каждой категории он относился так, как, по его мнению, следовало к этой категории относиться. Для семьи он был готов на всё, для друзей — почти на всё, для посторонних — с большими оговорками, а врагов либо убивал, либо игнорировал, если они не могли причинить ему (а также его друзьям и семье) вреда.

При дворе так жить он бы не смог. Пришлось бы вступать в союзы с врагами, предавать друзей, и даже не принимать во внимание интересы семьи, если это было бы нужно для того, чтобы добиваться своих политических целей — или чтобы уцелеть.

Император Йоррин Сеамас Седьмой явно хотел видеть в Доранте близкого человека, конфидента, советника, наставника и защитника. Дорант готов был быть ему советником и защитником — по должности и положению, до определённых пределов, причём определённых формально и официально, согласно признанным всеми требованиям к позиции — но категорически не хотел отношений неформальных, личных, на уровне дружбы

или, не приведи Пресветлые, духовной близости. Во-первых, он не чувствовал в Йорре человека близкого, родного — а только тех, кого выбрал он сам, он готов был считать друзьями. Император же свалился ему на голову как клиент, как человек, которого он должен принять в одном месте и передать в другом — и забыть после этого. Парень, конечно, был симпатичный, но себе на уме, а его положение исключало сколько-нибудь откровенные отношения. Во-вторых, конфидент Императора — это смертник, если его не подвели к Его Величеству правильные люди. Даже Светлейший дука Санъер появился при дворе не с улицы и не сам по себе. Никто не может вот просто так оказаться при Императоре и иметь на него даже малейшее влияние, если это влияние не согласовано и не приведено в соответствие с интересами маркомесов, крупных и влиятельных благородных семейств и даже важных группировок из купечества или вольных городов.

Что делать с этим — Дорант не знал, и пока что решил пустить всё на самотёк. По крайней мере, сейчас они были далеко от столиц, и с решением можно было подождать, а пока по возможности держать от Императора дистанцию.

Беда была еще в том, что парень мучился от безделья: рана его, благодаря опохве, заживала довольно быстро и благополучно, но ходить ему было еще больно. Больно было даже сидеть, согнув ногу. Поэтому большую часть дня Император лежал, то в своей комнате, то в тени стен во дворе, наблюдая за упражнениями воинов или беготнёй прислуги. Немногие книги, бывшие в доме, он быстро перечитал. И теперь постоянно посылал за Дорантом, заставляя занимать себя разговорами — по большей части полезными, но ужасно отвлекавшими деятельного комеса Агуиры от неотложных текущих дел.

4

А ещё эти альвы! Дорант чувствовал нутром, что с альвами что-то не так. Непросто и не хорошо.

События при въезде в город отвлекли горожан от экзотических полуживотных, прибывших в свите Императора. День или два после ушли на то, чтобы обустроить альвов в доме Харрана. Потом они осваивались. А потом заскучали.

Как он понял из их объяснений, переведенных Асарау в день битвы на дороге и потом повторенных много раз ему самому, когда он учил альвийский язык, на поляне, где им вернули примеса Йорре, погибла практически вся верхушка клана. При этом, по словам альва (который, наконец, назвал своё имя,

способное сломать язык кому угодно; в конце концов его стали называть Вайлар), остатки клана ушли, чтобы влиться в один из прочих кланов, бросив свой посёлок. Доранту, после рассказов Асарау, показалось это очень сомнительным: в клане, где был пленным воин гаррани, было куда больше четырёх с небольшим десятков воинов, перебитых на поляне. Вряд ли в клане Лаиолаи (Дорант гордился, что запомнил его название) было их меньше. Так что альвы явно не были искренними, и причина, по которой они примкнули к людям и помогли им в битве, была какой-то другой.

Но, так или иначе, они примкнули и помогли. И дальше шли вместе с людьми, охотно общались, способствовали изучению языка, а воин (ну да, теперь называть его самцом было бы просто неприлично) в конце концов увлёкся участием в упражнениях и много, кстати, показал интересного.

В городе альвы довольно быстро освоились, совершив несколько прогулок под надзором Калле и пары боевых слуг Харрана. Горожане на удивление быстро привыкли к ним (если не считать детей, которые пялились на альвов, бежали за ними следом и показывали пальцами). Дразнить альвов, не понимающих человеческого языка, тоже пытались, но это оказалось бесполезно: они просто не реагировали. Лишь однажды возникла ситуация, которая могла бы стать опасной. Странствующий монах нищенствующего ордена Святого Фарсалия, увидев альвов на улице, возбудился и заорал проклятия; старый боевой слуга Харрана Коскен, отправленный с альвами и Калле, однако, быстро объяснил монаху, в чём тот не прав, и удалось даже обойтись без рукоприкладства. Правда, Коскену пришлось потом отмаливать грех сквернословия в главном храме Кармона, поскольку таких витиеватых выражений не слыхивал никто из присутствовавшей при инциденте публики, и весь об этом дошла до настоятеля. Но пять серебряных милирезиев а также записанные на бумаге и отданные настоятелю для сожжения (ага!) скверные слова исчерпали инцидент.

Альв оказался интересным противником: Дорант и Харран с удовольствием пробовали свои силы в упражнениях с ним. Еще на подъезде к городу, однако, его копьё обломалось. Алебарда оказалась ему не по рукам: раса эта сильна скоростью, но не физической силой. А действовать быстро оружием, которое слишком для тебя тяжело, невозможно.

В городе, у Харрана, Дорант довольно быстро отыскал в оружейной старый клинок, довольно короткий, и потому годный для альва по длине и балансу. У нечеловеческого воина, однако,

оказались слишком узкими руки, из-за чего правильно держать меч у него не получалось. Дорант подумал — и решил, что для этого меча альву лучше всего подойдет не рукоять, а древко, длиной почти с сам клинок, чтобы альв мог пользоваться более привычным для него хватом. Удлинить рукоять стоило полдня и пару монет. Результат оказался даже лучше ожидаемого: альв будто родился с этим оружием.

Впрочем, Дорант так и не придумал пока, куда альвов девать и к чему пристроить. Брать их в поход ему очень не хотелось — при всех боевых качествах на альва рассчитывать было сложно: кто его знает, что у него на уме; альва же была бы чистой обузой.

Вечерами, когда чистая публика дома Харрана собиралась на касенду во внутреннем дворе, Дорант часто видел альва, прячущегося в тени дверного проёма и наблюдающего за людьми. Он думал, что незаметен, но его выдавали две светящиеся точки глаз, видимые, когда на них падал отсвет от факелов. Дорант решил рано или поздно приобщить альва к касенде: было интересно, как тот отреагирует и как будет себя вести за столом.

Дорант даже выспросил у воина гаррани и заучил, как у альвов принято предлагать друг другу напиток.

5

Тут в кабинет ворвался Харран, взъерошенный и встревоженный.

— Наместник что-то затевает! Прибежал сейчас Самир, говорит, наместник разослал слуг по всему городу, собирает людей на офисиаду[45]. В полдень будет говорить. От слуг слышно, что прискакал гонец с юга с чем-то важным. Не нравится мне это. Надо бы нам всех своих собрать туда же, на офисиаду, да лучше всего — с оружием.

Дорант сломал, наконец, перо, швырнул его на пол и ненадолго задумался.

— Это будет поздно. Бери самых надежных, человек десять. Сеннер, вроде бы, вчера уже во дворе мечом махал?

— Да, он почти здоров.

— Его тоже прихватим. Пусть у каждого будет по две пиштоли — найдешь столько?

— Да ты же был в оружейной, Конечно, найду.

— Да, и хауды все берем. Через полчаса чтобы все были наготове во дворе у выхода. Идём в дом наместника, надо, чтобы мы первыми узнали новости.

Лицо Доранта скривилось то ли в усмешке, то ли в

угрожающей гримасе. Гонец с юга к наместнику мог быть только с вестями от вице-короля — то есть с официальной версией дома Аттоу. Что это может быть за версия — легко догадаться. В их шатком положении нельзя было допустить, чтобы эта версия разошлась по городу: далеко не все сторонники юного Императора были настолько надёжны, чтобы не разбежаться при первом же сомнении в успехе его дела.

Поэтому надо было: во-первых, узнать, что принёс гонец. Во-вторых, если вести неблагоприятны — воздействовать на наместника, чтобы тот правильно понял, что именно должен он говорить людям с балкона дома приёмов в полдень. А если не поймёт — ну, у Императора есть же право наместников не только ставить, но и смещать. За предательство. А буде окажется упорствующим в предательстве, то и казнить.

В принципе, конечно, надо было бы взять с собой Императора — но тот по-прежнему не мог пока опираться на раненую ногу. А для возни с носилками попросту не было времени.

Да, подумал Дорант, вот и получается, что я и вправду комес Агуиры: денег с комиты никаких, а о безопасности Императора и его интересах думать приходится больше, чем кому бы то ни было. И по большей части за свой счёт…

Наместник оказался настолько бестолков, что даже не заперся в своем доме. До полудня оставалось ещё часа два, когда Дорант, Харран и их люди ввалились к наместнику, практически не встретив сопротивления (если не принимать во внимание разбитое лицо одного из слуг, который вздумал задавать вопросы: кто идёт да по каким делам, вместо того, чтобы просто открыть двери. Ну, еще двери выбили, да они хлипкие были — у наместника явно не хватало средств на достойное содержание собственного дома. Ещё бы, при таком количестве детей).

В кабинете наместника Дорант, однако, с первого взгляда понял, что они опоздали. Там уже собралась вся верхушка города: гуасил (без жены!), старейшины всех трёх городских знатных родов, семеро дворян из крупных арендаторов и оба негоцианта, контролировавших основную торговлю Кармонского Гронта. Тут же присутствовал и гильдмайстер Ронде.

Что было хуже всего, каждый из них пришёл с двумя-тремя телохранителями, а при гуасиле было их аж шестеро. И все — вооружены. Немаленький кабинет наместника казался тесным из-за такого обилия людей.

— Доброго здоровья и радости уважаемому наместнику, доброго здоровья и радости собравшимся! — Не растерялся Дорант. — Ваш слуга, — обратился он к наместнику, — видимо, перепутал дорогу: мы только случайно узнали, что вы получили

важные вести и делитесь ими с важными людьми. Или вы не сочли важными людьми Харрана из Кармонского Гронта и комеса Агуиры? И Императора?

Наместник, гордо выпрямившись и глядя Доранту прямо в глаза, с вызовом произнёс:

— Мы собирались объявить новости всем в полдень, каваллиер[46].

Это было прямое оскорбление, но сейчас было бы неудачное время и место для крови. Поэтому Дорант холодно заявил:

— Мы — не "все", ньор Кессадо[47]. Мы — свита вашего Императора.

— А вот это как раз вопрос, — в голосе наместника явно прозвучала издёвка. — Вице-король прислал нам прокламацию, в коей сказано, — он поднял лежавший на столе листок и стал читать, — что власть императорскую, после безвременной кончины Его Величества Лория Сеамаса Третьего и ввиду безвестного отсутствия наследного примеса Йоррина, пропавшего при обстоятельствах, свидетельствующих о возможной его, примеса Йоррина, гибели, приняла на себя, в соответствии с законом о престолонаследии, дукесса Маста, родная сестра безвременно покинувшего нас Императора, каковая с даты кончины Е.И.В. Лория Сеамаса Третьего, коя случилась в третий день прошедшего месяца инреваса[48] сего года, является местоблюстителем Императора в ожидании коронации, и что коронация сия намечена, в соответствии с законом о престолонаследии же, на третий день предстоящего месяца теваса, сиречь ровно через половину года после кончины предыдущего Императора[49], по окончании траура.

Дорант едва не разулыбался от облегчения: эти дурни сделали сразу две ошибки: они не объявили наследника мёртвым (он представил себе, как они ругались, не получив в ожидаемый срок сообщения о кончине примеса Йорре от сопровождавших его людей) и не объявили Масту Императриссой сразу же, наплевав на закон о престолонаследии. Видимо, не все участники переворота были так уж уверены в его успехе. Это значило, между прочим, что не вся знать поддерживает дом Аттоу — что, на самом деле, было вполне ожидаемо.

И это значило, между прочим, что примеса не просто так везли мимо Альвийского леса — смерть его при правдоподобных обстоятельствах была задумана заранее. Только вот задумавшие — как раз умерли, а примес выжил.

Дорант, не менее язвительным тоном, возразил наместнику:

— Вы, уважаемые, все имели честь лицезреть Императора Йоррина Сеамаса Седьмого, живого и дееспособного. Некоторые

из вас, — тут он обвёл присутствующих тяжелым взглядом, обещающим недоброе, — вполне добровольно и охотно принесли ему законную присягу. Таким образом, претензии дукессы Масты на трон Империи имеют своим основанием явное недоразумение, заключающееся, скорее всего, в отсутствии надёжных сведений у дукессы о наличии Императора Йоррина в живых и о его местопребывании. Я не высказываю — пока — прямого обвинения должностных лиц в том, что они не приняли своевременных мер к уведомлению дукессы об этих обстоятельствах. — При этом взгляд Доранта упёрся в наместника. — Надеюсь всё же, что ныне таковые меры будут, наконец, приняты.

Тот, однако, упёрся:

— Мы видели, каваллиер, что вы привезли из Альвийского леса некоего юношу, который ранее проезжал Кармон со свитой, не объявляя своего настоящего имени и звания. Свиту же, коя могла бы их объявить, вы из Альвиана не возвратили. Из чего следует, что у нас нет никаких доказательств, что этот юноша являлся законным наследником Императора примесом Йоррином. Присяга же Императору, буде она принесена по неведению самозванцу, не имеет силы.

Дорант вытащил из-под колета золотой поисковый артефакт:

— Вот артефакт, настроенный на кровь наследного примеса. Любой может убедиться, что он срабатывает в присутствии Его Величества.

Наместник с насмешкой задал неожиданный для Доранта вопрос:

— А кто дал вам, каваллиер, этот артефакт, и откуда вы знаете, что он настроен именно на кровь примеса Йорре?

— Я получил его в службе его сиятельства Светлейшего дуки Санъера.

— То есть от людей предателя, схваченного, осуждённого, изобличённого и казнённого на эшафоте, согласно той же прокламации?

6

Это был удар под дых. Дорант, как всегда в смертельной опасности, стремительно просчитывал в мозгу варианты своих действий, а главное — того, что он мог сказать. К сожалению, аргументов у него было немного: самым сильным из них могло бы быть собственноручное письмо предыдущего Императора наследнику, но Дорант отдал его альву, а тот почему-то не передал примесу. Где сейчас находилось письмо, не знал никто,

включая альва (Дорант его спросил — без особого успеха; тот то ли не понял, о чём речь, то ли не захотел отвечать).

Чтобы не длить молчание, которое однозначно было бы воспринято как признание вины, он вытянул левую руку и показал свинцовый перстень с Имперской печатью, который также передавал примесу через альва, и который получил от Императора обратно уже как знак его новых полномочий:

— Вы знаете, что это такое, ньоры?

Активированный перстень разбросал вокруг радужные искры, будто в нём был крупный бриллиант.

По кабинету наместника прошелестел шёпот. Что это такое, знали все присутствующие.

— Вы, может быть, полагаете, что подобное может быть у того, кто не имеет на это права?

И опять местная знать зашепталась. Что полагается за обладание таким перстнем без соответствующих прав на него, знали все.

Но наместник не унимался:

— Ньоры, все мы знаем, что осужденный и казненный предатель Санъер, сумевший колдовством вкрасться в доверие покойного Императора, имел неограниченный доступ к артефактам и документам, подтверждающим полномочия императорских посланников. Почему бы он не смог получить такой же доступ и к подобным перстням?

Дорант не мог не отметить, что это было правдой. Дело было почти проиграно, и он потихоньку потянулся к рукояти четырехстволки, стараясь, чтобы его движение было незаметным.

Но тут, совершенно неожиданно, вмешался гильдмайстер Ронде, снова заставив Доранта серьёзно усомниться в своих способностях понимать и оценивать людей:

— Ньоры, прошу вашего внимания! — Сказал он. — Мы должны принять важнейшее решение, и при этом перед нами с одной стороны — бумага, неизвестно кем написанная и присланная (а мы знаем, что даже в нашем городе имелись люди, стремящиеся пресечь правильное наследование), а с другой — всем известные и достоверные артефакты предыдущего царствования. И юный Император, одного взгляда на которого достаточно, чтобы увидеть царственные манеры человека, который имеет право на власть. Кого мы должны слушать: безвестного писаря[50] из Кайселена, который перебелил так называемую прокламацию неизвестно с какого образца, или высокородного Доранта из Регны, коего мы знаем, как верного слугу предыдущего Императора, участвовавшего во многих славных деяниях, и в том числе в подавлении богомерзкого

мятежа здесь, в Марке? Задумайтесь о том, какими могут быть последствия неверного выбора!

Дорант был потрясён. Последний, от кого он ожидал поддержки в Кармоне, был гильдмайстер, чья жена была из Аттоу и роднёй вице-короля. Происходило что-то непонятное, а Дорант терпеть не мог непонятного, когда оно касалось его или каких-нибудь важных дел.

Но настроение присутствующих начало заметно меняться: в конце концов, дукесса Маста далеко, а парень, претендующий на трон, с его до зубов вооруженными и совершенно безжалостными спутниками (особенно Дорантом, который, после расстрела двух Странноприимцев на площади, воспринимался как живое отродье Преисподней), были рядом.

— Полагаю, нам следует избежать торопливости в принятии столь серьезных решений. — Продолжил гильдмайстер. — По крайней мере, до тех пор, пока мы не получим дополнительных известий из метрополии, и не через посредников, а от заслуживающих доверия людей, облечённых полномочиями.

Присутствующие верхи кармонского общества запереглядывались и зашептались; наместник аж задохнулся, насколько для него неожиданным было выступление гильдмайстера Ронде. Тот же не стал терять инициативу и заявил, нарушая все мыслимые правила:

— Давайте, ньоры, не будем торопиться с выводами и совершать необратимые поступки на основе недостаточных сведений. Я предлагаю сейчас разойтись и всё хорошо обдумать. Мне кажется, чтобы не вызывать в простом народе излишнего напряжения и неоднозначных чувств, которые могли бы привести и к мятежу, стоит отменить объявленный уважаемым наместником сбор горожан на офисиаде. Согласитесь, что в отсутствие единого мнения у нас, лучших людей города, это было бы неосторожно.

Для человека не военного, не привыкшего решать быстро, всегда проще сказать себе: я подожду, пока всё прояснится — чем начать действовать в условиях, когда есть хоть малейшая неуверенность в правильности принимаемого решения.

Ньоры поколебались, пошептались, потоптались — и согласились.

Наместник, с ненавистью глядя на Доранта, позвал слугу и велел отменить общий сбор. Ссориться с городской элитой он не мог и не хотел — слишком от неё зависел.

Дорант почувствовал такое облегчение, что ему пришлось сделать усилие над собой, чтобы не пошатнуться на ставших ватными ногах. Им невероятно, неестественно повезло. Во-

первых, их здесь не ждали: наместник и его сторонники явно рассчитывали на то, что юный Император и его сторонники, запершиеся в доме Харрана, узнают новости уже после того, как их объявят в полдень всему городу. Явись они тогда на офисиаду, их бы тут же арестовали — городская стража просто задавила бы числом. А тут, в доме и в кабинете наместника, взять их не смогли бы: у присутствовавших почти не было огнестрела, а у Доранта и его людей было по две пиштоли (ежели не считать хауды Харрана, Калле и Самира, да четырёхстволку самого Доранта). В кабинете мало кто бы уцелел.

Но большая кровь сразу противопоставила бы город и Императора. И дальше пришлось бы действительно садиться в осаду, отбиваясь от городской стражи и родни павших в доме наместника.

Между прочим, Дорант, ещё когда они только ворвались в кабинет, обратил внимание на то, что в нём, кроме представителей городской знати, присутствовали их телохранители. Это могло значить лишь одно: наместник и городская знать не едины во мнениях и не доверяют друг другу. Случись там стрельба — намечавшийся раскол этот сразу бы прекратился, и все городские группировки выступили бы единым фронтом. Так что выступление гильдмайстера случилось не просто очень кстати — оно попросту спасло Императора и его свиту.

Между тем, собравшиеся как-то слишком торопливо стали расходиться, со всей очевидностью испытывая неловкость. Наместник упрямо уставился в столешницу, стараясь не сталкиваться ни с кем взглядом; на лице его были написаны раздражение и неуверенность.

Дорант и Харран с преувеличенной вежливостью отвесили ему положенные по этикету поклоны — и вместе со своими людьми также оставили кабинет.

7

Покидая особняк наместника, оба согласились между собой, что необходимо очень срочно выяснить причину, по которой Флоан Ронде так внезапно выступил на их стороне. При этом они строили предположения и высказывали гипотезы, каковые простирались от работы гильдмайстера на покойного Светлейшего дуку Санъера (в правдивости прокламации в отношении судьбы этого вельможи оба, кстати, не сомневались) до вмешательства Пресветлых Четверых.

Ни одно из этих предположений не было правильным. К изумлению обоих, Флоан Ронде перехватил их у выхода из дома наместника:

— Господа, я понимаю, что у вас есть причины не доверять сейчас никому… я хотел бы объясниться. У меня здесь картега, разрешите пригласить вас доехать до вашего дома со мной. По дороге переговорим.

Не успели они занять места в картеге, как гильдмайстер Ронде сразу перешёл прямо к делу:

— Извините за прямоту, но мы с вами всё-таки не совсем незнакомы друг с другом, так что я позволю себе говорить откровенно. Вы оба — прекрасные воины и преданные сторонники нового Императора. Я не могу быть полезен в бою, но война требует ресурсов, и кто-то же должен заниматься… э-э… хозяйством. А у меня есть в этом опыт. Кроме того, я могу предоставить в распоряжение Императора свои связи в деловых кругах, и даже среди дворянства. Мои интересы и моя деятельность распространяются не только на Кармонский Гронт, у меня есть люди и предприятия во всех соседних округах и в столице. И ещё. Я, конечно, далеко не так богат, как хотелось бы, — улыбнулся он, — но Его Величество может рассчитывать на мои средства, как на свои.

Всё стало ясно. Гильдмайстер метил самое меньшее в первые министры, если не в канцлеры. Умён, подумал Дорант: сообразил, что те, кто будут при Императоре сейчас — получат куда больше, чем те, кто присоединится потом, когда Его Величество со всей очевидностью станет брать верх.

— Откровенность за откровенность, ньор. Вы хотите присоединиться к Императору Йоррину Седьмому — но ведь это сделает вас врагом дома Аттоу.

Гильдмайстер кивнул. Для него не было секретом, кто стоит за самозванной местоблюстительницей императорского престола. Понимал он и то, что, имея жену из родни вице-короля, то есть того же рода Аттоу, не может не вызывать сомнений в том, кому будет предан на самом деле.

— Пусть это вас не беспокоит, комес. — Дорант оценил то, что Флоан Ронде, единственный из кармонской знати, не сделал даже малой запинки перед его нынешним титулом. — Семья Ингансо не очень благосклонно приняла второй брак моей жены, и, говоря честно, держит нас в отдалении. Дальнее родство Иниры с вице-королём помогает мне в делах — бывает полезно на него намекнуть, но ровно до тех пор, пока я не попытаюсь обратиться с какой-нибудь просьбой. Мы не в фаворе у дома Аттоу, хотя и не изгои: так, дальняя не важная родня. Мне не за

что испытывать к ним благодарность, и я им ничего не должен.

— А как на это посмотрит ваша супруга?

— Инира вышла за меня по любви. Ей это много чего стоило, в том числе и неприятностей от родительской семьи и прочей родни. Она этого не забыла. Мы всё обсудили, она меня поддерживает.

Тут они как раз доехали до дома Харрана. Дорант поблагодарил гильдмайстера за откровенный разговор и предложенную поддержку, но сказал, что решать в любом случае будет Император.

На этом они распрощались, и картега, скрипя и раскачиваясь, увезла нового сторонника Его Величества.

Харран едва дотерпел, пока они остались наедине: хлопнул Доранта по плечу и радостно подскочил с победным воплем:

— Нам везёт! Нам очень везёт! Я Флоана хорошо знаю: он человек очень осторожный, всегда всё взвешивает, обдумывает, и лишнего никогда не обещает. Но уж если обещал — его слово как скала! Считай, все наши трудности позади и Кармон теперь наш!

Старший друг посмотрел на него с сомнением:

— Это хорошо, конечно, но, во-первых, гильдмайстер нам войско не приведёт, во-вторых, в Кармоне всё равно есть и будут те, кто не на нашей стороне, а в-третьих, как ещё к нему отнесётся Его Величество…

— Ладно тебе! Всё равно это победа! А я уж думал, когда наместник прочитал свою бумажку, что придётся всех перебить и бежать из города. Так что нам повезло! Я считаю, это надо обязательно отметить!

— Ну, если за день ничего плохого не случится, почему бы вечером не устроить что-то вроде пира…

За день не случилось ничего хуже, чем ещё два сломанных Дорантом пера — впрочем, письмо ньору Аррасу он всё же написал. Попутно удалось решить, как его переправить — Флоан Ронде через доверенного слугу предложил в распоряжение Императора свою торговую сеть и своих курьеров. Теперь надо было прежде всего необходимо выяснить, в каком положении сам чиновник и какими возможностями располагает. Дорант не верил, что Аррас мог быть схвачен, как Светлейший: не так он был заметен, а значит, не так уязвим.

Письмо, зашитое в полу кафтана одного из приказчиков гильдмайстера, отправилось в дорогу, а Доранта снова потребовал к себе Император. Комес Агуиры прихватил Харрана, и они доложились о сегодняшних событиях. Йоррин взбесился, узнав подробности; вопиющая несправедливость и явное беззаконие, творимые семейством Аттоу, хоть и были ожидаемы,

вывели его из себя. Под горячую руку он было даже повелел немедля казнить наместника вместе со всем семейством, и стоило большого труда и немалого дипломатического искусства, чтобы объяснить ему, почему это нельзя делать.

Харран постарался расписать как можно красочнее достоинства гильдмайстера Флоана Ронде и его преданность Его Величеству, что несколько смягчило Императора. Он выразил желание познакомиться с новым сторонником; договорились пригласить того в дом Харрана вместе с семейством (последнее явно объяснялось желанием хозяина дома увидеться с Маисси). Предварительно наметили визит на последний день недели.

А на сегодняшний вечер и вправду назначили скромное пиршество!

Оно неплохо удалось: Харран выпросил у семейства Ронде их повара, лучшего в городе (заодно известив их о намеченной аудиенции у Императора), столы, вытащенные во двор, ломились от кушаний и напитков, даже притащили местного барда, который спел несколько баллад. Дорант заметил сверкающие в дверном проёме глаза альва и, будучи уже в подпитии, вытащил его за стол. Против ожидания, альв влился в компанию и даже оказался не дурак выпить. Правда, в какой-то момент Дорант отвлёкся и не заметил, что мохнатый его подопечный перешёл с вина на пулле, что местные дикари гонят из корней какого-то колючего растения. Внезапно альв вытянулся во весь рост и, размахивая руками, заверещал что-то странное, впрочем, довольно мелодичное. Все решили, что он решил порадовать их песней, захлопали и одобрительно закричали. На это альв неожиданно пришёл в ярость и хотел было кинуться в драку, но запутался в скамейке и собственных ногах, грохнулся лицом вниз и, после некоторого барахтания, отключился.

Пришлось позвать слуг, чтобы отнесли его в их комнату, где альва вдруг решила, что её мужчина погиб и ей надо дорого продать свою жизнь. Слуг спасло только то, что альв проявил явные признаки жизни в виде громкого храпа: альва переключилась на него, и слуги успели ретироваться.

В общем, день прошёл плодотворно, а вечер — весело.

Глава 4. Уаиллар

1

О Великое Древо! Если я всё-таки не умру, я никогда, никогда больше не буду есть тёплые лаоллэ!

Стоило пошевелить глазами, как весь мир уплывал и начинал кружиться. От этого путались мысли, а живот сводило спазмом, съеденное поднималось ко рту и выплёскивалось наружу. Уаиллар чувствовал, что его куда-то несли, раскачивая, отчего голове становилось ещё хуже; он издал страшный рык — но в нём уже не оставалось ни пищи, ни питья, и изо рта не изверглось ничего, кроме этого рыка.

Потом его куда-то положили. Голос Аолли произносил что-то, но воин не мог разобрать слов.

А потом он отключился снова, надолго. Похоже, что это и было Посмертие, по крайней мере, столь мучительных и путанных видений нельзя было ожидать от обычного сна.

В следующий раз он осознал себя лежащим на своём собственном ложе в своей собственной комнате. Рядом сидела Аолли, глядя на него странным взглядом, сочетающим жалость и холод одновременно.

Он попытался что-то сказать — и не смог. Во рту было сухо, а язык не слушался.

Но он определённо был жив.

Аолли протянула ему сосуд с какой-то незнакомо, остро и кисло пахнущей жидкостью:

— Увечный воин велел дать это тебе, когда очнёшься. Он сказал, надо выпить залпом.

Уаиллар с трудом приподнялся, принял сосуд и выглотал мутную слизистую жидкость, как было велено. У него перехватило дыхание, в носу защекотало, рот обожгло. В своей жизни воин не чихал подряд столько раз. Когда, наконец, он смог нормально вздохнуть, оказалось, что голова его прочистилась, рот увлажнился (хотя и горел), а в животе перестало полыхать пламя лесного пожара.

— Ч-что это было? — Спросил он.

— Ты про жидкость? Не знаю. — Ответила Аолли. — Тебя принесли такого, что я хотела всех убить: думала, ты мёртв. Но ты вдруг захрапел, раскинулся на ложе, а когда я тебя спросила, что с тобой, отмахнулся и запел боевую песню. Потом ты был как несмышлёный уолле третьей весны, наевшийся красных ягод

эрлиэло, от которых несёт верхом и низом. Я уже всё убрала, не беспокойся.

Уаиллар представил себе это и застонал от стыда, прикрыв глаза руками. Уши его обвисли.

— Я не знала, что и думать, но пришёл увечный воин и успокоил меня. Он сказал: "с каждым может случиться, кто не умеет пить". Я не очень понимаю, что значит "не умеет пить", но, похоже, у круглоухих это бывает часто. Он ещё сказал, что ты пил не воду, и надо быть осторожным: если того, что ты пил, слишком много, то может быть плохо. И ещё он говорил, что нельзя мешать разное, прочное с непрочным. Это я вообще не поняла.

Тут только Уаиллар смог разговаривать нормально:

— Так это не от того, что я нарушил уарро и ел клубни лаоллэ, обработанные горячей водой?

— Про клубни увечный воин вообще ничего не говорил. Только про питьё.

Уаиллар глубоко задумался. Потом вдруг поднял голову:

— Так значит, всё, что нам говорили старейшие про слова запрета, про то, что нарушивших уарро и евших то, что не растёт в Лесу, ожидает непременная смерть — всё это ложь?

— При чём здесь слова запрета?

— Я ел пищу круглоухих, — признался Уаиллар. — И мне понравилось! Ты понимаешь, Аолли — мне понравилось! Круглоухие, получается, не портят растения, а делают так, чтобы они стали вкусными!

— О чём ты?

— Я ел клубни лаоллэ, прошедшие кипящую воду. И ещё там что-то в воду добавляли, я не разобрал по вкусу. Ты понимаешь, эти клубни были не просто едой, чтобы набить брюхо: они были вкусными, мягкими, нежными как спелые лолоу! И сладкими, а не горьковатыми! А нам говорили всегда, с самого детства: плод надо есть таким, каким он вырос, а всё остальное — уарро! Нам говорили: можно есть только то, что растет в Великом Лесу, а всё остальное — уарро! И кто попробует иное — тот умрёт! А я ел, и не умер! И мне понравилось! Ты понимаешь, что это значит? Это значит, что всё, всё, что нам говорили старейшие, просто ложь! Это значит, что круглоухие умнее нас: они умеют делать вкусное из почти несъедобного. Они умеют выращивать плоды, которые больше тех, что растут в Лесу. Они умеют делать так, чтобы этих плодов было много!

— Ну и что?

— Ты не понимаешь! Если бы нам не мешали старейшие, мы могли бы брать у круглоухих семена их растений! Растить их у нас, и наши женщины могли бы попробовать разговаривать с

этими растениями! И тогда у нас было бы даже больше еды, чем у круглоухих! И можно было бы иметь больше детей, и в нашем аиллоу жило бы столько же аиллуэ, сколько круглоухих живёт здесь! И у нас было бы много воинов, мы стали бы великим кланом!

Тут он внезапно замолк, поражённый ещё одной мыслью. Он вспомнил оружие, которое дал ему Старый. Это оружие тоже было уарро. Но оно было прочнее, ловчее и лучше, чем привычные аллэ народа альвов!

А что, если бы у альвов его клана было такое оружие?

А что, если бы альвы научились пользоваться громотрубами?

От этой мысли у него захватило дух.

2

И когда Уаиллар понял, что можно всё, а уарро — ложь, он будто освободился от поводка, которым уолле, ещё не понимающего опасность, но уже умеющего ходить, привязывают к матери.

Он принялся ещё сильнее и чаще терзать воина-калеку, требуя, чтобы тот объяснял ему слова многокожих. Взамен он учил его языку аиллуэ. И не только его, но и всех, кто хотел учиться: Старого, его молодого друга, "Аллэ, вождя-уолле, даже круглоухих не-воинов. Раньше он делал это неохотно, через силу, сомневаясь, что поступает правильно — но теперь… В обмен на любые слова любых языков, которыми пользовались существа с круглыми ушами, он готов был поделиться любыми словами аиллуэ в любом количестве. Он жаждал знаний, стремился понять, как, почему, чем круглоухие, а особенно многокожие, смогли добиться такого, о чём и подумать не смели гордые аиллуэ. У него будто глаза открылись: он и до того видел, что многокожим удаётся кормить куда больше ртов, чем народу альвов, что у многокожих есть то, чего нет у народа альвов — и что делает жизнь их легче, удобнее, безопаснее, чем жизнь аиллуэ. Но сейчас он почувствовал, что не существует никаких причин, чтобы и у его сородичей не было того же. Никаких — кроме глупой спеси и ни на чём не основанного чувства превосходства.

Он стал принимать пищу вместе с многокожими, что вызвало их удивление — и одобрение. Он даже попробовал плоть живого существа, загнав природное отвращение в глубь души — но ему не понравилось, и он еле сдержал рвоту. Он пил то, что пили многокожие: оказалось, что у них есть вполне приятные напитки,

не ударяющие в голову; всего-то надо было несколько давно знакомых трав залить кипящей водой — и получался настой, который бодрил и придавал силы.

То, от чего пахло перебродившими плодами, он больше не пил.

Он каждый день теперь занимался воинскими искусствами с любыми из многокожих, кто приходил для этого во двор, а не только со Старым и его спутниками, которых знал раньше. Учился уловкам, связкам и приёмам, придумывал свои, осваивая оружие, которое дал ему Старый.

И, наконец, однажды напросился вместе с воинами многокожих упражняться с громотрубами.

Они вышли из дома после того, как светило перешло за середину дневного круга, прошли через всё аиллоу многокожих и спустились к реке. Там было место, где глинистый обрыв переходил в широкую полосу песка, за которой начиналась речная отмель. Речка там расширялась, промывая мягкую породу, и текла через брод глубиной от силы по колено. Крутые берега с обеих сторон расходились шагов на двести. Дважды в год речка заполняла всё пространство между ними, но сейчас, в начале осени, её хватало едва ли на четверть этого пространства.

Там весь город устраивал стрельбы: можно было не бояться, что свинец вылетит выше берега и поразит кого-то.

Уаиллар, ещё до выхода из дома, попросил через воина-калеку, чтобы ему подробно показали, что нужно делать с громотрубой, чтобы она выстрелила. Оказалось, что это не такое простое дело: сначала надо было засыпать в трубу серо-чёрный вонючий порошок, потом специальным стеблем из прошедшего огонь камня (круглоухие звали его "шомпол", чего альвийский воин, конечно же, выговорить не мог) загнать поверх порошка пробку из растительных волокон или шерсти животных, потом тем же стеблем затолкать поверх пробки круглый шарик из мягкого тяжёлого металла, обёрнутый в тонкую кожу какого-то животного.

Потом специальным ключом, провернув его дважды, надо было взвести упругую спираль, сделанную из металла, который распрямляется, если его согнуть. Подсыпать тот же серо-чёрный порошок на небольшую полку с углублением, находящуюся сбоку от трубы. Закрыть крышку этой полки, чтобы порошок не высыпался; при этом камень, который Уаиллар знал по имени "раллаи", дающий искры, если ударить по нему другим твёрдым камнем, прижимался к диску из металла, имеющему шероховатую поверхность. Многокожие называли его "колесцо", почти так же, как те детали, на которые опирались их повозки.

Теперь можно было нажать на выступ, вроде короткой ветки, торчащий из громотрубы снизу. И если навести громотрубу туда, куда хочешь попасть, и удерживать её некоторое небольшое время, то она грохнет, сильно толкнёт в руку, а из неё вылетит тот самый круглый шарик, и — может быть — попадёт туда, куда её наводили.

У альва далеко не сразу начало получаться. Некому было объяснить, как держать громотрубу, как её наводить, и тому подобное. Пришлось соображать самому — но он был воин, имевший все необходимые для этого навыки. И где-то на третьем выстреле попал туда, куда целился, а к десятому — попадал уже всегда, и лучше, чем многие из многокожих: ему помогала привычка воинов аиллуо к метанию копья и ножей, позволяющая предвидеть, как и куда полетит метаемый предмет.

Ножи метать было сложнее.

Уаиллар, несмотря на заложенные после грохота выстрелов уши, испытывал колоссальное наслаждение от того, что так быстро и так успешно освоил стрельбу из громотрубы, и редкое разочарование от того, что пришлось уходить со стрельбища, когда кончились пули и порох.

3

— Ты совсем меня забросил, — сказала ему Аолли холодно. — Ты бегаешь с круглоухими, а я сижу тут одна.

Вообще-то она была права. Уаиллар увлёкся новыми знаниями и ощущениями. Он пытался заинтересовать ими жену — но чем он мог вызвать её интерес? Маханием мечами? Стрельбой из громотрубы?

Ему стало нестерпимо стыдно, почти так же, как было, когда он едва не потерял жену, схваченную многокожими. Но к этому стыду примешивалось ещё более стыдное для него раздражение.

Уаиллар, между прочим, пытался приобщить Аолли к новому: он приносил ей тёплую пищу (не рискуя, впрочем, предложить плоть умерщвлённых животных: ещё не хватало таким потчевать беременную!), он поил её отварами из трав…

И ей, что интересно, многое из того, что он ей таскал, нравилось. Ну, или она так говорила.

Но все-таки Аолли была права: воин аиллуо мог найти себе занятие у многокожих — а женщина?

В родном посёлке женщины занимались тем, что уговаривали растения сплести дом или ложе, сохранить плоды спелыми, но без гнили, ускорить рост, дать сок или смолу — а те, кто умел,

говорили с больными или ранеными, спасая их от смерти или тяжёлых последствий.

А ещё они общались друг с другом, обсуждая воинов, других аиллуа, детей, погоду, Великого Вождя, Главную Женщину и прочих знакомых или не очень аиллуэ.

А ещё они играли в свои женские игры, запретные для мужчин, соревновались, кто придумает плетение или блюдо лучше и интереснее, ссорились и мирились, воспитывали своих и чужих детей, кормили мужей, метали ножи в мишень, даже сочиняли стихи.

Ничего этого у жены его здесь, в аиллоу многокожих, не было и быть не могло, кроме, разве что, сочинения стихов. А главное, не было даже надежды на то, что привычная жизнь может вернуться. Когда Аолли была в плену, всё было ещё хуже — но надежда у неё была. Она ждала, что придёт её муж и как-то вытащит её, они вернутся в аиллоу своего клана и заживут, как раньше.

Всё это в одночасье рухнуло после того, как Уаиллар убил Великого Вождя Ллуэиллэ, отца своей жены.

И хотя она согласилась остаться с ним, разделить его судьбу — не было у них больше той нежной близости, которая так радовала их раньше. Не было у них разговоров на общие темы, просто потому, что сидящей целыми днями в полутёмной комнате Аолли нечего было обсуждать со своим мужем. И если он находил, чем занять себя, а сейчас и вовсе увлёкся тем, что давало ему всё новые и новые возможности, если у него образовался круг ежедневного общения, хотя и трудного из-за сложностей с речью круглоухих — то у жены его никаких тем для обсуждения не возникало. Не считать же такими темами её самочувствие и ощущения от очередного приёма пищи.

Уаиллар понимал, что виноват перед нею. Но он не понимал, что с этим можно сделать — и от этого бесился и раздражался, больше всего на жену. И это заставляло его чувствовать вину всё сильнее и сильнее.

— Любовь моя, — сказал он, — давай подумаем, чем мы могли бы заняться вместе?

Она тяжело вздохнула и произнесла с неудовольствием:

— Ну ты же знаешь, что — ничем… У меня нет здесь ни подруг, ни старших женщин, ни уолле для присмотра, ни даже плодов и клубней, чтобы придумать новое блюдо. Ты таскаешь эту круглоухую еду, которую кто-то приготовил, и не хочешь есть то, что готовлю я. А я не много чего могу готовить из того, что тут имеется. Тебя вечно нет рядом, а мне трудно и тяжело здесь, в этой грязи, в этой вечной вони, когда нет в достатке проточной

воды, кроме как в этом каменном роднике посреди двора, где я даже помыться не могу, чтобы меня не разглядывал десяток круглоухих! Мне не с кем поговорить, а тебя вечно нет рядом. Мне, наконец, нужны листья уэллэу — я уже почти целую луну не могу их получить! Если тебе всё равно, что происходит с твоей женой, ты хоть бы о ребенке своём подумал!

Сердце Уаиллара рухнуло на землю. Он действительно забыл, что Аолли, в её положении, нуждается не только в еде, но и в некоторых полезных растениях, и перечень их не исчерпывался листьями уэллэу. А ведь ещё три месяца — и ей рожать! Кто ей поможет здесь, у многокожих? В своём аиллоу они бы получили помощь быструю и действенную, потому что на роды любой из аиллуа сбегались женщины, умеющие разговаривать с плодом и роженицей. А что сейчас? Недовольство Аолли, как стало ясно её мужу, было связано не только со скукой и бездельем, но и со вполне обоснованным страхом: справится ли она без помощи с родами? С первыми родами в её жизни?

Сам он про эту сторону жизни не знал просто ничего.

Его обожгла жалость и нежность к жене. Он сел рядом с ней и начал гладить по плечам. Она вначале с раздражением отстранилась, но скоро обмякла, сжалась и закрыла глаза руками, повесив уши.

Как же ей плохо, подумал Уаиллар, а я-то…

Он не знал, что делать и что сказать своей любимой, чтобы утешить её: любое доступное ему утешение, как он вдруг понял, было бы неверным, неподходящим…

Тут у входа в их комнату постучали, дверь, скрипнув, открылась, и вошёл Старый. На своём корявом и грубом подобии благородного языка альвов он объявил:

— Воин Уаиллар и женщина Аолли, наш Великий Вождь-уолле, — на самом деле он назвал его на своем языке, словом, которое нормальный аиллуэ не может произнести даже ценой жизни, — приглашает вас сегодня вечером, как зайдет светило, участвовать в… — чём-то невообразимом, поскольку в языке альвов нет ничего похожего.

Аолли по-прежнему закрывала руками глаза, но Уаиллар не смог не ответить (всё-таки им здесь ещё жить какое-то время). Он попытался объяснить, что не понял, чего от них хотят.

Старый тяжело вздохнул и попробовал ещё раз:

— Наш (Вождь-уолле) будет принимать важных круглоухих. Он просит вас тоже участвовать. За вами зайдут.

Вождь! Просит!

Уаиллар давно потерял надежду понять, зачем многокожие, с которыми свела их судьба, делают что-то так, а не иначе. Но —

что они теряли?

И он согласился.

4

Круглоухий не-воин привёл их наверх, в одно из больших помещений, которое Уаиллар мельком уже успел осмотреть, когда из любопытства забирался на второй этаж дома. Выбеленные стены и тёмные, покрытые чем-то блестящим, пахнущим пчёлами, деревянные косяки и рамы создавали особое ощущение чистоты. Пол был покрыт прошедшей огонь глиной разных оттенков, образовывавшей приятный для глаза узор. Огромные окна, затянутые кусками прозрачного подобия камня (но не природного), выходили во двор и давали много света. На стенах висели разные странные предметы, назначения которых Уаиллар ещё не понимал; на полу стояли два широких и длинных стола, почти пустых, если не считать металлические сосуды, от которых шёл знакомый (и с некоторых пор неприятный) Уаиллару кисловатый запах, и мелкие ёмкости, из которых многокожие пьют.

Старый показал рукой, куда встать. Это не было уроном чести, аиллуэ делали так же при церемониях.

Уаиллар с Аолли разместились почти рядом с ложем, на котором возлежал (именно возлежал, Уаиллар оценил величественную позу) уолле-вождь. Ближе к этому ложу (которое стояло посредине длинной стены, противоположной окнам, и Уаиллар сделал вывод, что это место — почётное для многокожих) находились Старый, его молодой друг-воин, с которым Уаиллару приходилось скрещивать оружие, упражняясь, а по другую сторону — красноволосый толстый многокожий, когда-то плениший Аолли.

Стояли там и несколько многокожих воинов, которых альвы уже встречали, но еще ни разу не общались с ними ближе.

Подошли ещё многокожие, также с оружием. Некоторых Уаиллар узнал. "Аллэ среди них не было.

Прошло сколько-то времени, и в зал вошли рослый многокожий, которого Уаиллар, кажется, мельком уже видел (впрочем, многокожие все на одно лицо, а внешнюю, съёмную, кожу свою они меняют, и она может быть настолько разной, что узнать многокожего непросто). С ним были — альв не поверил своим глазам — три самки! Одна постарше, зрелая, детная; одна в начале зрелости, в возрасте, когда аиллуа еще не имеет детей, но уже может их иметь, и одна вовсе незрелая, в возрасте, когда

женщины народа аиллуэ ещё не имеют имени!

У нас тоже есть такой обычай, — с удивлением подумал Уаиллар, — выводить дочерей перед Великим Вождём, Главной женщиной и собранием клана, чтобы все их знали в лицо. Только у нас не стали бы приводить старшую, она уже давно должна быть всем знакома.

Тут он вспомнил, что уолле-вождь стал вождём совсем недавно, и решил, что всё дело именно в этом: представлять дочерей Великому Вождю ведь положено после того, как он избран. Это у народа аиллуэ вождь выбирается из воинов клана, которые уже знают в лицо всех женщин, а у многокожих ведь всё не как у людей…

Начались долгие разговоры, из которых Уаиллар не понимал много больше половины. Он ещё раз подивился тому, что у многокожих, как и у альвов, есть что-то вроде Высокой Речи, которой пользуются в торжественных случаях. Как же мы ошибались, считая их полуразумными животными!

Многокожие сейчас явно проводили какую-то церемонию, смысла и значения которой Уаиллар не понимал — но отчётливо понимал, что это именно церемония. То есть действо, не имеющее прямого практического значения, но предназначенное для того, чтобы зафиксировать некие отношения между теми, кто в нём участвует, причём эти отношения связаны с взаимным положением участвующих и их обязательствами друг к другу.

Столь сложные (и, как вынужден был отметить Уаиллар, красиво оформленные) процедуры тоже свидетельствовали о том, что сородичи воина были неправы, считая многокожих ниже себя.

Впрочем, церемонии и процедуры эти, как не мог не видеть Уаиллар, были далеко не так изысканы, как у него в клане. Вождю-уолле оказывалось подчёркнутое и демонстративное уважение, но не преклонение; у народа аиллуэ положено было принимать позу подчинения, припадая на передние конечности, и не допускалось отворачиваться от Великого Вождя, когда находишься в Большом Ааи или во время церемоний у Великого Древа. Встретив Великого Вождя вне Большого Ааи, можно было не припадать на передние конечности, но следовало остановиться и оставаться лицом к нему, пока он не пройдёт мимо или не отпустит.

На женщин это не распространялось, хотя они тоже не должны были первыми заговаривать с Великим Вождём, если у них не было к нему важного дела или известия, и также не должны были громко болтать в его присутствии. Вообще с Великим Вождём положено говорить Высокой Речью, коротко и ясно.

Женщины оказывают уважение Главной женщине клана, но у них церемонии проще и демонстрация позы подчинения не требуется.

Многокожие, как заметил Уаиллар, вели себя в присутствии уолле-вождя свободнее. Они не припадали на передние лапы, ограничиваясь вместо этого низким поклоном или преклонением колена — что положено делать в каких случаях, было неясно. Женщины тоже кланялись, но вместо преклонения колен низко приседали.

Уаиллар снова задумался над тем, какая во всём этом была ирония. Многокожие отдавали почести, мало того, что малолетнему уолле, не имевшему признанных заслуг великого воина — он убил то ли одного, то ли двух круглоухих, и то не в поединке на благородном оружии, а при помощи громотруб (хотя сейчас Уаиллар, попробовав и примерив на себя, склонен был признать громотрубу достойным оружием для воина); он получил увечье, которое вообще делало его непригодным для сражений и походов чести! У аиллуэ ему подарили бы быструю и почётную смерть, и пожалели бы, что столь молодой и, возможно, многообещающий воин должен уйти так рано, и (женщины) оплакали бы — но жалели бы не его, а клан, лишившийся еще одной пары вооружённых рук.

Наблюдая за многокожими на приёме у Императора и сравнивая то, что он улавливал из их слов, с тем, что он видел в их лицах и их позах, Уаиллар забавлялся. У аиллуэ ничего подобного было бы невозможно: любой воин и любая женщина хорошо читали то, что показывают движения, положения тела и конечностей, выражение лиц. И того, кто стал бы говорить противоречащее языку лица и тела, подняли бы насмех или — в иных случах — на копья. А у многокожих подобные расхождения, видимо, были в порядке вещей: Уаиллар видел их постоянно.

И сейчас он видел у высокого многокожего, пришедшего со своими самками, опаску по отношению к Старому, сомнения в уолле-вожде и пренебрежение ко всем остальным, не исключая Молодого (так Уаиллар решил звать воина, который держался возле Старого и которому Старый уделял больше внимания, чем остальным: на самом деле альв имел в виду слово "вождь" при прилагательном, означающем возраст обоих. Ну не уолле же вождём считать, в самом деле!).

Забавнее всего было наблюдать за самками. От младшей не исходило ничего, кроме любопытства, неуверенности и восхищения. Средняя вела себя обычно: как самка, готовая родить, но ещё не выбравшая, от кого. В клане за такой бы в первую очередь охотились аиллуо из других кланов: как лаллуа

она была бы выгоднее всего. Внимание и хорошее обращение, и она — аиллуа на всю жизнь, с хорошими, здоровыми детьми. Было заметно, что эту самку сильнее всех интересует уолле-вождь — и неудивительно, женщина всегда интересуется тем, кто занимает более высокое положение, детям ведь нужен отец, который может дать им как можно больше…

Старшая же самка также проявила к уолле-вождю внимание, но было оно неискренним. Как самец, он её, естественно, не интересовал. Она притворялась, что малолетний калека-воин вызывает у неё сочувствие и желание помочь, как будто он — её сын. Она потянулась поправить его ложе (что вызвало напряжение у многокожих, охранявших его), она говорила какие-то слова (понимаемые Уаилларом через три на четвёртое), изображая заботу матери о страдающем ребенке, она что-то спрашивала участливым тоном… Уаиллар так и не понял, чего она на самом деле хочет.

Было заметно, что её поведение уолле-вождю не понравилось. Оно выбивало его из роли вождя, подчёркивая, что он всё-таки уолле, ребенок, зависящий от взрослых.

Уаиллару много раз объяснили, что уолле-вождь правит по тому праву, что его отец был Великим Вождём. Для воина аиллуэ это было совершенно непонятно. Тем более, что он хорошо видел, что вождь-уолле ничем и никем в реальности не правит.

На самом деле настоящим Великим Вождём среди всех многокожих, которых Уаиллар успел узнать, был Старый. К нему обращались, когда нужно было принять действительно важное решение: когда и где встать лагерем на ночь; кому когда стеречь, пока остальные спят; куда и когда идти… А в аиллоу многокожих, не успели они войти в него и встретить местных, которые собрались на площади — Старый, не сказав ни слова, убил двоих, от которых исходила, как видел Уаиллар, явная опасность, а потом произнёс Слово Увещания, сделавшее остальных покорными — то, что не позволено ни воину, ни военному вождю, никому, кроме Великого Вождя.

Все, без исключения все, включая уолле-"вождя", когда нужно было решить что-то серьёзное, приходили к Старому и спрашивали его. Он же выслушивал, задавал вопросы, подсказывал — или просто говорил, что надо делать. И многокожие делали либо то, что он велел, либо то, на что он наталкивал их своими словами. Уаиллар не знал язык многокожих в совершенстве, понимал небольшую часть их слов, но очень хорошо понимал их интонации, а ещё лучше — язык поз и жестов, и выражения лиц. И это говорило больше и вернее, чем — как считал воин аиллуо — слова и речи.

Наконец, церемония закончилась. Уаиллар так и не узнал, зачем их с Аолли позвали в ней участвовать: к ним никто так и не обратился. Ему было невдомёк, что гильдмайстер Ронде был слишком занят своими мыслями и привлечением внимания Императора, чтобы пришлось отвлекать его на экзотику, как планировал Дорант, когда уговаривал Его Величество присовокупить альвов к своей свите…

5

Уаиллар снова усмехнулся внутри себя, подойдя на следующее утро к Старому за решением своей проблемы. А задача была совсем простая, и в то же время — очень сложная. Уаиллару надо было принести Аолли травы и листья, которые были ей нужны в её положении и на её сроке. Иначе ребенку могло быть плохо.

И все эти листья и травы, а также корни, росли в Альвиане, за озером. На опушке, на полянах, в купах кустов, на тонких побегах высоких деревьев.

Уаиллар знал большую часть из них — как и любой воин в клане. Чего не знал — Аолли объяснила.

Нигде вблизи аиллоу многокожих найти почти все из них не было возможности.

Так что надо было отправляться в дальний поход, для чего требовалось следующее. Во-первых, получить разрешение от многокожих (ну не надо лицемерия: от Старого. Другие просто выполнили бы его распоряжение).

Во-вторых, надо было где-то взять оружие. У Уаиллара остались пять из шести его ножей-аи, но уже не было копья аллэ. Вырастить аллэ из побега ураллы — требует двух лет, когда воин ходит к этому побегу и уговаривает его. На крайний случай — нужен год. Но никак не меньше.

О чём тут вообще говорить, если аж до самого северного берега озера нет ни одного куста ураллы?

Меч, который дал Уаиллару Старый, был не хуже аллэ (честно? Даже лучше во многом).

Но надо было разрешение взять его с собой. Уаиллар не был уверен, что этот меч — его собственность. Это пока не обсуждалось.

На его удивление, Старый понял проблему очень быстро, и очень быстро принял решение: он отпустил Уаиллара, объяснив ему на очень грубом, но вполне понятном альвийском, что может дать не больше десяти дней (два раза по руке, что было весьма

наглядно продемонстрировано на пальцах самого Старого), а потом Старый и все остальные могут уйти на юго-восток (что было также наглядно продемонстрировано указанием рукой). Меч можно забрать с собой, и вообще, пусть Уаиллар больше не спрашивает — это его меч. Если что-то нужно ещё, то есть "Аллэ, а если "Аллэ чего-то не поймёт, то надо спрашивать калечного круглоухого воина, которого Старый назвал Асарау — слово, почти доступное для произнесения. Впрочем, Уаиллар хорошо понимал, о ком идёт речь: именно воин-калека первым заговорил с альвами на их языке.

Старый посмотрел на Уаиллара со значением, которое тот понял: у Старого было мало времени и много дел, как у всякого Великого Вождя. С трудом подавив желание отойти, пятясь на четырех конечностях, как положено после решения Великого Вождя, Уаиллар, тем не менее, удалился спиной вперёд, низко склонившись (ему в голову бы не пришло, что он тем самым вызвал у Доранта неимоверное удивление: что это было?).

Уаиллар взял меч, свои аи и вышел во двор. Искать во дворе побеги уллиоэ было даже не смешно. Уаиллар попытался поговорить с кустом олуоры, росшим в углу двора, и даже получил от него молодые ветки нужной длины, но олуора — не лиана уллиоэ, нормальный алларэу[51] из неё не сделаешь. Меч на импровизированном креплении болтался, мешая свободно двигаться. Кончилось тем, чем и должно было: хрупкие ветви олуоры обломились возле левого верхнего узла, и вся конструкция съехала с тела. Уаиллар расстроился.

"Аллэ, вышедший во двор почти одновременно с Уаилларом, посмотрел на это, кивнул и ушёл куда-то.

Вернулся он с какими-то кусками мёртвой кожи, нарезанными на узкие полосы и затейливо переплетёнными, причём в местах, где полосы пересекались, их скрепляли круглые сучки из такого же прошедшего огонь камня (многокожие звали его "металл" или "сталь", Уаиллар так и не понял, когда что было правильно), из которого сделан был меч. К этим кускам крепилось нечто длинное, сделанное из мёртвого дерева, и "Аллэ показал, что в него вставляется меч.

"Аллэ протянул всё это Уаиллару, развернув так, что стало очевидно: это что-то вроде алларэу. Немного похожая амуниция обтягивала торс самого "Аллэ, и к ней был подвешен его меч, вставленный в конструкцию из мёртвого дерева и мёртвой кожи.

Уаиллар попробовал надеть предложенное, и у него получилось почти с первого раза: к своей немалой гордости, он даже сам разобрался, как подогнать сбрую по размеру и как застегнуть пряжки. Меч всё равно мешал, болтаясь у левого бока;

длинная, хотя и не настолько, как у копья аллэ, рукоятка неуклюже торчала вперед. Копьё в алларэу крепится за спиной, наискось от левого плеча к правому бедру, и снимается одним движением руки вправо. С мечом у пояса двигаться было неловко, а при попытке его быстро достать Уаиллар почувствовал, что меч застрял, перекосившись в креплении.

"Аллэ показал, как он выхватывает свой меч движением снизу слева вверх направо, удерживая левой рукой кольцо, в которое входил клинок. Уаиллар попробовал — действительно, так получалось быстро и удобно, но меч всё равно мешал движениям.

Круглоухие постоянно придерживали свои мечи левой рукой, что выводило её из употребления, случись что неожиданное.

Уаиллар, мучаясь от невозможности нормально объяснить, что ему нужно, вытащил меч и приложил его к спине от правого плеча к левому бедру: в отличие от аллэ, меч удобнее было бы выхватывать при таком положении, это альв успел понять, упражняясь (хват меча сильно отличался от хвата копья из-за другого баланса и более короткого древка).

Многокожий воин посмотрел, опять кивнул головой и ушёл.

Вернулся он, когда светило сдвинулось вниз больше, чем на свой поперечник. Уаиллар к этому времени успел обнаружить на кожаной амуниции плоские кармашки, в которых плотно сидели четыре ножа, очень похожих на аи, но сделанных из металла — или стали, кто их разберёт, многокожих…

Это оказалось очень удобно, хотя ножи были плохо сбалансированы. Уаиллар попробовал воткнуть туда свои аи — оказалось практически идеально! И он в очередной, не первый и не последний, раз задумался над тем, насколько неправы были старейшие, считавшие круглоухих полуживотными, не имеющими полноценного разума. И еще над тем, есть ли у народа аиллуэ возможность выжить, если вдруг по какой-нибудь причине многокожим захочется очистить и занять Великий Лес…

"Аллэ принёс несколько кусков мёртвой кожи и металла, которые он без каких-либо затруднений присоединил к предложенной Уаиллару сбруе. Надев и застегнув её, воин-аиллуо смог вставить меч так, как хотел, за спину, причём выхватить оружие получилось — после трёх-четырёх упражнений — быстро и без усилий.

Мало того: "Аллэ принёс ещё кожаную трубку, легко и просто крепящуюся на левой стороне амуниции, в которой уже лежала заряженная громотруба.

Жесты его ясно дали понять, что Уаиллар может её забрать. И "Аллэ протянул ему кожаный мешочек, содержание которого было совершенно недвусмысленным: кусочки тяжелого металла и

порошок, который бросает его во врага!

Уаиллар поблагодарил, как принято у альвов, потом, как принято у многокожих. На самом деле он был не просто благодарен — он был потрясен до глубины души!

Теперь оставалось только проститься с Аолли и выйти незамеченным из аиллоу многокожих. И неизвестно, что было сложнее.

Интерлюдия 2

1

Гильдмайстер Ронде принимал своего порученца в большом кабинете. В отличие от малого, там стоял письменный стол неестественно громадных размеров, занимавший полкомнаты. Гильдмайстер, немаленький мужчина, сидя в кресле, не мог достать рукой до дальнего от себя края. Стол был сверху покрыт зеленым сукном, обильно изукрашен тонкой резьбой по дубу, а по трем сторонам огорожен искусно выточенной балюстрадой высотою чуть больше пяди.

Жуар Кальмон мялся у стола, не зная, куда деть шапку. Он успел переодеться с дороги, хотя велено было — как войдёт в дом, сразу к хозяину. Да не беда, четверть часа на самом деле ни на что не влияют. Зато пыль дорожная с него на пол и мебель не насыпется, да и лошадьми Кальмон не пахнет.

— Ваша милость, — наконец, решился порученец, — вот.

И он выудил из висящей на боку тяжёлой кожаной сумки потемневший от старости кожаный же кошель, завязанный плетёным шнуром со свисающей на нём тёмно-красной сургучной печатью.

— Как есть, одна тысяча три сотни и двадцать три двойных золотых, выручка, значит. — Он снова полез в сумку. На этот раз содежимое не удалось вытащить так быстро и ловко, как кошель. Свёрнутые в толстую плотную трубку и обвязанные таким же плетёным шнуром с такой же печатью бумаги зацепились было за что-то, но Кальмон справился в конце концов:

— Все бумаги по сделкам, и отчёт мой тут же.

— Да ты погоди про отчёт, — гильдмайстер небрежно сдвинул выложенные на стол предметы: Кальмон потому и был порученцем, что за ним обычно можно было не проверять, — расскажи, как съездил. С самого начала.

Тот помялся, оправил кафтан, провёл обеими руками по коротко стриженной голове, поправляя неизвестно какую погрешность, суетливо оправил окладистую, надвое растущую бороду, и начал, наконец:

— Так, ваша милость, что там про с самого начала рассказывать-то? Мы же пустые выехали, по Южной дороге так без груза аж до самой Фаланеры и ехали. Благо, сухо было, быстро получилось. Там, как вы и повелеть изволили, — Флоан поморщился. Он не любил, когда его люди разговаривали с ним

как с дворянином не ниже дуки, — загрузили мы последний в этом году урожай чокло с плантации ее милосердия вашей благородной супруги. Там в бумагах про это всё есть. В этом году чокло хорошо уродилось, почти на пятую часть больше, чем обычно. Мы всё и забрали.

— Погоди, а червяки, что в прошлом году погубили едва не половину урожая?

— Так это, ваша милость, Барлай же сразу всех детей и женщин на плантацию выгнал, и они каждый день червяков руками собирали, с самых почек и до последнего снятого плода. Вот и не пожрали они почти ничего. Барлай говорит: как увидел первого червяка, так сразу понял, если не выбирать их и не давить, то опять всё погубят. Они ведь завязи жрут, проклятые.

— Барлай? Он там кем у нас?

— Так это, ваша милость, он же сын Ламора, если помните. Вы Ламора лет пять назад пороть ещё повелеть изволили, когда он за беглыми не уследил.

Было такое. Пять семей арендаторов, привезённых из Империи и долгами за перевоз к земле прикреплённых, снялись как-то ночью — сговорились, видно — и рванули к побережью. Не понять, на что надеялись: когда их догнали, они уж от голода шатались. Местных растений не знали, а с собой взять не додумались — своего не было, а чужое украсть не сообразили.

Гильдмайстер тогда тамошнего надсмотрщика действительно велел выпороть, но не за то, что арендаторы попытались убежать, а за то, что довёл их до такого. Люди, которые приезжают в Марку в поисках лучшей доли, часто нарываются на подобных Ламору: те их обводят вокруг пальца и превращают фактически в бесправных рабов, живущих впроголодь и лишённых какой бы то ни было перспективы и надежды. В итоге от них толку на работах никакого, ибо работают они за страх, а не за совесть, и работу свою ненавидят.

А вот если человека заинтересовать, чтобы он понимал: чем лучше поработает, тем лучше будет жить его семья — то за те же, в сущности, деньги произведёт он куда больше, на радость и благо хозяину.

Случай этот гильдмайстер помнил, а вот человека, приговорённого к розгам — нет. И что дальше было — тоже. Наверняка ему докладывали, и наверняка жена знала все подробности, но у гильдмайстера слишком много было забот и ответственности, чтобы такие мелочи ещё в голове держать.

— Так что, Ламор там больше не командует?

— Так умер он о прошлом годе осенью, захлебнулся, когда в сезон дождей Равилию решил перейти. Там посуху-то коню по

бабки, а как дожди, с гор вода катит, бык не устоит, не то что человек. Глубина по пояс от силы, но несёт — не удержишь. Он и не удержал. Их с конём потом аж на две тысячи шагов ниже по течению нашли, когда вода схлынула. А её милосердие благородная супруга ваша изволила сына его надсмотрщиком утвердить. Вот сын-то как раз Барлай и есть.

— Значит, говоришь, надумал, как с червём бороться?

— Так и есть, ваша милость, сразу придумал.

— Ты вот что… — гильдмайстер постучал пальцами по столу, — вышли-ка ты ему два десятка золотых за сообразительность. — Тут Флоану Ронде пришло в голову кое-что: — Кальду во Фаланере сколько, ты думаешь, дать бы за содействие? — Без местной власти вряд ли бы надсмотрщик плантации смог вывести жен и детей местных жителей на работы.

— Так это, осмелюсь почтительно доложить, ваша милость, Барлай этот кальду сразу три десятка двойных золотом выложил, как первых червей увидел. Из своих, семейных.

— Надо же, — поразился гильдмайстер, — какой быстрый! Ты как думаешь, Жуар, он там в Фаланере не засиделся ли?

Кальмон весь превратился в одно большое "не могу знать", поскольку вопрос этот точно выходил далеко за пределы его компетенции.

— А лет ему сколько, Барлаю тому?

— Трёх десятков нет ещё, ваша милость, а точней не знаю я.

— Из Фаланеры голуби есть ещё у нас?

— А как же, ваша милость! Барлай в этом году всё время новых присылает, чтоб у нас не меньше, чем полдюжины было.

Нет, ну что за полезный малый!

— Ты вот что, любезный. Пожалуй что, денег Барлаю не шли. Отправь лучше голубя, пусть он сам сюда прибудет, я его лично и награжу. И что кальду отдал, возмещу. Такие шустрые мне нужны. Погляжу, к чему его пристроить, если и вправду так хорош — нечего ему в Фаланере штаны просиживать.

Гильдмайстер сделал себе пометку на лежащем под правой рукой листе желтоватой бумаги.

2

— Продолжай.

Кальмон подобрался и двинулся дальше в рассказе:

— Потом мы, как изволили повелеть ваша милость, проехали почитай весь Деленский Гронт, до самого Делена. Там выкупили всё, что было у них из карминной краски, семь с четвертью пудов

и два с третью фунта. Собрались ехать дальше, да комес Гирта, как узнал, что мы в Акебар едем, решил с нами императорское серебро отправить. А мы что, нам только в радость, что с охраной пойдём. Он из своей компаниды едва не треть с нами отправил, да сына своего дал командовать.

— Много ли серебра было? — Спросил гильдмайстер вовсе не из праздного интереса.

— Так, ваша милость, они же нам не отчитываются, но телег было шесть, и гружены были сильно, кони едва тянули, хоть запряжены были парой.

Гильдмайстер прикинул — получилось почти пять тонелад[52]. Был он человек опытный, так что сразу спросил:

— Дорогой сколько телег меняли?

— Две, ваша милость. Остальные с помощью Пресветлых Богов и Святого Лигозерия, да хранит он путешествующих с грузом по суше, дошли. Но мы не задержались почти, у них четыре телеги в запас были. Которые поломались, их там и бросили., чинить не стали Не жалеют добро, богатеи.

— Да что бы им такие мелочи беречь, у них серебра в рудниках — на десять поколений хватит.

— Осмелюсь почтительно и покорно доложить, ваша милость, там в Делене плохо у нас.

— Что такое?

— Похоже, ваша милость, последний раз мы краску везём. Мастер, что её делать умеет, с предками своими соединился, да простят его всемогущие боги.

— Так он же должен был учеников иметь?

— Должен-то должен, только ему кого ни водили, он про всех говорил, что бестолковые и учить их бесполезно. Приставлял корзины с грузом носить, а что делает, не показывал. Его уж и уговорами, и подарками, и розгами — ни в какую!

— Не от розог ли и умер?

— Избави все святые, ваша милость, вовсе нет! Змея укусила, когда ходил за сырьём. А он к самим местам, где жуков собирал, не брал никого с собой, говорил — уйдут жуки, нельзя будет набирать, вообще весь промысел падёт! Там его ехидна и цапнула. Он до лагеря пятьсот шагов не дополз. Я не видел, до нашего приезда ещё было, но люди сказывали, страшен был, синий и лиловый весь, лицо перекошено…

— Упокой его Боги и Святые с миром. Упрямый был человек, если ремесло не передал — не знаю, что там будем брать теперь. Но вы ведь ещё груз принять должны были?

— Точно так, ваша милость, и приняли дальше в Керсеите, уже в неделе от Акебара. Пришли люди Гериела, привезли

двадцать возов серого дерева и шесть возов хемпеша. Серое дерево хорошее, стволы большие, в обхват, чистые, без гнили. А вот хемпеш — стволы тонкие, в дело только у компя годны, а остальное только на щепу под выварку на краски. Гериел передал, хемпеш весь в округе вырубили, теперь только ждать, пока саженцы силу наберут. А это лет двадцать, не меньше.

— Да и не беда, Жуар, я ещё три участка арендовал. Подальше, и сильно подальше, да нетронутые. Гериел на своих дорубит серое дерево, можно даже оставить на развод сколько-то, и туда пусть переезжает. Давай дальше, времени уже много.

— Слушаюсь почтительнейше, ваша милость. Так вот, Гериела нам неделю ждать пришлось. Благо, сын комеса Гирты с нами остался, груз и солдат своих оставил. Я так почтительнейше рассуждаю, ваша милость, что он в первый раз из Делена отъехал, а Керсеит-то раз в пять побольше будет, да и развлечений там для благородного человека с деньгами не в пример больше. Так что он, сдаётся мне (извините, ежели непочтителен я), только обрадовался, что можно задержаться. Так что мы оттуда до самого Акебара всё под охраной ехали.

— А в столице что?

— В столице узнали мы, что прежний Император, да простят его Боги и Святые, к предкам своим отправился, а в Империи нынче опять смута. Кто говорит — наследник тоже мёртвый, кто говорит — живой он и скоро придёт в метрополию за короной законной своею, кто говорит — дом Аттоу опять за своё и воду мутит, и будто бы они как раз наследника похитили и убили. А слышал я и вовсе слухи странные и невероятные, будто наследник-то как раз здесь, в Кармоне обретается и корону на себя надел уже.

Интонация Кальмона сделалась вопросительной, говорил он медленно и осторожно, и видно было, что мучает его любопытство несказанное.

— Так и есть, Жуар, так и есть. Здесь Его Величество Император Йорриг Сеамас, седьмой этого имени. Во здравии, хоть и ранение перенёс, злобными предателями нанесённое, да, во славу Всемогущих, не смертельное и ныне не опасное. Не сомневаюсь, Жуар, что ты Императора ещё увидишь в должное время.

Кальмон, сильно потрясённый, совершил требуемые традицией поклоны и прочие телодвижения, хоть видно было, что он сильно смущён непонятностью последствий.

Гильдмайстер задал ему ещё несколько незначительных вопросов о поездке и сделал жест, отпуская. К его удивлению, Кальмон задержался, потупившись и снова принявшись мять

шапку, коя внезапно и незаметно опять появилась в его руке.

— Что ещё? — Спросил гильдмайстер.

— Так что вот, ваша милость, осмелюсь ещё почтительнейше и покорнейше доложить, что есть у меня послание к вам от лиц, пришедших в наш Гильдейский Дом, как узнали они, что я из Кармона прибыл. Они меня вызвали на улицу, завели там в кабак приличный, заказали всего на большую сумму и поставили мне есть-пить. А между тем стали спрашивать, правда ли, что я из Кармона в Акебар явился, да от кого именно. А как узнали, что от вашей милости, так стали обхаживать, будто я благородный, и всё обиняками расспрашивать, знаю ли я что про Его Величество. Когда же услышали, что уехал я из Кармона, ничего не зная про Императора нынешнего, да продлятся его дни, и про события здешние, о коих ваша милость мне столь неожиданно поведали, так стали спрашивать, скоро ли я обратно. Я им как есть сказывал, что в Акебаре мне сидеть незачем, а в Кармон отъеду, как соберусь. И тут они мне и говорят, что они, мол, из кумпании торговой гальвийской, где сам король Гальвии в кумпанах, и что хотят они с новым Императором мира и торговли, выгодной для обеих сторон, а для того ищут, кто бы их к Императору подвёл да про их намерения добрые рассказал.

— И что дальше?

— А дальше дали они мне письма и голубей дюжину. Письмо для вашей милости вот, — Кальмон закопался опять в сумке; достал, наконец, и вывалил на стол не одно, а два письма — запечатанные в пакеты зеленым сургучом с гербами Всеобщей тороговой компании Гальвии, — и для Императора тож. Не велите казнить, ваша милость, не мог я отказаться, слишком важные то люди были! — И Кальмон повалился на колени.

— Вставай, любезный, нечего тут. Ты правильно сделал, мне любые сведения нужны. Буде кто тебе упрёки делать станет или, того хуже, в предательстве обвинит — говори, что поступал по моему повелению, и отсылай ко мне.

3

С Гальвией всё было очень непросто.

Это была страна, с которой Империя одновременно находилась в крайне враждебных отношениях (ещё бы, после стольких войн!) и в отношениях взаимовыгодной торговли (ещё бы, при такой потребности в продуктах друг друга, которые нечем было заменить!).

Гальвия нависала над северными границами Империи (от

которых выгодно была отделена обширной горной страной, где умеренно процветали четыре из восьми имеющихся в метрополии исторических Марок). Но куда важнее было то, что Гальвия, оседлавшая эстуарии двух крупнейших на континенте рек, сохранявших судоходность почти что до степей Восточного Уллузана (Родан на юге) и почти что до тайги загадочных земель Криев-Валодов, где непонятно кто правил непонятно кем, и, как говорили, вовсе не было городов с нормальными каменными домами (Иззил на севере), так вот — Гальвия сидела на важных водных торговых путях. Сидела много столетий, что не замедлило привести к появлению у гальвийцев сначала толкового речного флота, а потом — ещё более толкового морского.

Пока Империя в своём Южном море отбивалась от галер косоглазых карракийцев, крючконосых гиккосов, чернокожих мауронов (ну ладно, не всегда отбивалась, чаще, вообще-то, наоборот) — с гальвийцами воевали на суше, с переменным успехом. В итоге, у Империи случился высокоразвитый и очень мощный галерный флот, прекрасно показывавший себя в течение нескольких сотен лет на Южном море.

А потом самые-самые юго-западные народы Империи, те же сотни лет добывавшие рыбу для пропитания на совершенно непригодных для боя суденышках, жившие в глубоком тылу Империи как со стороны народов Южного моря, так и со стороны народов Севера (и не думайте, что только гальвийцы из них агрессивны), — развили свои судёнышки для плавания в океане и стали-таки по нему плавать.

И тут оказалось, что за Южным морем есть не только мауроны, но и другие народы, чем южнее, тем темнее кожею. А у этих народов есть очень, очень много интересного для торговли: красивые и прочные породы дерева; драгоценные камни, цены которым эти народы вовсе не знали; пряности — и чем дальше на юг, тем больше и дешевле!

Было у них и золото, и серебро, и медь, но не в таких количествах, чтобы стоило те земли завоёвывать ради них. А вот торговать…

Народы юга (и юго-востока, после того, как однажды корабли Империи обогнули Южный материк и пошли на север) не знали, что такое сталь. Их железо было мягким, клинки из него легко гнулись и не держали заточку.

Народы юга (и юго-востока) вовсе не знали стекла.

Народы юга (и юго-востока) не знали пороха.

Попробовав эти продукты развитой промышленности Империи, они восхотели ими обладать.

И они готовы были за них отдавать то, чем богаты были их

земли — и чему цены они вовсе не знали.

Торговля Империи стремительно подняла её благосостояние. Крестьяне (!) могли себе позволить не то что солить ежедневные блюда — они их посыпали пряностями и острыми, и ароматными!

В домах не то, что знати — зажиточных горожан появилась мебель из пахнущего пряностями заморского дерева.

Дамы стали пользоваться ароматами, приготовленными из заморских растений — мастерство имперских алхимиков усовершенствовало природные качества привезённых с юга и юго-востока материалов.

А потом у Империи появилась Заморская Марка. Земля, которая была богаче, чем любые другие земли в этом мире. Земля, которая — вся! — принадлежала Империи и входила в неё как неотъемлемая часть.

И вот вся эта роскошь, вся эта торговля, все эти поставки — были зависимы от моря, от кораблей, от их безопасного передвижения.

В самом начале имперским кораблям ничего не угрожало, кроме сил природы: да, бывало, корабли пропадали, попав в шторм, вылетев на камни, выбрав неверный курс и сгинув в безызвестности.

Но потом другие народы, охваченные завистью к успехам Империи, решили, что вправе снимать свои сливки с имперского молока.

Первыми проснулись привычные карракийцы с гиккосами. Их стремительные галеры, ничем не уступающие имперским (кроме скорости постройки: Империя наладила производство галер в таких темпах, кои недоступны были — и будут — народам, не способным к столь высокой организации), набрасывались на возвращающиеся из походов имперские корабли, стремясь либо подловить их в штиль, либо задавить количеством.

Затем и северные народы, гальвийцы прежде всего, включились в эту драку. Они действовали по-другому: не входя в зоны, близкие к портам Империи (как делали карракийцы) или к типичным маршрутам на Юг (как поступали гиккосы) — гальвийцы взялись за пути, ведущие в Заморскую Марку и обратно. Там и в самом деле быо больше добычи: корабли шли едва ли не в видимости друг от друга. Это им, однако, не помогало, когда на корабль наваливались сразу два гальвийца с кучей голодного злого народу на палубах, а ещё один или два их прикрывали.

Империя стала водить конвои, защищая десяток торговцев десятком же боевых кораблей. Тут выяснились две неприятные вещи: во-первых, боевые корабли Гальвии были лучше во многих

отношениях — пока Империя совершенствовала галерный флот, Гальвия развивала океанский. А во-вторых, затраты на конвой были такими, что прибыльность обладания Заморской Маркой стала для Империи снижаться.

Вдобавок Гальвия попросту попыталась отобрать Марку у Империи. Случились две войны, обе на севере Марки. Во время второй гальвийцы попытались высадить десант у Акебара, но были разгромлены страшно.

Третья попытка была во время мятежа Исти-Маграла. Ходили разные слухи о том, что могло подвигнуть обоих на предательство интересов Империи и попытку отколоть Марку и сделать её самостоятельным владением. Честолюбие ли, не по доблести, было тому виной, корысть ли, или её вариант — желание покрыть безнадёжные долги — но вельможи смогли собрать не только свои компаниды, но и наёмные, в большинстве гальвийские, и около года терзать Марку, убивая людей и разоряя имения.

Особенностью гальвийцев было то, что в каждой стычке, в каждой войне — они были как бы ни при чём. Это вот такой-то воевода по своей личной инициативе собственной частной армией напал на Империю (или Марку), а Гальвия тут вовсе не участвовала. Это наёмники: ну да, гальвийцы — а что вы хотели, страна бедная, люди за грош под железо и свинец пойдут.

Так что параллельно с битвами между Гальвией и Империей всегда весело шла весьма успешная торговля.

И гильдмайстер Ронде, разумеется, в ней участвовал — когда удавалось.

Были у него и свои люди в Гальвии.

И вот один из них как раз и прислал ему опечатанное зелеными печатями Компании письмо с такими предложениями, от которых торговые люди не отказываются.

Глава 5. Дорант

1

Дорант едва успел проснуться, встать и привести себя в порядок, как в комнату без стука ворвался Нери, мальчишка, которого Харран держал в прислужниках, а нынче пристроил к Императору:

— Ваша милость, там этот, как его… гильмастер пришёл, так Его Величество вас требуют…

Пришлось одеваться по-парадному, натягивать сапоги и цеплять меч. Нери приплясывал у дверей от нетерпения. Дорант цыкнул на него:

— Что здесь торчишь, дорогу я знаю!

Того как ветром сдуло.

Дорант, не слишком торопясь, прошёл длинным коридором второго этажа в малую обеденную залу, которую Харран приспособил для таких вот, не парадных приёмов.

Император был уже там. Сидел на покрытой толстым багровым ковром лавке, в полоборота к двери, вытянув вдоль лавки раненую ногу, и хмуро смотрел в пол. Гильдмайстера еще не впустили, он, должно быть, находился на первом этаже, перед лестницей — где обычно держали таких посетителей (правду сказать, весьма нечастых — до столпотворения в прихожей перед утренним приёмом даже у вице-короля было ещё очень далеко).

Слева от Императора у окна стоял Харран, весь при параде, с легкой, украшенной драгоценными камнями по эфесу, шпажонкой на боку. Двое его боевых слуг обрамляли дверь, еще двое стояли по бокам императорской скамьи. Все были вооружены по-серьёзному, как для боя, и в кирасах.

Дорант поприветствовал Его Величество — как надеялся, по этикету. Всё-таки он не бывал при дворе, хотя придворным манерам и обращению его учили. Йорриг Седьмой поморщился, по-прежнему глядя в пол, и ответил:

— Доброго утра, комес. Тут гильдмайстер просит спешной аудиенции, а у меня, как назло, нога разболелась, ночь почти не спал. Может, вы его за меня примете, а я бы обратно в спальню?

Дорант, как это часто бывало в последнее время, почувствовал себя крайне неловко. Император вел себя с ним не как с вассалом, пусть даже крупным и важным, а как с человеком ближнего круга. В принципе, он и был человеком ближнего круга, но по факту; Его Величество прямо Доранта в этот круг не

приглашал, допустимые границы и рамки никак не обозначал, и новоиспеченный комес Агуиры не знал, как ему себя вести: строго по этикету — значило показать, что он не принимает свободное обращение Императора, свободно — надо было точно знать пределы этой свободы, чтобы ненароком не оскорбить Его Величество.

— Ваше Величество, Флоан Ронде человек неглупый и серьёзный, он наверняка не стал бы причинять вам беспокойство так рано, если бы не крайняя необходимость. Я осмелился бы посоветовать вам его выслушать лично.

Император опять поморщился: то ли в ногу вступило, то ли от формального ответа. Подняв, наконец, взгляд от пола, он сказал в пространство: — Пригласите, — и снова умолк, уставившись в пол. По лицу его время от времени проскальзывала недовольная гримаса.

За дверью, оказывается, ждал вездесущий Нери. Простучали по лестнице вниз его башмаки, потом лестница заскрипела под весом куда более тяжелого гильдмайстера, и тот остановился в дверях в некоторой растерянности: о его приходе никто не объявил, и он не знал, как себя вести.

Его Величество поднял голову и, глядя прямо в глаза гильдмайстеру, кивком пригласил его зайти. Тот не стал медлить и приветствовал Императора, как положено, но прямо на ходу: принял правила, предложенные Йорригом и означавшие: "к делу, и не тратьте время на лишние церемонии".

— Ваше императорское величество, я осмелился вас побеспокоить так рано потому, что только что получил с голубем чрезвычайно важные известия.

Кивок, позволяющий продолжать.

— Как вам известно, наша гильдия ведет торговлю не только в Империи, но и в разных странах. В том числе у нас есть интересы в Гальвии, мы там держим наше представительство. Гальвийцы, соответственно, держат свои представительства у нас. Разумеется, такое есть и в Акебаре, поскольку многие операции с Гальвией идут прямо отсюда.

На лице Императора появилось страдальческое выражение.

— Минуточку, ваше императорское величество, это важно, чтобы было понятно дальнейшее. Так вот, когда ваше императорское величество появились в Кармоне, я известил об этом всех ближайших членов нашей гильдии — это моя прямая обязанность. Через них известия дошли до Акебара, и там они вызвали живейший интерес. С нашей гильдией связался гальвийский представитель. Я опущу подробности, но главное заключается в том, что он, от лица гальвийской Всеобщей

торговой компании, предлагает Вашему императорскому величеству содействие своей компании, и, возможно, при благоприятных обстоятельствах, короля Гальвии в возвращении вашему императорскому величеству трона, незаконно узурпированного кликой из дома Аттоу при попустительстве дукессы Масты, которой следовало бы помнить, из какого семейства она произошла, и соблюдать законные интересы этого, то есть вашего, семейства, а не следовать авантюрам своего корыстолюбивого мужа.

С этими словами гильдмайстер протянул Императору запечатанный зеленым сургучом пакет.

Император бросил в сторону Доранта растерянный взгляд. Дорант и сам был захвачен врасплох: то, что сказал сейчас гильдмайстер Флоан Ронде, было необычайно важно. Всеобщая торговая компания Гальвии была государством в государстве; её акционером были, между прочими важными людьми, сам король Гальвии и большая часть королевского дома. Компания имела полномочия строить вооруженные корабли, набирать войско и вести войну от своего имени — очень удачно для Гальвии, которая оставалась вроде бы ни при чём. Компания лезла везде, стараясь прихватить всё, что плохо лежит, а то, что лежало хорошо — пытаясь отнять. Совалась она и в Марку, и не один раз (особенно во время затянувшейся войны Гальвии с Империей), но каждый раз хорошо получала по рукам: все-таки имперские войска и имперский флот — лучшие в мире.

И сейчас они почувствовали, видимо, шанс пролезть на Западный континент, а то и отхватить кусок от того, что уже прибрала к рукам Империя.

По счастью, Йорре хорошо учили, и всё это он сообразил за время, не большее, чем Дорант:

— Благодарю вас, гильдмайстер Ронде, за быстрое сообщение столь важных известий. Есть ли у вас сведения о том, какие условия выдвигают гальвийцы?

— Ваше императорское величество, голубь не может нести длинное послание, а наши коды ограничивают темы и содержание сообщений, как ни жаль. Мне известно только, что Всеобщая торговая компания готова прислать своих уполномоченных представителей в любой из портов Марки, за исключением Акебара, где вашему императорскому величеству угодно будет принять их для переговоров. В знак доброй воли и поддержки вашего императорского величества они пришлют четыре вооруженных корабля и не меньше тысячи морских пехотинцев на них. Разумеется, исключительно с вашего согласия.

Гильдмайстер произнес последнюю фразу утвердительно, но

поза его и выражение лица были одним огромным знаком вопроса.

(Флоан Ронде — благоразумно или нет — придержал часть сведений, а главное — даже не упомянул, что от гальвийцев получил большое, подробное личное письмо.)

Император явно не знал, что ответить. Доранту пришлось вмешаться:

— Многоуважаемый гильдмайстер не ждёт ведь от его императорского величества немедленного ответа? Такие дела не решаются без обдумывания.

Его Величество кивнул:

— Благодарю вас еще раз, и будьте уверены, что ваше рвение не останется без награды. Вас известят, как только я приму решение.

Дорант взял пакет и передал Императору. Аудиенция была окончена. Гильдмайстер сверкнул на Доранта глазами, учтиво поклонился Императору и, пятясь, удалился за дверь.

2

Когда дверь за гильдмайстером закрылась (опять, должно быть, мальчишка подсуетился, далеко пойдёт!), Император решительно произнёс:

— Выйдите все. Комес, останьтесь.

Присутствовавшие, с некоторой нерешительностью, вышли; Харран, идущий последним, бросил на Доранта обиженный взгляд.

— Что вы об этом думаете, комес?

— Ваше императорское…

— Перестаньте. Мне не до этикета. Когда мы наедине, зовите меня Йорре.

Дорант был, мягко говоря, ошарашен. Это была привилегия, причём из тех, какие даруются очень немногим из ближнего круга, вознося их над всеми придворными на недосягаемую высоту. К покойному Императору по имени не мог обращаться даже всесильный Светлейший дука Санъер, и ни один из живущих ныне маркомесов тоже не мог этим похвастаться. По слухам, последней эту привилегию имела кормилица примеса Горгоро, умершая пять лет назад, но точно этого не знал никто.

— Поймите, комес, мне очень и очень трудно. Меня многому учили, и отец, и особенно Сетруос, но я еще молодой и у меня вовсе нет опыта. Отец готовил к правлению Гора, а не меня. Он Гора брал с собой в Совет равных, на переговоры с послами, даже

Санъер иногда докладывал отцу в его присутствии. А мне только рассказывали, как надо, но я даже не видел, как делаются дела…

Ему было явно трудно говорить. Он отпил холодной воды из бокала, стоявшего на низком столике рядом со скамьёй, поправил раненую ногу и продолжил:

— Я знаю, что всё время делаю ошибки. И меня некому поправить, я даже спросить никого не могу, правильно или неправильно я поступил… как Сетруоса спрашивал. Да он и без вопросов мог объяснить, где я неправ, и подсказать, как исправить.

Он снова поправил ногу, поморщившись при этом от боли, и заёрзал на скамье, пытаясь устроиться поудобнее. Дорант кинулся поправить Императору под спиной подушку.

— Оставьте, я сам. Главное, я не знаю, кому доверять. Всем от меня что-то нужно, и я даже не всегда могу понять, что именно — но вижу, что у них в глазах какая-то задняя мысль. Сетруос меня учил разбираться в людях, понимать не только то, что они говорят, но и то, чего не говорят.

— Йорре, я…

— Не надо, я знаю, что вы и Харран — единственные люди, преданные мне не за награды и не потому, что ожидаете награду или выгоду. Ну, и еще Красный Зарьял, простая душа. Я видел вас в деле, я знаю, что вам доверять — могу. Но Харран молод и никогда не выезжал из Кармона, даже я знаю о жизни и о политике больше, чем он. А вы — вы мне по-прежнему не доверяете.

Дорант удивился:

— Как вы могли подумать это, Йорре?

— Да я же вижу. Вам часто не нравится то, что я делаю, но вы ни разу не сказали мне об этом. И ни разу не объяснили, в чём моя ошибка. А мне это НЕОБХОДИМО, — сказал Император с нажимом.

Да, он даже умнее, чем я думал. И что теперь с этим делать? Он всё-таки делает меня своим конфидентом — уже сделал.

— Вот например, что мне делать сейчас? — Спросил Йорре, глядя снизу вверх в глаза Доранту.

Невскрытый пакет так и оставался в его руках.

Дорант задумался.

— Давайте рассмотрим, что мы вообще можем сделать, — начал он. — Во-первых, можно продолжать сидеть здесь, в Кармоне, и ждать, пока соберется достаточно людей, чтобы можно было предпринять какие-либо действия. Люди потихоньку подходят, вчера, например, из Суадела пришли одиннадцать дворян со своими боевыми слугами — всего человек тридцать,

конные и оружные. На днях ещё десятка полтора охотников подтянулись, этих через Красного вытащили. У них тоже и кони, и оружие, победнее, правда. Всего сейчас за нами сотни полторы с небольшим серьезных бойцов. С этим можно, скажем, тот же Суадел взять, но с вице-королем уже не поборешься, у него только в Акебаре три тысячи постоянного войска, плюс гарнизон человек триста, плюс стража — тоже за сотню. Не говоря уже, что по пути к Акебару будет три или четыре укрепленных крупных города, смотря как идти.

Император кивнул.

— Это значит, что если мы решим сидеть в Кармоне — то будем здесь сидеть вечно. Место уж очень невыгодное, сюда даже добираться долго и неудобно — так что не все из тех, кто на стороне ваше… на вашей, Йорре, стороне, подымутся с кресел и сядут на коней. Они будут ждать, пока вы не приблизитесь настолько, чтобы к вам было удобно присоединиться. Так уж люди устроены.

— И что же делать?

— Второй вариант — дождаться моих гаррани, за которыми послано, и идти не на Акебар, а к морю. Ближайший отсюда крупный порт — Фианго, поближе есть Койсана и Йапера, но это маленькие гавани, на один-два корабля, только пристать, погрузиться-разгрузиться и отплыть дальше. Там не удержаться, если что. В Фианго есть крепость, форты и гарнизон, сам город раза в два больше Кармона. Туда можно доставлять людей морем, для этого можно использовать корабли компании, где у меня есть доля. Мои компаньоны поворчат и согласятся: из них никто не на стороне людей из Аттоу. Там можно устроить базу, чтобы собирать еще сторонников. Вокруг с десяток городов, да и деревень в достатке. Местность населенная, не чета Кармонскому Гронту. Собрав людей, можно было бы атаковать Акебар с моря, тогда есть шанс захватить город небольшими силами. Наши все — кто живут в Акебаре, кто постоянно там бывает, знают все уголки, и их знает местная стража.

— Контрабанда? — Понимающе кивнул Император.

— Ну… не совсем. Скажем так, чиновников, которые дерут три шкуры себе в карман, никто не любит. На один золотой, идущий в казну, приходится три, которые до неё не доходят.

— Я это обязательно поломаю, — пообещал Йорре с мальчишеским пылом.

Дорант внутри себя усмехнулся: даже Санъеру это не удалось, а уж он-то знал устройство государства изнутри, как никто.

— И всё-таки: что делать с предложением гальвийцев? — Спросил Император.

Дорант тяжело вздохнул. Ему это не нравилось, но было, скорее всего, единственным реальным выходом:

— Я думаю, его надо принять. Чтобы захватить Акебар наверняка, нужно не меньше пяти тысяч человек — без гальвийцев мы будем набирать их слишком долго. В Акебаре всегда стоит не меньше пяти-шести кораблей императорского флота, да ещё десяток-два торговых. Это я не считаю галерный флот. Не все они всё время готовы к бою, разумеется, и на этом можно построить план. Я гарантирую от нашей компании два корабля, еще будут, возможно, два-три. С четырьмя гальвийскими — уже можно рискнуть, если хорошо спланировать дело. Без них — успех возможен, но это будет чистая авантюра, в расчете на удачу.

Император проговорил:

— Вы опасный человек, комес! Оказывается, вы знаете, как захватить столицу Марки малыми силами!

Это была почти шутка, судя по его тону.

— Самое главное, ваше… Йорре, не это. Самое главное — что дальше.

— И что дальше?

— Дальше надо обязательно решить проблему вице-короля. Дука Ансаль Годре из Мезалии Атоуской — человек умный, честный и решительный. Отличный управленец, при нём Марка процветает. Неплохой полководец: он хорошо показал себя во время подавления мятежа Исти-Маграла, лучше, чем многие другие. По крайней мере, не отдавал явно дурацких распоряжений. — Тут Дорант немножко погрешил против истины. — И он — один из глав семейства из Аттоу, на нём многое держится в этом семействе. И не только на его деньгах и товарных потоках, которые контролируют его люди, но и на влиянии, и на лично преданных ему дворянах. Поэтому он, если будет не на вашей стороне — смертельно опасен для вашей власти, Йорре. Не будет — в доме Аттоу многое обрушится. А самое важное то, что, здесь, в Марке, всё влияние семейства держится на вице-короле. Остальные, по большей части — младшие сыновья боковых ветвей, они и веса не имеют, и договариваться между собой будут долго: кто из них главный. Так что — надо решить, что с ним делать. Проще всего найти и устранить.

Йорре поёжился. Он только сейчас начал чувствовать, насколько власть — это тяжесть. Слово "устранить" не вызвало у него иллюзий: дука Годре должен будет умереть, невзирая на то, что человек он, безусловно, достойный. Умереть только потому, что, оставаясь в живых — даже в темнице, даже ничего не делая

— всегда будет представлять собой угрозу власти Императора.

3

— И всё же, комес, скажите мне, как мне следует поступить в отношении вице-короля, когда мы захватим власть в Марке?

Дорант упрямо наклонил голову и произнёс совершенно неожиданное:

— Я бы почтительно посоветовал подыскать возможность привлечь его на свою сторону и сохранить за ним пост вице-короля и соответствующие ему полномочия и власть.

Йорре спросил с подозрением:

— Вы серьёзно? Он же из дома Аттоу, явный враг!

— Ваше императорское величество…

Опять! — Подумал Император.

— Комес, прекратите. Мы наедине, и я для вас Йорре. Мы же договаривались! Обращайтесь ко мне как я разрешил, или я…

Тут Йорре вдруг задумался: или он что? Отправит Доранта в опалу? Так тот, похоже, об этом только мечтает. Казнит? Точно не за что. У нового Императора вообще нет более преданного слуги, первым перешедшего на его сторону, перетянувшего множество других и постоянно доказывающего свою преданность. Дорант, собственно, не умеет служить по-другому. Что вообще можно сделать с человеком, которому обязан по гроб жизни и который не хочет от тебя ничего?

Йорре вдруг засмеялся. И так заразительно, что Дорант после короткой недоуменной паузы тоже захохотал:

— Йорре, ну не надо. Я сейчас объясню. Заморская Марка — очень непростое место. Во-первых, она сейчас примерно вчетверо больше старой Империи по площади. Во-вторых, она населена несколькими десятками дикарских племён, из которых примерно треть наши союзники, примерно треть — относятся к нам безразлично, поскольку Империя пока не имеет возможности как-то на них влиять, например, брать с них дань, и они продолжают жить той же жизнью, что тысячелетия до нашего прихода, — а с остальными мы воюем. Причём с переменным успехом, и, например, с капотлями на западе — с очень небольшим успехом. Мы их бьём, но с потерями, а их территорию нельзя считать принадлежащей нам: там наши только форты и то, что находится от них в прямой видимости. Отошел на десяток тысяч шагов и не принял меры предосторожности — и ты или труп, или в плену, что небольшая разница.

— Почему так? Их что, слишком много для нас?

— Да нет, это нас слишком мало для них. В Марке вообще очень сильно не хватает людей, способных воевать.

— Как так? Сюда же перебирается из Империи множество народа, и союзники многих присылают. Да и местные дикари — вы же сами говорили, комес, что треть из них на нашей стороне? Ну вот ваши гаррани, например.

— Не всё так просто, Йорре. Далеко не все союзные племена дикарей вообще умеют воевать. Многие из них стали союзниками именно поэтому. Толку от них в войне не будет.

— Но ваши гаррани?

— Ну вот хоть бы и гаррани. Они в лучшие времена могли выставить не больше тридцати тысяч обученных воинов. И это моя заслуга, что у них все воины научились имперским способам ведения войны. Если бы я годы назад не наладил такое обучение, да если бы не подготовил для них и воинских начальников, и тех, кто потом стали готовить в племени новых воинов — не было бы толку.

— Ну вот. Тридцать тысяч — а сколько надо, к примеру, против капотлей?

— Против капотлей нужно тысяч двадцать пять, но у гаррани их сейчас нет. Прежде всего, была же большая война, потом усмирение мятежа — гаррани тогда еще не были подготовлены, а их, как союзников, бросали в самый жар, чтобы не расходовать имперские войска. Женщины, конечно, нарожали — но их детям сейчас по 12–14 лет, они проходят учёбу, но ещё не стали воинами. И потом, территорию гаррани окружают племена, которые к ним не относятся особенно дружелюбно. С ними постоянно приходится воевать. И если вдруг они узнают, что самые умелые воины ушли с территории племени на запад, бить капотлей — может так получиться, что гаррани будет просто некуда возвращаться.

— Хорошо, а другие союзные племена?

— Они толком не умеют воевать, их воинские обычаи происходят из их местных условий — а это либо влажный лес, либо предгорья, в то время как капотли живут в степях — и главное: они очень неохотно воюют не на своей территории. Вот если надо свои семьи защищать — тогда да, это хорошего качества войско. А если надо идти туда, где своих нет — а зачем?

Йорре задумался и вдруг, наконец, понял, что именно показалось ему в рассуждениях Доранта нелогичным:

— Подождите, комес. Это всё понятно, но причем же здесь нынешний вице-король?

— А при том, Йорре, что он умеет хорошо разрешать противоречия и конфликты. С теми же капотлями именно он ведь

договорился, что они терпят на своей земле форты. Да, какие-то набеги есть, и люди гибнут, но есть ведь и торговля, и постепенно капотли начинают требовать от своих молодых воинов, чтобы не не трогали поселенцев — наши злаки, наши лошади и другой скот у капотлей пользуются спросом. Именно вице-королю принадлежит идея не обращать внимания на набеги, а договариваться о торге. Так что мы вместо того, чтобы воевать — торгуем. А уж внутри Марки… Двадцать лет назад здесь такое было, что непонятно, от кого больше вреда: от местных воинственных племен или от своих же дворян, которым здешнее богатство ударяло в голову. Про мятеж вы ведь помните? Своих же бить пришлось. Двадцать тысяч имперских воинов погибли, с обеих сторон если считать. Двадцать тысяч! И я ведь ещё ни слова не сказал про торговлю и промышленность. При предыдущем, не тем будь помянут, такие поборы были на каждом шагу, что в Империю вывозить стало почти что нечего. А этот всё наладил и людишек прошерстил, сейчас они по своим кошелям имперские налоги-то распихивать побаиваются, нет им той воли. Нет, за все полторы сотни лет, что Империя здесь присутствует, у нас было два толковых вице-короля: самый первый и нынешний.

Новый Император смотрел на нового комеса Агирры и не мог не думать, что, пожалуй, именно ему бы отдал пост вице-короля Заморской Марки.

Если бы был хоть один шанс, что тот согласится.

— Комес, ну скажите мне, откуда вы всё это знаете?

— Йорре, у меня ведь множество знакомых, по корабельным моим и торговым делам, по старым связям с теми, с кем в одной компаниде были… опять же, в столице живу — всё время меж людей разных. И так случилось, что приходят ко мне и просят помочь. А чтобы помочь — надо знать, что где происходит. Вот я с людьми разговариваю, документы некоторые читаю — и знаю кое-что. А вообще-то, есть в Империи служба, которая знает просто всё: Светлейшего дуки Санъера люди.

— Комес, а чем же можно было бы вице-короля привлечь на нашу сторону?

— Йорре, ну вот не знаю я! Я к нему вхож, но не близок. Чего он хочет — не имею представления. Не имений или золота, это уж точно: больше Заморской Марки, которая в его власти безраздельно, он никогда и нигде в жизни ничего не получит, — при этом Йорре сделал себе в памяти зарубку, — а столько своих собственных денег, сколько он, никто на Марку не тратит. И возврата на них он не ждёт и не ищет, на этом многие пострадали: предлагали деньги вице-королю, да он, ежели видел, что предлагаемое не на пользу Марке, и в тюрьму саживал, и на

плаху отправлял иных.

4

Дорант между тем продолжал, спеша сказать самое важное, пока Его Величество готов был его слушать:

— С гальвийцами же нужно будет договариваться очень осторожно и внимательно. Они давно хотят влезть на Западный континент. Сейчас мы их не пускаем на те земли, которые Империя уже закрепила за собой. Мы не знаем — может, они уже захватывают какие-то куски там, где нас пока нет, скорее всего, на севере, куда им ближе плыть. Их каперы уже вынудили нас ходить в Империю не поодиночке, что ударило по доходам купцов. Если они получат базы южнее, ближе к нашим маршрутам, то нам придется не просто собирать конвои, а еще и прикрывать их боевыми кораблями. Так что нужно будет торговаться за то, что ваше… ваше величество, — сказал Дорант с нажимом, надеясь, что Йорре поймёт, что в этом контексте называть его по имени было бы нелепо, — будет предлагать им взамен на их помощь.

— Я не представляю, что можно им предложить, — честно сказал Йорре. — Я вообще плохо понимаю, что предлагать за помощь, кроме земель и титулов. Казны у меня нет, а чем ещё может распоряжаться Император?

— Очень многим, на самом деле. Но об этом нужно говорить отдельно, потому что разговор будет долгим. Что же касается гальвийцев, — Дорант начал думать над этим, как только услышал слово "Гальвия", - то нам выгоднее всего было бы предоставить им право торговать товарами из Марки напрямую, а не через Империю, как до сих пор. И брать их корабли в свои конвои. Тогда угроза от их каперов сошла бы на нет.

— А почему этого не сделали до сих пор?

— А потому, что сейчас торговля с Маркой идет через два имперских порта и два торговых дома, один из которых контролирует семейство из Аттоу, а другой — Светлейший. Мы везём товар в Марриду, в Кадсию, там разгружаем и получаем плату по твердым ценам. Весь товар забирают торговые дома и дальше перепродают, как хотят и за сколько хотят. Основную прибыль они и получают. За счет гальвийцев, в том числе. А сейчас дука Санъер у предков, а дом Аттоу — ваши враги, Йорре. Так что нам выгодно торговать с Гальвией и другими странами напрямую, мимо них. И вообще ничего не давать метрополии. А Гальвии выгодно получать наши товары без наценок и везти к

себе, да и с северными странами торговать с большим прибытком.

Глаза Его Величества загорелись. Эта мысль ему пришлась по сердцу:

— Вы гений, комес! Получается, что мы и гальвийцам дадим то, что им выгодно, и от каперов избавимся, да ещё и Аттоу хвост прижмём?

— Ну да, примерно так.

— А какие товары идут отсюда?

Дорант, честно говоря, не ожидал, что Императора заинтересуют такие низменные предметы, как торговля. Но, так как сам он волею судьбы в торговлю эту был весьма даже вовлечён, то ответил не задумываясь:

— Ценную древесину, хлопок, зерна чокло, каву, тобакко, сахар, перец, другие пряности. То, что дорого стоит и мало весит. Это для продажи. А ещё, конечно, серебро и золото — их больше всего. В метрополии рудники давно истощены, так что сейчас Империя чеканит монету из того, что привозят отсюда.

— Серебро и золото тоже идут через торговые дома?

— Да нет, конечно же. Их ещё здесь сдают чиновникам вице-короля за твердую плату, потом в Акебаре всё сданное переплавляют и делают мерные слитки с императорским клеймом. В цитадели целый форт занят плавильней. Охраняется пуще дворца вице-губернатора.

— Откуда вы всё это знаете, Дорант? — Его Величество очередной раз потряс комеса Агуиры, назвав его по имени, что было беспрецедентной милостью. На это можно было ответить только полной откровенностью:

— У меня есть доля в кумпанстве, владеющем семью кораблями. Два из них полностью мои, как я уже говорил вам, Йорре. Ещё я владею несколькими кусочками земли, где растят тобакко, каву и чокло мои арендаторы, и небольшим серебряным рудником.

— Так вы небедный человек, комес?

Знал бы ты, насколько небедный. Не как местные вельможи, конечно — но достаточно, чтобы не беспокоиться о средствах на жизнь. И иметь немаленький, хоть и скромный домик в хорошем, дорогом месте в Акебаре. Если бы не ограничения, которые не давали простому, не титулованному каваллиеру Доранту из Регны развернуться, и если бы Саррия не была всё время под угрозой, как дикарка, незаконно живущая в столице, что обходилось в треть годового дохода на взятки…

И тут Император, наконец, начал думать сам:

— Получается, что если мы перехватим поток серебра и золота, который идет в Акебар, и не выпустим его в метрополию,

то там не смогут чеканить монету?

— Немного смогут. Примерно одну пятую от того, что имеют сейчас.

Глаза Его Величества загорелись ещё ярче:

— Так им нечем будет наполнять казну! Я знаю от Сетруоса, что расходы казны наполовину покрываются чеканкой новой монеты. Остальное дают налоги и займы у истреянцев и морронов, под будущие поступления золота и серебра. Что-то идёт от военной добычи, когда есть войны.

Дорант был убеждён, что расходы Империи финансируются из налогов. То, что сказал сейчас Йорре, было по меньшей мере странно.

— Йорре, неужели налоги приносят так мало?

— Ну, не совсем уж мало. Но не больше трети расходов. Совет равных утверждает налоги на все земли Империи. Там сидят маркомесы и дуки, они на словах соглашаются с Императором, но на деле не подписывают акты, если налог на их землю повышается больше чем на двенадцатую долю.

Получалось, что если Императору удастся захватить Акебар и избавиться от вице-короля — или привлечь того на свою сторону — то есть хороший шанс задушить узурпаторов экономической удавкой!

Что самое интересное, ни Йорре, ни новоиспечённый комес Агуире так и не вскрыли гальвийский пакет.

Что бы в нём ни было, на решение это не повлияло.

Тут в дверь неуверенно постучали. Дорант и Император переглянулись. В общем-то, всё самое важное уже было сказано.

— Что там? — Спросил Дорант громко.

Дверь приоткрылась, и в щели возникло смущённое лицо Нери:

— Господин Калле послал сказать, что в Кармон прибыли какие-то дикари!

5

Дорант, отправивший несколько недель назад к вождю гаррани одного из слуг Харрана, не ждал воинов своего родственного (по Саррии) племени ни так скоро, ни, главное, в таком количестве. В Кармон прибыл отряд из пяти сотен воинов, сотня конных и четыре — пеших. Возглавлял их старый приятель Доранта Венеу, сын Оррау, сына Аллеу, которого он учил когда-то строить своих пешцев в терцию, работать длинными копьями и стрелять из пиштолей и мшетт.

Они охлопали друг друга, как положено у гаррани (правой рукой по левому плечу, левой рукой по правому плечу, обеими ладонями в ладони другого) и обнялись.

Дорант был, собственно, для Венеу родственником, поскольку Саррия приходилась тому сестрой. Поэтому церемонии (куда более сложные у гаррани, чем в Империи между знатью) были сокращены до предела, и оба занялись тем, что надо было сделать в первую очередь (вы подумали, что пировать? Ну вот нет, ни разу): размещением людей и коней на постой.

Это заняло больше двух часов, поскольку Кармон никоим образом не был готов к тому, чтобы принять полтысячи войска. Старая крепость годилась для размещения, разве что, крыс и летучих мышей. Людям и коням в её казематах грозили увечья, если не смерть, от полусгнивших балок и с трудом поддерживаемых ими черепиц, которые грозили обвалиться от легкого движения воздуха. Больше половины уже и обвалилось, так что кровля прикрывала от погоды лишь часть помещений.

Пришлось искать свободные места в домах у горожан и распределять гаррани между ними. Это тяжким бременем легло на остатки финансов, которыми располагали сторонники Императора. Зато удалось невзначай поставить под контроль тех горожан, что не спешили к ним присоединиться: имея в доме десяток воинов, неважно говорящих на имперском, но заведомо пришедших помогать Императору, не очень-то захочется демонстрировать приверженность узурпаторам из метрополии.

Потом Дорант, позвав Асарау, представил его Венеу. Тот, как выяснилось, знал Кау, сына Вассеу, то есть — отца Асарау, павшего при нападении альвов. Они коротко обсудили это, Венеу сделал ритуальный жест сожаления о гибели воина в бою (сильно отличающийся от жеста, которым сожалеют о гибели воина не в битве), и оба проследовали с Дорантом в бывшую малую обеденную залу, где их уже ожидал Император.

Его Величество через перевод Доранта подтвердил привилегии, данные племени гаррани: дворянство всем воинам и их потомству, земли, кои занимает племя на сей день, и кои займёт в будущем, за исключением тех, которые принадлежат Короне и её вассалам, и заодно личное каваллиерство Асарау.

Венеу это впечатлило, особенно после того, как Асарау, со слов Доранта же, объяснил ему, что это значит.

Аудиенция затянулась надолго, плавно перейдя в обед и ужин. Асарау пришлось ещё раз рассказать свою эпопею у альвов. Дорант поделился тем, чем можно было, о вызволении Императора из лап кровожадных супостатов, о битве, которую пришлось для этого выдержать, а также о помощи одного

мужественного альвийского воина. К сожалению, воина этого не было в городе, потому пришлось пригласить альвийку, которая долго отнекивалась (за ней, естественно, послали Асарау, чтобы как бы чего не вышло), но потом всё-таки пришла. Напоить её не удалось (она хорошо помнила, что рассказал ей муж про напитки и их действие), так что на расспросы она отвечала односложно и не очень понятно. Тем не менее, все присутствующие (включая и её) оказались довольны.

И, когда все уже собрались расходиться, в двери постучался Калле, сообщивший совершенно безумную новость.

Альв, отпросившийся за какой-то травой, вернулся — но не один, а в сопровождении двух самок и детеныша!

Глава 6. Уаиллар

1

Его снова вывезли из аиллоу многокожих по темноте в движущемся ааи, влекомом двумя испорченными четвероногими — только на этот раз Уаиллар был в нем один, и еще он знал, что ааи на колесах называется "повозка", а животные — "лошади" (правда, произнести эти слова он бы не смог).

Он подумал, что ему странным образом доверяют — сам он, как и любой из военных вождей аиллуэ, никому чужому не стал бы так доверять.

Для себя Уаиллар объяснил такое доверие тем, что Старый, вероятно, принял его в свой клан — не проведя обычных у аиллуэ церемоний, но круглоухие многое, если не всё, делали не так, как принято у его народа.

Он подумал, что при таком безоглядном доверии круглоухие могут быть легкой добычей для того, кто задумает это доверие обмануть.

Дорога была скучной, и воин, в свою очередь, доверяя тем, кто его вёз, позволил себе задремать.

Чуткий сон его прервало прекращение движения. Затем дверца повозки отворилась, и круглоухий не-воин, управлявший лошадьми, сделал жест рукой.

Уаиллар потянулся, разгоняя кровь и приводя мышцы в рабочее состояние, и мягким прыжком покинул повозку. Он практически мгновенно скрылся в лесу — место было знакомое, именно отсюда он в прошлый раз двинулся к своему аиллоу.

Сейчас дорога ему была в другом направлении, в сторону и поближе, но всё равно надо было или оббежать, или переплыть залив озера. Для скорости Уаиллар выбрал водный путь, соответственно срезав дорогу и по земле.

Тут он сделал ошибку, которая едва не стоила ему впоследствии жизни: он забыл, что черно-серый порошок, которым кормят громотрубы, боится воды.

К рассвету воин аиллуо был уже далеко. До поляны, так сильно врезавшейся в его жизнь — и так резко поменявшей её — было еще чуть больше дня пути. Хотя он не спал всю ночь, усталости он не чувствовал: наотдыхался за предыдущие дни. Мешали только громотруба и меч, тяжесть их была непривычна и распределялась не очень удобно. Громотруба еще и надоедливо болталась на боку. Все-таки надо было перед уходом как следует

проверить, как сидит на теле кожаная алларэу.

На бегу Уаиллар несколько раз сделал то, что не имел возможности полноценно сделать у многокожих: поупражнялся с мечом. Выдергивал его на скорость, стараясь разнообразить хваты и отрабатывая нанесение удара слитным движением, без перерыва. У него довольно быстро начало получаться. Он всё больше привыкал к размерам, весу и балансу меча, приспосабливая движения к новому оружию.

Больше всего ему нравилось то, как меч рубит даже довольно толстые ветки, почти не испытывая сопротивления. Копье аллэ не очень приспособлено для рубящих ударов, острая кромка лезвия может не выдержать — поэтому аиллуо используют удары колющие и режущие. Меч, как казалось Уаиллару, способен перерубить даже толстую кость, что давало гораздо больше возможностей в бою.

А еще по пути воин аиллуо размышлял о том, каким могущественным мог бы стать его клан — его собственный клан, где он был бы Великим Вождем — если бы у всех воинов было стальное оружие и они могли бы сражаться в строю, как многокожие. Он думал, как стал бы обучать воинов строю, и понимал, насколько это было бы непросто, поскольку аиллуо всегда сражались каждый за себя, и доблесть воина была его личной доблестью. В строю же, как понял Уаиллар, наблюдая за упражнениями многокожих, главная доблесть — не сразиться самому с самым великим воином противника, а не разорвать строй и защищать своих соседей, действуя с ними как единое целое.

Пришлось бы полностью ломать представления воинов о жизни и её ценностях.

Но клан с таким оружием и такой манерой ведения боя легко победил бы другие кланы, и его глава мог бы стать Великим Вождем всех аиллуо. И тогда…

На этом месте мысли воина теряли чёткость, потому что, честно говоря, он и сам не очень представлял себе, что именно будет тогда.

Если бы Уаиллар вдруг рассказал то, о чём он думает, Старому — тот заметил бы, что аиллуо попросту мечтает. И непременно спросил бы, а где, собственно, он собирается брать оружие многокожих, чтобы дать его своим однокланникам.

То, что круглоухим приходится как-то изготавливать вещи, которыми они обладают, воину просто не приходило в голову. А тем более — насколько это может быть сложным. Всё, чем на его глазах пользовались круглоухие, было уже готовое. Если им нужно было что-то, они просто приносили это откуда-то или

доставали из сундуков.

Некоторые вещи явно проходили через огонь, Уаиллар это чувствовал. И он видел огонь в руках многокожих — костер, который они разжигали по дороге, очаг в доме Харрана. Но этот огонь был для приготовления пищи; воин, попробовав такую пищу, весьма её одобрил. Где проходили через огонь такие изделия, как меч, как посуда — он и не задумывался.

Уаиллар вообще никогда не задавался вопросом, откуда круглоухие берут то, что используют в своей жизни: одежду, многочисленные предметы быта, и тем более оружие. Аиллуэ брали то, что им нужно, у Природы, уговаривая растения и, иногда, животных (например, когда хотели молока). Использовать огонь было уарро. Преобразовывать неживое было уарро. И даже некоторые уговоры растений были уарро. Ничего похожего на вещи круглоухих у аиллуэ не было.

Так что получить оружие многокожих можно было только у многокожих.

А для этого с ними надо было дружить.

2

Меж тем пресловутая поляна была уже совсем близко. Место было довольно посещаемое, причем не только сокланниками Уаиллара. Там росла самая лучшая уэллэу, и было её довольно много. По давно заведенному обычаю, если на поляне встречались воины разных кланов, охранявшие своих беременных женщин, они делали вид, что не видят друг друга. А вот воину-одиночке, попадись он там, могло не поздоровиться. Впрочем, смотря как он вёл бы себя на поляне: того, кто собирает траву для жены, скорее всего, также "не заметили" бы.

Уаиллару же, попадись он сокланникам, точно пришлось бы сражаться за свою жизнь, что бы он ни делал. Поэтому ему следовало бы удвоить внимание и осторожность, но за мечтами он этого не сделал.

За что и поплатился, как только вышел на открытое место: прямо перед ним, в двух перелётах копья, собирали уэллэу две женщины, разборчиво выделяя по только им понятным признакам отдельные листья и осторожно отщипывая их от веток. Они сидели близко друг к другу, обирая два соседних куста. За их спинами, в небольшом отдалении, стояли четыре незнакомых аиллуо, опираясь на копья. Они были собраны и внимательны, и постоянно осматривали поляну, по-умному распределив её между собой так, чтобы каждый смотрел на свою часть.

Естественно, Уаиллар был ими мгновенно обнаружен. Тихий звук — и обе женщины тут же приникли к земле, стараясь слиться с нею. Воины же рассредоточились, окружая пришельца.

Уаиллар выхватил громотрубу и завозился, взводя колесцо. Как только один из аиллуо оказался в двух десятках шагов, он нажал на спусковой рычажок. Колесцо прокрутилось, брызнув искрами, но выстрела не последовало. Еще два оборота ключа, еще одно нажатие — воин другого клана был уже в нескольких шагах — и опять ничего.

Уаиллар еле успел отбить громотрубой летящее в него копьё (и порадоваться, что воин оказался таким бестолковым, что бросил его вместо того, чтобы приблизиться ещё и ударить), как справа от него возник второй противник.

Громотруба полетела в голову первому (тот успел уклониться, но получил по ключице, что сбило бросок ножа). Уаиллар привычным уже движением выхватил меч и рубанул копьё второго воина. Тот на несколько мгновений застыл, тупо глядя на обрубок древка; это его и погубило: колющий удар в печень не оставил ему надежды на жизнь.

Дальше Уаиллару пришлось крутиться, как, наверное, ни в одном из сражений, где он участвовал прежде. Оставшиеся три воина были молоды, сильны, хорошо обучены и опытны. На его стороне было зато превосходство в оружии: постепенно он оставил всех троих без копий, перерубая древки то удачным ударом, то в парировании, когда отбивал копьё. Никому из аиллуо не пришло бы в голову отводить удар копья лезвием, но сталь меча позволяла это делать, и каждый такой удар не только сбивал движение копья, но и надрубал древко.

Один из троих аиллуо не только лишился копья, но и тут же охромел, получив широкую рану на левом бедре. Оставшись без копий, воины попытались достать Уаиллара метательными ножами, но тут он был в своей стихии: не так-то просто было попасть ножом в военного вождя клана Оллаулэ, даже и трём противникам сразу.

Чужие аиллуо не сразу осознали, что, метнув ножи, остались вовсе без оружия.

Уаиллар сразу же длинным выпадом проткнул сердце самого подвижного и опасного из них. Потом зарубил хромого. Третий рванулся бежать, но в результате был убит броском ножа аи, получив смертельную рану в спину — невыносимо позорная смерть для воина.

Всё это заняло так мало времени, что первый поражённый Уаилларом воин еще дёргался в агонии, зажав распоротый против печени живот.

Уаиллар методично пронзил сердце каждому из четырех, не вникая, живы они ещё или уже нет. Он был настолько выжат после долгого бега и схватки, что у него подгибались ноги. Не хотелось бы пострадать из-за недостойной воина непредусмотрительности.

И вот тогда он, наконец, выпрямился из боевой стойки. Было бы уместно опереться на копьё, но копья не было, а меч для этого не годился. Поэтому пришлось принять горделивую позу и сделать вид, что он полон сил и энергии: на него с ужасом смотрели две пары женских глаз.

3

Одна из женщин резко выпрямилась, и в Уаиллара полетел нож. Он еле увернулся, не ожидая такого (хотя следовало бы: в его клане женщины метали ножи не хуже мужчин). Вторая, которой по виду до родов осталось недели две, встала с трудом и смотрела на воина взглядом, в котором смешивались ненависть с недоумением: что это за аиллуо, который, убив четверых воинов, не кидается тут же резать уши?

Метательница ножа, всмотревшись в убитых, согнулась в приступе рвоты.

Ну вот что с ними теперь делать?

Отпустить — так через день на пятках Уаиллара будет целый клан, и не надо строить иллюзий, что он сможет легко запутать следы. Там наверняка есть воины не хуже, чем он сам.

Убить? Уаиллар содрогнулся. Даже для спасения своей жизни он не посмел бы убить женщину. Это даже не уарро — это в крови. Женщин убивать нельзя.

Тяжело вздохнув, Уаиллар огляделся в поисках подходящей лианы. Уллэиэ или лучше уллиоэ, та гибче. А, вот она.

Нарезав нужные куски, Уаиллар приблизился к женщинам. Та, что была на большом сроке, сжалась от ужаса, не в силах сопротивляться. Мало кто умел вязать лаллаэалэ так быстро, как Уаиллар, так что ей сопротивляться и не удалось бы, в её-то состоянии. Уаиллар, однако, постарался сделать узел так, чтобы не причинить женщине боли, и чтобы она как можно меньше испытывала неудобств.

Вторая, едва отойдя от приступа рвоты, попыталась было убежать — но куда ей, от воина в расцвете сил. Подножка бросила её на землю, несколько движений — и лаллаэалэ спутал ей конечности так, чтобы она могла двигаться, но не могла убежать. И снова Уаиллар был быстр, но осторожен: беременная

женщина — свята почти как Великое Древо.

Она сопротивлялась и не хотела идти. Пришлось взвалить её на плечо и отнести ко второй женщине.

— Меня зовут Уаиллар. Как ваши имена?

Молчание.

— Нам предстоит дальний путь. Будет удобнее, если я буду знать, как к вам обращаться.

Снова молчание.

— Если вы не поняли — вы мои лаллуа. Обе.

Тут их проняло.

— Как это может быть? Воин может иметь только одну жену.

— Жена у меня есть. Я пришел за листьями для нее. Вы мне не нужны. Если бы ваша охрана не напала — мы разошлись бы, и все были бы живы. И мне не пришлось бы вязать вас и тащить с собой. Но у меня нет другого выхода: мне не нужна погоня. Я вас уведу, и по крайней мере до заката никто в вашем клане не подумает, что с вами что-то случилось. Но вы должны понимать: вы у меня на правах лаллуа, если не будете сопротивляться — вам ничего не угрожает. Если будете — мне придется вас убить.

Он вовсе не собирался этого делать. Если бы женщины упёрлись — пришлось бы их отпустить, потому что рука на них не поднялась бы. Но они-то этого не знали и приняли его слова всерьёз.

Такого испуга Уаиллар никогда не видел на женских лицах.

Тела их спутников со страшными рублеными ранами добавили веса его словам.

Женщины застыли, где стояли. Уаиллар прикинул количество собранных ими листьев — было явно мало. С тяжелым вздохом он велел женщинам собрать еще столько же — времени было жалко.

Пришлось их всё время подгонять, тратя на них внимание, которого не хватало и так, чтобы следить за окрестностями.

На счастье, никто больше на поляне не появился.

Уаиллар хотел было отрезать уши убитых им воинов — но потом сообразил, что у него теперь нет ни ааи, ни копий перед входом, на которые эти уши можно нанизать, ни клана, перед воинами которого можно было бы этими ушами гордиться. Он собрал свои ножи и ножи убитых, распихал их по гнёздам в кожаной алларэу, а три оставшихся примотал лианой. Подобрал громотрубу, которая так его подвела, и только тут сообразил, что его предупреждали не мочить порошок. Помотал головой, сокрушаясь о своей бестолковости. Ещё раз подогнал женщин, явно тянувших время, и объяснил им, что ждать помощи совершенно бесполезно. Оценил количество собранных листьев, понял, что их достаточно, и потянул за предусмотренные

устройством узла лаллэале поводки:

— Пора идти, красавицы.

Женщины поднялись и покорно последовали за ним.

4

Они шли до темноты, а потом еще довольно долго. Женщины явно устали, но Уаиллар не хотел останавливаться, пока они могли идти. Благо, нести им было почти нечего: листья уэллэу весят немного, хоть и занимают много места, пока свежие.

Он знал одно укромное место вблизи крошечного чистого ключа, который прятался высоко на каменистом холме. Туда было неудобно забираться, и поэтому все останавливались ниже, где ключ падал в выбитую им же каменную чашу с высоты в два или три роста, издавая мелодичный шум. Там же, где ключ только пробивался сквозь трещину в скале, было невозможно устроиться на ночлег: не хватало места. Зато чуть выше и левее была скрытая от взглядов снизу плоская площадка, покрытая мохом, про которую знали очень немногие. Там можно было отдохнуть втроём, а то и вчетвером, а к воде спуститься по незаметным, но удобным выступам, образующим природные ступени.

Всё это прикрывали кроны огромных олоолои, которые любят каменистую почву.

Вот туда Уаиллар и затащил обеих женщин. Затащил буквально: они выбились из сил и уже не могли не только лезть на скалы, но и идти по ровной местности.

Впрочем, дух у обеих был на высоте. Подчиняясь воину, они его ненавидели, хотя и боялись.

— Кто ты? — Спросила та, что была на большем сроке. — У тебя алларэу из кожи мёртвых животных. У тебя оружие из камня, прошедшего огонь. Это уарро. Ты не должен был жить.

— Из какого ты клана? — Вторила другая. — Я догадалась! Ты — Лишённый Имени из клана Оллаулэ! Главная Женщина Эуллара говорила про тебя! Ты — уарро, тебя должен убить любой аиллуэ!

Воина это задело:

— Я Уаиллар, военный вождь клана Оллаулэ! Я убил Великого Вождя Ллуэиллэ и ушёл к многокожим! Я знаю то, чего не знает никто из народа аиллуэ: всё, что говорят нам Великие вожди и Главные женщины — ложь от начала до конца! Никакого уарро не существует! Можно есть то, что не родилось в Великом Лесу, можно есть то, что прошло через огонь, можно пользоваться тем, что изготовлено из неживого — и это не приводит к смерти!

Нам всё время лгали, и мы из-за этого всегда жили хуже, чем могли бы — хуже, чем круглоухие! У круглоухих, даже не воинов, еды куда больше, чем даёт нам Лес — а почему? Да потому, что нам запрещают то, что не знали предки! Любое растение круглоухих приносит плодов больше, чем то, что растёт в Лесу. И по вкусу они лучше, и голод утоляют быстрее! А многие растения, если их обработать огнём или горячей водой, если к ним добавить соль и травы — становятся вкусными, даже те, которые мы не считаем съедобными!

Женщины были потрясены тем, напором, с которым он высказывался. Они не столько слушали, что он говорит, сколько уступали давлению того, как он говорил.

Уаиллар выхватил меч:

— Смотрите! Это оружие многокожих! Оно непобедимо! Оно разрубает любые, самые лучшие, даже четырехлетние аллэ! Оно разрубает кости! — И он широким движением срубил наискось кривое деревце толщиной в руку, росшее из ближайшей расщелины в скале. — Ничего подобного у нас нет! И не будет, пока мы не перестанем слушать старейшин и не начнём жить своим умом! А еще у многокожих есть громотрубы!

Он отработанным движением вернул клинок в ножны и вдруг успокоился (вспомнив, как сам он только что сделал стыдную ошибку с громотрубой). Женщины меж тем смотрели на него с ужасом, как бы не большим, чем когда он обещал их убить.

— Так как вас зовут, наконец?

Они переглянулись и неохотно представились:

— Оллэаэ. — Та, что на большем сроке.

— Уаларэ. — Вторая.

Уаиллар посмотрел на них внимательно и долго.

— Кто-то из вас уже рожал?

Обе сделали отрицательный жест.

— Кто-то из вас помогал при родах?

Уаларэ, также жестом, подтвердила.

— Моя жена тоже будет рожать в первый раз. Если вы ей поможете, я этого не забуду. И я клянусь Великим Древом, что тогда вы и ваши дети останутся в живых, что бы ни случилось.

Они опять переглянулись. На этот раз обмен взглядами был долгим.

И Уаларэ сказала:

— Мы поможем.

А потом спросила:

— А куда ты нас ведёшь?

Полночи ушло у Уаиллара, чтобы рассказать женщинам, куда он их ведёт, и — главное — убедить, что там нет ничего страшного и рокового.

Когда они поняли это, ему пришлось потратить ещё больше времени на описание жизни среди многокожих, её достоинств и недостатков. Половину того и другого он выдумал, поскольку реального знания женского быта в аиллоу многокожих было у него немного. Аолли была плохим примером: ей просто нечем было заняться в чуждом месте, где не было ни одной женщины, чтобы поговорить, и не было никакого дела, чтобы отвлечься от скуки.

Женщины не поверили сперва, когда Уаиллар описал им вкус корнеплодов, прошедших обработку горячей водой и посоленных. Они испугались до полусмерти, увидев, как он поджигает искрами от колесца чёрно-серый порошок для громотрубы, оставшийся сухим в промасленном кожаном мешочке, из которого Уаиллар должен был брать его для того, чтобы перезарядить громотрубу. От порошка загорелась сухая кора, от сухой коры — сухие сучки, от сухих сучков разгорелся костёр. Уаиллар насадил на ветку и опалил плод лаоллэ, случившийся в корзинке Оллэаэ — он сложил в эту корзинку всё, что нашёл в корзинках у обеих, и добавил то, что было съестного у воинов. Женщины с опаской взяли куски нарубленного корнеплода, обнюхали, лизнули, взвизгнули, обжегшись, по подсказке Уаиллара подули, подождали, лизнули снова, на кивок Уаиллара — откусили по ма-аленькому кусочку, пожевали, переглянулись и быстро съели оставшееся.

А съев, забросали воина вопросами, которые сводились к тому, опасно ли жить среди многокожих (да нет, вовсе не опасно), есть ли там ещё необычная еда (да есть, конечно, и много), и вообще, как там всё устроено.

На последний вопрос — или кучу вопросов, если уж честно — Уаиллар отвечал едва ли не до рассвета. И это было самое сложное, что досталось ему в нынешнем походе: сам он знал про общество многокожих не шибко много, лишь то, что успел увидеть и понять, проведя рядом с ними около одной луны.

Многому они просто не поверили — или не поняли. Как может быть ааи высотой больше, чем нужно, чтобы аиллуо мог выпрямиться во весь рост? Как могут стены ааи быть не сплетёнными из побегов? Как в аиллоу могут жить больше круглоухих, чем есть в самом большом клане? Как может быть, что не все мужчины — воины? Неужели все круглоухие носят вторую кожу? Как, и не только вторую? И больше? И скорлупу на груди из — как ты сказал? Стали?

Неужели в аиллоу многокожих не растут нужные растения? Как то есть — их вообще нет? А где же они берут (дальше следовал длинный перечень)?

Что значит — меняют на кружочки из прошедшей огонь земли?

Да я и сам не понимаю, чуть было не ответил Уаиллар. Но вместо этого ответил:

— Сами увидите. Не так уж долго туда добираться.

И велел спать, потому что наутро им было надо снова идти, и довольно быстро.

Сам он и вправду заснул — под тихое шушуканье и журчание ключа.

6

За следующий день они без приключений прошли по лесу довольно заметную часть дороги. Уаиллар вёл женщин в обход озера; одного раза ему хватило. На дневной стоянке он подсыпал пороха на полку и попытался выстрелить — в воздух, естественно. Колесцо прокрутилось, исправно брызнув искрами, порох на полке пшикнул и выпустил облачко вонючего дыма, однако выстрела не произошло. Видимо, отсыревший порох в каморе не высох ещё.

Разочарованный воин засунул громотрубу обратно в кобуру — и повёл женщин дальше, не ответив на их любопытные расспросы, что и зачем он делает с этой штуковиной.

К вечеру они нашли относительно удобное место для стоянки, где совсем рядом была небольшая рощица лолоу, ещё сохранившая часть плодов. Этим они и поужинали. Вода была рядом, в обильном, хотя и грязноватом, ручье.

Уаиллар убедил женщин, чтобы они уговорили кусты вокруг их стоянки переплести ветви так, чтобы сделать это место недоступным. Так что до утра они проспали спокойно, если не считать еще одну порцию расспросов и ответов. Рассказ про то, что можно передвигаться в небольшом ааи, который тянут четвероногие, поразил женщин. Уаиллар вспомнил ещё про то, как воины круглоухих ездят, сидя верхом на лошадях (и задним числом пожалел, что не попробовал, хотя ему и предлагали на пути в аиллоу многокожих: тогда он еще верил во всякую чепуху про уарро).

Женщины охали, ахали и смотрели на воина с недоверием. Потом Уаиллар заснул, так что не узнал, о чём они шепчутся, обсуждая его. Он даже не знал ещё, что обе они потеряли в его

битве на поляне своих мужей. И теперь им надо было крепко думать, за каким мужчиной держаться — и выбор был, откровенно говоря, невелик.

Наутро они двинулись дальше, попутно ощипав пару деревьев лэллээллэ[53] (правду сказать, они больше собрали с земли, чем с веток). Потом им попалась рощица арраи[54], но плоды большей частью уже сгнили или высохли на ветках.

В общем и целом, становилось голодновато.

На третий день пути под самый вечер они набрели на грядки, устроенные круглоухими, которые живут возле озера. Эти круглоухие затевают огороды в самых неожиданных местах, где их не могут сразу обнаружить многокожие, собирающие долю от урожая.

На троих им хватило примерно полгрядки, что ещё раз поразило женщин: разница между урожаем обычных овощей и тех, что выращивали круглоухие, поражала.

На следующий день Уаиллар обнаружил, что ограбленные круглоухие осмелились их преследовать. Пришлось убить одного и ранить двух остальных, чтобы они отстали.

Дальше путешествие продолжалось почти без событий, если не считать еще двух ограбленных грядок. Там росли лаоллэ, которыми женщины хотели было пренебречь, и только под прямым давлением Уаиллара они собрали полную корзину корнеплодов.

Той же ночью они, урча, сожрали содержимое корзины едва ли не полностью, после того, как воин показал им, как запекать лаоллэ и как использовать соль, которая была у него завёрнута в тряпицу, закрепленную в кармашке кожаной алларэу. Наутро пришлось даже вернуться и выгрести ещё одну грядку, забив обе корзины, несмотря на возражения Уаиллара, который опасался за здоровье беременных женщин.

Был ещё эпизод, когда пришлось полдня лежать в кустах, ожидая, пока проедут и пройдут по дороге разные круглоухие. Женщины хотели, чтобы Уаиллар пробился мечом и ножами. Было непросто объяснить им, что круглоухие теперь союзники и друзья, и нападать на них без причины не следует.

Наконец, они добрались до русла реки, и дальше двигались вдоль него, что было намного легче, так как круглоухие редко спускались вниз с берегов, чтобы воспользоваться жёлто-коричневой от глины и песка водой, быстро текущей с дальних гор. Когда это случалось, Уаиллар с женщинами успевал спрятаться.

Оллэаэ, которой было до родов считаные дни, старалась не отставать. Из-за этого Уаиллар не придавал нужного значения её

сроку, что закончилось очень плохо: ему и Уаларэ пришлось принимать роды в дне пути от аиллоу многокожих. Родился мальчик, крупный и здоровый. Уаиллар позавидовал его покойному отцу. Пришлось искать укрытие и три дня пережидать, пока молодая мать смогла двигаться дальше. Уаиллар развязал Оллааэ и дал ей свободу, но ребенка нёс в руках сам. После этого он внимательно приглядывал за Уаларэ, хотя той до родов было больше двух лун.

Так или иначе, он успел в аиллоу многокожих за день до срока, который назначил ему Старый. Он и женщины пробрались в город ночью, вдоль речки, так же, как сам воин аиллуо когда-то невообразимо давно, когда пришёл за своей женою. Никто их не заметил, и они без помех прокрались к ааи, где жил Старый.

Только там, у входа, охраняемого знакомыми многокожими, Уаиллар почувствовал себя в безопасности и расслабился.

Знал бы он, в какое недоумение пришли Калле и Кимпар, увидев его в сопровождении двух самок и с мелким альвийским ребенком на руках!

Глава 7. Дорант

1

Дорант стоял перед окном и смотрел во двор. Там все три альвийки, как и в предыдущие дни, выгуливали детёныша. Детёныш был забавный: покрытый пушистой серебристо-серой шёрсткой, усыпанной пятнами и полосками, с хохолком между ушами, он, в отличие от человеческих, в свои несколько дней двигался на четвереньках довольно уверенно, хотя задние ноги еще и забрасывало на поворотах. На мордочке его было написано неиссякаемое любопытство, и три мамки (а кто из них был настоящей матерью, они, похоже, и сами забыли) всё время бегали за ним, ловили под передние лапы и утаскивали к стене дома или в клетку.

Да, клетка, где сидела когда-то альва, никуда не девалась. Только сейчас её дверца была всё время открыта — ну, то есть, то время, пока альвийкам не надоедало ловить шустрого отпрыска и они не закидывали его внутрь, перекрыв выход.

Некоторое время он ползал внутри клетки, потом засыпал, утомившись, а потом начинал мелодично пищать, и тогда кто-то из альвиек кидался к детёнышу в клетку, вытаскивал его наружу и принимался кормить.

Что странно, кормили его по очереди все трое, хотя у двоих не было своих детёнышей.

Наблюдать за пятнистым младенцем можно было бесконечно. Дорант всё время ловил себя на том, что, когда он смотрит на мелкого альва, его лицо расплывается в глупой улыбке. Он никогда не получал такого удовольствия от простого созерцания человеческих детей — даже своих. Да что там, глядя на своих, он всё время испытывал смесь ответственности с беспокойством — и только теперь понимал, как многого из-за этого лишился.

Ничего, подумал Дорант, вот пойдут внуки…

Говоря начистоту, он ужасно скучал по жене и дочери. Больше всего на свете ему хотелось бросить всё, взять верных боевых слуг (Сеннер уже справился с ранами и даже начал заниматься по утрам во дворе с мечом и ножами) и уехать домой, в Акебар.

И забыть навсегда высокую политику, придворный этикет и Его императорское Величество. И жить тихой семейной жизнью.

Вместо этого Дорант, сдержав вздох, повернулся от окна к присутствующим в малой обеденной зале и произнёс:

— Ну и какие мысли у вас, господа, про то, как мы будем выдвигаться?

Харран только закончил разливать лёгкое молодое вино по бокалам. За столом, кроме него, сидели гильдмайстер Ронде, гуасил и Красный Зарьял (чувствовавший себя явно неловко в обществе знати), а также Асарау, сын Кау, сына Вассеу, и Венеу, сын Оррау, сына Аллеу, представлявшие отряд гаррани. То есть представлял отряд Венеу, а Асарау присутствовал просто как ближник и его, и Доранта. Императора не было: предстояло решать вопросы тактические и практические, коими Его Величество решено было не утруждать.

Обсуждалась непростая проблема: Император (с подачи Доранта, о чем, кроме него, никто не знал) принял решение идти в Фианго. При этом главный вопрос был: а что делать с Кармоном? Если бы всё население (а главное, знать) города было на стороне Императора, то можно было бы просто уйти, оставив город на его штатное руководство. Но наместник был открыто нелоялен Императору, а верность гуасила и его людей была, мягко говоря, неочевидна.

Был вариант просто бросить всё, как есть. В конце концов, Кармон действительно дыра в глухой провинции. И для базы он поэтому совершенно не подходит. Но тогда пришлось бы сторонникам Императора из местных оставлять на произвол судьбы имущество (и семьи?), на что никто из них не был готов, кроме разве что молодого неженатого и потому безответственного Харрана.

Одно дело — встать на сторону нового Императора в обмен на вкусные привилегии и надежду приподняться, и совсем другое дело — рисковать при этом жизнью семьи и своим имуществом. Дорант не питал иллюзий на счёт истинных причин присоединения к лоялистской партии большинства местных жителей. Они просто увидели, что тех, кто его поддержал, Император щедро награждает.

Если бы сейчас Император и его сторонники решили просто оставить Кармон без какой-либо защиты и власти, их ряды сократились бы раза в три, если не больше. Рассчитывать можно было бы на гаррани, людей Харрана и Красного Зарьяла — ну, и на Доранта с обоими боевыми слугами, один из которых ещё не был в полной силе после ранения.

Тем, кто поддержал Императора в Кармоне, пришлось бы плохо — их, в общем-то, не было в городе большинство. Многие из дворян Кармона — и Кармонского Гронта — по инерции поддерживали наместника. А наместник был по определению противником Его Величества.

Так что надо было оставлять в Кармоне какие-то силы, которые могли бы удержать наместника от необдуманных действий и защитить родню и имущество сторонников Императора. Было совершенно очевидно, что силами этими могут быть только гуасил с его командой стражников, причём уполовиненной, так как обученные люди были нужны и в планируемом походе.

Что больше всего раздражало Доранта — так это необходимость говорить долго и обиняками. Если бы здесь и сейчас присутствовали только Харран и гаррани — Дорант говорил бы свободно, как оно есть. Если бы, кроме них, был ещё гильдмайстер — Дорант и тогда чувствовал бы себя вольно, поскольку с господином Ронде вполне можно было договориться.

Но в малой обеденной зале присутствовали также люди, не готовые к разговору без иносказаний, умолчаний и расшаркиваний. От этого задача Доранта не становилась проще.

Как ни странно, как раз этот порог удалось преодолеть быстро и эффективно. Оказалось, что гуасил — даже в отсутствие его досточтимой супруги — является вполне договороспособным субъектом. Правда, это обошлось не так уж дёшево. Впрочем, цена оказалась доступной — не для Императора, Харрана или Доранта, а для гильдмайстера Флоана Ронде. Речь шла о покрытии долгов гуасила, которому, как выяснилось, не на всё хватало доходов с имущества его жены.

Для спокойствия Дорант решил, — и договорился с гуасилом — что оставит в городе десяток гаррани с малобоеспособным ещё Сеннером. Так, на всякий случай. Ну, и для контроля того же гуасила, мало ли, что придёт ему в голову.

И ещё они могли рассчитывать на голубей по всему маршруту движения, благодаря всё тому же гильдмайстеру.

Правда, в результате весь маршрут движения тому же гильдмайстеру был заведомо известен.

2

С другой стороны, особого выбора не было: идти к Фианго можно было всего двумя путями. Один вел местными трактами (скорее, слегка посыпанными щебнем тропами) на восток, к той Императорской дороге, где Доранта с Императором перехватили странноприимные братья. Дальше эта полузаброшенная дорога вела к побережью, где упиралась в Койсану и в ней же заканчивалась. Оттуда к Фианго надо было бы идти морем, в чем, собственно, вообще не было смысла: с тем же успехом можно

было бы плыть прямо в Акебар. Койсана была плоха тем, что гавань там вмещала один, от силы два корабля — и всё, и была к тому же опасна во время даже слабого шторма.

Ещё можно было свернуть, не доходя дня два пути до Койсаны, на второстепенный тракт, идущий к югу мимо Йаперы (куда вело от него ответвление), проходящий через Фианго и переходящий в нем в очередную Императорскую дорогу, соединяющую Фианго с Акебаром.

Путь этот был всем хорош, кроме того, что большую часть его составляли дороги узкие и немощёные, по которым тянуть обоз и пушки было бы неловко, особенно на начальной части, до заброшенной Императорской дороги, да и на ней не всё было благополучно.

Самое же главное заключалось в том, что как раз в том месте, где от заброшенной Императорской дороги отходил тракт на Фианго, находился городок Эльхива, где располагалась коммандария Странноприимцев, возглавлявшаяся покойным армано Миггалом. Коммандарии же всегда сильно укреплялись и имели множество вооруженных слуг и наемников, не считая самих братьев. Учитывая позицию и возможности братьев Странноприимного ордена, лучше было Эльхиву обойти как можно дальше.

Второй путь проходил по южной дороге, через хребет, там, где Дорант проезжал, когда прибыл в Кармон. Сейчас, после дождей, она была еще плохо проходима, но уже несколько дней стояла солнечная, жаркая погода, и можно было ожидать, что дня за три грязь высохнет настолько, что перестанет быть препятствием. Зато сразу за хребтом восточная дорога выходила на оживленный и потому поддерживаемый в исправности Императорский тракт, который шел к побережью через населенную местность. По пути пришлось бы проходить через четыре довольно больших деревни и два города. Ближайший, Моровер, был ненамного больше Кармона, но значительно богаче, благодаря расположению на перекрестке дорог, соединяющих несколько провинций. В Моровере имелись крепость и к ней гарнизон, но гильдмайстер, многозначительно улыбаясь, заявил, что с этим затруднений не ожидается. На прямые расспросы он отвечал уклончиво, ссылаясь на своих людей, которые его в этом заверили.

Больше по пути городов не было, Императорский тракт упирался прямо в Фианго.

Правда, в полудне пути от тракта и в трех днях пути от побережья стоял священный город дикарей-аламоков Сайтелер, знаменитый своим огромным храмом, сложенным, как считалось,

из стволов окаменевших деревьев. Когда-то его с трудом взяли штурмом, положив множество людей, потому что ядра не брали стены храма. Вокруг древней святыни построили крепость, и в ней имелся гарнизон. Доранта это беспокоило, потому что гарнизон, в сочетании с ополчением города и окрестными дворянами, мог сильно помешать дальнейшему движению, а застревать для осады столь сильного укрепления не хватило бы ни ресурсов, ни, главное, времени.

Тем не менее, взвесив все за и против, решили идти именно этим путём, поскольку на плохих дорогах первого могли потерять времени больше.

Дорант одновременно и проклинал то, что общим бессловесным решением руководство всеми вопросами, связанными с армией, свалили на него, и радовался этому: многие вопросы, которые могли бы вызвать в ином случае споры, решал он сам, единолично, ни с кем не советуясь. Докладывал только Императору, ежевечерне, и неизменно получал от него одобрение.

3

Следующий вопрос, которым Дорант занялся сразу после того, как, через долгие расшаркивания и абсолютно ненужные уверения в совершенном почтении друг к другу, присутствовавшие, наконец, распрощались и разошлись — был вопрос вооружения отряда гаррани. Союзники пришли вовремя и в нужном количестве, причём все конные были одвуконь, но вот из оружия у них были копья да мечи, да ещё с десяток пиштолей. Ну, и луки, конечно. Оборонительного снаряжения имели они восемь кирас (старых, но начищенных до блеска, и с новыми ремнями). Остальные были в традиционных своих многослойных хлопковых панцирях. Ещё от копий с костяными и каменными наконечниками такие панцири могли как-то защитить, но уже от стального оружия — нет, не говоря уже об огнестреле.

Дорант с Харраном и Венеу наведались в Харранову оружейку, где выгребли всё, что было цело или поддавалось починке. Тут Дорант вспомнил про то, что хотел поменять рукоятку у четырехстволки, но пришлось это снова отложить, ибо оружейники Кармона заняты были выше головы выполнением его же заказов.

Естественно, всё, что нашли у покойных странноприимных братьев, тоже пошло в дело — и этого тоже была капля в море.

Пошли по союзникам. У шести местных дворян также

почистили оружейки, что добавило мастерам загрузки, естественно, не бесплатной.

Казна Императора в очередной раз показала дно.

Пришлось наведаться к Флоану Ронде, который, демонстративно сокрушаясь, обездолил своих слуг на почти десяток пиштолей и кое-что по мелочи из амуниции. Зато дал денег, правда, куда скупее, чем в предыдущие разы.

Хуже всего было то, что запасы пороха в городе оказались намного меньше, чем рассчитывал Харран, а в Кармонском Гронте его, оказывается, вовсе не производили. Везли с юга два-три раза в год бочонками на телегах.

В итоге почти две трети гаррани так и остались при своих луках, копьях и мечах — спасибо, что железных, хотя и не из лучшего железа. Стальной меч Доранта такие перерубал без особого усилия.

Зато кто-то из стражников гуасила к слову вспомнил, что на обветшавших стенах Кармона всё ещё стоит чуть ли не дюжина пушек. Дорант помчался проверять уже по тёмному времени. Оказалось, что пушек даже больше: шестнадцать. Бронзовые, позеленевшие, на крепостных лафетах с мелкими колесиками. Две оказались в таком состоянии, что были опаснее для прислуги, чем для противника. Остальные Дорант велел почистить, лафеты поменять на полевые (для чего ему пришлось по памяти нарисовать, как такие должны выглядеть), а ещё поискать к ним ядра и картечь, да не забыть найти хоть кого, кто умеет с ними обращаться.

Сам Дорант не взялся бы ни стрелять из пушек, ни, тем более, рассказывать, как это надо делать: он много раз видел, как заряжают-стреляют-пробанивают, но сколько сыпать пороха, как наводить и тому подобное — это было для него за семью печатями.

Из пушек, как выяснилось, последний раз стреляли больше десяти лет тому назад — когда в Кармон приехал кто-то из столичных воинских начальников. Артиллеристов в количестве трёх человек, наконец, нашли. У одного тряслась от старости голова, да и ходил-то он, приволакивая правую ногу. Остальные были моложе, но не намного. Благодарение Разрушителю, они ещё что-то помнили (хотя один из них, похоже, только после хорошей чарки крепкого рома).

Как Дорант и думал, пушки, стоящие на стенах, в таком виде тащить с собой было нельзя: нужны были полевые лафеты, причем со всеми принадлежностями для запряжки. После долгих и невнятных обсуждений ветераны, наконец, смогли поправить рисунки Доранта — ну, как они себе эти лафеты представляли, по

старой своей памяти. Напрягли тележных дел мастеров, те зачесали в затылках, последовало еще более долгое обсуждение — в итоге работа была признана очень сложной и дорогостоящей. Флоан Ронде, уже не сокрушаясь, а злобно сжав губы, оплатил.

Поставленные на полевые лафеты четыре (больше не успели) пушки оказались слишком тяжёлыми для пары лошадей. С трудом их увезли четверками на дальнее поле, где попробовали стрелять. Два лафета тут же расселись, после чего гильдмайстер отвел мастеров, которые их делали, в сторону и о чём-то с ними долго говорил. Мастера, которые, похоже, скукожились в четыре раза, кивали и соглашались. Через ещё три дня провели новые стрельбы (Дорант сокрушался насчёт расхода пороха), которые окончились благополучно. Выстрелили по четыре раза из каждой пушки, два раза ядром, два раза картечью. Орудийная прислуга, набранная из городского ополчения, как ни странно, выстрелов не боялась и со своими обязанностями справилась удачно. Ядрами даже попали — двумя из выстреленных восьми — куда целились.

Дорант ещё раз оценил запасы пороха и сделал вывод, что их хватит от силы на один серьёзный бой.

Значит, давать бои не следовало — без совсем уж крайней необходимости.

К тому же неприятно было то, что дороги вокруг Кармона, из-за дождей превратившиеся в канавы с жидкой грязью, сохли медленнее, чем Дорант рассчитывал. Южная дорога, по которой собирались выдвигаться, далеко не просохла, и не выдержала бы даже тяжело гружённых телег, не говоря уже про пушки.

Дорант подумал, что полководец — это не тот, кто водит полки в бой, а тот, кто ведёт полки к полю боя: если ему удаётся их довести без потерь, то он сражение, можно считать, выиграл.

Как следствие, он сосредоточился на организации обоза, отставив мысли о битвах до того времени, когда битва станет неизбежной.

4

Между прочим, Доранту не давала покоя Эльхива с командарией.

Казна Императора была в таком состоянии, что заглянувшая туда мышь немедленно совершила бы попытку самоубийства. Конечно, какие-то мелочи жертвовали приходящие на службу Императору дворяне — но это были именно мелочи, люди являлись в надежде на доходы и привилегии, а не затем, чтобы

отдавать заметную часть своего имущества.

Комесу Агуиры стоило немалого труда уговорить Йорре, чтобы тот не наделял землями каждого пришедшего на службу дворянина. Император склонен был вознаграждать за верность, но это, хоть и было достойно, приводило к тому, что многие из дворян, едва успев получить жалованную грамоту на землю, исчезали в направлении той самой земли, чтобы вступить в права её владетеля.

Доранту пришлось ещё в Кармоне написать (и убедить Йорре, чтобы подписал и утвердил) суровый императорский эдикт, каковой ставил вступление во владение землями в жёсткую зависимость от конкретной службы Императору. Не имея обратной силы, эдикт сей, тем не менее, заставил вновь приходящих дворян оставаться при Йорре в надежде такую конкретную службу оказать.

Так или иначе, с денежной проблемой что-то надо было делать.

Командарии обычно кормились с окрестных парселов, которые жертвовали им либо Император, либо — в Марке — вице-король, либо местные дворяне.

Ордена осаживали на этих парселах крестьян-арендаторов, а то и своих послушников. Те выращивали злаки, фрукты и овощи, добывали лес и шкуры экзотических зверей, кому везло с участком — выкапывали из земли те полезные вещи и вещества, которые там были сокрыты. Серебро, например, а то и золото. На худой конец — медь и железо, и ещё можно поспорить, золотой ли, серебряный или железный конец действительно худой.

Дорант мало что знал про командарию в Эльхиве: она была для него дырой не лучшей, чем Кармон, с той только разницей, что в Эльхиве Доранту бывать не случилось. Поэтому он решил обратиться к Харрану: тот, по крайней мере, мог что-то полезное знать от армано Миггала.

— Скажи мне, — произнёс Дорант, отозвав как-то молодого друга в сторонку, — что ты знаешь об Эльхиве?

— Всё-таки думаешь пощипать Странноприимцев? Бросил бы ты это, нам они пока не по зубам.

— Ты в Эльхиве бывал?

— Давно, ещё с отцом. Но там уже тогда были укрепления, как в императорской крепости. Шесть бастионов, сухой ров шагов тридцати в ширину, въезд по одному подъёмному мосту…

— А сколько там солдат может быть?

— Солдат там, пожалуй, вовсе нет: гарнизон состоит из братьев, их боевых слуг и послушников Ордена. Миггал говорил, что там обычно шесть-семь десятков братьев, вот и считай: у

каждого по десятку-полутора боевых слуг, да ещё послушники.

— А чем живут они?

— Ну, во-первых, вокруг на двадцать-сорок лиг их земли, они часть сдают в аренду, часть обрабатывают сами. У них даже братьям положено месяц в году на земле работать. Во-вторых, от госпиталя доходы идут, когда кто побогаче хочет у братьев лечиться. Плату не берут, но на благотворительность намекают, и настойчиво. С отца тогда три десятка золотых стрясли. Но главное — у них рудник серебряный в собственности. Еще предыдущим Императором пожалованный, на общих основаниях: императорское серебро отвозят в Акебар, на плату за него и часть серебра, что им разрешается себе оставить, живут.

— Рудник в самой Эльхиве?

— Да нет, конечно. В Сочиенако, это, кстати, не так далеко отсюда: почти на самой границе с Кармонским Гронтом. Полсотни тысяч шагов, не больше.

— Там охрана?

— А как же: не меньше пяти братьев со своими отрядами, всего около полусотни воинов. Но поскольку на рудник ни разу никто не нападал (хватало репутации Странноприимцев), они там довольно расслабленные. Армано Миггал очень на них ругался.

Дорант задумался. Цель была уж очень привлекательной: при удаче можно было решить проблему с деньгами, не рискуя нападать на саму командарию. Захватить-то её было можно, только какой ценой?

Да и зачем, если рядом — серебро под слабой охраной?

И Дорант решился. Он поставил молодому другу простую и ясную задачу: с пятью десятками конных гаррани наведаться в Сочиенако и выгрести оттуда всё, что удастся найти.

Харран с соплеменниками жены Доранта вышли в поход, не откладывая, со следующим рассветом.

Они вернулись через пять дней, потеряв всего четверых и привезя тяжелую телегу с пятью корзинами, набитыми серебряными слитками. Это было чуть больше чем ничего, Дорант рассчитывал на добычу поубедительнее.

Как выяснилось, Странноприимцы отправили большой обоз с серебром в Акебар всего месяц назад.

Тем не менее, Дорант тут же усадил чеканщиков гнать из добытого серебра монеты с профилем Йорре и правильным его именованием на аверсе. Инструменты для чеканки монет — вместе с парой мастеров — он, к своему удивлению, нашёл прямо в Кармоне — где, противу всяких ожиданий, оказалось аж три ювелирных мастерские.

Надо было видеть, с каким лицом разглядывал Император

первые монеты, на которых красовался его профиль! Дорант просто умилился.

Главное же было — они на какое-то время снова располагали деньгами для оплаты того, что нельзя было взять просто так.

5

Пришлось выждать еще два дня, пока люди Харрана, посылаемые ежедневно на разведку, не доложили, что дорога подсохла.

За это время Дорант с грехом пополам организовал обоз, для чего пришлось выгрести из Кармона практически всё, что было на колёсах, и совершенно всё, что имело четыре ноги с непарными копытами. Едва не дошло и до волов, но настолько замедлять передвижение колонны Дорант всё-таки не решился. Пушки тащили три шестёрки лошадей и одна — мулов. Возы перед выездом оказались нагружены так, что весили едва ли не больше пушек, у одного даже треснула задняя ось. Дорант и Хармон на пару прошлись по обозу, в результате чего оба охрипли, но все повозки теперь требовали не более одной лошади, за исключением двух, в которых везли ядра и картечь: те тянули парами коней.

Пришлось запрячь и почти всех вьючных, приведенных гаррани, несмотря на недовольство Венеу. Впрочем, из-за обоза всё равно придётся двигаться медленно, так что вьючные лошади гаррани не понадобятся.

Последние дни перед выездом Дорант был настолько занят, что дважды отказывал Императору в разговоре — каждый раз надеясь, что вот, его сейчас, наконец, сместят, и он освободится от этой выматывающей ответственности. Царственный юноша, вопреки ожиданиям, проявил терпение, и поговорить навязался только тогда, когда они с Дорантом и неизбежной кучкой свиты выехали на холм, с которого открывался вид на Кармонскую долину.

Колонна, которую они опередили, тяжело всползала в гору, беспощадно окутанная недавно высохшей дорожной пылью.

Император жестом заставил свиту замереть на месте и вместе с Дорантом выехал шагов на двадцать вперед.

— Скажите мне, комес, — начал он с неожиданным смущением, — чего хочет от меня гильдмайстер Ронде? Я предложил ему дворянство и комиту, но он, говоря его словами, "почтительно отказался". А его дочка только что не лезет мне в постель. Они думают, я маленький и ничего не понимаю? У меня

уже были женщины, матушка присылала. И мне объясняли — и Сетруос, и матушка, и отец — чтобы я не верил женщинам. Вообще, комес, я так устал от того, что всем от меня что-то надо!

— Ваше им… простите, Йорре… Так вот, гильдмайстеру дворянство и комита ни к чему, потому что он, приняв их, перестанет быть гильдмайстером. Дворянин может участвовать в коммерческих операциях, но не может быть официальным главой торговой гильдии. А гильдмайстер по влиянию — в своей гильдии и в своей местности — повыше наместника. Флоан же контролирует коммерцию не только в Кармонском Гронте, а, как выяснилось недавно, едва ли не во всей северо-восточной части Марки. Скорее всего, благодаря родству его жены с вице-королем. Что бы гильдмайстер ни говорил, он этим пользуется.

— Так чего он от меня хочет? Я же вижу: помощь его не бескорыстна.

Дорант подумал, что проще всего было бы спросить у него прямо — вряд ли он стал бы крутить, не те у нас сейчас отношения. Но, впрочем, угадать желания Флоана Ронде было несложно:

— Я думаю, Йорре, что он хочет стать первым министром. Как был Светлейший дука Санъер, прими его душу боги.

— И как вы считаете, комес, — делать мне его первым министром?

Дорант сначала ответил, а потом подумал, что говорить это не следовало:

— Я бы не советовал. Гильдмайстер хорош по хозяйству, но ведь Светлейший не тем был угоден вашему батюшке.

Император задумался.

— Я ведь бывал в последний год несколько раз на аудиенциях Санъера у отца. Отец мне говорил, чтобы я внимательно слушал, что скажет Светлейший. Он и правда мало докладывал по хозяйству, только про налоги и сборы, и куда что идёт из собранного. Очень сжато, и подавал бумаги. А больше говорил про другие государства, про дом Аттоу, про маркомесов и прочие великие дома… я не всё понимал, они с отцом много лет были вместе, схватывали с полуслова — а мне не объяснял никто… и часто уходили от меня к окну, обсуждали что-то шёпотом…

— Светлейший построил в Империи и вне её сеть из людей, которые следили, чтобы никто не мог поколебать государство. Это было главное, что он делал. За это его и убили. И кстати, это ведь его люди послали меня за вами. Флоан Ронде умный и талантливый купец, но он не сможет это делать. Он хорош там, где товары, счета, деньги и хозяйство, а не там, где тайные дела против недоброжелателей Империи.

О своих подозрениях в отношении того, что гильдмайстер как раз тайным делам не чужд, но не в интересах ли Гальвии, а не Империи, Дорант говорить не стал, не имея доказательств.

— Но ведь безопасность Императора — дело комеса Агуиры? Почему же занимался этим Санъер?

— Мне трудно судить, Йорре, чем не угодил вашему батюшке мой дальний родственник — не всегда же он был таким дряхлым, как сейчас. Проще всего думать, что Светлейший всего лишь оказался лучше.

Император, уловивший упрёк, бросил на Доранта быстрый и острый взгляд.

— Я понимаю, чем вы недовольны, комес, — Ага, понимаешь ты. Небось, думаешь, что я ждал большего. А я хотел бы только одного: чтобы ты меня отпустил домой. Император, впрочем, удивил: — Но вы должны понять, что я могу рассчитывать только на тех, кто показал и доказал свою преданность. Именно поэтому я не могу оставить вашего родственника на этом месте. Я не знаю, справитесь ли вы с тем, что делал Санъер. Но даже если не справитесь — вы доказали делом, что преданы мне и готовы меня защитить от любой угрозы, как умеете.

Голос его был холоден, в нём слышалось недовольство, противоречащее любезным словам.

Дорант склонил голову, чувствуя себя так, как будто согнутой шеи его касается остро заточенное лезвие палаческого меча.

— Я жизнь отдам за ваше императорское величество, не сомневайтесь в этом!

Император поджал губы, дернул повод и отъехал к свите. Когда Дорант догнал его, Йорре громко, так, чтобы слышали все (в том числе неизбежный в свите гильдмайстер), заявил:

— Я признателен вам, комес, за откровенное разъяснение того, какими должны быть обязанности первого министра Империи. Ваш опыт неизменно помогает Нам принимать правильные решения.

6

Будь у Доранта только гаррани, люди Зарьяла и Харрана, они двигались бы намного — не меньше чем вдвое — быстрее: пешие гаррани могли идти со скоростью не ниже, чем конь быстрым шагом. Телеги и пушки снижали скорость почти до той, с которой перемещается неторопливый пешеход. Так что в день проходили они не больше пятнадцати тысяч шагов.

Дорогою Дорант еще раз оценил имеющиеся силы. У него

было четыре сотни пеших гаррани, шестнадцать пеших стражников от кармонского гуасила (очень неплохо снаряженных и сносно обученных), четыре десятка обозников, которых тоже при нужде можно было поставить в строй (что важно, все были с пиштолями и тесаками — возчик в Кармонском Гронте без оружия не ездит), да часть боевых слуг кармонских дворян, вошедших в команду, тоже были пешими — числом до двадцати, в общей сложности.

Конных было: сотня гаррани, которых Дорант отобрал из пришедших, дюжина охотников Красного Зарьяла, десяток боевых слуг Харрана, семнадцать кармонских дворян — каждый с боевыми слугами, коих насчитывалось от одного до двух дюжин (правда, не у дворян, а у гильдмайстера). В целом кавалерии получалось чуть больше двух сотен. Еще несколько всадников можно было прибавить, если учесть самого Императора, Доранта с верным Калле, Харрана, гильдмайстера Ронде и Зарьяла. При нужде можно было посадить на коней еще сотню гаррани — вьючные кони их всадников могли послужить и боевыми.

В общем, все это не тянуло даже на полноценную компаниду.

И с этим ты собираешься возвращать парню корону? — горько усмехнулся Дорант.

Тут на глаза ему попался альв, вальяжно идущий в своей странной сбруе на голое тело, которую оттягивала старинная пиштоль, и с полумечом-полукопьем на плече. Альв сопровождал телегу со своим гаремом; какая-то из самок кормила младенца, вторая дремала, а женщина альва с ним о чём-то щебетала.

Бродячий цирк, — подумал Дорант.

Тем не менее, надо было как-то компенсировать численную слабость. И сделать это можно было только добившись слаженности действий и чёткого понимания своей задачи каждым воином.

И он занялся этим со всеми присущими ему серьёзностью и тщательностью.

Занятия не замедлили продвижение, так как пешие воины вполне могли двигаться быстрее, чем телеги и тем более пушки. Дорант наперерыв с Харраном выгоняли пещцев вперёд, заставляли строиться и отбиваться от наскоков кавалерии. Стрелять Дорант позволил лишь однажды и больше не разрешал, помня, как мало у них пороха, однако щёлкать замками огнестрела "всухую" требовал. И тыкать во всадников тупыми концами копий тоже.

— Не жалейте вражеских лошадей, — говорил он. — Кони не очень крепки на рану, многие боятся боли. А упавший или испуганный конь делает всадника бесполезным.

На привале наступал черёд артиллеристов, обычно двигавшихся с удобствами на телегах. Дорант требовал, чтобы они как можно быстрее развертывались, выставляя пушки на позиции, и имитировали заряжание и выстрел. Здоровые парни, выбранные им из кармонских ремесленников посмышлёнее, делали это под командой стариков-пушкарей, причём ворчали и те, и эти.

Ближе к ночи они останавливались в каком-нибудь удобном месте, которое подбирал головной дозор из гаррани или конных боевых слуг. Дозоры по приказу Доранта шли и по бокам колонны — уже пешие (да и не везде дорога проходила по местам, где продрался бы в зарослях конный). Позади, также на небольшом удалении, двигался еще один дозор, десяток пещев с огнестрелом на двух телегах, с задачей: если нападут, произвести как можно больше шума и ждать подмоги.

Остановившись на ночь, первым делом устраивали отхожее место и костры для приготовления горячего. Днем еду не готовили, обходились сухомяткой, в том числе на привалах, которые Дорант старался делать не слишком длинными, чтобы только кони отдохнули.

Императорская дорога, на которую они вступили, спустившись с хребта, была так же пустынна, как и южный тракт, по которому пришла колонна. В этом, собственно, не было ничего странного: оживленной дорога становилась ближе к побережью — или дальше на запад, где в нее вливались один за другим три торговых тракта, идущие с юга. Так что на пути колонны почти никто не попадался. А кто попадался, получал шок от того, что встретил самого Императора, приносил клятву верности и бывал отпущен.

Через три дня пути показалась первая деревня, насчитывавшая пару десятков домов. Они все стояли по сторонам дороги, которая в центре поселения расширялась в рыночную площадь, украшенную двухэтажным "дворцом" местного кальда и небольшим (чуть ли не меньше этого "дворца") храмом Всех богов.

Кальда вытряхнули из его хором и представили Императору. Потрясенный неожиданным явлением высшей власти, кальд вначале вообще не мог говорить, потом некоторое время заикался, и только минут через пятнадцать смог отвечать на вопросы нормально: да, в деревне всё спокойно; нет, про смену Императора ничего не слышали; нет, от властей Марки никто не приезжал; нет, голубятни у них отродясь не водилось; нет, дальше по дороге никаких войск не проходило.

Кликнули добровольцев присоединиться к Императору.

Гильдмайстер, отведя допрошенного кальда в сторону, пошушукался. Тот явно гильдмайстера знал, отчего расслабился и разговаривал с ним намного свободнее, чем с Императором и его ближайшими приспешниками в лице Доранта, сверкавшего золотым медальоном, и Харрана, не менее заметно сверкавшего нетерпеливым взглядом.

В итоге к колонне присоединились одна телега и пять местных молодцев, один другого краше, в обносках, но с пиштолями и неизбежными тесаками. Их присовокупили к обществу дворянских боевых слуг, и Калле, назначенный Дорантом этим обществом командовать, хищно к ним приглядывался, что обещало парням много интересных занятий на ближайшем же привале. На добавившейся телеге и еще трёх из прежних нагружены были взятые в деревне припасы (Дорант настоял, чтобы их оплатили, что не добавило хорошего настроения гильдмайстеру).

Таких деревень за следующие пять дней они прошли еще две, примерно с такими же результатами, а еще через два дня вошли в Моровер.

7

Городок встретил их приятным сюрпризом: по всему пути движения колонны её встречали радостные жители, приветственно размахивая кто чем: платками, шляпами и просто тряпками, и выкрикивая приветствия Императору. Перед открытыми воротами крепостцы, возвышавшейся на холме над городом, выстроились стражники во главе с гуасилом.

Тот, невысокий плотный малый лет тридцати пяти, сверкал ранней лысиной на непокрытой голове и так смотрел на приближавшуюся кавалькаду, что, казалось, глаза его сейчас лопнут. Приняв самого солидного из начальствующего состава колонны — гильдмайстера Ронде — за главного, он чётким шагом вышел вперед и принялся рапортовать, что, мол, гарнизон Моровера приветствует Его Императорское Величество Йоррига Седьмого во вверенном… Тут гильдмайстер остановил его и показал Императора.

Гуасил сбился, покраснел, попытался начать сначала, но у него, видно, перехватило дыхание. Император рассмеялся и махнул рукой:

— Хватит уже, довольно… Скажите, как вас зовут?

— Каваллиер Кинтан Горжи, ваше императорское величество!

— Благодарю за службу, каваллиер! Приготовьте ваших

людей к принесению присяги.

Через полчаса всё было уже в порядке: стража принесла Императору должную клятву (во главе с каваллиером Горжи, который от стараний покраснел еще больше, настолько, что Доранту стало за него страшно), для размещения войска были предоставлены казармы, а Император со свитой проведены в дом приёмов. При этом выяснилось, что гуасил своей волей арестовал наместника, который собрался было затвориться в крепости и воевать на стороне вице-короля "супротив самозванца". Дряхлая крепость была еще в худшем состоянии, чем в Кармоне, и слова доброго не стоила (правда, ворота были целы, в отличие от кармонских). Да и полсотни стражников, составлявших гарнизон, вряд ли годились для боевых действий, но сейчас любая задержка была бы некстати — так что каваллиер совершил едва ли не подвиг.

Поэтому Кинтан Горжи, внезапно оказавшийся дальним родственником жены гильдмайстера (разумеется, с той стороны, которая была не из дома Аттоу, как вы могли подумать!), был Императором обласкан и тут же назначен командовать пехотой. При этом ему, однако, жёстко указали на необходимость во всём подчиняться Доранту и выполнять его любые указания; сам же Дорант назван был имперским главнокомандующим, отчего впал в недоумение и задумчивость.

Гильдмайстера Император столь же внезапно представил как имперского министра торговли и финансов (тот заметно вздрогнул) и велел по всем вопросам, связанным со снабжением, консультироваться с ним.

Остаток дня прошел в неизбежных хлопотах и разрешении всяческих вопросов, в том числе неприятных — пара боевых слуг одного из кармонских дворян была замечена за вытряхиванием кошелька у местного жителя. По делу, надо было бы их повесить, в назидание прочим, но людей было и так в обрез, так что Дорант ограничился приговором к тридцати розгам каждого.

Император, тем временем, выступил пред народом, собравшимся на офисиаде, и сделал это довольно успешно. Откуда что взялось? Юноша с ломким голосом говорил громогласно, умудрился при этом ни разу не пустить петуха, польстил самолюбию горожан, возложил на них надежду и ответственность за благополучие государства, умеренно пообещал разнообразные блага после восстановления справедливости и принятия им под свою руку всей Империи, и не забыл призвать добровольцев вливаться в имперское войско.

В результате в дом приёмов вытянулась жидковатая очередь желающих повоевать за Императора, которая к концу дня дала

шестьдесят пять конных дворян и их боевых слуг с огнестрельным и холодным оружием, и сто семнадцать пещев, также по большей части неплохо вооруженных (включая три десятка стражников — остальных пришлось практически насильно оставить охранять город). Секрет такого небывалого энтузиазма крылся в мрачном выражении лица новоиспеченного министра торговли и финансов и в выдаваемых каждому присоединившемуся подъемных.

Впервые за последние дни удалось нормально умыться и лечь спать под крышей (ну, не всем, разумеется — дворянам, их ближникам и примерно двум сотням счастливчиков, кому достались места в трех трактирах, домах горожан и на сеновалах).

Императора и его свиту разместили в доме наместника — он был огромен, много больше, чем в Кармоне, так что места хватило всем. Дорант заснул, как только опустился на постель. Едва успел раздеться.

Среди ночи его разбудила какая-то суматоха. Он продрал глаза, нацепил штаны и сапоги, схватил меч и вышел.

В коридоре, у двери Императора, в тусклом свете свечи, закрепленной в настенном кенкете, кто-то возился, пыхтя и гукая.

— Кто здесь? — Крикнул Дорант, выставив вперед меч.

В ответ завозились еще сильнее. Пришлось приблизиться, и тогда стало понятно, что на полу у императорской двери дерутся двое мальчишек. Дорант поставил меч к стене и разнял драчунов, прихватив за что попалось под руки. Один, поняв, кто перед ним, сразу перестал дергаться, и оказалось, что это Нери. Второй стал бешено вырываться, но после оплеухи тоже затих.

Дорант подтащил обоих поближе к кенкету.

— Ты кто? Что тут делаешь? — Грозно спросил он у незнакомого.

Нери воскликнул:

— Он к Императору хотел забраться! Я под дверью спал, он на меня наступил! У него нож был!

— Не было у меня ножа! Я просто на Императора посмотреть хотел!

— Ночью? — Удивился Дорант.

Неизвестный снова задергался, вырываясь, и почти в этом преуспел, потому что рукав, за который держал его Дорант, вдруг оторвался по шву. Мальчишка рванул было по коридору, но Нери успел подставить ему ногу. Вокруг уже собрались вышедшие на шум Император, Харран, Калле и еще кто-то из свиты — в темноте было не разобрать, так что сбежать пареньку уже точно не светило.

Поднятый за шиворот и хорошо встряхнутый Дорантом, малец завопил:

— Отпустите меня! Я брат Сину Папалазо! Нет, правда… троюродный… — добавил он упавшим голосом, заметив, что имя это никого не впечатлило.

Принесли еще свечей. При их свете стало видно, что мальчишка немного постарше Нери, что нос у него разбит и из него течет кровь, и что одет он в лохмотья, явно видавшие много больше чем одного хозяина.

Ножа в коридоре и вправду не обнаружилось.

Короткий допрос, в ходе которого паренек очень старался не расплакаться, показал, что зовут ночного пришельца Ердар, что он сирота, живет в доме наместника из милости, за что ходит за конями, что ему очень нужно было увидеть Императора (он упёрся и ни за что не говорил, зачем) и ничего плохого он не хотел.

Малого сдали дежурному стражнику и велели запереть до утра, после чего все разошлись досыпать.

8

Наутро Дорант, которого мучило любопытство — кто ж такой этот Сину Папалазо, что на него ссылаются, — отправил Калле поспрашивать местный люд. Оказалось, что персонаж этот весьма в окрестностях Моровера, и аж до побережья, известен, причём слава его была, мягко говоря, неоднозначной. Дорант даже не поверил сначала: он думал, что такое бывает только в пустых романах, которые так любят девицы вроде харрановой Маисси.

Сину Папалазо был классический благородный разбойник, нападавший на купеческие обозы и дворянские кареты, грабивший, стараясь не убивать без нужды, и, по всеобщему убеждению прислуги и городских ремесленников, раздававший деньги бедным.

Дорант знавал такие случаи. Обычно выяснялось, что деньги-то разбойник давал, да не из сочувствия к стесненным обстоятельствам, а за вполне определенные услуги: подслушать, разведать, перепродать что, и тому подобное.

Означенный же Папалазо был известен ещё и тем, что всегда выручал своих людей и жестоко мстил, если их кто-то обижал. Калле пересказал несколько услышанных от кухонных мужиков случаев, сильно смахивавших на эпизоды из романа в изложении малограмотного человека.

Дорант пожал плечами и потребовал привести мальца. Сам

он сидел в малой столовой, где на чистой белой скатерти расставили перед ним блюдо со свежевыпеченными булочками, кусок окорока на доске, кувшин молока и сковороду с шипящей яичницей.

По виду приведенного Ердара было сразу понятно, что он не ел давно, а в последний раз ел скудно и невкусно. Дорант велел принести пареньку чего-нибудь пожевать, а пока поделился одной из булочек и налил молока. Тот неуверенно взял — и заглотил еду с такой скоростью, что Доранту за него стало страшно.

Тут малому принесли поесть, Дорант дал ему разрешение заняться блюдами и тоже принялся за свой завтрак.

Позавтракав в молчании, они приступили к беседе. Точнее, Дорант принялся расспрашивать мальчишку. Осоловев от сытости, тот постепенно перестал бояться и рассказал много интересного.

Прежде всего, к Императору ему надо было, чтобы, коснувшись Его Величества, получить от него малую долю удачи и везения. Оказывается, среди прислуги распространено было непоколебимое убеждение, что прикосновение к Императору, а в худшем случае к его одежде, приносит человеку счастье.

Действительно, слуги-то Императора, которым дозволено было в столице касаться его самого, его одежды и личных вещей, всегда поголовно были дворянами, причем жаловалась эта привилегия не каждому, а только лишь самым ближним, обычно из допущенных к государственным делам и доверенных. И даже "чёрная" прислуга, которая занималась стиркой-уборкой, готовила еду и носила её к императорскому столу, жила покруче многих мелких дворян из провинции.

И как тут не поверить в то, что прикосновение к Императору делает счастливым?

А удача Ердару была необходима, потому что в доме наместника его невзлюбила некая Канна, старшая над прислугой (и, как понял Дорант, любовница вдового наместника). В чём была причина нелюбви, Ердар и сам понять не мог, но помыкала она им всячески, а ещё и других слуг поощряла, чтобы гоняли парня в хвост и в гриву. У него минуты свободной не было из-за них.

А хотел Ердар на службу к какому-нибудь военному, потому что мечта у него в жизни была — стать боевым слугой, носить оружие, участвовать в битвах и быть героем. Как его отец, погибший в большой мятеж, или как Сину Папалазо.

— Так ведь он же разбойник, твой Папалазо?

— Так это он сейчас разбойник, потому что у него люди дуки Меса убили жену и отобрали дом, а был-то он боевым слугой у

комеса Салтеры, а до того солдатом у него же в компаниде, как положено порядочному мужчине.

Комеса Салтеры Дорант знал. Тот умер тому назад лет пять или шесть в своем доме в Акебаре. Не старый еще был, многочисленные раны дали себя знать. Только за два года до смерти перестал он водить компаниду, присоединяя к Империи все новые и новые куски. Достойный был дворянин, хорошо относившийся к своим солдатам.

Дуку Меса Дорант тоже знал, но не лично: приходилось сталкиваться с его людьми. Дука Меса был из дома Аттоу, приехал в Марку не так давно, но уже показал себя хищником, который не гнушается ничего, если речь идет о прибыли. По слухам, из метрополии его вынудили уехать, потому что родне надоело, что он компрометирует семью.

История Сину Папалазо напоминала пошлый роман все больше и больше. Дорант знал, однако, много случаев, которые, опиши их досужий литератор в романе, любой читатель счёл бы невероятными и неправдоподобными.

Мальчишку было жалко. Всего на год старше дочки. Наивный и беззащитный, но неглупый — судя по тому, что и как он рассказывал, и определенно не трус.

И Дорант решил, что беды не будет, если он немного поможет парню. Не место сыну солдата в конюшне навоз выгребать.

— Верхом ездить можешь?

— Могу, — с удивлением отозвался Ердар.

— Пойдёшь ко мне в услужение. Будешь приказы передавать, да и по мелочи, что скажу. Жалованья тебе золотой в месяц. А дальше всё только от тебя зависит.

Ердар аж задохнулся:

— Да я… Да для вас…

— Полно, хватит. Найди Калле, это мой боевой слуга, скажи, что я тебя взял ему в помощь да вестовым.

Глава 8. Уаиллар

1

Жизнь в аиллоу многокожих, когда там появились еще две женщины и ребёнок, стала для Уаиллара намного сложнее. Воину пришлось заниматься обустройством быта, который раньше складывался как-то сам, поскольку ничего уж такого необычного им с Аолли не было нужно, места в отведенной комнате на двоих вполне хватало, еда была в изобилии, особенно после того, как Уаиллар понял, что еда круглоухих ничем не хуже еды из Леса, а уарро, наложенное на неё, не более чем страшилка для уолле.

С прибавлением двух женщин и ребёнка комната стала тесной, для малыша было надо много такого, чего не было у круглоухих, да и женщины, когда их три, причём две на сносях, а третья кормит младенца, вдруг потребовали столько внимания и помощи, что Уаиллар не каждый день успевал заниматься воинскими упражнениями.

Как ни странно, круглоухие отнеслись к ребёнку очень хорошо. Практически все, кто проходил по двору, когда там сидели женщины с малышом, останавливались и разглядывали его доброжелательным любопытством и улыбкой. Уаиллару не приходило в голову, что ребёнок Оллэаэ — вообще первый альвийский ребёнок, которого увидели люди за всю их историю, что дикарей, что имперцев. И на счастье альвов, он напоминал людям не то их собственного младенца, не то котёнка, вызывая непроизвольное умиление. Особенно когда женщины принимались его умывать своими длинными розовыми языками. Почему-то на это сбегались смотреть со всего двора. В результате самки круглоухих — как называл их воин аиллуо — без просьб приходили на помощь его женщинам, если им казалось, что те в ней нуждаются. Альвам освободили ещё одну комнату по соседству, натащили туда разных предметов и в их числе странное маленькое ложе с бортиками, которое качалось и выглядело неустойчивым: оказалось, что в таких круглоухие держат своих детей, укачивая их, если те просыпаются не вовремя. Они приносили еду для женщин, отбирая самые лучшие плоды, и пытались напоить малыша молоком своих домашних животных, от чего Оллэаэ сразу отказалась, как-то сумев объяснить, что её молока и молока двух других женщин вполне хватит ребёнку.

Да, у обеих беременных появилось молоко, как это всегда

бывает у аиллуа, если они на позднем сроке, а рядом есть младенец. Это страшно удивило круглоухих, и те приходили смотреть, как малыша кормят то одна, то другая женщина, то его мать.

Кстати, между собой женщины как-то договорились, и в последнее время Уаиллар чувствовал себя не как воин и глава семьи, а как подросток, которого взрослые постоянно гоняют с поручениями. Аолли уделяла ему меньше времени, чем младенцу Оллэаэ. Та же, поняв, что находится не в статусе лаллуа и её сыну ничего не угрожает, сумела подружиться с Аолли, и теперь они все трое вили из Уаиллара сложные узоры.

Суета по хозяйству оставляла голову свободной, и воин аиллуо получил время подумать. Его вдруг осенило, что с того самого несчастного мига, как он узнал, что Аолли попала в плен к круглоухим, он перестал управлять событиями: его несло течение как несет опавший листок в быстром ручье: крутит, сталкивает с берегами, ветками и камешками, — а он лишь откликался, делал то, что очевидно, что необходимо, не пытаясь планировать и направлять. Да что там — не пытаясь даже предвидеть, что случится дальше! "Листок плывет в ручейке. Сверчок заснул на листке. Не ведает, где проснётся" — вспомнил Уаиллар всем известный стих, сочиненный великим Лэллааром двадцать поколений назад ровно по такому же поводу.

Эта мысль его поразила. Он стал признанным военным вождём именно потому, что всегда точно знал, что будет делать и когда, и мог уговорить или заставить других делать то, что сам спланировал. Сейчас же им руководили женщины, а сам он ни разу даже не брался продумать, куда и как его крошечному клану направлять свою жизнь. Последний раз он принимал решение, когда уговорил Аолли идти к круглоухим. Потом всё опять потекло самотёком.

Между прочим, надо было срочно что-то решать со статусом женщин. Ему и в голову не пришло там, на поляне, выйти из положения самым простым способом, убив их на месте сразу после того, как он перебил их мужей. Это настолько противоречило всем устоям жизни аиллуэ, настолько было против естества — что женщин пришлось тащить с собой, и получилось так, что теперь Уаиллар отвечал за них. И еще ребенок… И будущие дети Аолли и Уаларэ…

Он не собирался брать ни ту, ни другую в лаллуа — жена у него уже была. И вот они живут странной, невозможной семьёй, будто у него три жены: все трое требуют заботы, все трое чего-то от него хотят, но все трое заботятся о нём, будто он муж каждой из них.

И что он будет делать, когда Оллэаэ через полгода после рождения ребёнка придёт в охоту? Других мужчин вокруг нет.

Они же все с ума сойдут за её брачные дни. Такого же никогда не было в народе аиллуэ, чтобы женщина в охоте была без мужа и без Главной женщины, чтобы её охоту прекратить уговором.

Если бы можно было отловить в Лесу какого-нибудь неженатого воина, Уаиллар бы не задумываясь кинулся в Лес за этим. Но кто ж из воинов дастся живым?

2

Такая суетная жизнь продолжалась довольно долго, и воин аиллуо начал уже не в шутку тяготиться своим положением, когда выяснилось, что многокожие во главе со Старым и уолле-вождём собираются в поход. Уаиллар узнал об этом случайно, когда вдруг оказалось, что круглоухие во дворе и на улице перед ааи грузят множество разных вещей на открытые повозки, запряжённые их четвероногими. Само по себе это было необычно, и сопровождавшие действия круглоухих суета и крики также выпадали из привычного уже для Уаиллара течения жизни.

Он улучил минутку, чтобы поймать калеку-воина, который, в силу увечья, не был так вовлечён в суету, как остальные. После долгого и сложного обсуждения Уаиллар уяснил себе, что многокожие идут в поход чести — или что-то в этом роде. Понять, куда и зачем, а главное, почему в таком неимоверном количестве, воин аиллуо не смог. Всё-таки круглоухие не аиллуэ, их мотивы и способы действий не поддаются разумным объяснениям. Очевидно же, что в поход чести незачем идти большой гурьбой, тем более с таким количеством повозок и четвероногих: это просто исключает скорость, скрытность и внезапность, которые являются основой успеха. Даже три десятка воинов — уже очень много, почти слишком много для удачного похода; лучше всего десять-пятнадцать аиллуо, их сложно заметить в лесу, особенно если они этого не хотят.

Впрочем, Уаиллар давно перестал удивляться тому, что и как делают круглоухие.

Попутно вдруг выяснилось, что пока Уаиллар отсутствовал в аиллоу многокожих, те малой группой сходили в поход чести, и — по их понятиям — успешно. Они не принесли ушей (что воина аиллуо не удивило, так как он уже проникся их обычаями), но притащили с собой некий металл, который, по мнению любого из аиллуэ, был совершенно бесполезен (и уарро к тому же,

поскольку обработан огнём), зато для многокожих оказался едва ли не священным. Они наперебой показывали Уаиллару кругляши из этого металла, явно ожидая, что он будет ими восторгаться.

Воин нагло пользовался тем, что круглоухие не понимают выражения лиц, и только кивал головой по их обычаю.

Почему-то ему было обидно, что он пропустил этот поход.

Самое неприятное было то, что, судя по всему, его и его женщин, уходя в поход, собрались оставить на месте. Уаиллару это очень сильно не понравилось: во-первых, он считал, что находится под защитой Старого, который, в его понимании, дал ему слово воина. Во-вторых, в поход уходили практически все воины, с которыми Уаиллар имел дело, упражняясь. В ааи многокожих оставались круглоухие не-воины, несколько самок и ещё не вполне отошедший от раны друг Старого, который Уаиллара, его ранившего, мягко говоря, едва терпел.

Воин аиллуо счёл, что, оставшись в ааи без его хозяев, ни он, ни его женщины не будут в безопасности.

Надо было что-то делать — и, в общем-то, было понятно, что: выдвигаться вместе с круглоухими, в расчёте на то, что в походе удастся договориться со Старым. Уаиллар выяснил у калеки-воина, что Старый возглавляет поход как военный вождь, а вождь-уолле идет с ними в качестве Великого Вождя, как будто это Великий поход, в котором объединились несколько кланов.

Может, так оно и было? Круглоухих не проще понять, чем муравьев-убийц, когда они вдруг снимаются с места и идут куда-то узкой шелестящей колонной, сжирая всё живое на своём пути.

Пока воин аиллуо искал калеку-воина, разговаривал с ним, пытаясь объяснить, чего хочет, и понять, что ему отвечают, пока он соображал, что делать — последняя повозка неторопливо выкатилась со двора, и на нём остались только катяхи конского навоза да раструханные лошадьми остатки сухой травы.

Уаиллар кинулся к женщинам. Он принялся объяснять им, почему надо немедленно собраться и присоединиться к многокожим. Пришлось красочно изображать, что с ними и младенцем сделают круглоухие без защиты со стороны Старого и его воинов. В принципе, всё должно было быть понятно: женщины и ребенок подобны были пленникам, захваченным военным вождём. Только сам захвативший пленников мог определить их судьбу; вмешаться, поставить их к столбу пыток без него — значило нанести ему несмываемое оскорбление. За это расплачивались кровью. Но если захватившего пленных не было в аиллоу много, много дней, или было известно, что он не вернётся — Великий Вождь и Главная Женщина могли принять любое решение без него. Сейчас понятно, что Старый с уолле-вождем не

вернутся в аиллоу многокожих, скорее всего, очень долго. А может быть, и никогда: воин-калека ясно сказал о походе опасном, серьёзном, важном для положения уолле-вождя…

Тут Аолли прервала его объяснения и заявила, что снова сидеть в клетке на потеху круглоухим не собирается.

Женщины переглянулись, и стали быстро собираться: еда, которую можно унести с собой; тряпки круглоухих, принесенные ими для ребенка (и оказавшиеся более удобными, чем привычные плетенки, наполненные особым мхом), что-то еще женское…

Они вышли со двора на удивление быстро и, сопровождаемые изумленными взглядами круглоухих, двинулись по пахучему грязному следу вдогонку телегам.

3

Спустя дни и дни Уаиллар уже перестал задумываться, куда и зачем их несёт. Женщины в движении то сидели на телегах, всякий раз на разных, то шли рядом с ними. Воин, глядя на них, усмехался про себя: такого похода чести не было, надо думать, ни у кого из военных вождей аиллуо. Отряд из трех женщин и уолле в компании огромного количества круглоухих, ползущих по узкой полосе растоптанной земли и камней со своими животными, повозками из мёртвого дерева и металла, громадными огнетрубами, катящимися на огромных, почти в рост Уаиллара, сплошных деревянных дисках… Всё это медленно тащилось, лязгало, громыхало, скрипело, ржало, мычало, блеяло, разговаривало…

А главное — воняло.

Вонь вообще была самым неприятным, с чем Уаиллар с Аолли столкнулись у круглоухих. От них сильно несло резким, пахучим — не как у аиллуэ — потом, остатками пищи изо ртов, застарелой грязью от одежды, мёртвой кожей и протухшим маслом от доспехов, дымом, от многих — нечистотами…

К запахам ааи многокожих альвы, живя там, как-то притерпелись. Сами многокожие в доме время от времени смывали с себя часть ароматов и переодевались в чистую, пахнущую щёлоком и горячим металлом, одежду. Естественные надобности справляли в специальном месте, где, правда, вонь стояла густейшая, но было оно на отшибе и поставлено не без ума, так, что в жилую часть ааи запах не доносило. Ну, почти.

Разумеется, многокожие не умели разговаривать с мельчайшими живыми существами, населяющими почву, как альвы, которым достаточно было прикрыть свои отбросы землей и

поговорить над ней, чтобы уже через недолгое время исчезли запахи, а потом и сами следы. Главное не делать это много раз в одном и том же месте.

Многокожие же в походе тянули за собой густой пахучий след. Колонна вообще шла практически по навозу, оставляемому многочисленными животными. Время от времени кто-то из круглоухих отделялся от нее и кидался в придорожные кусты. Хуже всего было на стоянках: в первые дни вообще все гадили где попало, и только потом Старый заставил выкапывать под это дело неглубокую яму в подветренной стороне.

Старый вообще занимался всем и всеми. Прежде всего, он заставлял воинов постоянно упражняться: часть их ускоренным шагом уходила вперед или вбок и оттуда делала притворные нападения на колонну; или во время стоянки одни круглоухие на лошадях атаковали других, вставáвших в плотный строй — на это Уаиллар смотрел с особенным вниманием, потому что аиллуо никогда не сталкивались с такой тактикой многокожих — и воин быстро понял, что никто из его соплеменников не выжил бы, случись попасть под конную атаку, а вот у круглоухих, вставших строем, это получилось бы.

Кстати, на одной из стоянок Уаиллар попробовал сесть на лошадь. Знакомые многокожие учили ездить верхом совсем молодого парня, который крутился вокруг уолле-вождя. У парня получалось неважно: лошади он не нравился, и она дважды скидывала его при попытке влезть в седло под смех воинов. Заметив, что Уаиллар наблюдает за процессом, его жестами пригласили поучаствовать — может быть, надеялись и над ним посмеяться.

Не на того напали. Любой аиллуо умеет говорить с животными, и только с хищниками это — уарро: хищника надо победить доблестью и силой, потому что битва с крупным, опасным хищником — это честная битва на равных. А много ли чести убить питающегося растениями, который если и нападёт, то от страха или сдуру? Большой олень во время гона может быть опасен — но не для аиллуо, который просто убедит его, что не соперник и им нечего делить.

Так что Уаиллар коснулся лошадиной шеи, поговорил с животным и легко взлетел в седло. Он проехал влево-вправо по поляне, где упражнялись воины; ничего сложного, только очень неудобно сидеть: задние конечности альвов совершенно не пригодны для того, чтобы их растопыривать под таким углом. Лошадь его слушалась, но с седлом нужно было что-то придумать.

В какой-то день устроили стрельбы. В них принял участие и

Уаиллар, причём ему удалось удивить многокожих меткостью и сноровкой в перезаряжании огнетрубы.

Стреляли и из больших огнетруб, снося всё снопами шариков из тяжёлого камня или металла размером с яйцо певчего лоилэ. Уаиллар понял, почему в своё время Великие Вожди объявили уарро походы на большой аиллоу многокожих: с их оружием, с их металлической скорлупой, надетой на грудь и голову, обычные воинские умения аиллуэ не годились — если многокожие были наготове. Или если их было очень много и нельзя было вырезать самых умелых сразу же, как в походах на малые посёлки.

Вообще Уаиллара более всего поражали не оружие и воинское искусство круглоухих, а их многочисленность. Впервые он прочувствовал, что это такое, когда они с Аолли начали ходить по их большому аиллоу: это было как осенью при пролёте черных дроздов, или как в озере, когда видишь косяк мелкой рыбы — казалось, круглоухие везде, и везде их много; толпа их не распадалась в восприятии на отдельные особи, а составляла как бы единое существо.

Но это была мелочь по сравнению с колонной, в которой Уаиллар и женщины двигались сейчас. В языке аиллуэ не было такого слова, а в их жизни — такого понятия, чтобы обозначить то количество круглоухих, среди которых находились они в этом походе. Наверное, если даже собрать всех аиллуэ, всех кланов, даже самых дальних, что живут в предгорьях у другого края Леса — и то не наберется их столько, сколько шло круглоухих в колонне.

И если в ааи многокожих Уаиллар не однажды прикидывал, сколько раз он мог бы вырезать всех, там находящихся, за одну ночь (забывая при этом, чем кончилась у него такая попытка), то, глядя на кажущуюся бесконечной колонну, он понимал, что весь народ аиллуэ, случись так, что его кому-то удалось бы объединить, не в силах был бы справиться даже с этой толпой круглоухих. Да, многих бы вырезал — но просто кончился бы на этом.

Важнее всего было то, что у круглоухих оказалось не одно большое аиллоу. По дороге попадались и мелкие, и покрупнее, хоть и не такой величины, как то, где жили Уаиллар с женщинами, но однажды колонна вошла в аиллоу, которое оказалось намного, намного больше. Уаиллар спросил у калеки-воина, и тот подтвердил: да, таких аиллоу у круглоухих много, и есть такие, которые ещё крупнее.

Сколько же в мире круглоухих? И какой величины, на самом деле, этот мир, если вместе с колонной Уаиллар прошёл гораздо дальше, чем заходил когда-либо в своей жизни?

И чего он ещё не видел и не знает?

4

В один из дней колонна вдруг остановилась не в обычное время. Воины, кто группами, кто поодиночке — стали вытягиваться куда-то вперед, причем это сопровождалось выкриками, суетой и суматохой. Телеги остались на дороге. Та, на которой в этот раз сидели альвийские женщины, была ближе к голове колонны (Уаиллару надоело глотать пыль, но в самую голову женщин не пустили — там везли оружие и тот чёрно-серый порошок, которым круглоухие снаряжали свои громотрубы). Уаиллар несколько растерялся: хотелось и посмотреть, что происходит, и в то же время надо было быть при женщинах, если вдруг случится что-то опасное.

Прошло довольно много времени, когда вдоль телег пробежал какой-то совсем юный круглоухий, крича что-то про "вперёд" и "поперёк". Уаиллар не настолько понимал на их языке, чтобы это для него что-нибудь значило.

Круглоухий не-воин, правивший их повозкой, сплюнул на землю, сказал что-то, судя по тону, нехорошее, и хлестнул животное по крупу, из-за чего Уаиллар, так и не привыкший к подобному обращению с копытными, едящими растения, вздрогнул, а Аолли, которая кормила малыша, сжалась и прикрыла тому глаза.

Повозка со скрипом двинулась вперёд, вслед идущим спереди. Уаиллар обратил внимание, что повозки с огненным порошком дальше не пошли, их сдвинули с дороги в стороны и оставили сзади. Те, на которых было сложено оружие — были уже пусты, их вытащили далеко вперёд и тоже разводили по сторонам, а потом зачем-то стали заваливать на бок, отцепив перед этим лошадей. Уаиллар на всякий случай велел женщинам сойти с телеги. Тут на возчика заорали, он стал нахлёстывать животное, на что слабосильная лошадка отреагировала довольно меланхолично, сделав вид, что ускоряется. Многокожий в стальной скорлупе на груди дёрнул лошадь за сложную конструкцию из полосок кожи, надетую на морду; та послушно повернула направо, и тут впереди раздались выстрелы, которые быстро слились в сплошной всё усиливающийся грохот. Уаиллар отпрыгнул в сторону, на ходу выхватывая громотрубу, и принялся крутить ключ.

Гулко забахали одна за другой большие громотрубы.

Впереди, где всё это происходило, клубами расползался серо-

белый густой дым, закрывая обзор; оттуда донеслись крики боли и ярости, лязганье металла о металл, хорошо знакомое Уаиллару по воинским упражнениям с многокожими, и быстро приближающийся глухой частый топот.

Из дыма внезапно вылетели на огромной скорости несколько конных многокожих, выставивших перед собой длинные и даже с виду тяжёлые копья. Всадники, после сплошного дыма увидевшие, наконец, противника, поразили его, не разбирая, в кого влетает копьё. Возчик, пригвожденный к телеге, ещё не начал дёргаться в агонии, когда убивший его всадник, освободив руку, выхватил длинный меч и рубанул им не успевшую укрыться Оллэаэ. Уаиллар как раз докрутил ключ в замке пиштоли и, вытянув руку, нажал на спуск. Лошадь, которой разорвало бок, взвилась на дыбы, и всадник не попал мечом по Аолли, медленно пятившейся, прикрывая ребенка руками. Тут же нож-аэ, метко брошенный Уаларэ, влетел в шею всадника и тот, захрипев, рухнул наземь.

Уаиллар едва успел выхватить своё полукопьё-полумеч и отскочить от второго всадника, заодно ткнув его в подмышку, под занесенную руку с мечом. Оружие вылетело у воина аиллуо из рук, и он завертел головой в поисках чего-нибудь взамен — при этом уже держа в руках наготове два своих аэ. Он успел ещё крикнуть, чтобы женщины прятались под телегами, когда из дыма выскочил ещё один всадник. Только природная ловкость и реакция спасла Уаиллара от гибели, он буквально свернулся в кольцо, пропуская копьё мимо своей груди, и еле успел отскочить с пути коня. Животное, правда, пришлось убить, разрубив ему ножами горло. Всадник, промахнувшись копьём по Уаиллару, попал им в соседнюю телегу. То ли из-за этого, то ли из-за судорог смертельно раненного коня, он тяжело грохнулся на телегу, где Уаиллар его и прикончил.

Последовала очень короткая пауза, которую воин аиллуо сумел использовать: он выдрал из кобур, висевших на двух убитых им конях, аж четыре громотрубы, которые все оказались уже взведёнными. Поэтому следующие три всадника, вылетевшие на него, получили по заряду картечи в голову и не пережили этого.

Только теперь Уаиллар смог подойти к Оллэаэ, которая лежала в луже крови рядом с их повозкой, мотая головой и дёргая ногами. Левая рука её была отрублена вовсе, вместе с лопаткой. Из раны торчали осколки костей и видна была серая верхушка лёгкого. Женщина была в сознании, но говорить не могла, только хрипела и умоляюще смотрела на Уаиллара. Воин наклонился низко над ней и поговорил, как положено, чтобы подарить ей

лёгкую смерть — это было всё, что можно было для неё сделать.

И тут он почувствовал, что теперь у него есть настоящие враги: не соперники из соседнего клана и не случайные круглоухие, с которыми сражаются ради чести, а враги смертельные, рождающие в душе не азарт воина, а глухую, тяжёлую ненависть, утоляемую только убийством. Женщины аиллуа очень редко умирают насильственной смертью: обычно от зубов или когтей случайного хищника, зазевавшись или оставшись без охраны вне своего аиллоу. Про это всегда долго рассказывают под Великим Древом, чтобы дать урок молодым. В памяти кланов есть и случаи, когда потерявший себя воин убивал женщину, которая не согласилась стать его женой; это бывало иногда с лаллуа. Но такого больше не считали частью народа аиллуэ: он подлежал мучительной смерти. Нельзя убивать членов своего клана, но убивать женщин — это преступление ещё страшнее.

Ни один из воинов аиллуо не мог бы остаться спокойным, увидев насильственную смерть женщины. Не остался и Уаиллар, тем более, что павшая Оллэаэ была для него одним из очень немногих членов его собственного крошечного клана. Он принял на себя ответственность за всех троих женщин, за уже рожденного уолле и двух нерожденных — как воин, но и как Великий Вождь, поскольку у них другого Великого Вождя не было и быть не могло.

И теперь его долг был — кровью многокожих, напавших на их колонну, залить свой промах, то, что он дал возможность лишить женщину жизни.

Уаиллар выдернул своё копьё из тела многокожего, пристроил его в перевязь, вытащил из сбруи убитых им всадников ещё две громотрубы и решительно рванулся туда, где гремело, звенело и лязгало.

Глава 9. Дорант

1

— Зачем они это сделали? — В недоумении спросил Император, разглядывая войско, выстроившееся меж двух холмов поперек долины, по которой шла Императорская дорога. — Я не очень разбираюсь в военном деле, но меня чему-то учили. И даже я понимаю, что им достаточно было засесть в крепости, и у нас не было бы выбора: или осадить их и потратить время, или идти в обход.

— Точно, ваше императорское величество, вы очень проницательны, — отметил Кинтан Горжи, стараясь держать тон хвалебный и в то же время не подобострастный. Получалось у него не очень, лучше бы он говорил с Императором как с обычным человеком: не звучало бы тогда в его речи фальши, которой на самом деле в душе бывшего гуасила Моровера не было. Он всего лишь никак не мог привыкнуть к тому, что разговаривает не просто в присутствии столь высокой особы, но с нею самой. — Если бы мы мимо прошли, они бы начали нас щипать с тылу, и недалеко мы ушли бы, с таким-то у них превосходством в числе.

Дорант, разглядывавший разворачивающуюся перед ними картину в подзорную трубу, произнёс неторопливо:

— Нам сильно повезло: у них командует дука Таресс — видите вон там, на взгорке пёстрое пятно? Это его цвета. Он, наверное, последний, кто в Марке ходит в одежде цветов своего рода. Я его знаю лет пятнадцать, еще с кирнийской кампании. Самовлюбленный честолюбивый дурак. Вице-король это быстро понял и посадил его наместником в Сайтелерском гронте, подальше от тех мест, где надо воевать. Кстати, он и в хозяйстве ничего не понимает, если бы не секретарь, тут вообще бы всё пришло в запустение. А сейчас, видно, ему кто-то рассказал, что ваше императорское величество идет с небольшими силами, из которых две трети вообще дикари. Он и решил нас быстренько разгромить, славу воинскую приобрести, а ваше императорское величество доставить в клетке в Акебар. Зная его, думаю, что он сейчас прикидывает, что надеть к триумфу, когда его будут чествовать как спасителя отечества.

— Вы беспощадны, комес, — смеясь, заметил Император.

— Дураков — не люблю, ваше императорское величество.

Юноша дернул щекой: титулование в устах Доранта его

раздражало, хотя на людях было неизбежно.

— И что теперь, комес?

— А теперь он сделает еще одну глупость: будет атаковать первым. И похоже, одной конницей — посмотрите, что они делают!

Действительно, с холма, где они располагались, было хорошо видно, как в середине долины, фронтом шагов в тридцать, строилась латная конница — на взгляд, с полсотни человек. Похоже, дука Таресс вытащил всех дворян, у кого сохранились доспехи и копья. Легкая конница, числом до двух сотен, состоящая из дворян победнее или поумнее, стояла на правом фланге неприятеля, то есть на левом от Доранта и прочих, тоже выдвинутая вперед за довольно жидкую линию пехоты. Пехота же не впечатляла: в ней по центру выделялись неплохо экипированные, судя по блеску кирас, городские стражники — небольшой кучкой, плохо державшейся в строю, — а остальные были явно наспех вооруженным ополчением из местного случайного люда, которое даже строя толком не держало. В подзорную трубу было заметно, что люди противника полны энтузиазма, отчасти объясняемого употреблением напитков, а отчасти тем, что командование их, по-видимому, накрутило на легкую победу над немногочисленным сбродом, сопровождающим "самозванца".

Впрочем, пехоты было до тысячи, и при умелом командовании они были бы опасны.

Артиллерии у дуки Таресса вовсе не было.

Дорант оглядел своих. Пехота, состоящая из спешенных стражников и добровольцев Кармона и Моровера, людей Красного Зарьяла, пеших гаррани, вооруженных огнестрелом, насчитывала чуть больше четырех сотен, которые уже почти закончили строиться в две шеренги посреди долины, шагах в пятистах от неприятеля. По качеству она была лучше, чем у противника, по двум причинам: во-первых, трезвая, а во-вторых, все-таки хоть немного, но обученная и сколоченная, что стоило Доранту и Харрану, а потом и ньору Горжи, большого количества пота. Да и огнестрел имел в ней каждый, в отличие от ополченцев дуки Таресса. Сейчас императорская пехота как раз этот огнестрел готовила к бою.

Позади пехоты лихорадочно разворачивались четыре пушки, на которые была основная надежда. Поскольку дука Таресс любезно показал, где намерен нанести основной удар, пушки там и разместили, прикрыв на время строем пехотинцев.

Дорант не обольщался: его пехота не удержала бы удар копейной латной конницы, до нормальной терции их было учить

и учить, и если бы пришлось заставлять их тащить тяжелые пики, половина бы рассеялась еще до Моровера. Но огнестрел и пушки (а главным образом, немногочисленность и явная необученность тяжелой кавалерии дуки Таресса) давали неплохой шанс. Тем более, что Дорант поставил во главе пехоты Калле, и даже отдал тому свою нежно любимую четырёхстволку.

Дурак дука даже не подумал, что для копейного удара кавалерию надо готовить, и это не за неделю делается. Ему хотелось битвы красивой, благородной, рыцарственной — как в романах; ну кто же виноват, что в романах никогда не пишут правды?

На его месте Дорант вообще не стал бы думать о тяжелой коннице: освободил бы ее от доспехов, смешал с лёгкой, но зато поголовно вооружил бы огнестрелом. И устроил бы перед строем неприятеля караколь, когда на пехоту сыплется непрерывный дождь пуль и крупной картечи. Та пехота, которой располагал сейчас их отряд, кончилась бы за полчаса от силы, если бы не разбежалась раньше.

Собственно, свою кавалерию он планировал именно так и использовать — только вместо огнестрела, который нужен был весь в пехоте, она работала бы луками, чему гаррани обучались с детства. Пущенная на скаку стрела с тридцати шагов пробивала толстый кожаный колет, а с пятидесяти — местную броню из двадцати слоёв выварeнного в соли и простёганного хлопка. Всем гаррани еще в те годы, что Дорант провёл в племени, было крепко вбито в головы, что в первую очередь следует выбивать командиров, так что насчет умелого командования вражеской пехотой уже через несколько минут обстрела можно было не беспокоиться.

— Чего он тянет? — Спросил нетерпеливый Харран.

— Ты посмотри на этих шутов внимательно: ничего не замечаешь?

Харран присмотрелся и с изумлением повернулся к Доранту:

— Они что, никак не могут построиться?

— Ну да. Как ты думаешь, когда в этой части Марки была последняя копейная атака тяжелой конницы на пехоту?

— Но… тогда зачем они… — недоумение Харрана было уморительно искренним. Младший друг действительно не мог поверить, что кто-то может действовать так очевидно нелепо.

Император, в силу большего опыта придворной жизни всё понявший, улыбался в предвкушении.

Дорант же не видел в предстоящем бое ничего радостного, поскольку, хотя они были обречены на победу, потери будут обязательно.

Людей он терять не любил никогда.

Тут ему в голову взбрела некая запоздалая мысль, и он кликнул обоих мальчишек. Получив приказание, они сломя голову помчались к подножию холма, где уже выстроилась пехота.

Дорант напрягся в нетерпении: успеют ли до конной атаки?

Противник, однако, всё продолжал строить тяжелых копейщиков, при этом, судя по тому, что было видно в подзорную трубу, между некоторыми из них возникло непонимание, переходящее в перебранку. Должно быть, считались, кому вместно быть на челе удара, а кому в задних рядах.

В результате мальчишки успели передать приказ, а обозные почти успели его исполнить и выставить поперек долины, позади пехоты, но перед пушками, два десятка телег из тех трех, которые приказал загнать туда Дорант.

Прямо перед ударом конницы, разрядив огнестрел, пехота должна была, по мысли Доранта, быстро за них отойти. За дымом латники не сразу увидели бы телеги, и был шанс, что они в них завязнут, потеряв напор.

2

Вороной жеребец Доранта шел медленно, аккуратно выбирая, куда поставить копыта, чтобы не наступить на человека. Земля на пятачке, где прошли основные схватки, была густо испятнана кровью; тела убитых еще не убрали, да и раненые были собраны не все. Те, кто был в сознании, громко стонали или просто вопили, от боли или чтобы быть замеченными и не остаться на поле без помощи. Лёгкие, что могли идти сами, давно убрались в обоз, к немногим телегам, на которых ехали лекари. Остальных, кто ещё жив, постепенно подбирали обозники и уцелевшие воины, оттаскивая туда же.

Дорант не мог выкинуть из головы крамольную — учитывая его обязательства и обязанности — мысль, что практически всем погибшим и пострадавшим было на самом деле совершенно всё равно, кто возглавляет Империю: спесивец ли из дома Аттоу, или же Его Императорское Величество Йоррин Сеамас, седьмой этого имени. Крестьянам и прочим податным как при том, так и при другом дОлжно было нести подати одним и тем же дворянам, или же арендаторам, выкупившим подать у дворянина. Размер подати мог измениться разве что на долю невеликую, поскольку зависел прежде всего от размера участка и его урожайности (ну, или от того, сколько рыбы или дичи водилось на нём) — повышать его

больше значило остаться без податных, которым в Марке всегда было куда убежать. Боевым слугам лучше всего жилось тогда, когда не было войны, где их легко могли убить, а работа их сводилась к сбору и вывозу подати. Дворянам по большей части обмен жизни на возможность — всего лишь возможность — подняться по сословной лестнице тоже был не выгоден.

Жили бы и жили, да вот…

От этих мыслей выражение лица Доранта было кислым и недовольным. Помянутый же Йоррин Сеамас не замедлил появиться за правым плечом, а затем и выдвинуться вперёд, и заметить раздражённо:

— Чем вы недовольны, комес? Ведь мы победили, и славно победили!

Дорант не готов был произнести вслух, что было у него на уме. В опалу было еще рановато.

— Я думаю, насколько я плохой полководец, ваше императорское величество.

— Не понял? Битва прошла именно по вашему плану, и победа ведь не чья-нибудь, а ваша?

— Я сделал несколько ошибок, из-за которых мы потеряли много людей. Во-первых, я поздно дал команду выдвинуть вперед телеги и поставить их позади пехоты. Во-вторых, мои гонцы не успели толком объяснить, для чего эти телеги, и у нас погибло много пехотинцев, которые взялись их защищать вместо того, чтобы отойти за них. В-третьих, я недооценил вооружение и выучку вражеской лёгкой кавалерии, и если бы не Харран, мы, скорее всего, проиграли бы битву. Он сумел сообразить, что надо повернуть дворян наперерез голове лёгкой конницы и задержать её. Большинство дворян и их боевых слуг пали, сам Харран при смерти, но благодаря им мне удалось собрать пехоту и заново её построить, так что остаток кавалерии врага разбился о неё. Но из-за моих ошибок у нас осталось слишком мало людей и коней, и это очень опасно для нас.

Император задумался. Было видно, что соображения, высказанные Дорантом, стали для него сюрпризом. Больше всего на него подействовало то, что Дорант не оправдывался, а взваливал на себя ответственность: в привычном для него мире дворцовых интриг это было, мягко говоря, не распространено.

— И что нам теперь делать? — Спросил он.

— У нас несколько сотен пленных, — ответил Дорант, — надо постараться привлечь их на свою сторону. Я уже распорядился, чтобы им обиходили раны и дали еду и воду. И нам придется брать Сайтелер, хотя я не думаю, что там осталось много людей в гарнизоне: нам нужно место, где оставить раненых

и где мы сможем пополнить запас пороха. В Моровере его было всего ничего, а сегодня мы потратили намного больше, чем я рассчитывал. У нас ещё Фианго на пути. Я не думаю, что нам придётся его штурмовать, но на всякий случай лучше иметь запас. Сегодня мы победили в основном благодаря огнестрелу: не будь его, нас бы задавили числом.

— Да, — задумчиво отметил Император, — я видел, как в одночасье погибла почти вся тяжелая конница, и как наша пехота остановила оставшуюся лёгкую, а потом просто расстреляла вражескую пехоту. Мне кажется, Дорант, — и опять он милостиво назвал комеса Агуиры по имени, — вы придумали новую тактику, которая сломает привычный образ войны.

Дорант поклонился, принимая комплимент — а что ещё оставалось ему делать? Он не считал себя военным гением, прекрасно понимая, что из него, может быть, вышел неплохой тактик — но как стратег он был слаб. Его потолок — компанида, а Император заставил его думать за армию, пусть армия и была пока даже меньше числом, чем последняя компанида, которую он возглавлял.

К темноте стало ясно, что двигаться дальше их войско утром не сможет. Зато посчитали потери: убитых оказалось сто тридцать шесть, раненых — триста шестьдесят с чем-то, причём в ближайшие дни умереть должна была треть из них, а еще треть уже никогда не встанет в строй. Из трех старых пушкарей погибли двое; хорошо ещё, пушки уцелели, хотя у одной расселся от первого же выстрела лафет.

Харран был под опекой Асарау, который не доверил его никому из лекарей гаррани, владевших опохве. Правда, ему пришлось-таки призвать всех троих, когда друг Доранта только попал ему в руки: раны были тяжелы, и Асарау побоялся, что один не справится. Но после того, как троица гаррани с напряженными лицами составили и срастили рассеченную топором бедренную кость и заставили закрыться несколько рубленых и резаных ран, а сам молодой человек порозовел и задышал нормально (не приходя, однако, в сознание), Асарау спровадил соплеменников и уселся рядом с носилками, на которых лежал Харран, внимательно за тем наблюдая.

Дорант успокоился за жизнь и здоровье друга.

У противника потери убитыми и тяжело раненными составили больше половины. Из остальных четверть были ранены легко, а прочие остались невредимыми в основном потому, что сдались в плен или попытались разбежаться. Ну, убежали они недалеко: конные гаррани переловили почти всех. Кстати, у гаррани было меньше всего потерь, в основном среди тех, кто был

в пехоте. Они были хорошо обучены, в отличие от дворян и их боевых слуг, и к тому же имели опыт сражений, либо в войнах с соседями, либо в составе войск Марки, либо при сопровождении конвоев.

Внезапно появился альв, весь в крови, со связкой ушей через всю грудь. Он щебетом и жестами позвал Доранта. Оказалось, что одна из его женщин погибла в сражении. Как понял Дорант из объяснений альва и какого-то случайно уцелевшего возчика, на их телегу вылетела часть тяжелой кавалерии, не выбитая полностью ни огнестрелом пехоты, ни пушками. Что было дальше, понять было трудно, однако валяющиеся между телегами и ещё не убранные тела шести латников и их коней говорили сами за себя. Уши у всадников были отрезаны. Судя по количеству ушей на низке у альва, тот, видимо, озверел и не ограничился только напавшими на их телегу.

Как выяснилось, Дорант понадобился альву для почетных похорон павшей женщины. К своему изумлению, он понял, что альв рассматривает его как верховного вождя, которому полагается сказать над погибшей какие-то слова. Ещё бы понять, что именно прилично говорить — не стать бы кровным врагом этого бешеного полузверя!

Звать Асарау, занятого раненым Харраном, нечего было и думать. Дорант напряг память, привлёк всё, что успел понять из обычаев альвов и постарался произнести речь краткую, но торжественную. На имперском, разумеется, надеясь, что альв не будет в обиде. В результате неожиданно оказалось, что речь подействовала на собравшихся солдат и возчиков: они подняли погибшую на плечи и, с альвом во главе и провожаемые обеими оставшимися в живых самками, отнесли её куда-то.

Дорант пожал плечами и вернулся к Императору. Потом ему доложили, что альву разместили под каким-то толстым деревом, оставшиеся альвы что-то над ней пощебетали негромко, и вдруг тело погибшей расплылось и растворилось, быстро впитавшись в землю.

3

К Сайтелеру вышли на закате следующего дня, который пришлось почти весь провести на месте битвы, хороня убитых, обихаживая раненых и собирая трофеи. Там оставили большую часть обоза и всех, кто не мог сражаться; с остальными скорым маршем двинулись к крепости, благо до неё оказалось не больше четырех часов быстрой ходьбы.

Дорант не бывал в Сайтелере, но много был о нём наслышан. И всё же поразился тому, какое сильное впечатление производил древний храм, вздымавшийся нечеловеческой глыбой из-за кирпичных бастионов свежей кладки. От густого леса, на опушке которого остановились остатки лоялистов, отделяла крепость широкая, в пушечный перестрел, расчищенная полоса. В этих местах поддерживать такую полосу было делом непростым и трудоёмким: тамошние кусты да деревья вылезали из земли, будто спорили друг с другом на скорость, и росли не по дням а по часам.

За крепостью виднелась широкая водная гладь озера, входившего в местную систему водных путей. Для контроля этой системы тут, собственно, крепость и поставили, когда разбили аламоков, до того мешавших движению по рекам и озеру.

Гигантский храм сверкал на закатном солнце сужающимися кверху каменными стенами сложной формы, сделанными из странных длинных балок, шестигранных в поперечнике, толщиной в обычное строительное бревно и длиной в три человеческих роста. Концы их были неровными и выступали то сильнее, то меньше за край стены.

— Из чего это сделано? — Спросил Император, разглядывая храм в подзорную трубу.

— Говорят, из окаменевших брёвен, ваше величество, — ответил Дорант.

Гильдмайстер возразил:

— Это не дерево и никогда не было деревом. Я видел стены близко, вплотную. Они как будто кристаллы, и на изломе гладкие.

— Кристаллы и есть, — гнусаво проговорил вдруг Красный Зарьял, толком не отмывший от крови разбитую физиономию. Уж от него никто не ожидал, что он встрянет в разговор. — У нас на острове такое место есть, где скалы из таких же шестигранных столбов сложены. По краю иногда море их отламывает от скалы, получается как будто бревно из камня. Я в детстве думал: собрать бы их да хижину себе построить, века бы стояла, — да как из прибоя достанешь… Тяжеленные, и не ухватить никак. А здешние, видно, приловчились где-то добывать да стены из них складывать.

— Пленные говорят, внутри храма огромный зал без крыши, где раньше молились дикарским богам. А вокруг помещения на три-пять ярусов, соединенные лестницами. Там была сокровищница и жили жрецы. А сейчас внизу казармы да арсенал, а наверху офицеры живут. — Пояснил кто-то из присутствовавших дворян.

Над стенами крепости, между тем, заструились дымки от фитилей. Никто, похоже, не собирался радостно встречать законного Императора открытыми воротами.

Днём лезть на штурм — положить половину оставшихся, а то и больше. Смотря сколько там, в крепости, засело народу и кто ими командует. От пленных Дорант знал, что в крепости больше двадцати пушек, и на бастионах они расставлены с умом.

Да и выдохлись все, нужен отдых.

Дорант отдал команды. Конные гаррани поскакали окружать крепость, чтобы пресечь возможные вылазки. Их было явно недостаточно для плотного окружения, но и противник в крепости, по мысли Доранта, не мог быть многочисленным: как говорили пленные, не больше полутора-двух сотен; большинство увёл дука Таресс, и лежало оно сейчас в неглубоких братских могилах да на окровавленных тряпках под открытым небом, если повезло и ранение было лёгким. Или, кто попал в плен здоровым, припаханные на чёрную работу, копали-носили-забивали, зарабатывая право присоединиться к войску Императора.

Часть таких здоровых — принялись сейчас оборудовать обычный ночной лагерь, радуя императорских воинов тем, что не им этим заниматься.

В отличие от всех предыдущих ночей похода, Доранту пришлось озаботиться серьёзной охраной для лагеря и устройством вокруг окружённой крепости пикетов с кострами, чтобы не возникло у осаждённых соблазна выбраться и вырезать кого удастся. Тут надежда была на гаррани и людей Зарьяла, ибо реальный боевой опыт был у них, а не у городской стражи, дворянского ополчения да боевых слуг.

Стремительно, как всегда в Марке, стемнело. Императору устроили шатёр, и он удалился отдыхать. Парень еле на ногах стоял после вчерашнего боя и сегодняшнего марша — не так от физической усталости, как от обилия впечатлений. Следом тихо удалился гильдмайстер — у него шатёр как бы не роскошнее императорского. Дорант, Кинтан, Красный Зарьял, Венеу и несколько дворян, всегда отиравшихся возле командования, сидели вокруг костра, ужинали чем боги благословили и неторопливо переговаривались. У Доранта от усталости даже мысли в голове перестали ворочаться; мозг его лениво и медленно жевал одну и ту же фразу: "Если до утра ничего не придумаем, придётся штурмовать".

На бастионах зажгли многочисленные факелы, тусклым шевелящимся светом выхватывающие из тьмы стены на половину высоты.

Тут к костру внезапно и бесшумно вышел альв и без единого

слова стащил печёную патану. Уселся, отвернувшись, и сгрыз, после чего потянулся за следующей.

У Доранта будто свежим ветром голову прочистило. Он отставил баклажку с красным вином, к которой хотел уже приложиться:

— Венеу, собирай своих напротив ворот. Пусть будут наготове все, у кого есть кони. Остальные пусть отдадут им весь огнестрел, мне нужно, чтобы у каждого было не меньше двух пиштолей, заряженных картечью. Зарьял, мне нужны все твои люди, кто умеет ходить по лесу. Кинтан, ты со своими остаёшься следить, чтобы никто не выскочил: сменишь гаррани, они мне нужны будут в другом месте. Господа, кто со мной? Я намерен ближе к утру взять эту крепость.

И он, собрав по углам задремавшей было памяти все альвийские слова, какие смог вспомнить, постарался объяснить альву свой замысел.

А потом ещё раз объяснил то же самое своим офицерам.

Глава 10. Уаиллар

1

Когда Уаиллар, закопчённый дымом громотрубного порошка, покрытый кровью — по большей части не своей, хотя и у него шкура была кое-где попорчена, — прихрамывая, вернулся к повозке, где оставил своих женщин, он увидел эту повозку перевернутой на бок и горящей. Четвероногое, запряженное в неё, валялось рядом на земле, дёргая ногами и иногда головой — похоже, в агонии. Вокруг были лужи крови, лежало несколько трупов круглоухих, в железе и без, и не видно было никого живого.

Тут его будто ледяной водой облило. Он же бросил Аолли и Уаларэ, даже не сказав им ничего, когда кинулся мстить за убитую Оллэаэ. Где их искать теперь? Что с ними? Цела ли Аолли? Что с ребёнком?

Воин уже собрался бежать куда-нибудь на поиски — как на плечо его легла тёплая и такая родная рука:

— Ты жив, мой аиллуо! Ты ранен?

— Это не моя кровь, любовь моя. У меня всё хорошо!

Он тут же непроизвольно дёрнулся, потому что жена задела один из порезов. Она осторожно расправила слипшуюся шерсть и обеспокоенно проговорила:

— Ты всё-таки ранен. Сейчас я тебя оботру и поговорю с твоими ранами.

— А где Уаларэ? Где маленький?

— Не беспокойся, они в безопасности. Я спрятала их под эуллоу вон там, — и она безупречно изящным, как всегда у неё, жестом указала на низкий кустарник шагах в тридцати.

Только аиллуа из их клана — да что там, только его Аолли могла кого-то спрятать в столь неподходящем убежище. Эуллоу был кустарником низкорослым, густым и колючим, с редкими ветками, растущими от толстого корневища. Из него обычно устраивали колючие изгороди от животных, и это было сложно. Как Аолли уговорила его пропустить женщин в заросль и сплести за ними ветки?

Бой давно утих, выстрелы отгремели, лязг железа прекратился, и только стоны и жалобные крики многочисленных раненых раздавались со всех сторон. По месту битвы сновали круглоухие, то и дело наклоняясь к лежащим живым и мёртвым телам — и то и дело сверкая клинками в последнем ударе,

избавляющем безнадёжного бойца от страданий. Уаиллара при виде этого передёргивало: круглоухие повернулись в этом бою незнакомой стороной, проявив качества настоящих воинов — но и невероятную жестокость: никто из аиллуо не стал бы добивать раненых врагов так мучительно. Муки — для пленного здорового воина у столба пыток, где он должен иметь возможность показать мужество. А раненый враг — да и свой — должен уйти мягко, без мучений, как в сон.

То, что Уаиллар видел сегодня, было для него совершенно неожиданным. Аиллуо всегда били круглоухих как хотели — но круглоухих никогда не было столько, и их обычно били, застав врасплох. Сейчас же воин участвовал в сражении, где бойцов было в десятки раз больше, чем всех аиллуо клана, где обе стороны были готовы к бою, и где ожесточение, воинские навыки и мужество с обеих сторон не могли не внушать уважения.

Уаиллар, кажется, понял, что заставило старейших когда-то объявить запрет-уарро на походы чести в большой аиллоу многокожих.

Уаларэ с маленьким выбрались из кустов эуллоу, и женщины принялись вдвоем помогать своему аиллуо обтереться и вылизаться, очищая его от грязи и крови. Нет ничего приятнее после боя, чем ощущение быстро заживающих под уговор женщины порезов, — подумал Уаиллар, — жалко, что воинам это недоступно: женщин в походы чести не берут.

На них никто не обращал внимания: круглоухие были заняты своими делами, и только пробегая мимо косились на альвов — в войске к ним за поход успели привыкнуть.

Приведя себя в относительный порядок, Уаиллар, всё ещё перемазанный кровью, но хоть с чистыми и обихоженными ранами, вспомнил о воинских обычаях. Во время битвы у него не было ни мига лишнего, чтобы нагнуться за ушами убитых им многокожих. Но он хорошо запомнил, где лежали те, кому не повезло подвернуться ему под руку. И теперь, сопровождаемый обеими женщинами, которые больше не хотели оставаться одни, он неторопливо двинулся по своим следам, то и дело наклоняясь к голове поверженного врага. Женщины принесли откуда-то стебель лианы, и воин привычно нанизывал на него отрезанные уши по-походному.

За этим занятием он успокоился; боевой азарт перешёл в обычную усталость.

И только тогда Уаиллар вспомнил, что нигде не видел тело Оллэаэ.

— Где она? — Спросил он жену.

Аолли, промедлив мгновенье, сообразила, о ком он.

— Пойдём, — сказала она, протянув ему руку.

Он мог бы и сам догадаться: Аолли и тело убитой затащила туда же, где прятались они с Уаларэ и ребенком.

Теперь мёртвую Оллэаэ, лежавшую навзничь, женщины бережно вытащили из-под кустов, потратив силы на то, чтобы с этими последними поговорить — иначе было бы невозможно протиснуть тело под растопыренными ветками.

Уаиллар окинул убитую долгим взглядом, запоминая её навсегда. Странно, но на его памяти Оллэаэ была первой женщиной, которая погибла в бою, а не умерла тихой домашней смертью — или случайно пострадала от дикого зверя.

Для него почему-то важно было, что он теперь в любой момент мог увидеть её такой, какой она стала после смерти, вызвав образ из памяти. Это было больно. Очень больно. Но необходимо, хоть он и не смог бы сказать, почему и для чего.

Аолли подошла и лизнула его в левое ухо. К его удивлению, Уаларэ тут же повторила её жест, лизнув его в правое ухо.

Обе прижались к нему боками, и их тёплые щёки прилепились к его лицу с обеих сторон, будто поддерживая его челюсти, чтобы он не мог их опустить в знак смирения.

Уаиллар вздохнул глубоко и судорожно, хрипло выдохнул, поднял голову и сказал:

— Она должна быть упокоена с почестями, как воин.

Женщины, чуть отстранившись, кивнули в такт.

Осталось немного: воина с почестями хоронит Великий Вождь — если погибший воин умер в аиллоу или был до него донесён товарищами, что редко, честно говоря, случалось.

Взгляды женщин были более чем красноречивы: ты наш Великий Вождь? Значит, ты и исполни обряд.

Уаиллар же не чувствовал в себе ни дыхания Великого Древа, ни признания других воинов, которые требовались для того, чтобы он мог ощутить себя Великим Вождём своего собственного клана. Смерть Оллэаэ будто выбила из него дух. Не уберёг — не выполнил долг не то что Великого Вождя — мужчины-воина.

Да и клан его был слишком мал, особенно теперь.

Не чувствовал в себе Уаиллар силу Великого Древа, достаточную, чтобы Земля приняла в себя Жизнь, отданную Оллэаэ.

Слабым он был для этого. Так он, по крайней мере, ощущал себя. И не помогали ни круглые уши, нанизанные на тонкую лиану и висящие у него на шее, ни две аиллуа, прижимающиеся к бокам — третья, лежащая на земле, с торчащей белой костью, с

потерявшей цвет кожей, с полузакрытыми мёртвыми глазами — не давала ему почувствовать обычную для него уверенность в себе и своих действиях.

Отпустить воина в землю в аиллоу может только Великий Вождь. Отпустить воина в землю в походе чести может только военный вождь.

Не чувствовал себя теперь Уаиллар ни тем, ни другим.

"Уолле, — слышал он голос покойного отца своей жены, — уолле!".

Он, едва не задыхаясь, крутил головой в поисках подсказки, намёка, который дал бы ему возможность выйти из этого состояния — и не находил. Но вдруг на глаза ему попался Старый — который невдалеке что-то делал среди други круглоухих.

Вот оно!

Воин аиллуо почувствовал, скорее, чем понял, что есть, есть здесь, среди крови, смерти, страха, мужества и прочего, связанного с боем — тот, кто не задумываясь возьмёт на себя ответственность и возглавит всех.

Настоящий Великий Вождь.

Настоящий Держатель Связи, которого послушались бы и Великое Древо, и земля — будь он из аиллуэ.

Но здесь и сейчас лучшей возможности не было.

Уаиллар отцепил разряженные пиштоли, поправил лиану с ушами и рысцой кинулся к Доранту, пока тот не ушёл от раненых и не остался без калеки-воина, единственного, способного хоть как-то объяснить, что нужно сделать, чтобы упокоить бедную Оллэаэ так, как она того заслуживала.

Уаиллар даже не надеялся, что церемония пройдёт так торжественно и гладко. Старый, против ожидания, принял смерть альвы близко к сердцу и произнёс на грубом языке многокожих что-то, чего воин аиллуо толком не понял, но поняли оказавшиеся поблизости и стянувшиеся на зрелище круглоухие. Они покричали, помахали в воздухе оружием, подняли тело на плечи и отнесли под деревья, куда показала Аолли. Потом они окружили альвов, с любопытством глядя, как женщины под руководством Уаиллара проводят погребальный обряд, уговаривая землю принять мёртвое ради оставшегося Живого.

Когда тело исчезло в земле, чужие постепенно разошлись, качая головами и издавая удивлённые междометия, а трое аиллуэ с ребенком остались снова одни. Уаиллара радовало, что круглоухие, после не слишком продолжительного периода привыкания, перестали обращать на них внимание. Его бы наверняка обидело, узнай он, что их воспринимают в войске как ручных зверюшек Доранта — вроде собак, которых в Марке не

водилось, но большинство имперцев про них знали, так как в новых землях не так много было ещё здешних уроженцев.

3

Потом целый день аиллуэ окружали оживлённые и страшно бестолковые хлопоты. Было такое впечатление, что круглоухие толком не знали, чем заняться: хватались за одно, бросали от окрика или сами, хватались за другое…

У альвов была главная забота: их немногие и немудрёные припасы сгорели вместе с телегой. Нужно было раздобыть что-то съестное, да и целебные травы с листьями не помешали бы — особенно Уаиллару, который тяжелых ран избежал, но потерял довольно заметное количество крови от множества ран мелких.

Они решили не разделяться, потому что в суматохе легко было потеряться. Уаиллара по-прежнему поражало (и бесило) многолюдье — вокруг было просто огромное количество круглоухих самого разного вида, и воинов, и не-воинов, и даже самок. Он подумал было с раздражением: что делать самкам на поле боя? Но потом поглядел на Аолли с Уаларэ и понял, что неправ: мало ли какие обстоятельства заставляют мужчин тащить за собой женщин на войну.

В поисках еды альвам пришлось отойти от места битвы — а теперь места, где войско встало лагерем — на довольно большое расстояние. Причина была прозаической и отвратительной: если до сих пор Старый со своими ближниками жёстко требовал, чтобы на каждой стоянке отводили специальное место для испражнений, то сейчас всем было не до того, и все окрестности были изрядно загажены.

Пришлось пройти довольно много, пока альвы набрели, наконец, сначала на купу арраи, на которых еще оставались плоды, потом на несколько деревьев урэали, усеянных мелкими и еще не вполне зрелыми стручками. Им хватило наесться, а по журчанию невдалеке они нашли крошечный чистый ручеёк.

Возле него они и устроились отдыхать, вдали от суетливых и вонючих спутников.

Наутро альвы вернулись к лагерю многокожих, загаженная полоса вокруг которого за ночь здорово расширилась.

Там почти ничего не изменилось — только что суеты стало меньше, а целенаправленно, уверенно двигающихся круглоухих — больше. Если присмотреться, то почти все были при деле.

Уаиллар не знал, что делать ему и женщинам. В лагере находиться было противно и бесполезно. Старого и калеку-воина

он видел издали, те были явно страшно заняты. Да и незачем, на самом деле, было к ним приближаться — что было у них просить или спрашивать?

И он решил вернуться пока к ручью и плодовым деревьям, чтобы дождаться там, пока круглоухие снимутся с места — не будут же они оставаться на этом клочке загаженной земли надолго?

Уже выходя за пределы лагеря, они наткнулись на круглоухих без оружия, которые тревожили землю, выкапывая в ней громадную длинную яму. В этом месте вонь была особенно отвратительна.

Привычка круглоухих постоянно нарушать покой земли сама по себе была возмутительна, но Уаиллар делал скидку на их невежество — и на то, что земля всегда могла о себе позаботиться, в конце концов затягивая любые шрамы, которые наносили ей люди и животные.

Но то, что он увидел на краю ямы, потрясло его: это было самое жуткое и самое отвратительное зрелище в его жизни. Там были в беспорядке свалены мёртвые многокожие, лишенные своих одежд, многие — с огромными страшными ранами, покрытые багровыми и зелено-синими пятнами тления… Над ними густо вились насекомые.

Уаиллара поразило не зрелище мёртвых само по себе, а полное отсутствие почтения к павшим воинам, пусть это были даже враги. Аиллуо, убивая, оставляли тела на том месте, где их заставала смерть, чтобы земля приняла их. Если было время, могли и над врагом провести погребальный обряд. Но никогда не стаскивали они трупы в одну кучу и не сваливали так вот друг на друга.

Тут круглоухие закончили копать и принялись сталкивать тела в ту длинную и глубокую дыру, которую они сделали в земле. Запах смерти заметно усилился. Уаиллар отослал женщин, но сам решил остаться до конца: он никогда не видел погребальных обрядов многокожих, а это, видно, и был погребальный обряд.

Что ж, он остался не зря: правильно он считал многокожих дикарями, полуживотными. Они, покидав тела в яму, просто забросали их землёй. Правда, один из них, подошедший недавно, одетый в серый от пыли балахон, что-то наскоро пробормотал над свежей землёй и посыпал яму чистым белым песком. Но всё было сделано наскоро, пренебрежительно и без уважения.

Уаиллару было невдомёк, что так хоронили врагов, а для своих — устроили весьма торжественную церемонию, на которой даже выступил Император. Может быть, попади он туда — его

отношение к многокожим было бы другим, и судьбы многих повернулись бы по-другому.

Впрочем, это уже другая история, до которой должно было пройти много времени.

Глава 11. Дорант

1

Когда Дорант с Зарьялом и десятком его охотников проскользнули в открытую альвом калитку рядом с воротами, они едва не растерялись, обнаружив сразу за стеной несколько растерзанных трупов с отрезанными ушами. Альв, отворив калитку, немедленно исчез в темноте; пришлось двигаться в сторону цитадели — бывшего храма — прячась в тенях от скудного, неверного, колеблющегося оранжевого света факелов, развешанных на стенах и кое-где внутри крепости.

Противник, по всей видимости, бдел на куртинах и бастионах, опасаясь ночного штурма. Гибель почти десятка солдат, охранявших ворота, прошла незамеченной остальными защитниками крепости. Как потом выяснилось, было их всего около шестидесяти, чего не могло хватить даже на полноценную охрану периметра стен, не говоря уже о какой-либо обороне: спасибо военному гению дуки Таресса.

Вход в цитадель не охранялся. Внутри оказалось практически пусто, только перед дверью порохового склада, устроенного в одном из боковых помещений, окружавших колоссальный пыльный зал первого этажа, где над головами начинало светлеть небо, боролся со сном одинокий часовой. Кинжал, вылетевший из темноты, пресёк эту борьбу.

На верхних этажах тоже не толпился народ. В общем и целом, в здании находилось пять человек, из которых четверо спали, причём один из них даже раздетым и в постели. Его тихо скрутили; потом выяснилось, что это был пожилой и заслуженный каваллиер Деррек, оставленный дукой Тарессом руководить гарнизоном. Руководил он, может, и толково, только сил у него по причине преклонного возраста — много за семьдесят — было немного, и он не смог справиться с желанием выспаться после одного напряжённого дня и перед другим таким же.

Дорант распорядился закрыть и завалить чем-нибудь тяжёлым входы в цитадель, направил двоих людей Зарьяла открывать ворота крепости, а сам с остальными поднялся на плоскую крышу, откуда все куртины были видны как на ладони — и прекрасно простреливались.

В первую очередь, разумеется, прикрыли тех, кто пошёл отворять въездные ворота. Тяжёлые створки пошли в стороны с ожидаемым громким скрипом, на который сразу же побежали с

других куртин и бастионов немногочисленные их защитники. Побежали — и стали падать один за другим под выстрелами с крыши цитадели, вслед за чем попрятались кто где.

Открыв ворота, люди Зарьяла замахали факелами, подавая знак конным гаррани. Те рванули с места в карьер, за считанные минуты проскочив по накатанной дороге открытое пространство от опушки леса до ворот. Жидкий залп из то ли двух, то ли трёх стволов, который успели дать из бойниц куртины, примыкавшей к воротам, оказался безрезультатным. Привести в действие орудия надвратной башни, как потом выяснилось, было просто некому: там успел порезвиться альв.

Ворвавшаяся в крепость сотня гаррани сразу разделилась, обходя цитадель с двух сторон, благо широкая мостовая между стенами и цитаделью позволяла двигаться на полном скаку. По пути гаррани хорошо посыпали картечью из пиштолей всё, что заметили шевелящимся.

Буквально через четверть часа сопротивляться было уже некому: командир гарнизона лежал в своей постели, тщательно к ней примотанный, с кляпом во рту, и мог только бешено вращать глазами; все, кто в гарнизоне пытались сопротивляться, были перебиты, а два с небольшим десятка оставшихся в живых благодаря своему благоразумию — или трусости — пленены.

Дорант спустился во двор, чувствуя, что с каждым шагом его всё сильнее придавливает усталость. Ему подвели коня. Он взгромоздился в седло, подождал Зарьяла, и они шагом двинулись в сторону лагеря — преподносить Его Императорскому Величеству взятую на меч могучую крепость Сайтелер.

Дорант подумал:

— Теперь нашу вчерашнюю битву точно будут называть "битвой при Сайтелере". Вот если бы Сайтелер пришлось брать долгим кровавым штурмом — ей бы придумали для истории другое название, а скорее всего — она вообще бы в истории упоминалась вскользь, как событие неважное и незначительное.

2

Забавный эпизод с мальчишкой, объявившим себя братом благородного разбойника, внезапно возымел неожиданные последствия.

В полутора днях пути от Фианго, аккуратно пропустив десяток гаррани, шедший передовым дозором, почти что перед самим Императором со свитой, по причине пыли выступавшими на самом челе колонны, выскочил вдруг из придорожного

кустарника пеший незнакомец и встал посреди дороги, выставив руки перед собой ладонями вверх, чтобы показать, что не держит в них оружия.

Был он одет как воин (скорее как боевой слуга, чем как дворянин) и увешан разнообразным острым и стреляющим железом. Впрочем, никакой опасностью от него не веяло: держался напоказ мирно.

Дорант и Калле привычно прикрыли Его Величество. Колонна остановилась шагах в десяти от незнакомца.

Тот медленным, плавным движением снял шляпу:

— Господа, могу ли я увидеть нашего Императора, чтобы принести ему клятву верности и предложить службу за себя и за моих людей?

Его Величество тронул коня и двинулся вперед; Дорант и Калле вынуждены были посторониться, пропуская. Впрочем, верная четырёхстволка Доранта была недвусмысленно направлена на незнакомца:

— Преклонитесь перед Его Императорским Величеством Йоррином Седьмым и представьтесь!

Ответ едва не заставил Доранта заржать:

— Меня зовут Сину Папалазо, ваше императорское величество!

Легендарный благородный разбойник плавно опустился на одно колено, держа при этом голову высоко и гордо. На вид было ему лет тридцать, длинные каштановые волосы были забраны в сетку и завязаны узлом на затылке, бритое лицо без усов и бороды выражало решительность.

— Наглый и смелый, — подумал Дорант. — Далеко пойдёт, если ещё и умный.

Разбойник склонил, наконец, голову перед Императором, потом поднял её снова и чётко, громко произнёс полностью некороткий и непростой текст полной клятвы верности Императору, добавив к ней:

— … И отдаю тебе своё сердце и свою кровь, и сердца и кровь всех своих людей!

— Умеет говорить, — подумал Дорант, поняв, что разбойник этими словами попросил у Императора вассалитет для себя и своей команды, — точно далеко пойдёт.

— Сколько у тебя тех людей? — Спросил Император, подъезжая поближе.

Дорант тоже приблизился, не опуская четырёхстволку.

— Моих людей, что ждут сейчас в тех кустах, сорок восемь. И ещё я могу собрать за три дня до тысячи тех, кто был и будет мне предан за то, что я сделал для них.

Дорант едва не присвистнул, озираясь. Почти полсотни вооруженных людей в непосредственной близости от Императора, с непонятным командиром и не совсем понятными намерениями! Он подъехал к Императору вплотную, прикрывая его собою справа; слева то же сделал и Калле, даже до того, как Дорант успел подать ему сигнал.

Сину Папалазо, не вставая с колена, свистнул по-особому. В ответ из кустарника показались его люди — неплохо одетые и хорошо вооружённые. Они нарочито медленно выходили на дорогу, держа руки перед собой ладонями вперед, как раньше их предводитель.

— Признаёте ли вы клятву, которую дал за вас сей Сину Папалазо? — Выкрикнул Дорант, когда по обеим сторонам дороги выстроились эти бойцы.

В ответ ему раздался нестройный хор голосов:

— Признаём! Признаём!

Император подъехал к предводителю разбойников почти вплотную и вдруг стремительным движением выдернул полуторный бастард, висевший справа перед седлом. С грозным свистом оружие описало сверкающую кривую, которая закончилась хлопком по правому плечу коленопреклонённого:

— Благородный Сину Папалазо, первый этого рода, я принимаю твою службу, твоё сердце и твою кровь за тебя и за твоих людей! Служи верно, служи крепко и не посрами свой род и своего сюзерена! И знай, что ты, твой род и твои люди под защитой и покровительством Империи и Императора!

Дорант в который раз поразился тому, как же хорошо учили и воспитывали детей покойного Императора. Старинные слова, которыми по традиции Император возводил во дворянство, прозвучали естественно, будто Йоррин Седьмой их только что извлёк из своей души. И неспроста очень непростые разбойники Сину Папалазо тут же грохнули дружным кличем "Харра!", с которым древние предки имперцев, пришедшие из далёких восточных степей, кидались на превосходящие силы врага и побеждали. И неспроста те из спутников Императора, кто стоял ближе и мог наблюдать всю сцену, чувствовали слёзы умиления на глазах и восторг в сердце…

Бывшего разбойника представили Доранту, как главнокомандующему (он уже перестал морщиться при этом слове) и прочим ближникам Императора. Его команду построили и влили в колонну, только пришлось подождать, пока они подведут своих коней — их прятали в недальнем овраге.

И движение к побережью продолжилось.

3

От Сайтелера до Фианго можно было, в принципе, добраться по воде: из Сайтелерского озера вытекала полноводная Маррана, устье которой выходило в океан примерно на трети пути от Фианго до Акебара. Беда только в том, что река эта шла вначале на юг, то есть почти в противоположную от Фианго сторону, огибая южный отрог Хаганского хребта. Из-за этого путь по воде выходил едва ли не на неделю дольше, чем сушей. К тому же в нижнем течении из-за огромного количества ила, которое несли мутные воды Марраны, она сильно мелела и становилась почти несудоходной: плавать по ней можно было лишь на плоскодонных прамах. Их, правда, было там огромное множество, так как по берегам реки располагались обширные плантации чокло. Его разведением славились ещё до Империи воинственные аламоки.

Как раз чокло и возили в Империю из Фианго корабли кумпанства, в котором была доля у Доранта. Поэтому в порт постоянно заходили то один, то другой из кумпанских кораблей, а сейчас, воспользовавшись голубями, Дорант вытащил туда два из тех трех, которые были выстроены и снабжены на его личные средства. Давние коммерческие связи с Фианго как раз и давали Доранту уверенность в том, что брать порт на меч не придётся.

Правда, для этого надо было ему появиться там лично, поэтому примерно в половине дня пути до порта Дорант прихватил с собой Калле, гильдмайстера Ронде, имевшего в Фианго свои дела, десяток конных гаррани, объяснился перед Императором и двинулся вперёд быстрым маршем.

Переговоры с наместником Фианго не заняли много времени: больше всего ушло на рассказ о подробностях битвы при Сайтелере и взятия самой крепости. У каваллиера Гасетта не было никаких причин ссориться с Дорантом и его кумпанством, делавшим треть доходов города (и половину доходов самого каваллиера), в отсутствие поблизости сколько-нибудь сильных войск вице-короля.

Тем более, что Дорант скромно умолчал о своих потерях, но весьма красочно расписал присоединившиеся к Императору силы Сину Папалазо, хорошо известного в этих местах.

Так что Императора в широко открытых воротах города ждала торжественная встреча: разодетый в лучшее каваллиер Гасетт, его гуасил со всеми восемью сотнями городской стражи и гарнизона в начищенных кирасах, и, разумеется, Дорант с гильдмайстером Флоаном Ронде, он же министр торговли и финансов, оба некстати в походной одежде.

Вместе с ними Императора встречали капитаны обоих

дорантовых кораблей, а немного в стороне — кучка вычурно и странно одетых гальвийцев, смотревших, впрочем, по сторонам довольно высокомерно.

Гальвийцев привёл гильдмайстер, отделившийся от Доранта сразу же, как только их малый отряд въехал в город.

Уже ставшая привычной церемония принесения присяги Императору отняла не больше времени, чем обычно. Затем солдат распустили, пообещав к ужину хорошую порцию вина от щедрот Его Величества (оплаченную из сайтелерской добычи, между прочим), а знать во главе с Императором пригласили в местный Дом приёмов, где были уже накрыты столы.

Размещением пришедшего с Императором войска и пленных занялись люди наместника.

В Доме приёмов пришлось терпеть обычный церемониал взаимных представлений, поскольку при въезде в город Императору представлены были только наместник и гуасил, с которых положена была присяга. Теперь они по очереди называли Императору городскую знать, причём каждый выходил вперед, кланялся, клялся и тому подобное. Знати, не в пример Кармону, было за сотню человек, и к концу церемонии Император уже с трудом сдерживал нетерпение.

Наконец, городские кончились, и настала очередь Доранта показать Его Величеству своих капитанов.

— Ваше величество, разрешите вам представить ньора Иллара Ходэуса. Сей ньор происходит из благородного, древнего аллирийского рода. Его отец поступил на морскую службу вашего батюшки тридцать лет назад, командовал кораблём и участвовал в несчастном деле при Уллате, когда маркомес Грассиардос погубил войско и себя, приказав атаковать морскую крепость в лоб без разведки.

Дорант терпеть не мог сановных идиотов, берущихся командовать войсками, а тут ещё добавилось личное: двое его дядьёв пали в этой битве, без славы и почёта, под ядрами и картечью неподавленных фортов.

— Отец Иллара потерял в той битве ногу и глаз, но был в числе командиров тех пяти кораблей, которые высадили остатки десанта на пристани Уллата. За то ваш батюшка пожаловал ему имение и пенсион, а Керрар Ходэус обратил их в два корабля, коими начал торговать с Заморской Маркой. Мы с ним и ещё двумя достойными людьми составили кумпанство, кое располагает ныне семью кораблями, и Иллар Ходэус сей флотилией командует. Ныне флагманом у него мой личный корабль "Прекрасная Саррия", в честь супруги моей именованный, самый крупный из всех, в кумпанстве используемых.

Император любезно поприветствовал Ходэуса, впрочем, не обратив на него особого внимания. Его куда больше интересовали гальвийцы, приведённые гильдмайстером Ронде.

Дорант, между тем, сделал знак второму капитану:

— Каваллиер Сентар Содер, ваше величество, заслуженный воин, много послуживший Империи. Вышел в отставку после сокращения военного флота, когда ваш батюшка изволил завершить победою войну с мальберерскими пиратами. Участвовал в битве при Телламине, командуя сорокапушечным "Имперским Соколом". Взял на абордаж галеру мальберерского бана и привёз его в столицу пленного, за что получил каваллиерство.

Император тут будто проснулся:

— Позвольте, как же случилось, что столь заслуженный и ещё не старый каваллиер ушёл с военной службы?

Содер, получив молчаливое одобрение Доранта, объяснил:

— Ваше величество, я человек небогатый, четвертый сын в семье. Ваш батюшка при сокращении флота повелел, чтобы капитаны, кои хотят остаться на службе, вновь покупали бы себе патенты. Мне негде было взять денег, так как полученную за битву при Телламине награду пришлось мне потратить на приданое моей младшей сестре. Я нанялся на торговый корабль шкипером, но по дороге в Акебар корабль сей потрёпан был штормом сверх возможности восстановления, мы едва дошли до порта. Хозяин корабля его продал на слом, и я оказался на берегу, где и познакомился с каваллиером… кхм… извините… комесом Агуиры, который назначил меня на свой новый корабль капитаном.

— Каваллиер Содер командует у меня кораблём "Прекрасная Лони". Это самый новый из кораблей кумпанства и самый быстрый.

Император доброжелательно кивнул и снова потерял интерес к людям Доранта, переключившись на гальвийцев. Гильдмайстер понял, что настал его черёд, и подтолкнул их поближе к середине зала:

— Ваше императорское величество, разрешите мне рекомендовать вам представителей Всеобщей торговой компании и короля Гальвии Эктоберга Третьего, приплывших на четырёх прекраснейших и мощных боевых кораблях специально для того, чтобы оказать вашему величеству всяческое содействие в восстановлении справедливости и обретении принадлежащей вашему величеству законной короны Империи. Граб элс Штесшенжей, — самый расфуфыренный из гальвийцев учтиво поклонился, — визенграб элс Зейсшенсен, — ещё один учтивый

поклон, — стаунлафер элс Жерресшерзер. — Последний из представленных гальвийцев был одет почти по-человечески, без многочисленных бантиков, торчащих изо всех швов.

Дорант мысленно перевёл: граб — комес, визенграб — между комесом и обычным дворянином, стаунлафер — просто дворянин. "Элс" значило всего-навсего "из" и говорило о принадлежности дворян к семье, происходящей из конкретного владения, или же о правах данного дворянина на конкретное владение: у гальвийцев с этим было не меньше путаницы, чем у имперского благородного сословия.

Имена представителей Всеобщей торговой компании комес Агуиры даже не попытался запомнить, поскольку были они явно южногальвийские, а там язык, и так непростой, осложнялся множеством шипящих, заимствованных из языка завоёванных когда-то ульшиатов, чью знать гальвийцы после завоевания приравняли к своей. Южная Гальвия была самой богатой частью страны, производила оружие и высококачественные ткани, строила многочисленные корабли, беспощадно истребляя когда-то сплошные дубовые леса, и умела эти корабли использовать. Оттого её знать была близка к трону, ибо короли Гальвии ценили богатство едва ли не больше, чем благородство.

Может быть, они были правы.

Граб элс Штес… в общем, какая разница? — вышел вперед, расшаркался правой ногой так, будто хотел нарисовать носком сапога карту Гальвии, и зашипел что-то длинное на южногальвийском диалекте. Дорант, которого учили в юности языку врага, успел его хорошо забыть — но и без этого понимал бы с третьего слова на пятое, потому что учили его классическому среднегальвийскому, а эти, с кашей во рту, говорили вовсе не так, как ему было знакомо. Но на сей случай был гильдмайстер Ронде, который привёл это змеиное кубло:

— Ваше императорское величество, граб элс Штесшенжей свидетельствует вам своё величайшее почтение и нижайше просит от лица Всеобщей торговой компании и лично его величества короля Эктоберга принять скромную помощь в составе четырех сорокапушечных кораблей с экипажами и полутора тысяч воинов, как знак поддержки законных интересов законного Императора и стремления к взаимовыгодному взаимодействию.

Вот ведь как умеют завернуть! На самом деле, говоря простыми словами, юноше, имеющему даже здесь, в Заморской Марке, чисто символическую поддержку нескольких не самых важных городов, предлагали корабли и войско — явно имея в виду, что за них придётся рассчитываться, причём не разовым платежом, а долгосрочными уступками…

Император благосклонно кивнул, встретился взглядом с Дорантом, потом с гильдмайстером, кивнул ещё раз и произнёс:

— Доблестный граб элс Штесшенжей! Мы благодарим Всеобщую торговую компанию, его величество короля Эктоберга и лично вас за любезное предложение помощи в восстановлении наших законных прав. Вопрос сей, однако, требует серьёзного обсуждения, для коего я вас и ваших людей приглашаю присоединиться ко мне и моим министрам, как только это станет удобно, по окончании сего приёма. Соблаговолите присутствовать здесь до его окончания и дождаться соответствующего приглашения.

Дальше последовали ещё представления, но местная знать Императора не заинтересовала вовсе. Он был вежлив, доброжелателен, но явно скучал.

4

Когда утомительный приём, наконец, закончился, Император (которому по-прежнему больно было наступать на правую ногу), опершись на плечо неизбежного Нери, тяжело поднялся и, прихрамывая, перешёл в отдельный кабинет, отведённый ему заранее гостеприимным наместником.

Туда, не ожидая приглашения, проследовали за ним Дорант, гильдмайстер Ронде, наместник Гасетт и каваллиер Горжи. Последних деликатно выдворили, отправив по каким-то надуманным, но весьма правдоподобным и срочным поручениям. Дорант в очередной раз поразился тому, сколько всего умеет юный Император.

Наконец, в кабинет завели гальвийцев. По этикету в помещении сидел только Его Величество, что Дорант счёл очень мудрым, ибо в ногах правды нет, и отстоявшие уже несколько часов на приёме гальвийцы устали и должны быть более покладистыми. Сам он тоже не был свеж, но ему-то переговоры не надо было вести. Он незаметно облокотился о дубовую консоль и приготовился внимать.

Внимать оказалось особо нечему. Основные условия, которые интересовали гальвийцев (и от которых, как они ясно дали понять, зависела их поддержка нового Императора) были уже от гильдмайстера известны: прямой доступ к товарам Заморской Марки (на что Император, сделав недовольную мину, как бы со скрипом согласился), возможность для гальвийцев участвовать в колонизации Заморской Марки (что было мягко отвергнуто под предлогом необходимости сначала взять власть в этой самой

Марке). Взамен второго пункта Император предложил включать корабли гальвийцев в свои конвои, что вызвало бурный обмен выразительными взглядами между членами гальвийской делегации и было в конце концов благожелательно принято.

Сюрпризом оказалось требование доступа к железным рудникам Империи, "буде Император достигнет удовлетворения своих законных требований и прострёт руку свою над той частию Империи, коя в Старом Свете размещается". Гальвийцы, впрочем, ничего особо наглого не просили: их интересовали неограниченные закупки железной руды без заградительных пошлин, и только. Дорант аж проснулся, потому что вообще ничего не понял. Это требование, на котором гальвийцы настаивали чуть ли не с ножом у горла, было ему в принципе непонятно: Гальвия свободно покупала у Империи сталь и стальные изделия (ну да, через десять лет после окончания очередной войны), зачем им сырая руда, которая, в пересчёте на изделия, получалась для них дороже?

Император же явно понимал, в чём тут дело, и полез в дебри, которые Доранта оставили вовсе в недоумении. Когда он с сожалением понял, что окончательно потерял нить, переговоры вдруг завершились ко всеобщему удовольствию, судя по сияющим рожам гальвийцев и скупой улыбке Императора.

Когда чужаки ушли, Дорант не преминул крайне вежливо и формально поинтересоваться у Императора результатами переговоров, под предлогом того, что ему надо знать: рассчитывать на корабли и десант гальвийцев или нет?

Император повелел всем, кроме Доранта, покинуть помещение. Гильдмайстер прожёг в комесе Агуиры огромную дыру взглядом, но вышел вместе со всеми.

— Дорант, ты не представляешь себе, чего мы добились! — Заявил Его Величество, возбуждённый едва ли до неприличности. — Они уступили по вопросу доступа к колонизации Марки, когда я согласился на закупки железной руды!

— Йорре, — с трудом выговорил Дорант, которого до сих пор раздражали претензии Императора на неформальные отношения, — объясните мне, пожалуйста, для каких подземных червей нужна им наша руда?

— Дорант, ты просто не учился у Сетруоса. Он очень подробно рассказывал мне, чем живёт Империя. Наша железная руда, которую копают в Илконских горах на севере, содержит примеси, дающие ей уникальные, поразительные свойства. Ты знаешь, например, что только из нашей руды можно делать пружины для замков пиштолей? Сталь из другой руды ломается,

когда пружину закручивают десяток раз. А из нашей — остаётся целой, сколько её ни крути. И клинки из нашей руды получаются упругими и прочными, они перерубают мягкое железо, которое получают из своей руды гальвийцы.

— Так что же, мы будем отдавать им нашу руду, чтобы они делали оружие не хуже нашего? — Возмутился Дорант.

— А пусть себе покупают. Они не знают, что не вся имперская руда имеет одинаковые свойства. Мы будем гнать в Гальвию руду из южных болот, она там содержит больше железа, чем горная с севера, но не имеет нужных примесей. Пока гальвийцы сообразят, что к чему, они уже успеют нам помочь кораблями и людьми. Главное — кораблями! Вот ты знаешь, Дорант, сколько всего кораблей может выставить Заморская Марка?

Дорант обескураженно промолчал. Он никогда не думал о Заморской Марке в целом. Его интересовали свои собственные дела — а Император, при своём малолетстве, имел достаточно образования, чтобы рассуждать о делах Империи и отдельных её частей.

— Государственный ум, — подумал Дорант, — из него может действительно выйти хороший Император.

И тут Его Величество Доранта разочаровал:

— Всего чуть больше, чем три десятка! — Заявил он безапелляционно.

Дорант же точно знал, что только у тех людей, с которыми он был знаком лично, кораблей намного больше.

— Да простит меня его величество, — Император сморщился, будто разжевал кислейший зелёный плод лиммы, — но на самом деле Марка располагает куда более многочисленным флотом, чем вы обозначили. Только тех кораблей, кои находятся в её портах одномоментно — более пяти десятков, а если дождаться прибытия кораблей, принадлежащих здешним судовладельцам, плывущих сейчас в океане или же находящихся в Империи — то будет их около сотни.

— Как такое может быть, комес? — Спросил Император, судя по титулованию Доранта, им недовольный. — Мне даже не Сетруос это рассказывал — Светлейший дука Санъер отцу моему докладывал об этом.

— Да простит меня ещё раз его величество, — снова вызвал Дорант гримасу у Йорре, — но люди, зарабатывающие на перевозке грузов из Марки в Империю и из Империи в Марку, не все свои корабли регистрируют в портовых книгах как коммерческие корабли Марки. Из тех, что зарегистрированы в Империи — многие на самом деле имеют хозяевами здешних граждан, причём в основном из высшей знати. И особенно из

высшей знати Заморской Марки. Здесь, в Марке, слишком высокие налоги на судовладельцев.

— Так и ты тоже их не платишь?

— Я как раз плачу. Плачу и плАчу. Но мне и моим кумпанионам нельзя подставляться, мы люди мелкие. Это вот родня вице-короля, как покойный дука Таресс, другие вельможи со связями в имперской столице могут, их никто не тронет, если что. А нас — сметут, дай только повод. И мы платим почти вдвое против того, что платят люди дома Аттоу или дружки вице-короля. У его зятя шесть кораблей ходят сюда три раза в год, и все занесены в книги имперского флота в Марриде. А ещё многие под аллирийским флагом ходят, аллирийцы за небольшие деньги кого угодно в свои книги внесут, лишь бы капитан был из тамошних, или шкипер. Один раз заплатил — и больше ни о чём не думай, хоть это и не разрешено по закону. И никого это не волнует, ни здесь, ни в Империи.

— Что же твоя "Прекрасная Саррия" не под аллирийским флагом, у тебя же капитан аллириец?

— Не хочу я втёмную дела вести, случись что — за меня вступиться некому, род мой в Империи давно уж не близко к трону стоит.

— Так бывший комес Агуиры родня тебе — ведь он был близок к трону?

— Да мы не близки к нему. Его прабабка была сестрой нашей прабабки. Он про родство и не вспомнит, если что.

У Доранта из высшей знати в роду был только покойный архипастырь Уорский. Ближе сержанта компаниды личной охраны Её величества, дядюшки Доранта со стороны матери, к трону и не подходил никто. Во дворце бывали, и покойному Императору лично службы разные оказывали, но связей крепких на самом верху не было у дома из Регны после смерти деда Доранта, и к вельможам ближние родственники его не относились.

5

Выйти в море удалось только через день, и это было ещё быстро: Доранту и гильдмайстеру пришлось подгонять и настаивать, поскольку общее настроение было — отдохнуть в удобных домах гостеприимных жителей Фианго.

Тем не менее, провозившись сильно за полдень, всё-таки погрузились на корабли и пошли из порта.

На шканцах "Прекрасной Саррии" было тесно: как всегда в

последнее время, вокруг Императора столпились желающие быть поближе к власти.

Корабль, выведенный баркасами за мол, расправил паруса. Ну, не сам, естественно, расправил: полсотни моряков, стремглав забравшихся по вантам на реи, пыхтя, развернули жёсткую парусину; другие три десятка на палубе потянули за многочисленные канаты — и мачты окутались бледно-кремовыми облаками, вначале обвисшими, как груди старухи, но постепенно набирающими объем и упругость.

Под их давлением корабль слегка накренился и двинулся вперед, хлопаясь носом или бортами — кто их разберет — о невысокие волны, и поскрипывая деревом.

Дорант оглядел горизонт впереди и увидел нечто, заставившее его вытащить из портупеи и приложить к глазу верную подзорную трубу.

На самом горизонте, медленно всплывая над ним, тёмными зазубринами виднелись треугольные паруса.

Много парусов.

Очень много парусов: они простирались на всю правую половину горизонта.

Дорант лишь раздражённо дёрнул щекой, когда кто-то спросил его, что он там видит. Но через пару минут, отняв от глаза трубу и повернувшись к Императору, сказал:

— Ваше императорское величество, соблаговолите немедленно уволить меня с должности главнокомандующего, ибо я для неё непригоден. Я должен был это предвидеть.

— Что случилось? — Спросил Император, не дав Доранту продолжить.

— Там, впереди, галерный флот Марки, едва ли не в полном составе, — ответил Дорант. — Я должен был учесть, что вице-король не дурак. Он сообразил, что мы пойдём в Акебар морем, и понял или узнал от шпионов, откуда пойдём. Если они перекроют нам путь — придётся возвращаться в Фианго, а это конец всей кампании. Нас там просто запрут, и этим всё кончится. С суши Фианго отрезать несложно, если вице-король везёт достаточно пехоты. А мы ещё не все корабли вывели из порта.

Треугольные паруса меж тем всё прибавлялись; Дорант снова поднял подзорную трубу:

— …Десять… двенадцать… шестнадцать… восемнадцать. Восемнадцать галер, ваше величество. Это весь акебарский галерный флот, который сейчас на плаву. Вице-король не стал брать корабли — для скорости, в это время года ветры не благоприятствуют плаванию в северном направлении. Галерам же, с косыми парусами и при наличии вёсел, ветер не большая

помеха.

Вслед за "Прекрасной Саррией" из порта вышли меж тем уже оба корабля кумпанства; баркасы вытягивали сейчас первый из гальвийских галеотов. Лёгкий ветер, дующий вдоль берега, разворачивал и надувал поставленные паруса.

Галеры медленно приближались. Уже были видны их чёрные низкие корпуса, по одному поворачивающиеся в сторону Фианго. То одна, то другая принимались сворачивать паруса и убирать мачты. По бортам веером раскрывались вёсла, начиная затем ритмично опускаться и подниматься. Галеры при этом заметно ускорились.

— Главное, к ним под куршейные пушки не попасть. — Сказал Зарьял, странно выглядящий с синяками вокруг обоих глаз и свернутым на сторону носом — не повезло ему в битве при Сайтелере.

— Под какие?

— Куршейные. У галеры пушки только вперед смотрят. Самая большая в середине, по обоим бокам от нее еще по одной или по две. Большая и называется куршейной. Она на иной галере почти как осадная может быть, такая же здоровущая дура. Если в борт попадёт — сразу проломит. Зато наводить их трудно, приходится всей галерой крутиться. Эх, только бы ветер посвежел, тогда прорвёмся… может быть, коли боги пособят.

— А не посвежеет?

— А не посвежеет, они нас прижмут. Им на вёслах поворачиваться-то легче. Когда ветер тихий, корабль вообще не развернёшь по-быстрому; в бою, бывает, приходится шлюпки спускать да ворочать корабли бортом к врагу на буксире. А им хоть бы что: и развернутся как надо, и вплотную подойдут для абордажа. А у них там одних солдат три-четыре сотни, вон, головы над бортом, как икра в селёдке. Да если ещё на вёслах вольные — считай, дюжина гребцов на каждый ряд, а рядов где двадцать пять, а где и тридцать два. И все бугаи здоровенные, на весле дохляк какой и даже просто обычный мужик не выживет.

— Я слышал, что на галерах только каторжники гребут? — Спросил Император.

— Это где как, ваше величие. — Зарьял так и не мог запомнить правильное титулование Императора, но на это никто уже давно не обращал внимания. — Синтарцы — те да, свободных на вёсла не сажают, это позор у них на всю жизнь. Гальвийцы на военном флоте тоже каторжниками обходятся, ну да там у них на флоте галер мало. А вот те галеры, которые не королевские — они у гальвийцев могут и вольных гребцов иметь, особенно ежели от короля патент получили вражеские корабли в море

перехватывать. У Империи и так, и так бывает. В Марке больше каторжных, их сюда специально шлют, а за океаном чаще как раз вольные. Там у крестьян земли мало, жрать (извините за грубое слово) вовсе нечего бывает. Особенно если семья большая. Так они младших сыновей гонят кого в солдаты, кого на корабли: там хоть кормят вволю. Гребцам, кстати, больше всех достаётся: работа тяжкая, а если гребец голодный — галера, глядишь, врага не догонит или наоборот, не убежит. Еда простая, конечно, сухари да отвар из телячьих костей или солонины, да вина красного с водой намешают. Так в деревне и того не каждый день поешь. Ну, здесь, в Марке, конечно, крестьянину куда как легче жить, земли свободной много, да и родит она тут лучше, чем в старых странах. Оттого в Марке если кто вольный в гребцы идёт, так значит, совсем себя потерял. А их немного, таких-то, да и по большей части в гребцы они не годятся: народишко хилый от пьянства или от болезней. Так что на этих галерах, скорей всего, прикованные — разве что вице-король распорядился солдатиков туда посажать. Ну да это вряд ли: коли гребец не обучен да не приучен, от него толку мало, даже если богатырь природный.

Император поднял вопросительный взгляд на Ходэуса; тот кивнул, подтверждая, и добавил:

— У нас есть преимущество при абордаже: борта высокие, и галере бортом к нам встать неудобно из-за вёсел, будут носом подходить и мостик перебрасывать. И против их трёх-пяти пушек будет весь наш борт. Если подпустить вплотную и обстрелять картечью — авангард абордажников сшибём, да и остальным достанется. А там вся надежда на ваших воинов, их стволы и мечи. У меня команда небольшая, корабль всё-таки торговый.

Дорант подумал, что на восемнадцати галерах может быть, при полной загрузке, от пяти с половиной до семи с половиной тысяч солдат. На своих шести кораблях сторонники молодого Императора везли сейчас тысячу гальвийцев и тысячу своих, больше не поместилось. По три сотни на корабль, чуть больше. Один на один — есть шанс на удачу; если две галеры навалятся — вряд ли, количеством задавят. Так что — действовать надо, как Ходэус говорит.

Впрочем, ему и командовать.

— Иллар, — обратился он к Ходэусу, — я тебя правильно понял, что надо заряд пороха уменьшить, а картечи — удвоить?

Тот с удивлением посмотрел на Доранта: ничего подобного он не имел в виду. Но, подумав, кивнул.

— Ты сможешь дать сигнал остальным кораблям, чтобы сделали так же?

И снова Ходэус задумался, и снова кивнул:

— Смогу, конечно. Я гальвийские сигналы знаю.

Дорант, которому, честно говоря, и в голову не пришло, что у гальвийцев сигналы могут отличаться от имперских, вздохнул с облегчением и добавил:

— Не забудь скомандовать, чтобы стреляли из пушек, когда из пиштоли попасть уже можно.

Помянутые же гальвийцы, между тем, выползли уже из гавани за волнолом и тоже разворачивали паруса.

Ходэус подозвал кого-то из экипажа, и вскоре на бизань-мачте гирляндой заплескались, расправляясь под ветерком, яркие флажки.

notes

Примечания

1

Аиллоу - поселок альвов (так зовут их люди; их самоназвание - аиллуэ).

2

Алларэ - площадь посреди аиллоу, где растет Великое Древо и стоят Большой ааи и столб пыток. На алларэ проводят весь день свободные от занятий воины и старшие женщины, вырастившие детей и закончившие рожать. Там обсуждают события, делятся новостями, решают споры, состязаются в умениях, а также пытают пленных.

3

Ааи - дом. Большой ааи - официальная, парадная резиденция вождя клана аиллуэ.

4

Аиллуа - женщина, обычно жена воина-аиллуо.

5

Круглоухие - так альвы называют людей. Многокожими они зовут пришельцев из Старого Света, которые ходят в одежде, покрывающей всё тело.

6

Уолле - ребенок или подросток-альв мужского пола, не имеющий имени. Первое имя воин-аиллуо получает от Великого Вождя после того, как убьет один на один опасного хищника, обычно горного льва, медведя или волка. Он должен сделать это в поединке, а не из засады, и должен получить ранение. Впоследствии имя аиллуо могут поменять, если он совершит великий подвиг - или же серьезное нарушение обычаев, не влекующее за собой смертный приговор. Лишение имени - самое страшное наказание для воина аиллуо, смерть и то легче.

7

Каваллиер — отличие, почётное звание для дворянина, присваивается за заслуги. Даёт право на небольшой пенсион пожизненно, а также на освобождение земельной собственности и недвижимости от налогов. Вообще в Империи довольно сложная система землевладения и связанных с ней дворянских званий, о чём будет подробно сказано в своё время.

8

Пиштоль — короткоствольное огнестрельное оружие. Ну как короткоствольное — ствол длиной в руку, несильно отогнутая вниз рукоять, завершённая довольно увесистой медной блямбой: после выстрела можно использовать пиштоль как булаву. Замок колесцовый. Вообще у местного огнестрела колесцовый замок обычен: в этом мире благодаря особенностям руды широко распространены хорошие пружинные стали. Да и стволы получаются лучше и легче, чем в земной истории.

9

Хайва — настой на местных травах, имеет тонизирующее действие.

10

Аллэ — копье, основное оружие воина-аиллуо. Длиной примерно по подбородок воина, треть длины занимает листовидный наконечник. Впрочем, аллэ представляет собой единое целое: это побег особого кустарника ууралы, который, после обработки магией вместе с завершающим его листом (что можно сделать только в определенном возрасте растения), приобретает твердость, превосходящую твердость рога или кости и сравнимую с твердостью доброго железа: лист царапает бронзу! При этом аллэ сохраняет легкость, упругость и гибкость дерева.

11

Оллааy — загон для пленных, нечто вроде клетки, образуемой стволами растения (род бамбука), выращиваемыми почти вплотную друг к другу по периметру. Обычно находится близко к алларэ — главной площади аиллоу, на которой растет Великое Древо клана и стоит Большой ааи.

12

Иррациональная воинственность альвов имеет глубокий смысл. Альвиан, конечно, обилен на плоды и съедобные растения, но собирательство не может дать достаточно пищи для большого количества едоков. Кроме того, чтобы прокормить население одного аиллоу, нужна большая территория, так как съедобное произрастает не на каждом шагу. Постоянная межклановая резня обуславливает большие расстояния между аиллоу, что поддерживает нагрузку на биоценоз на приемлемом уровне.

13

Братство Странноприимцев — один из религиозно-военных орденов Старого Света. Всего их три: Странноприимцы под покровительством Подателя, Воины Света под покровительством Разрушителя и паладины Матери Богов, понятно под чьим. О религии см. дальше. Братья орденов зовутся "армано", что значит "брат" на фиразском. Ордена в разной степени распространены в разных странах; в Империи наиболее влиятельны Странноприимцы, традиционно поддерживаемые маркомесами и Императором. Братья всех трех орденов дают обеты безбрачия и бессребреничества, что не мешает некоторым из них злоупотреблять украшениями на своем оружии.

14

Фила — местное отделение одного из Братств. Обычно образуется в тех местах, где у Братства есть земля и недвижимое имущество в количестве, достаточном, чтобы снабжать всем необходимым хотя бы десяток армано.

15

Коммандар — глава коммандарии Братства, как сказали бы сейчас — районного отделения. В ведении коммандарии находится не менее двух фил. Коммандария в Эльхиве насчитывает, кажется, четыре, что для Заморской Марки немало.

16

Морион — шлем с продольным гребнем и выступающими вверх узкими бортами.

17

Заморскую Марку возглавляет вице-король, представляющий в ней особу Императора.

18

Компанида — воинская единица, набранная и финансируемая ее командиром (реже — шефом, который назначает ей командира). Соответственно, по численности может быть от полуроты до полка, что не мешает ей иметь собственное знамя и прочие признаки воинской части.

19

Комес — дворянин, распоряжающийся полным доходом с комиты (за вычетом, естественно, имперских налогов, которые он же с комиты собирает). Выше — только дука, который на таких же началах возглавляет область, состоящую из нескольких комит. Комита, впрочем, может быть и совсем маленькой. Есть еще маркомесы, правящие своими марками, которые когда-то были на соответствующих территориях королями — но добровольно вошли в Империю.

20

Олоолои — разновидность железного дерева. Тонет оно в воде, конечно же, будучи сильно насыщено влагой.

21

Аэ — традиционное метательное оружие аиллуэ, которым одинаково владеют и воины, и их жёны. Как и копьё-аллэ, представляет собой обработанный магией конечный участок побега ууаралы.

22

Луа — травянистое растение наподобие тростника, в зависимости от магической обработки может использоваться как гибкая веревка или как довольно жесткий и упругий прут для плетения корзин и прочей утвари.

23

Арраи и лолоу — растения, дающие съедобные мясистые плоды. У лолоу эти плоды особенно богаты белком.

24

Аололи — широколиственное растение наподобие банана, только с несъедобными горькими плодами.

25

Эуллоу — колючий кустарник с длинными шипами; люди зовут его соподель. После обработки магией шипы становятся необычайно твердыми.

26

Пантеон основной имперской религии состоит из четырех богов: Бог-Создатель: создал мир, следит за справедливостью. Покровитель судей и властителей. Ему молятся о спокойном посмертии. Бог-Податель: добрый бог, дает людям блага, удовлетворяет просьбы. Покровитель торговцев, ремесленников, крестьян, землевладельцев. Бог-Разрушитель: покровитель воинов и дворян, помогает побеждать, но не помогает выжить. Мать Богов: покровительница жизни вообще, женщин и детей, помогает при беременности, родах и кормлении. Ей молятся о спасении жизни, о здравии и т. п.

27

Наивному Доранту не пришло в голову, что у чиновника таких писем с подписями и печатями Светлейшего, но без текста, была целая пачка — и при необходимости достаточно было только вписать то, что нужно.

28

Примес — от имперского "кровный", ближайший родственник Императора: обычно сын, но были случаи, когда примесом объявляли племянника. Женский род — примесса.

29

Eссау — подросток, готовящий себя в воины.

30

Это сильное преувеличение. Кольчугу копье альвов не пробивает. От силы — кожаный колет. Другое дело, что альвы мечут копья (и вообще любые предметы) с необычайной для людей меткостью и легко попадают на большом расстоянии в неокольчуженные места.

31

Ирраоли — хвойное дерево, легко загорается и ярко горит благодаря большому количеству эфирных масел в хвое и древесине. Люди почему-то считают, что из-за смолы, хотя как раз смола даёт неровное коптящее пламя.

32

Жолд — солдатское жалованье.

33

Дом приёмов имеется в любом городе, где есть наместник. Это всегда двухэтажное здание, на первом этаже которого располагается довольно просторный зал и, по сторонам его, два небольших, перегороженных барьерами, а на втором — помещения поменьше, одно из которых имеет широкий балкон, нависающий над офисиадой, главной площадью города (не путать с рыночной). Над балконом, на аттике — лепной, иногда раскрашенный, герб Императора. Наместник обращается к населению с балкона — если дело общественное и касается всех, или с возвышения в центре дальней от офисиады стены большого зала — если дело касается местной элиты. В небольших залах с барьерами ведут приём населения чиновники наместника.

34

Мшетта — длинноствольное огнестрельное оружие, может быть со стволом гладким или витым (вроде нарезного, но формируемым ковкой на винтовой оправке). Тяжелое, стрелять приходится с сошек — зато бьет далеко и точно. Почти на три сотни шагов можно попасть в грудь, а не просто в силуэт!

35

Автор пользуется термином "верста", хотя корректнее была бы "миля" — тысяча стандартных шагов имперской пехоты. По странному совпадению, "миля" в этом мире ближе к версте, чем к английской миле: полушаг (одной ногой) составляет чуть больше полуметра, а не 80 см. Видимо, в этом мире средний рост меньше, чем в Римской империи.

36

Сильная рука — естественно, правая.

37

Наарайн — растение, содержащее наркотик, который имеет сильное обезболивающее действие. К сожалению, сопровождаемое галлюцинациями и расстройством мышления.

38

Морроны — народность в Империи, живут торговлей и ростовщичеством. Славятся способностью извлечь прибыль из самой безнадёжной сделки. Вопреки множеству поговорок, вовсе не скупы: моррон способен потратить огромные деньги, если видит возможность получить еще большие.

39

Так в Империи называют то, что у нас зовётся "карельская берёза".

40

Знак Общества Мышеловов — по нашим понятиям орден, что-то вроде Андрея Первозванного или Золотого Руна. По обычаям тех времен, это на самом деле признак принадлежности к организации, как сейчас сказали бы, "с клубным членством", куда принимают с согласия имеющихся участников. Общество Мышеловов организовал прадед нынешнего Императора (отца Йорри), на какой-то пирушке, где были только свои, поспорив, чей кот больше наловит мышей. Через неделю подвели итоги, и Император объявил, что все, у кого коты наловили более десятка мышек, объединяются отныне в Общество Мышеловов. На самом деле он таким образом кого-то приблизил, а кого-то удалил, что и было его целью. Написали статут, который с тех пор мало менялся. По статуту, членом Общества Мышеловов может быть лицо не ниже дуки, принятое на основании консенсуса всеми действующими членами Общества и ежегодно вносящее на его нужды не менее пятидесяти тысяч двойных имперских эльресиев золотом. Членство в Обществе пожизненное, не передаётся по наследству, на место выбывшего должен быть не более чем за три дня избран новый член (что предполагает наличие постоянной очереди желающих). Выбыть член Общества может либо по случаю смерти, либо с согласия всех действующих членов за поступок, порочащий честь, либо при нарушении двух основных правил Общества, касающихся денежного взноса и мышей (см. далее).

Всего членов общества может быть не более двадцати.

Да, и член общества обязан иметь не менее одного кота-мышелова и представлять распорядителю Общества не менее десяти мышей еженедельно, с признаками поимки и умерщвления котом. За этим следят очень внимательно.

41

Дайберы — авантюристы, которые живут тем, что грабят дикарей. Имперцы смотрят на это сквозь пальцы, потому что — кого эти дикари интересуют? Но бывают и сложные случаи, когда власти приходится вмешиваться.

42

Ну не может альв выговорить "алебарда".

43

Ллураа — род скамейки, выращивается из куста, побеги которого уговаривают заплестись так, чтобы было удобно и мягко сидеть. Расплетается самостоятельно через пару часов после использования.

44

Касенда — в метрополии общая столовая, где вечерами собираются мужчины семьи, чтобы за ужином обсудить дела, договориться о том, что делать завтра, да и просто выпить и расслабиться. В Заморской Марке климат более теплый, там обычно устраивают ужин во внутреннем дворе. Важно, что касенда — не пиршественная зала: пиры, носящие формальный, официозный характер, устраивают в другом помещении, которое, как правило, большую часть времени стоит пустым и не используется. Конечно, это касается только знати: даже у "обычных дворян" пиршественная зала — большая редкость и свидетельствует о сверхординарном достатке владельца дома.

Касендой называют также собственно ужин, в котором принимает участие мужская часть семьи.

45

Офисиада — площадь перед домом приёмов (в Кармоне очень небольшая, вмещает человек триста от силы — да в городе чистой публики не намного больше и есть).

Наместник игнорирует титул комеса Агуиры, присвоенный Доранту Императором. Это намеренное оскорбление.

47

Дорант возвращает оскорбление, называя наместника попросту ньором.

48

Месяцы в Империи имеют называния императорских династий. Кстати, текущий — как раз сеамас, в честь нынешней.

49

Маста, не являясь наследником, в отсутствие законного наследника мужского пола может стать Императриссой, однако, в отличие от законного наследника, для этого требуется утверждение неформальным советом Империи, в который входят все маркомесы и главы самых влиятельных родов. Отсюда необходимость задержки коронации на полгода. Примес Йорре, как законный наследник, становится Императором без формальной коронации. Таковую наследник может провести по собственному усмотрению — что обычно и делает, чтобы потрафить народу.

Прокламации, как и иные важные бумаги, доставлялись из метрополии вице-королю, а затем рассылались эстафетой или, при особой срочности, голубиной почтой. Особенности документооборота в Империи приводили к тому, что почти на каждом этапе эстафеты приходилось перебелять (переписывать начисто) присланную бумагу, причём в нескольких экземплярах. При этом неоднократно случались казусы, связанные как с непреднамеренным, так и со вполне корыстным искажением переписываемых документов, о чём все присутствующие прекрасно знали.

51

Алларэу — хитрым образом сплетенная из гибкой и длинной лианы уиллоэ сбруя, на которой в походе развешивают оружие и припасы.

52

Тонелада — бочка емкостью в две тысячи фунтов воды или вина. По весу — без малого тонна на наши меры.

53

Лэллээллэ — род груш.

Арраи — род абрикоса